This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

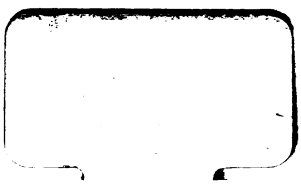
3 2044 021 941 216

Digitized by Google

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

8546. 11

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВТОРОЙ. СЕНТЯБРЬ. 1883 ГОДЪ.

Летучая Библіотека
Михайловская Улица Домъ 2

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Избранникъ сердца. Романъ. Гл. XI—XXVII. *Д. И. Стахъева*. 3

II. Еврейская колонизація на югѣ Россіи и ея результаты. *М. В. Неручева* 65

III. Крикетъ. Романъ *Л. Галеви*. (Окончаніе). 84

IV. Апостолы. Стихотвореніе *Л. И. Пальмина* 124

V. Кошмаръ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Гл. XVI—XXI. *Ю. Г. Завистицкаго* 125

VI. Флоберъ по воспоминаніямъ Максима Дюкана. (Оконч.). 166

VII. Два стихотворенія. *П. Синицкаго*. 195

VIII. Носить съ честью. Романъ *М. С. Б.* Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе). 197

IX. Памяти И. С. Тургенева. Стих. *Александры Линдегренъ*. 264

Современное обозрѣніе.

X. Наши внутреннія дѣла. . 1

Труды комиссіи по пересмотру мѣстнаго управленія.—Организація уѣзднаго и губернскаго управленія; различіе между тѣмъ и другимъ.—Значеніе мѣстнаго управленія въ государственной жизни. — Десятилѣтіе петербургскаго городскаго управленія, какъ характерный примѣръ недостатковъ въ его организаціи. — Желѣзнодорожный вопросъ и приключенія съ вопросомъ объ устройствѣ порта въ Анапѣ и Новороссійскѣ.—Эпизодъ о бековской желѣзнодорожной вѣтви.—Кому и какъ завѣдывать и управлять путями сообщенія?—Еврейскій вопросъ.—Значеніе погромовъ и средства къ устраненію ихъ. — Гражданскій путь къ разрѣшенію еврейскаго вопроса. — Кончина И. С. Тургенева.

XI. Политическая хроника . 26

Современная колоніальная политика Франціи и причины ея. — Тонкинскій вопросъ, тонкинская провинція и исторія сношеній французовъ съ англичанами. — Послѣднія экспедиціи и «черные флаги».—Новый договоръ и затруднительное положеніе французовъ.—Франція—не колоніальная держава.

(См. на оборотѣ.)

Digitized by Google

№ 9-й «Наблюдателя» вышелъ 15-го Сентября 1883 года.

XII. Научная хроника . . . 44
Изслѣдованіе глубинъ океана.—Подробности объ ученой экспедиціи на бригѣ «*Travailleur*». — Жизнь на днѣ моря. — Новыя животныя формы.—Особенности ихъ организаціи.—Цвѣтъ ихъ наружныхъ покрововъ. — Отсутствіе растеній. — Температура морскаго дна.—Недостатокъ знакомства съ морскою фауною.
XIII. Объявленія. 54

Отъ Главной Конторы «Наблюдателя».

Въ Главной Конторѣ (Поварской пер. № 5) имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія редакціи:

1) **Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова**, изд. подъ редакціею *А. П. Пятковскаго*, съ портретомъ автора, факсимиле и статьею о его жизни и сочиненіяхъ. Спб. 1862 г., 3-е изд. (Осталось небольшое количество). Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

2) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. *А. П. Пятковскаго*. Спб. 1880 г. (Печат. въ ограниченномъ числѣ экз.). Ц. 75 к. вѣс. 1 ф.

Иногородные подписчики «Наблюдателя», приславшіе по ошибкѣ за годовой экземпляръ 16 р. *вмѣсто 14-ти*, получаютъ, за излишне-высланныя деньги, обѣ поименованныя книги, причемъ пересылку главная контора принимаетъ на свой счетъ.

3) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**. Сюда вошли три романа: **Бакалавръ**, *Ж. Валлеса*, 2) **Фостэнъ**, *Е. Гонкура* и 3) **Эгоистъ**, *Вернера*. Цѣна 2 р. безъ перес. Гг. книгопродавцы, обращающіеся въ Главную Контору, пользуются уступкой, смотря по количеству требуемыхъ экземпляровъ. Гг. подписчики «Наблюдателя» могутъ выписывать это изданіе по 1 р. 50 к. съ перес.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 9-й. СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1883.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.

Digitized by Google

5 — 36

P Slav 475.65 (1883/9)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1883 ГОДУ (ГОДЪ ВТОРОЙ).

Журналъ издается безъ предварительной цензуры, подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи .	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	16 р.	Съ пересылкою за границу . .	9 р.

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается *разсрочка* по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются *исключительно:* въ Главную Контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ отъ 2-го изданія, полные экземпляры журнала за прошлый годъ высылаются по 10 руб. съ перес.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MA 1971

Digitized by Google

ИЗБРАННИКЪ СЕРДЦА.

РОМАНЪ.

XI.

Прежде чѣмъ дать рѣшительный и грубый отказъ отъ занятій «при графѣ», Колывановъ нѣсколько дней безцѣльно проходилъ по городу, не только не зная, зачѣмъ бродитъ, но теряя даже нить своихъ размышленій. «Все, все оборвалось, разрушилось, разнеслось прахомъ, и нѣтъ уже никакой надежды на лучшее будущее», мрачно думалъ онъ. Но однако же, гдѣ бы онъ ни бродилъ, въ какую бы дальнюю сторону ни забирался, а въ концѣ концовъ попадалъ все-таки на Итальянскую и, идя мимо дома графа Загорскаго, по противоположной сторонѣ улицы, не сводилъ глазъ съ его оконъ. Къ чему, зачѣмъ? спрашивалъ онъ самъ себя, миновавъ домъ,—не все-ли равно, увижу я ее или нѣтъ? А на завтра—опять шелъ на Итальянскую. Проблуждавъ такъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ попалъ какъ-то во дворъ дома графа Загорскаго. Попасть, разумѣется, было легко, такъ какъ въ громадномъ надворномъ флигелѣ было до тридцати квартиръ и, слѣдовательно, ходъ въ ворота оставался открытымъ для всѣхъ съ утра до поздней ночи. Старшій дворникъ, тотъ самый, который любопытствовалъ посмотрѣть на Валерьяна Михайловича въ то памятное утро, съ котораго началось наше съ нимъ знакомство, видѣлъ его; точно также и швейцаръ видѣлъ; но оба не обратили на него вниманія. Они не подозрѣвали, что онъ есть именно то лицо, которое еще такъ недавно ихъ интересовало и заставляло относиться къ себѣ съ подобострастнымъ почтеніемъ. Правда, и узнать Валерьяна Михайло-

Digitized by Google

вича было нелегко: на немъ была другая шляпа, не та высокая, цилиндромъ, въ которой онъ ходилъ къ графу, а низенькая съ широкими полями: ни перчатокъ на рукахъ, ни портфеля подъ лѣвымъ локтемъ у него не было, да и мало-ли ходитъ по улицѣ и изъ воротъ и въ ворота народу—на всѣхъ не наглядишься. Впрочемъ, онъ не безъ осторожности прошелъ во дворъ, въ особенности въ первый разъ, и, пройдя, прошагалъ прямо въ подъѣздъ флигеля, какъ бы по дѣлу къ кому-нибудь изъ квартирантовъ, а потомъ, поднявшись по лѣстницѣ до верхней площадки, спустился внизъ и медленно пошелъ по двору, опять засматриваясь на окна графской квартиры. Такъ сталъ онъ заходить внутрь двора, въ надеждѣ увидѣть, хотя на одно мгновеніе, Лидію Константиновну. Но что могло произойти изъ этого мимолетнаго свиданія—на такой вопросъ онъ едва-ли могъ что-либо отвѣтить и думалъ только объ одномъ, лишь бы увидѣть, лишь бы дать ей знать, что любитъ и страдаетъ.

Доходился онъ, наконецъ, до того, что обратилъ на себя вниманіе кухарокъ. Онѣ, какъ оказалось, давно уже за нимъ присматривали и дивились, за какимъ такимъ дѣломъ ходитъ человѣкъ по лѣстницѣ, а въ квартиры ни къ кому не заходитъ и ни о комъ не спрашиваетъ. Разсказали онѣ объ этомъ дворникамъ, и одинъ изъ нихъ, выждавъ время прихода Валерьяна Михайловича, сталъ слѣдить за нимъ, предполагая по своей сообразительности, что онъ имѣетъ несомнѣнное намѣреніе пробраться подъ крышу, гдѣ сушится бѣлье, и стянуть его. Истомившись напрасно въ ожиданіи благопріятнаго момента схватить Валерьяна Михайловича съ поличнымъ, дворникъ потерялъ терпѣніе и остановилъ его на одной изъ площадокъ лѣстницы.

— Вамъ, господинъ, кого нужно?

Валерьянъ Михайловичъ изумленно на него взглянулъ и, не отвѣчая, пошелъ выше.

Дворникъ какъ-будто нѣсколько оробѣлъ, усомнившись въ вѣрности своихъ предположеній. Онъ стащилъ съ кудлатой головы шапку и почесалъ за ухомъ.

— Чортъ его знаетъ, не то шальной, не то выпивши, по-

Digitized by Google

жалуй, засвѣтитъ въ ухо, да еще самъ и жаловаться будетъ, подумалъ онъ,—разбирайся съ нимъ у мироваго.

Почесавъ потомъ спину, очевидно подъ вліяніемъ новыхъ соображеній о подозрительномъ человѣкѣ, онъ поднялся на слѣдующую площадку лѣстницы, гдѣ стоялъ у окна Валерьянъ Михайловичъ, и внимательно оглянулъ его съ ногъ до головы.

— Господинъ! позвольте однако узнать, нерѣшительно заговорилъ онъ.

— Что тебѣ нужно? рѣзко спросилъ Валерьянъ Михайловичъ.

— А то и нужно, продолжалъ дворникъ, что слѣдуетъ васъ спросить, по какой такой надобности ходите здѣсь...

— А тебѣ что за дѣло до этого?

— Какъ-же, теперича почитай что каждый день раза по два по три внизъ да вверхъ... Этого нельзя... Съ насъ тоже взыскиваютъ. Мало-ли тутъ народу...

— Да у васъ по счету что-ли ходятъ по лѣстницѣ? Плата назначена за каждый разъ, что-ли?

— Плата не плата, а тоже такъ безъ толку этого нельзя...

— Чего «этого»?

— Да вотъ того-же. Ежели кому въ фатеру, такъ въ фатеру, а не то, чтобы такъ, зря...

Валерьянъ Михайловичъ презрительно на него покосился, и, подернувъ плечами, пошелъ внизъ.

— Шляются тоже... другіе... мало-ли... добавилъ дворникъ ему вслѣдъ, и по мѣрѣ того, какъ Колывановъ спускался ниже, онъ смѣлѣе и сердитѣе говорилъ. Когда Валерьянъ Михайловичъ вышелъ уже за ворота. онъ все еще стоялъ на площадкѣ лѣстницы и ворчалъ.

— Можетъ, и нивѣсть какой человѣкъ этакъ заберется, да! Тоже важность на себя напущаетъ. Сдѣлай милость, я, братъ, не изъ трусливыхъ... Мазуриковъ-то здѣсь тоже порядочное количество, и изъ господъ есть довольно достаточно, да!

Но какъ ни безосновательны казались Валерьяну Михайловичу притязанія дворника, потребовавшаго отвѣта: «зачѣмъ да для чего»—все-таки послѣ этихъ притязаній ходить по лѣстницѣ было

Digitized by Google

неудобно.—Куда-же мнѣ теперь дѣваться? тосковалъ Валерьянъ Михайловичъ, припоминая о тѣхъ преимуществахъ, какія представляла ему лѣстница флигеля для наблюденію за жизнью въ графской квартирѣ. Онъ чуть не съ отчаяніемъ вспоминалъ о томъ, въ какое безъисходное положеніе долженъ былъ впасть, лишившись единственнаго утѣшенія смотрѣть въ окна комнаты Лидіи Константиновны, хотя до сихъ поръ видѣлъ въ нихъ очень немного. Онъ однако-же видѣлъ, какъ иногда старая Магіе растворяла форточку въ комнатѣ Лидіи Константиновны, какъ сыпала на наружную часть подоконника пшено для голубей, какъ прилетали привыкшіе уже къ этому угощенію голуби, сгоняли другъ друга съ узкаго выступа подоконника, взмахивали крыльями и, суетливо тѣснясь, тыкали носами въ пшено. Ему удалось даже видѣть и Лидію Константиновну, когда она, грустно склонившись головкой на плечо толстой Магіе, смотрѣла на птицъ и смотрѣла такимъ печальнымъ взглядомъ, точно завидовала ихъ вольной жизни. Въ эти счастливые моменты своихъ мученическихъ скитаній, Валерьянъ Михайловичъ не спускалъ глазъ съ лица Лидіи Константиновны и едва удерживался отъ одолѣвавшаго его желанія закричать ей, дать знать о себѣ. Когда потомъ форточка окна захлопывалась, онъ впадалъ снова въ тоску и жилъ только надеждой на завтрашній день, мечтая о томъ, что снова увидитъ ее. Теперь вдругъ обстоятельства сложились такъ, что единственная нить этой надежды готова была оборваться и исчезнуть изъ его рукъ.

XII.

— Стоитъ-ли жить? мрачно думалъ онъ, безцѣльно бродя вечеромъ по набережной Невы.

Солнце давно уже скрылось за громадами отдаленныхъ зданій города; багряная заря, охвативъ полнеба своимъ яркимъ блескомъ, отражалась въ зеркальныхъ водахъ рѣки и на мачтахъ кораблей, и на стѣнахъ домовъ на набережной; пароходы, разрѣзая тихую поверхность водъ своими острыми носами, пыхтѣли, выбрасывая клубы дыма изъ трубъ и тащили за собой тяжелыя грузовыя

Digitized by Google

баржи; легкіе пассажирскіе пароходики сновали вдоль и поперекъ рѣки, оглашая воздухъ рѣзкими свистками; съ Николаевскаго моста доносился грохотъ экипажей и звукъ колокольчика конно-желѣзной дороги. Вездѣ виднѣлся народъ, кипѣла жизнь съ ея вѣчными заботами, суетой и движеніемъ, а онъ, чуждый всему и всѣмъ, недовольный, ничего этого не видѣлъ и чувствовалъ только пустоту во всемъ его окружающемъ, не зная и не имѣя силъ чѣмъ-либо ее наполнить.

«Для чего жить? Для того-ли, чтобы доучиться, получить каѳедру и тянуть потомъ скучнѣйшее существованіе попугая, повторяющаго изъ года въ годъ одни и тѣ же слова. Жалкая цѣль! А какая другая доступна мнѣ, когда и энергія, и жажда дѣятельности, и страсть къ независимому положенію—все разбито! Я, глупецъ, принялъ за правду мимолетное чувство... Вздоръ! Она меня не любитъ!.. Еслибы любила, нашла бы случай дать знать о себѣ... О, коварство!..» Такъ размышляя, онъ сжималъ кулаки, готовый, казалось, немедленно же вступить съ кѣмъ-то въ битву, и, конечно, ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ графомъ и графиней Загорскими, которыхъ считалъ главными виновниками всѣхъ своихъ бѣдствій.

А жить ему хотѣлось. Объ этомъ можно было съ полнѣйшею достовѣрностью заключить даже по тому одному, съ какой мучительной тоской засматривался онъ на потухающую вечернюю зарю, на дворецъ и башни набережной, на громыхавшіе по ней экипажи.

И вотъ именно въ то время, когда душевныя его муки достигли, такъ сказать, своей вершины, надежда вдругъ ему улыбнулась, да такъ ярко, живо, во всемъ блескѣ своей неувядающей молодости.

Онъ неожиданно, глазамъ своимъ не вѣря, получилъ письмо отъ Лидіи Константиновны. Какъ она узнала его адресъ,—отъ отца-ли, отъ прислуги-ли, сама-ли нашла въ своихъ тетрадяхъ—это ея тайна; но письмо онъ получилъ и ожилъ. Письмо было длинное, всего пять-шесть мелко исписанныхъ страничекъ, и въ нихъ была высказана такая вѣра въ лучшее будущее, что Валерьянъ Михайловичъ весь преобразился, даже ростомъ какъ-будто сталъ

Digitized by Google

выше. «Безцѣнный мой, писала, между прочимъ, Лидія Константиновна, я такъ счастлива и въ то же время такъ несчастна; я счастлива сознаніемъ, что ты меня любишь, несчастна, что не вижу тебя. Но я твердо и безъ тѣни сомнѣнія убѣждена въ кратковременности нашей разлуки, такъ убѣждена, что ни минуты не сомнѣваюсь въ будущемъ счастіи насъ обоихъ и живу надеждой на него. Милый мой, несравненный мой! Помнишь, какъ въ первый разъ мы встрѣтились съ тобою!.. Ахъ, я помню и до мельчайшихъ подробностей помню тотъ роковой моментъ, да и нельзя его не помнить. Согласись, сокровище мое, что это былъ именно роковой моментъ въ нашей жизни—встрѣча, предопредѣленная свыше, которой никто, никто не могъ ни устранить, ни отдалить, ни измѣнить ея характера. И какъ было кратковременно это наше свиданіе, помнишь, минута какая-нибудь,—нѣтъ, даже не минута, а всего лишь два-три мгновенія. Помнишь, ты стоялъ въ кабинетѣ около письменнаго стола, уже со шляпой въ рукѣ, уже простился съ отцомъ и хотѣлъ уходить, какъ я вошла въ это время въ комнату... Ахъ, я помню это мгновеніе: у меня сердце вдругъ замерло, я не могла говорить, я только взглянула на тебя и поняла твое мгновенное смущеніе. Драгоцѣнность моя! Какъ это случилось, что мы, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, уже любили другъ друга, любили пламенно, самоотверженно, съ рѣшимостью пожертвовать жизнью за взаимное счастіе. И помнишь потомъ, какъ оба мы искали встрѣчи и какъ я первая заговорила и какъ ты припалъ къ моей рукѣ?.. Милый, милый, жизнь моя». Но главная суть письма заключалась въ слѣдующемъ: «я знаю, писала она, отецъ тебя будетъ просить къ себѣ: на него никто, кромѣ тебя, угодить не можетъ; но ты откажись и какъ можно рѣшительнѣе. Это необходимо для нашего счастія, необходимо уничтожить подозрительность maman, доказать ей, что она заблуждается».

Далѣе въ письмѣ было десятка два-три увѣреній въ вѣчной любви и указанъ адресъ: «Натальѣ Жемчужниковой, въ Почтамтъ, до востребованія».

Такъ началась между ними переписка. Судя по той аккурат-

Digitized by Google

ности, съ какою Валерьянъ Михайловичъ получалъ отъ нея каждый день письма, можно было думать, что графиня нѣсколько успокоилась отъ своихъ подозрѣній и уже перестала ревниво слѣдить за каждымъ шагомъ дочери. Объ этомъ, впрочемъ, можно было заключить и изъ того, что въ послѣднемъ письмѣ своемъ Лидія Константиновна обѣщала ему даже свиданіе, именно въ субботу во время всенощной. Она писала, что надѣется въ этотъ день поѣхать съ матерью въ домовую церковь департамента удѣловъ и, подъ предлогомъ головной боли, уѣхать потомъ изъ церкви домой. Въ этомъ письмѣ объяснялось, между прочимъ, что мать Лидіи Константиновны въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшалась оставить храмъ до окончанія службы и на помощь именно этого обстоятельства Лидія Константиновна всего болѣе надѣялась. «Она отпуститъ меня изъ церкви одну, писала она, я каретѣ велю остановиться и пойду пѣшкомъ тоже подъ предлогомъ головной боли. Милый мой, ангелъ, жизнь моя, я такъ давно уже тебя не видѣла». Свиданіе было назначено на углу Литейной и Бассейной, между семью и восемью часами вечера, и Валерьянъ Михайловичъ, подобно Лидіи Константиновнѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ субботы.

Но письмо это, принесшее ему такъ много надеждъ, принесло еще больше горя, какъ и вообще бываетъ въ жизни, гдѣ «за каплю наслажденій—милліонъ огорченій». Свиданія съ Лидіей Константиновной онъ не только не дождался, но даже и писемъ отъ нея болѣе не получалъ. Переписка ихъ вдругъ почему-то оборвалась. Валерьянъ Михайловичъ прождалъ день, прождалъ другой и пошелъ въ почтамтъ справиться, нѣтъ-ли писемъ на имя Натальи Жемчужниковой, и ничего не узналъ, такъ какъ получить письма и узнать есть-ли они — могла только она сама и не иначе, какъ по предъявленіи своего паспорта, а кто такая Наталья Жемчужникова и гдѣ ее искать—объ этомъ ему не было ничего извѣстно. Встревоженный безчисленными подозрѣніями, онъ вернулся домой, провалялся цѣлый день на диванѣ, не зная за что̀ ухватиться, и только на другой день утромъ отправился на Итальянскую—посмотрѣть съ лѣстницы флигеля на окна графской квартиры. Къ величайшему его изумленію и огорченію, оказалось,

Digitized by Google

что всѣ окна графской квартиры были растворены настежъ, а рабочіе въ фартукахъ снимали занавѣсы и выбивали ковры.

Пошатываясь и придерживаясь поближе къ стѣнѣ, Валерьянъ Михайловичъ едва спустился съ лѣстницы и, проходя подъ аркой воротъ, спросилъ дворника, силясь говорить сколько возможно спокойнѣе:

— А что графъ Загорскій, развѣ переѣзжаетъ на другую квартиру?

Дворникъ сердито на него покосился.

— Куды ему переѣзжать изъ свово-то дому?

— Но какъ-же тамъ... такая суета... рабочіе...

— Гдѣ-ка тамъ?

— Въ графской квартирѣ.

— Да вамъ кого надоть?..

Валерьянъ Михайловичъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ на улицу.

XIII.

Въ квартирѣ графа Загорскаго уже не было никого изъ господъ—всѣ уѣхали и именно въ субботу. Отъѣздъ ихъ состоялся какъ-то вдругъ, неожиданно, цѣлой недѣлей раньше назначеннаго срока. Никто не зналъ дѣйствительной причины, ускорившей отъѣздъ, только прислуга подозрѣвала, что поводомъ къ отъѣзду послужила крупная размолвка, происшедшая между графиней и дочерью. Кому-то удалось замѣтить, что графиня будто-бы застала дочь врасплохъ за какимъ-то письмомъ и на другой же день утромъ увезла ее изъ Петербурга. Графъ и старушка Marie выѣхали потомъ черезъ два дня; графъ, по замѣчанію прислуги, былъ чѣмъ-то ужасно огорченъ и во все время сборовъ ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, а старая Marie даже плакала. На другой же день послѣ ихъ отъѣзда, въ квартирѣ началась чистка и уборка, портьеры и занавѣсы были сняты, мебель, лампы, картины и статуи закутаны въ чехлы, ковры сложены въ кладовыя и окна замазаны мѣломъ.

Толстый швейцаръ, «Палъ Ванычъ», какъ звали его всѣ прія-
[illegible] заперъ массивныя, изъ темнаго дуба двери параднаго

Digitized by Google

подъѣзда и вывѣсилъ на нихъ объявленіе, гласившее: «Запрещается звонить здѣсь, а звонить со двора, по случаю отъѣзда господъ къ дворнику налѣво». «Палъ Ванычъ» и самъ преобразился: вмѣсто длиннополой ливреи и странной какой-то сверхъ нея эпитрахили, на немъ была свѣтлая пара изъ коломянки и соломенная шляпа. Пара была на немъ «пространная», брюки широкіе, пальто свободное, и при массивныхъ размѣрахъ его тѣла, онъ, гуляя въ такой парѣ, ничѣмъ уже не напоминалъ швейцара; скорѣе имѣлъ сходство съ гиппопотамомъ или помѣщикомъ добраго стараго времени. У крыльца онъ уже не «маячилъ», какъ отзывался о его службѣ старшій дворникъ, съ дворникомъ этимъ не бесѣдовалъ, а большую часть своего времени проводилъ въ разъѣздахъ по окрестностямъ города, куда пролегала конно-желѣзная дорога. «Недорого, а прилично и не трясетъ», говорилъ онъ объ этой дорогѣ. Его такъ за помѣщика и принимали, предполагая, что онъ изъ послѣднихъ, уже весьма рѣдкихъ въ наше время экземпляровъ, такъ хорошо сохранившійся. Иные изъ простачковъ, посматривая на его блестяще-выбритый двухъярусный подбородокъ, на его безукоризненно бѣлый галстухъ, относились къ нему съ подобострастнымъ почтеніемъ, предполагая въ немъ даже какое-нибудь «значительное лицо». Впрочемъ, такое мнѣніе о себѣ Павелъ Ивановичъ могъ съ честью поддерживать только до тѣхъ поръ, пока хранилъ глубокое молчаніе; но какъ только вступалъ съ кѣмъ-либо въ разговоръ, такъ тотчасъ-же, самъ того не замѣчая,— терялъ въ глазахъ собесѣдника огромную часть своей цѣнности. Собесѣдникъ, принимавшій его по фигурѣ за особу, вдругъ слышалъ отъ него слова: «теперича», «ономнясь» и т. под. Но такъ какъ Павелъ Ивановичъ за ролью значительнаго лица не гнался и занималъ ее, такъ сказать, не по собственной волѣ, а вслѣдствіе одного только недоразумѣнія публики, то и разочарованіе собесѣдника ему было незамѣтно. Онъ предобродушно посапывалъ себѣ подъ носъ, занявъ въ вагонѣ мѣсто за двоихъ, и охотно вступалъ въ разговоръ съ своими спутниками.

Проѣзжая по одной изъ загородныхъ линій конно-желѣзной дороги, онъ однажды разговорился съ сосѣдомъ. Сосѣдъ былъ, по-

Digitized by Google

видимому, приказчикъ изъ мелочной лавочки—борода клиномъ, фуражка блиномъ, брюки въ сапогахъ. Сидя рядомъ съ Павломъ Ивановичемъ, онъ относился къ нему съ робкимъ почтеніемъ, и, сдѣлавъ какой-либо вопросъ, забиралъ въ жилистый, загорѣлый кулакъ свою жиденькую бородку.

— Мѣстоположеніе въ здѣшнихъ мѣстахъ хорошее, можно сказать, даже очень превосходное, подсказалъ онъ на какое-то замѣчаніе Павла Ивановича о мѣстности.

— Да, мѣста здѣсь хорошія, добавилъ Павелъ Ивановичъ, помолчавъ,—не дурныя мѣста, не хуже, пожалуй, и заграничныхъ.

— А вы, значитъ, и въ тамошнихъ краяхъ побывали?

— Да, бывалъ. Могу сказать, даже не одинъ десятокъ разовъ.

Спутникъ смущенно откашлялся.

— Какъ-же вы, напримѣръ, по своимъ дѣламъ, али какъ, отправлялись туды?

— Я при графѣ состоялъ, при самомъ, значитъ, Константинѣ Петровичѣ Загорскомъ. Давно ужь этому дѣлу, пожалуй, лѣтъ тридцать, а то и всѣ сорокъ. Оба мы съ нимъ были тогда, можно сказать, въ самой порѣ... Съ нимъ я путешествовалъ и по Швейцаріямъ, и у нѣмцевъ, и въ англичанской землѣ.

Во время этого разговора, въ толпѣ, тѣснившейся на входной площадкѣ вагона, произошла толкотня; кто-то заворчалъ, упрекая сосѣда за то, что онъ толкается, кто-то громко крикнулъ: «да куда-же вы лѣзете?» и едва удержался за ручку вагона, оттиснутый кѣмъ-то въ сторону отъ дверей. Толкотня эта и ропотъ, вызванный ею, произошли оттого, что къ дверямъ вагона протискивался, не обращая ни на кого вниманія, Валерьянъ Михайловичъ Колывановъ. Онъ тоже ѣхалъ куда-то за городъ и, неожиданно услышавъ слова Павла Ивановича о графѣ Загорскомъ, полѣзъ съ площадки въ вагонъ, забывъ все на свѣтѣ. Публика продолжала на него ворчать, кто-то пригрозилъ даже судомъ, а онъ, не сводя глазъ съ Павла Ивановича, вслушивался въ его разговоръ съ лавочникомъ, съ такимъ выраженіемъ лица, точно изъ этого разговора ему открывались необычайно высокія и до сихъ поръ еще невѣдомыя міру тайны. Какъ-будто нарочно для него, въ это время

Digitized by Google

освободилось внутри вагона мѣсто и почти какъ разъ противъ Павла Ивановича. Валерьянъ Михайловичъ поколебался было: сѣсть или нѣтъ; узнаетъ, перестанетъ, пожалуй, разговаривать; но въ то же мгновеніе рѣшилъ, что все-таки нужно занять мѣсто—и сѣлъ бокомъ къ Павлу Ивановичу, отвернувшись отъ него лицомъ къ окну. Павелъ Ивановичъ продолжалъ разсказывать сосѣду, какъ онъ былъ нѣкогда камердинеромъ графа Константина Петровича, какъ графъ на него прогнѣвался за что-то и сдѣлалъ его простымъ лакеемъ, какъ потомъ онъ сталъ толстѣть и получилъ «осанку», благодаря которой былъ произведенъ въ швейцары.

Валерьянъ Михайловичъ нетерпѣливо ждалъ, скоро-ли онъ заговоритъ о томъ, куда переѣхала на лѣто семья графа. Нужно сказать, что до этой случайной встрѣчи съ Павломъ Ивановичемъ, онъ уже не мало потратилъ времени на розыски о мѣстопребываніи Загорскихъ. Казалось, узнать объ этомъ такъ было легко, стоило только обратиться къ дворнику или въ домовую контору, но по большей части случается въ жизни такъ, что то именно, отъ чего мы меньше всего ждемъ затрудненій, приноситъ намъ ихъ всего больше. Дворникъ оказался именно тотъ самый, который встрѣчалъ Валерьяна Михайловича на лѣстницѣ, и не только не сказалъ ему адреса, но и въ домовой конторѣ что-то шепнулъ, очевидно, на счетъ его неблагонадежности,—и пришлось уйти ни съ чѣмъ. Лица, съ которыми ему случалось иногда встрѣчаться въ домѣ графа, были тоже или въ отъѣздѣ, или занимали такое же общественное положеніе, какое занималъ графъ, и, слѣдовательно, добраться до нихъ и получить желаемое свѣдѣніе было нелегко. Другіе, попроще и подоступнѣе, какъ-то: академическіе профессора и нѣкоторые изъ ученыхъ стариковъ, сами не знали, куда уѣхали Загорскіе, такъ какъ отъѣздъ состоялся ранѣе означеннаго срока и съ непонятной поспѣшностью.

Обрадовавшись теперь счастливому случаю и въ то же время томясь нетерпѣніемъ: скоро-ли Павелъ Ивановичъ скажетъ,—гдѣ проводятъ лѣто Загорскіе, да и скажетъ-ли—Валерьянъ Михайловичъ кусалъ себѣ губы.

Смотря въ окно вагона на противоположную сторону улицы,

Digitized by Google

онъ не видѣлъ ни улицы, ни окна, ни публики, биткомъ набившейся въ вагонъ и споришей съ кондукторомъ за то, что онъ будто-бы втискивалъ ее туда въ двойномъ противъ правилъ количествѣ. Онъ не слыхалъ, какъ тощая, костлявая барыня съ тонкимъ длиннымъ носомъ и узенькими подслѣповатыми глазками заливалась на высокихъ нотахъ рѣзкаго визгливаго сопрано, продолжая упрекать кондуктора даже въ то время, когда онъ уже ушелъ изъ вагона и поднялся по узенькой лѣсенкѣ наверхъ его. Ничего этого для Валерьяна Михайловича какъ-бы не существовало, онъ даже не чувствовалъ ни жары, ни духоты, которыя въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ всегда его раздражали. Онъ слышалъ голосъ одного только Павла Ивановича.

— Графъ теперича въ старости и, можно сказать, одной ногой въ могилѣ. Графиня тоже въ преклонныхъ лѣтахъ и разъѣзжать по заграницамъ имъ уже не по годамъ...

— Вотъ, вотъ, наконецъ-то! радостно подумалъ Валерьянъ Михайловичъ, напрягая слухъ.

— А все-же, я вамъ доложу, продолжалъ Павелъ Ивановичъ,— старичокъ трудится... То-есть какъ трудится—удивленье! Ни одинъ секретарь выдержать не можетъ.

— Не можетъ? изумленно повторилъ собесѣдникъ.

— Да! Слабѣетъ! Слабъ народъ сталъ, жидокъ, а самъ графъ, не смотря на свои ветхіе годы, выдерживаетъ, можно сказать, съ честью.

— Какая-же такая, позвольте спросить, напримѣръ, надобность, али нужда графу такъ себя утруждать?

— Ахъ, какъ вы, извините меня, непонятливы. Себя утруждать? тономъ сожалѣнія повторилъ Павелъ Ивановичъ,—а присяга Царю и Отечеству? многозначительно поведя бровями, сказалъ онъ,—объ этомъ какъ вы полагаете? Вѣдь это, милостивѣйшій государь мой, не то, чтобы лавочка какая, а такъ выходитъ—старъли, младъ-ли, долженъ монарху служить, какъ сказано въ присягѣ «даже не щадя живота своего»...

— Болтунъ! несносный болтунъ! досадовалъ Валерьянъ Михайловичъ.

Digitized by Google

Наконецъ-таки Павелъ Ивановичъ договорился и до интереснаго для Колыванова вопроса.

— Уѣхали они теперича въ свое родовое имѣніе за Москвой, сказалъ онъ сосѣду,—то есть въ родовое не графа самого, а графини.. Это ея наслѣдство отъ матери, значитъ, по женской линіи. «Таюрово» называется, отъ Москвы всего верстъ восемьдесятъ по смоленской дорогѣ...

Валерьянъ Михайловичъ даже вздрогнулъ отъ радости.

— Какъ близко-то! подумалъ онъ, да вѣдь это что же, вѣдь это, такъ сказать, рукой подать.

Павелъ Ивановичъ продолжалъ еще что-то разсказывать, но собесѣдникъ его совсѣмъ неожиданно утратилъ всякій интересъ къ разговору съ нимъ и, тревожно смотря въ окно, вдругъ, не кивнувъ даже ему головой, поднялся съ своего мѣста и вышелъ изъ вагона.

— Эка деревня! подумалъ о немъ Павелъ Ивановичъ, недовольный его поспѣшнымъ уходомъ безъ поклона. Оглянувъ затѣмъ сидѣвшихъ около него пассажировъ, онъ замѣтилъ Колыванова и хотѣлъ заговорить съ нимъ; но Валерьянъ Михайловичъ былъ охваченъ своими думами о томъ, какъ устроить поѣздку въ имѣніе Загорскихъ, и, не слыша обращеннаго къ нему вопроса, тоже поднялся съ своего мѣста и пошелъ къ выходу.

— Кажись, не онъ, усомнился Павелъ Ивановичъ,—тотъ былъ какъ-будто поокладистѣе, а можетъ и онъ, только такъ изъ фанаберіи не признался меня... Тоже господа! Важничаютъ!..

XIV.

Валерьянъ Михайловичъ имѣлъ въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ—дядю, брата и сестру. Дядя былъ низенькій, толстенькій, вѣчно веселый подвижной человѣкъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и маленькими сѣренькими глазками, бойко сновавшими во всѣ углы и во всѣ щели съ утра до вечера. Дядя этотъ, Василій Кириловичъ Колывановъ, занималъ директорское мѣсто въ какомъ-то петербургскомъ департаментѣ, до котораго добирался

Digitized by Google

въ продолженіе многолѣтней своей службы и, добравшись, значительно пораздобрѣлъ и пріосанился. Лицамъ, ниже его стоящимъ по службѣ, онъ подавалъ вмѣсто руки два пальца, а предъ старшими изгибался въ колесо и юлилъ вокругъ нихъ съ заискивающими улыбочками. Словомъ, онъ имѣлъ вполнѣ опредѣленную вицмундирную физіономію, твердо помнилъ пословицу, что рука руку моетъ, и не стѣснялся тѣмъ, что обѣ при этомъ остаются грязными. Въ дополненіе его портрета, нужно прибавить, что онъ былъ весьма падокъ до прекраснаго пола, хотя, достигнувъ «видныхъ степеней», сталъ упорно отрицать въ себѣ эту слабость и относить ее къ давно прошедшему времени. — «Былъ слабъ, не скрываю, былъ, говаривалъ онъ,—но зато теперь, благодаря Господа Бога нашего, остепенился-съ, совершенно остепенился; могу даже похвалиться, что въ поведеніи своемъ безупреченъ». Это онъ вралъ. Онъ такъ хвалился въ особенности въ тѣ дни, когда намѣревался обмануть свою жену. Грѣшникъ былъ онъ великій, и попадался иногда съ своими грѣхами въ такую «конфузію», что не зналъ, куда приклонить главу отъ женинныхъ распеканій. То въ его сакѣ попадется, при возвращеніи изъ бани, пара женскихъ чулокъ, то въ кабинетѣ совершенно неожиданно окажется фотографическая карточка особы женскаго пола и притомъ весьма нескромно одѣтой, вѣрнѣе сказать раздѣтой, то, нечаянно увлекшись красотою встрѣтившейся ему на улицѣ особы, онъ пригласитъ ее къ себѣ въ карету («намъ по дорогѣ, ей Богу, и доѣдемъ превесело-съ»), а потомъ оказывается, что эта особа—дочь его экономки и передаетъ своей матери о его «затѣяхъ», а мать барынѣ,—и опять головомойка! Но не смотря на всѣ эти неудачи, Василій Кириловичъ не измѣнялся, видимо придерживаясь того взгляда, что «маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію».

Братъ Валерьяна Михайловича, тоже родной племянникъ Василія Кириловича, Анемподистъ Михайловичъ, представлялъ собою совершенную противоположность дядѣ и брату. Онъ былъ тихій, молчаливый, мрачный великанъ, былъ высокъ ростомъ, сутуловатъ, широкоплечъ, съ мутными близорукими глазами и большимъ рас-

Digitized by Google

плывшимся мясистымъ носомъ. Онъ напоминалъ своей огромною фигурой ломоваго извощика, и цвѣтъ лица его былъ такой-же темный, коричневатый, какъ у извощиковъ, проводящихъ цѣлые дни на открытомъ воздухѣ. Анемподистъ Михайловичъ занималъ мѣсто тоже въ какомъ-то петербургскомъ департаментѣ и былъ уже «на счету у начальства»; благодаря покровительству дяди и его умѣнью «ладить со всѣми», Анемподистъ Михайловичъ никогда не имѣлъ никакихъ «шашень» подобно шашнямъ дяди, то-есть, выражаясь точнѣе, никто не зналъ ни о какихъ его амурныхъ дѣлишкахъ, все было, какъ говорится, «шито и крыто». Жизнь онъ велъ уединенную, замкнутую, гостей къ себѣ въ квартиру никогда не принималъ и если иногда «для дѣла» угощалъ нужныхъ людей, то не у себя дома, а въ ресторанѣ. Послѣ такого угощенія, возвращался онъ домой еще болѣе мрачный и угрюмый и, пошатываясь, вваливался въ свой кабинетъ, швыряя и раскидывая все встрѣчавшееся ему на пути. Онъ точно слонъ опускался потомъ на диванъ въ полнѣйшей безпомощности и ворчалъ, недовольный всѣмъ и всѣми. Диванъ, какъ-бы жалуясь на непомѣрный грузъ, на него навалившійся, скрипѣлъ и трещалъ, пока не заглушалъ его жалобъ громкій храпъ заснувшаго Анемподиста Михайловича.

Онъ былъ вдовъ и бездѣтенъ. Хозяйствомъ его завѣдывала родная сестра, Александра Михайловна. Она была старая дѣва, кроткая, застѣнчивая и молчаливая, крайне заботливая по хозяйству, отзывчивая на всякое человѣческое страданіе и до смѣшнаго сочувствовавшая бѣдственному положенію бездомныхъ собакъ. При своей снисходительности ко всѣмъ, Александра Михайловна прощала и брату его грубое, иногда обидное обращеніе, и тѣ страшныя сцены разрушенія и разбрасыванія всего попадавшагося ему подъ руку, въ минуту мрачнаго его разгула.—«Ну, Богъ съ нимъ, говаривала она по этому случаю Валерьяну Михайловичу,—ты знаешь, онъ всегда такой скучающій, его нужно жалѣть, а не осуждать». Но Валерьянъ Михайловичъ не былъ такъ снисходителенъ къ нему. Онъ чуждался и брата, и дяди, и его семьи, и всѣхъ своихъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, не чуждался

Digitized by Google

только сестры, хотя и осуждалъ ее за то, что она имѣетъ терпѣніе жить съ такимъ невозможнымъ звѣремъ, какимъ считалъ онъ брата Анемподиста.

Предки этой семьи Колывановыхъ, по словамъ Василія Кириловича, вѣрою и правдою служили государю и отечеству уже около столѣтія, а по мнѣнію Валерьяна Михайловича «коптили канцеляріи и разводили безплодную переписку для того, чтобы какъ можно больше имѣть случаевъ пристраивать на казенные хлѣба своихъ родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ». Валерьянъ Михайловичъ съ дѣтства возненавидѣлъ окружавшій его петербургскій чиновный міръ канцелярщины и съ нескрываемою ненавистью высказывалъ къ нему свое пренебреженіе. Будучи еще гимназистомъ, онъ уже питалъ непріязненныя чувства къ дядѣ и брату и высказывалъ вслухъ, что они «канцеляристы».

— Много ты понимаешь, кричалъ, бывало, на него братъ Анемподистъ,—вонъ дѣдъ покойный тоже въ канцеляріи служилъ, а умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и орденовъ имѣлъ столько, сколько ты зубовъ не имѣешь.

— Пролазъ, вѣроятно, былъ твой дѣйствительный тайный совѣтникъ, отвѣчалъ Валерьянъ Михайловичъ,—ничѣмъ инымъ я и не объясняю его чиновныхъ успѣховъ.

— Ты мальчишка, упрекалъ братъ,—ты еще и понятія не имѣешь о томъ, за что и какъ получаются награды, и какое огромное значеніе имѣетъ въ государственномъ механизмѣ чиновническая служба, такъ презрительно называемая тобою канцелярщиной.

Валерьянъ Михайловичъ знать не хотѣлъ его гнѣва и стоялъ на своемъ, что всякая канцелярская служба имѣетъ въ государственномъ механизмѣ значеніе тормоза, что бо́льшая часть чиновничества получаетъ награды вовсе не по заслугамъ, а по мѣрѣ своего искательства и пронырства; что только благодаря беззастѣнчивымъ ходатайствамъ и не менѣе беззастѣнчивому покровительству, получаются разныя пенсіи, аренды, надбавочныя, добавочныя, прибавочныя и тому под., и что въ концѣ концовъ, «канцелярщина» не только питается при жизни своей на счетъ государственнаго организма, но и умирая, продолжаетъ лежать тяжелымъ бременемъ

Digitized by Google

на немъ, въ видѣ пенсій, арендъ и пособій, укрѣпляя все это за своими семьями впредь до совершеннолѣтія сыновей и выхода въ замужство дочерей, причемъ послѣдніе всего чаще въ безбрачіи и остаются всю жизнь, ради доходовъ.

— Помилуйте, жаловался братъ Анемподистъ дядѣ Василію Кириловичу на Валерьяна Михайловича,—изъ него заговорщикъ какой-нибудь выйдетъ, я хочу ему предложить, чтобъ убирался куда хочетъ. Пожалуй, изъ-за него еще и по службѣ пострадаешь.

Василій Кириловичъ смущенно покашливалъ, притворялъ поплотнѣе дверь своего кабинета, боясь, чтобы не услыхалъ кто-либо посторонній разговора о домашнихъ дѣлахъ и шопотомъ просилъ племянника: «какъ-нибудь все уладить безъ шуму».

Такъ улаживались семейныя отношенія, однакоже не надолго. Оставшись послѣ смерти отца шестнадцати лѣтъ, Валерьянъ Михайловичъ всего только два года прожилъ у брата Анемподиста и, не смотря на слезы сестры, Александры Михайловны, переѣхалъ куда-то «въ комнату». И дядя и братъ оба махнули на него рукой: «заносчивый, молъ, человѣкъ и по стопамъ отца пошелъ; покойникъ тоже былъ большой чудакъ, всю жизнь пролиберальничалъ, такъ почти безъ средствъ и померъ». Они рѣшили, что Валерьянъ Михайловичъ будетъ всю жизнь «кой-какъ болтаться, напрасно небо коптить и пороху не выдумаетъ». Но нельзя сказать, чтобы они отъ него совсѣмъ отступились: издали все-таки немного слѣдили и разузнавали, въ какомъ положеніи его дѣла. Больше всего въ этомъ случаѣ имъ помогала Александра Михайловна, чуть не ежедневно посѣщавшая брата и ревниво слѣдившая за каждымъ его шагомъ.

XV.

Справедливость, однако же, требуетъ замѣтить, что въ заботахъ о немъ дяди и брата, играла нѣкоторую роль боязнь за то, что не надѣлалъ бы онъ какихъ бѣдъ: время въ самомъ дѣлѣ было такое, когда за поведеніе родственника слѣдовало опасаться.—«Повредитъ, пожалуй, намъ по службѣ: начнутъ потомъ

Digitized by Google

допытываться, думалъ братъ, какъ да зачѣмъ, да почему, да отчего забросили безъ участія и не вытравили изъ него «вредныхъ идей». Вотъ въ виду именно такого рода соображеній, и дядя и братъ интересовались такимъ племянникомъ, который ни во что ставилъ ихъ канцелярскую службу. Время, между тѣмъ, шло день за день и опасенія родственниковъ оказались совершенно напрасными. Валерьянъ Михайловичъ не только не надѣлалъ имъ никакихъ хлопотъ, но даже возбудилъ ихъ гордость: онъ кончилъ курсъ въ университетѣ съ золотой медалью. Когда Александра Михайловна торжественно заявила объ этомъ дядѣ и брату, оба они многозначительно переглянулись и пріосанились, точно медаль, полученная Валерьяномъ Михайловичемъ, давала имъ обоимъ право на производство въ слѣдующій чинъ.

— Да, онъ не бездарный человѣкъ! заявилъ Анемподистъ Михайловичъ.

— Бездарный! насмѣшливо возразилъ дядя:—онъ талантливѣйшій молодой человѣкъ, да-съ! Я всегда говорилъ это!

Потомъ, спустя нѣкоторое время, до родственниковъ дошли слухи, что Валерьянъ Михайловичъ метитъ на профессорскую каѳедру; дядя Василій Кириловичъ нашелъ нужнымъ возобновить съ нимъ родственныя сношенія и самъ заѣхалъ къ нему.

— Ты что же это, племянничекъ, почтенія мнѣ родственнаго не оказываешь?. заговорилъ онъ, снуя глазами во всѣ углы комнаты Валерьяна Михайловича;— что это ты ко мнѣ глазъ не кажешь?

— Да все какъ-то некогда было, дядя,—учусь.

— Слышалъ, слышалъ и одобряю, только зачѣмъ по естественному?

— А что? съ улыбкой спросилъ Валерьянъ Михайловичъ.

— Да по моему скучное занятіе возиться съ разными тамъ букашками-таракашками; лучше-бы на юридическій — шире дорога...

— Это какъ кому, дядя.

— Конечно, конечно, спохватился Василій Кирилловичъ, вспомнивъ, что, пожалуй, съ такими рѣчами недалеко и до раз-

Digitized by Google

молвки съ племянникомъ,—хорошо и на естественномъ: все-таки профессоръ, видное мѣсто.

Валерьянъ Михайловичъ снисходительно улыбнулся; но спорить съ дядей не сталъ, къ тому же и дядя самъ перемѣнилъ разговоръ, заговоривъ опять о томъ, что пора Валерьяну Михайловичу быть къ нему поближе.

— Ну къ чему, племянникъ, намъ старое вспоминать, добавилъ онъ и покровительственно потрепалъ Валерьяна Михайловича по плечу.—Давай-ка заключимъ миръ; знаешь что, вдругъ понизивъ тонъ и оглянувшись на дверь, зашепталъ онъ,—у меня такая для тебя невѣста есть въ виду—очарованіе!

Онъ прищурился, поцѣловалъ кончики своихъ пухлыхъ пальцевъ и съ жаромъ вдругъ воскликнулъ:—«И сорокъ тысячъ приданаго»! Отступивъ затѣмъ шага на два отъ племянника и сдѣлавъ руки фертомъ, онъ ждалъ, что тотъ ему отвѣтитъ; но Валерьянъ Михайловичъ остался холоденъ къ такому заманчивому, какъ думалъ дядя, предложенію.

Однако-же родственныя между ними сношенія все-таки стали ближе. Валерьянъ Михайловичъ чрезъ нѣсколько дней зашелъ къ дядѣ и тотъ ухватился было за него обѣими руками: «поѣдемъ да поѣдемъ», напирая всего болѣе на то, что «вѣдь сорокъ тысячъ и молоденькая».

Потомъ и братъ Анемподистъ Михайловичъ ввалился въ комнату «будущаго профессора», не имѣя до сихъ поръ понятія о томъ, въ какую сторону отворяется дверь этой комнаты. Хмурый, мрачный и тяжело сопѣвшій отъ одолѣвавшаго его удушья, Анемподистъ Михайловичъ тоже завелъ разговоръ о необходимости предать забвенію всѣ прошлыя размолвки и зажить по родственному.—«Вѣдь ты у меня одинъ братъ, басилъ онъ, косясь изподлобья на Валерьяна Михайловича,—что было то прошло, а теперь давай по-братски жить».

По-братски жить — значило опять-таки тоже: послушаться дяди и посмотрѣть невѣсту, прозѣвать которую, по словамъ Анемподиста Михайловича, было бы обидно и глупо. Но Валерьянъ Михайловичъ стоялъ на своемъ и отъ невѣсты наотрѣзъ отказался.

Digitized by Google

Въ это время онъ былъ уже очарованъ Лидіей Константиновной и готовъ былъ идти за ней хотя бы за тридевять земель въ тридесятое государство.

Такъ прошло мѣсяца три-четыре послѣ окончанія университетскихъ экзаменовъ. Александра Михайловна, часто посѣщавшая брата и ревниво слѣдившая за каждымъ его шагомъ, стала замѣчать, что онъ все больше и больше вянетъ, худѣетъ и дѣлается мрачнымъ.

Озабоченная такимъ душевнымъ состояніемъ брата и будучи въ то же время лишена возможности узнать что-либо объ этомъ, хотя бы по намекамъ и издалека, она сама стала впадать въ тоску, приставала къ брату съ разспросами и уходила отъ него ни съ чѣмъ. Даже вѣчныя заботы о бездомныхъ собакахъ, для которыхъ она постоянно носила въ карманахъ своей верхней одежды куски хлѣба и мяса, потеряли для нея свое значеніе. Бывало, идетъ по улицѣ и зорко слѣдитъ, не жмется-ли гдѣ ободранная, костлявая собачонка, и не только, бывало, накормитъ ее, но и приласкаетъ и повздыхаетъ даже, глядя на нее сквозь слезы; а теперь кинетъ собакѣ кусокъ-другой пищи съ такимъ видомъ, какъ-будто нимало не скорбитъ объ ея отчаянномъ положеніи и даже какъ-будто сердится на нее, что попалась на глаза совсѣмъ не во время.

Слухи о странномъ душевномъ состояніи Валерьяна Михайловича дошли, наконецъ, до дяди и до брата Анемподиста; сама же Александра Михайловна и передала имъ объ этомъ, находя нужнымъ обратить ихъ вниманіе на его положеніе. Но дядя и братъ, съ такою, казалось, родственною любовью относившіеся къ Валерьяну Михайловичу въ то время, когда онъ «кончилъ университетъ», теперь вмѣсто участія стали злорадствовать:—«ага, молъ, букварь-то вѣрно не коврижка, сразу не раскусишь. Ишь-ты, въ профессора полѣзъ; нѣтъ, братъ, шалишь, это вѣдь не то, что носъ задирать къ верху да кичиться передъ родственниками». Александра Михайловна, стоявшая въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо выше этой торжествующей посредственности, горько плакала, слыша ихъ злорадный разговоръ о братѣ Валерьянѣ

Digitized by Google

и ломала себѣ руки, не зная, какими силами вызвать его на продолженіе занятій. Совѣтовать дядѣ или брату, стыдить ихъ за безучастное отношеніе къ Валерьяну Михайловичу или умолять о помощи—она не рѣшалась, зная уже давно, что для дяди все нипочемъ:—проси не проси, результатъ одинъ: наобѣщаетъ съ гору и ничего не сдѣлаетъ; а братъ Анемподистъ на первыхъ же словахъ оборветъ — не въ свое, молъ, мѣсто носъ суешь, дѣлай что прикажутъ и молчи, пока кормятъ». Да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ могли они помочь Валерьяну Михайловичу? Злорадствовать, разумѣется, нехорошо и оставлять близкаго человѣка, да еще и родственника въ безпомощномъ состояніи—дѣло во всякомъ случаѣ не похвальное; но вопросъ въ томъ, чѣмъ бы отвѣтилъ на ихъ участіе Валерьянъ Михайловичъ? Не выпроводилъ-ли бы онъ ихъ отъ себя съ неудовольствіемъ, или, удерживаясь отъ оскорбленій, не убѣжалъ-ли бы отъ нихъ самъ, проклиная ихъ въ душѣ за неумѣстное сочувствіе?

— Боже мой, что это за ужасная у насъ семья, горевала Александра Михайловна: дядѣ все «какъ съ гуся вода», братъ вѣчно мраченъ и никого не хочетъ знать... да и Валерьянъ хорошъ: учился-учился, да вдругъ все забросилъ: что же теперь съ нимъ будетъ и чѣмъ все это кончится?» Такъ томилась она думами о братѣ.

За семейнымъ обѣдомъ у дяди Василія Кириловича, какъ-то въ праздникъ, зашелъ разговоръ о Валерьянѣ Михайловичѣ. Оказалось, что кто-то изъ знакомыхъ видѣлъ его въ Лѣтнемъ саду и сообщилъ, что слышалъ, будто-бы Валерьянъ Михайловичъ немножко «того». При этомъ знакомый повертѣлъ пальцемъ около лба, желая дополнить и объяснить сказанное слово. Василій Кириловичъ захихикалъ, многозначительно переглянулся съ Анемподистомъ Михайловичемъ и не безъ злорадства добавилъ:

— Заступаются тоже другіе, а сами не знаютъ зачѣмъ...

Александра Михайловна едва удержалась отъ рѣзкаго отвѣта и поникла головой надъ тарелкой.

*

Digitized by Google

XVI.

Александра Михайловна, до встрѣчи съ старикомъ Пармономъ Прокофьевичемъ въ комнатѣ брата, ни разу не слыхала, что онъ бывалъ по какимъ-то дѣламъ въ домѣ графа Загорскаго. Немного она узнала и послѣ, да и не скоро дождалась поговорить съ братомъ о положеніи его дѣлъ. То она не заставала его дома, то онъ притворялся занятымъ работой, раскидывалъ на столѣ груды бумагъ и развернутыхъ книгъ—и она, боясь отнять у него лишнюю минуту времени, немедленно же уходила, втайнѣ радуясь, что онъ, кажется, готовитъ диссертацію». Въ тѣ мучительные дни, когда онъ страдалъ неизвѣстностью о мѣстопребываніи Лидіи Константиновны, къ нему нельзя было и подступиться: сердится, кричитъ, говоритъ дерзости или вдругъ насупится и упорно молчитъ на всѣ вопросы. Потомъ, спустя недѣльку другую, онъ какъ-будто нѣсколько «поотмякъ», какъ выражалась о немъ Александра Михайловна. Пользуясь такимъ случаемъ, она попробовала кое о чемъ его разспросить.

— Неужели ты, Валерушка, для того взялъ работу у графа, чтобы имѣть деньги? спросила она.

— Нѣтъ, коротко отвѣтилъ онъ.

— Ты, надѣюсь, не нуждаешься?

— Пока, да.

— И, конечно, скажешь, если будешь нуждаться?

— Скажу...

— Надѣюсь, ты работаешь на магистра.

— Пока, нѣтъ.

— Но отчего же? Ты знаешь, время уходитъ.

— Какъ не знать! Даже изъ прописей извѣстно, что время скоротечно.

— Но что-же ты пишешь? Сколько разъ я заставала тебя за бумагами.

— Ахъ, оставьте! Что за допросы...

На другой день послѣ этого разговора, комната его вдругъ

Digitized by Google

опустѣла. Квартирная хозяйка, широколицая нѣмка съ волчьей шеей и оловянными глазами, на вопросъ Александры Михайловны о братѣ, отвѣтила:

— Онъ уѣхаль.

— Какъ уѣхалъ, куда?

— Я не знайтъ. Онъ комнатъ за собой оставляйтъ и уѣхаль, и онъ сказаль: милый Каролинъ Карловна, я комнатъ за собой оставляйтъ и буду заплатить деньги потомъ...

Прошелъ день, прошелъ другой, прошло ихъ десятка два, а Валерьянъ Михайловичъ все не возвращался. Александра Михайловна ноги оттоптала, заходя къ нѣмкѣ по нѣскольку разъ въ день, по пути и не по пути. Иногда она заставала ее въ унылом раздумьѣ на счетъ того, какъ быть съ комнатой—очистить-ли ее для новыхъ жильцовъ, или еще подождать. Иной разъ нѣмка вылетала къ ней изъ кухни съ засученными по-локоть рукавами и въ холщевомъ передникѣ, съ запахомъ масла, луку и перцу, и сама накидывалась на нее съ вопросами о Валерьянѣ Михайловичѣ.

— И какъ-же ви не знайтъ, когда онъ возвращалься, если онъ на васъ братъ и ви на него—родной сестра?

Александра Михайловна пожимала плечами и вздыхала.

Валерьянъ Михайловичъ наконецъ возвратился. Нѣмка обрадовалась, чуть не кинулась ему на шею въ избыткѣ счастія, при мысли о томъ, что ея восемнадцать рублей не пропадутъ, а онъ, въ отвѣтъ на ея радушную встрѣчу, только едва головой кивнулъ и сурово спросилъ:

— Была сестра?

— Ахъ, они биль и очень, очень много спрашиваль и очень печалилъ...

Отъ этого извѣстія Валерьянъ Михайловичъ пришелъ въ такое гнѣвное состояніе духа, что металлическая папиросница, бывшая въ это время въ его рукахъ, затрещала, сломанная пополамъ.

По всему было замѣтно, что поѣздка его кончилась неудачей.

Онъ былъ мраченъ, угрюмъ, и по цѣлымъ днямъ валялся на диванѣ, чувствуя отвращеніе ко всякой работѣ.

Но въ одно утро, когда Александра Михайловна по обыкно-

Digitized by Google

венію посѣтила его, для того чтобы съ новой энергіей сдѣлать ему родственное внушеніе о его невозможномъ образѣ жизни, онъ, противъ великаго ожиданія, встрѣтилъ ее съ распростертыми объятіями и, кинувшись къ ней на шею, вдругъ, какъ говорится, раскрылъ душу.

— Я получилъ письмо! зашепталъ онъ, милая моя, родная, поцѣлуй! Я счастливъ!

— Что такое, Валерушка? Скажи обстоятельнѣе, я ничего не понимаю.

— Ахъ, къ чему обстоятельнѣе!.. Знаешь-ли, добрая моя, хорошая, вѣдь я изстрадался, измучился, и теперь какъ гора съ плечъ... Сядь, сядь вотъ здѣсь, я тебѣ все разскажу.

Александра Михайловна послушно сѣла, не безъ подозрѣнія взглядывая по временамъ на брата.

— Я былъ тамъ, зашепталъ онъ скоро, задыхаясь и глотая слова, выѣзжалъ изъ Петербурга именно туда и,—представь,—до того неудачно, что не только её не видѣлъ, но даже и къ усадьбѣ не могъ подойти близко. Александра Михайловна не понимала, о комъ онъ говоритъ, и не смѣла прервать его вопросомъ, не безъ основанія опасаясь, что моментъ откровенности можетъ также вдругъ и оборваться, какъ вдругъ начался. Но Валерьянъ Михайловичъ точно нарочно говорилъ только о своихъ чувствахъ, о любви, и не упоминалъ ея имени, такъ что сестра наконецъ не выдержала и вкрадчиво спросила:

— Но кто же она, Валерушка?

— Какъ, кто? изумленно повторилъ онъ и вдругъ замолчалъ, какъ-будто съ неба свалился или точно вылили на него ушатъ холодной воды. Оглянувъ свою комнату, полъ, потолокъ, зеркало, онъ, не глядя на сестру, отвѣтилъ:

— Я до поры до времени хотѣлъ сохранить въ тайнѣ отъ тебя мои сердечныя дѣла, но если ужь сказано—то сказано.

— Да кто-жъ она, Валерушка?

— Нѣтъ, ужь этого не скажу. Глубокая, непроницаемая тайна!

Digitized by Google

XVII.

Съ этого времени Валерьянъ Михайловичъ сдѣлался замѣтно ровнѣе, спокойнѣе, и не только никуда больше не выѣзжалъ за городъ, но и изъ комнаты своей сталъ выходить рѣже. Онъ принялся за окончаніе диссертаціи. Ни о письмахъ, ни о любви своей онъ больше не проговаривался и съ такою ревностью принялся за работу, что съ утра до вечера засиживался за письменнымъ столомъ, и только ночью, передъ сномъ, выходилъ на улицу освѣжиться. Александра Михайловна стала уже подумывать о томъ, что онъ выздоровѣлъ отъ любовной горячки и боялась только, не повторилась бы она не во время, именно тогда, когда нужно оканчивать серьезныя работы. Она никогда не считала брата легкомысленнымъ, способнымъ увлечься «новой красотой», и поводовъ къ этому никакихъ не имѣла; но напуганная однажды тѣмъ до невѣроятности сильнымъ чувствомъ, которымъ еще такъ недавно онъ былъ охваченъ, она, само собою разумѣется, не могла не бояться возникновенія вновь этого чувства.

Она каждый день посѣщала квартиру нѣмки, но въ комнату брата не всегда заходила, опасаясь помѣшать его занятіямъ. Придетъ, бывало, озабоченная и вздыхающая, осторожно проберется къ хозяйкѣ на кухню и зашепчется съ нею о братѣ.

— Ну, что онъ, дома?

— О, да! Дома. О, дома, всегда дома! шопотомъ отвѣчала и нѣмка, впадая въ ея тонъ.

— Занятъ, да?

— О, да, очень много занятъ, все книга: и на столъ, и на полъ, и на диванъ...

Довольная такими сообщеніями, Александра Михайловна возвращалась домой и не безъ торжественности заявляла потомъ дядѣ и брату, что всѣ слухи, доходящіе до нихъ о Валерьянѣ Михайловичѣ,—ложь и пустяки. Дядя, слушая ее, многозначительно подмигивалъ Анемподисту Михайловичу, а тотъ косился на сестру и мычалъ.

Digitized by Google

— Слыхали мы это! хорошо птичка поетъ, да гдѣ-то сядетъ.

Оба они съ дядей какъ будто даже недовольны были тѣмъ, что Валерьянъ Михайловичъ въ самомъ дѣлѣ можетъ достигнуть «высокаго положенія». Между тѣмъ Валерьянъ Михайловичъ былъ въ это время не только недалеко отъ прямой дороги къ профессорской каѳедрѣ, но хлопоталъ уже о томъ, что нельзя-ли будетъ приберечь для него открывшуюся въ это время профессорскую вакансію гдѣ-то на югѣ. Братъ и дядя, при извѣстіи о томъ, что онъ сдалъ экзаменъ на магистра, сразу измѣнили свои отношенія къ нему, помня руководящее правило: «держи носъ по вѣтру». Они оба одновременно отправились къ Валерьяну Михайловичу и разсыпались похвалами его трудолюбію, талантамъ, силѣ ума и т. д. Они были счастливы сознаніемъ, что ихъ ближайшій родственникъ достигъ, какъ думали они, до самой уже вершины человѣческой мудрости и будетъ получать что-то около трехъ тысячъ жалованья. Но на этомъ ихъ умиленіе не оканчивалось, и они открывали въ будущемъ Валерьяна Михайловича цѣлый рядъ блестящихъ его успѣховъ: и на богатой женится, и ректоромъ будетъ, и попечителемъ, а, можетъ быть (чѣмъ чортъ не шутитъ!) можетъ быть, и на министерское мѣсто заберется.—«О, онъ настойчивъ, онъ свое возьметъ»!.. восхищались они. Александра Михайловна, разумѣется, тоже восторгалась успѣхами брата, но ужь, конечно, не потому, что онъ можетъ министромъ быть.

— «Соколъ мой ясный, шептала она, оставаясь даже наединѣ сама съ собою,—и красавецъ, и ученый, и добрый»! Она не знала уже, какъ его назвать, на какой пьедесталъ вознести.

— «Всѣ мы, и дядя Василій, и братъ Анемподистъ, и вся наша родня—всѣ мы маленькіе мелкіе людишки, а онъ—соколъ, звѣзда первой величины». Она настаивала, чтобы братъ непремѣнно переѣхалъ къ нимъ и хотѣла, по случаю полученія имъ магистерскаго званія, устроить что нибудь необыкновенное по своей торжественности, пригласить всѣхъ знакомыхъ на пирогъ и непремѣнно, чтобы шампанское было въ великомъ множествѣ. Валерьянъ Михайловичъ все это отклонилъ и согласился въ концѣ концовъ только на одну просьбу—пріѣхать къ дядѣ на обѣдъ за-просто,

Digitized by Google

да и то слова не сдержалъ и пріѣхалъ часъ спустя послѣ обѣда. Что̀ его задержало и гдѣ—это такъ и осталось тайной, хотя чрезъ нѣсколько дней одна знакомая Александры Михайловны, старушка, разсказывала ей, что въ описываемый день встрѣтила Валерьяна Михайловича на Итальянской, выходящимъ изъ дома графа Загорскаго, и онъ будто-бы ей сказалъ, что былъ у кого-то изъ своихъ знакомыхъ, занимавшихъ квартиру въ надворномъ флигелѣ этого дома.

Такъ это и забылось, какъ незначительное обстоятельство, вызвавшее въ свое время маленькое неудовольствіе и изгладившееся потомъ само собою. Но впослѣдствіи, чрезъ значительный уже промежутокъ времени, Александра Михайловна откровенно разсказывала, что когда знакомая старушка сообщила ей, казалось бы, ничего незначущее извѣстіе о Валерьянѣ Михайловичѣ, выходившемъ изъ графскаго дома, что именно съ этого времени ей сдѣлалось невыносимо грустно и какое-то непонятное, давящее, мрачное настроеніе овладѣло ею. Богъ знаетъ почему, ей вдругъ стало казаться, что за такимъ, повидимому, неимѣющимъ никакого значенія извѣстіемъ кроется что-то ужасное. Она всѣми силами старалась отогнать отъ себя мрачныя мысли, но онѣ не давали ей покою. Потомъ, когда дѣйствительно грозныя тучи повисли надъ головой Валерьяна Михайловича и разразились съ необычайной силой, Александра Михайловна поняла, о чемъ ныло ея любящее сердце, чего просило оно и что предчувствовало.

XVIII.

Прошелъ августъ, минулъ и сентябрь, и осень уже стучалась въ окно, тоскливая, ненастная, съ свинцовыми тучами и мрачными думами. Швейцаръ Павелъ Ивановичъ снялъ уже свое объявленіе «объ отъѣздѣ господъ къ дворнику налѣво» и снова облачился въ свою парадную форму съ эпитрахилью черезъ плечо. Опять появились: въ передней скучающіе лакеи, у подъѣзда—карета съ вѣчно дремлющимъ на козлахъ кучеромъ, а въ кабинетѣ графа—секретарь съ портфелемъ подъ лѣвымъ локтемъ—старый засушенный грибъ,

Digitized by Google

темно-коричневаго цвѣта, лѣтъ за сорокъ. На этого секретаря графиня смотрѣла уже безъ всякихъ сомнѣній, будучи увѣрена, что не только ея дочь, но и ни одна женщина въ мірѣ не увлечется такимъ замореннымъ зайцемъ, точное подобіе котораго онъ собою являлъ.

Графъ по прежнему былъ неусыпенъ въ своихъ трудахъ, по прежнему дряхлъ физически и носилъ неизмѣнный зеленый зонтикъ надъ глазами, а графиня также богомольна, строга, заботлива и ревнива въ своемъ надзорѣ за дочерью. Но жизнь въ ихъ домѣ, повидимому, стала нѣсколько поспокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ время,—искуснѣйшій цѣлитель всякихъ душевныхъ недуговъ,—замело, такъ сказать, и послѣдніе слѣды воспоминаній о прежнемъ секретарѣ графа, Валерьянѣ Михайловичѣ Колывановѣ. Лидію Константиновну сваталъ новый женихъ, какой-то звѣздоносецъ изъ молодыхъ, однако, очень юркій, пухленькій живчикъ съ бойкими карими глазами и высокимъ звонкимъ голосомъ. Къ этому жениху Лидія Константиновна, повидимому, относилась безъ непріязненнаго чувства и хотя при разговорѣ о немъ съ отцомъ и матерью невыражала неудовольствіе на сватовство звѣздоносца, но просила времени для того, чтобы сосредоточиться и обдумать его предложеніе. Она какъ будто уже забыла о Валерьянѣ Михайловичѣ. Графиня ѣздила по церквамъ, молилась объ упокоеніи умершихъ и о счастіи живущихъ «своихъ близкихъ» и, возвращаясь домой, уже не дѣлала никакихъ допросовъ или очныхъ ставокъ старой Marie съ дочерью. Она втайнѣ радовалась, что дочь «наконецъ образумилась», не груститъ, не дѣлаетъ сценъ и замѣтно склоняется на бракъ съ молодымъ звѣздоносцемъ.

Лидія Константиновна, дѣйствительно, съ нѣкотораго времени повеселѣла, часто садилась за рояль и играла то веселые вальсы, то шумные, торжественные марши, и потомъ, расхаживая по громаднымъ комнатамъ отцовскаго дома, тихонько что-то напѣвала про цвѣты, про любовь и про счастье. Было-ли въ этомъ ея направленіи что нибудь, имѣющее связь съ успѣхами Валерьяна Михайловича, или только одно случайное совпаденіе обстоятельствъ, объ этомъ ничего нельзя было сказать положительнаго, такъ какъ

Digitized by Google

никто не зналъ, существовали-ли какія либо сношенія между Лидіей Константиновной и Валерьяномъ Михайловичемъ. По крайней мѣрѣ, ни графъ, ни графиня, ни m-lle Магіе не интересовались тѣмъ, въ какомъ положеніи находится Валерьянъ Михайловичъ и продолжаетъ-ли онъ свое существованіе на бѣломъ свѣтѣ. Только старикъ Парменъ, бесѣдуя какъ-то въ свободные часы съ Павломъ Ивановичемъ и, перетряхивая прошлое, припомнилъ было и тѣ весеннія невзгоды, когда графиня впопыхахъ «умчала дочь» изъ Петербурга, и зашепталъ что-то о своихъ подозрѣніяхъ «касательно чувствъ» Лидіи Константиновны къ Колыванову. Въ отвѣтъ на это, Павелъ Ивановичъ многозначительно погрозилъ ему жирнымъ пальцемъ и, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, закивалъ головой на двери: «гляди, молъ, въ оба». Потомъ, спустя минуту-другую, онъ самъ подсѣлъ къ нему поближе и передалъ о томъ, какъ встрѣтилъ Колыванова лѣтомъ въ вагонѣ и какъ онъ «изъ фанаберіи» не сталъ съ нимъ разговаривать.—Да вѣдь и я, братецъ ты мой, его встрѣтилъ лѣтомъ, около нашей подмосковной, съ изумленіемъ возразилъ Парменъ Прокофьевичъ,—надо быть, онъ жилъ тамъ гдѣ нибудь по-близости на дачѣ; какъ же теперича выходитъ, что онъ сразу въ двухъ мѣстахъ оказался!» Толстый собесѣдникъ задумался, и оба потомъ порѣшили на томъ, что либо тотъ, либо другой «опознался».

Но сопоставляя время веселаго расположенія духа Лидіи Константиновны со временемъ торжества Валерьяна Михайловича, какъ будущаго профессора, можно было сдѣлать кой-какіе небезъинтересные выводы насчетъ того, что наигрываніе маршей и вальсовъ «особой женскаго пола» и сдача диссертаціи на магистра «особой мужескаго пола» могутъ иногда имѣть близкую между собою связь. Однако-же, какъ сказано выше, никто изъ обитавшихъ въ домѣ графа Загорскаго не подозрѣвалъ этого. Точно также никто изъ нихъ не зналъ, что съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей, въ комнатѣ Лидіи Константиновны стала появляться на окнѣ въ опредѣленное время горящая свѣча и такая же свѣча появлялась потомъ чрезъ нѣсколько времени на одномъ изъ оконъ флигеля. Замѣтивъ эту свѣчу, Лидія Константиновна гасила свою, внимательно

Digitized by Google

смотрѣла въ окно, приложившись лицомъ къ его стеклу и потомъ, открывъ форточку, спускала внизъ на шнурочкѣ письмо, и взамѣнъ его получала оттуда другое. Въ эти минуты она уже не боялась быть застигнутою врасплохъ матерью или кѣмъ бы то ни было изъ домашнихъ: дверь была на замкѣ, да и кромѣ того, условленная свѣча появлялась на окнѣ около двухъ часовъ ночи, когда уже въ домѣ всѣ спали. Благодаря такой предусмотрительности, графиня Поликсена Григорьевна оставалась въ невѣдѣніи насчетъ отношеній дочери къ Валерьяну Михайловичу. Да и трудно было что либо предусмотрѣть при тѣхъ предосторожностяхъ, которыя были приняты со стороны Валерьяна Михайловича и Лидіи Константиновны для возстановленія письменныхъ между собою сношеній. Лидія Константиновна получаемыя письма сжигала, а Валерьянъ Михайловичъ ни разу даже не показывался ни во флигелѣ дома Загорскихъ, ни во дворѣ его. Онъ дѣйствовалъ черезъ третье лицо, жившее во флигелѣ дома и чуть-ли даже не намѣренно туда помѣщенное. Это лицо и выставляло свѣчу въ опредѣленный часъ на окнѣ, давая этимъ знать, что отъ Валерьяна Михайловича есть письмо, и получало отвѣтныя письма отъ Лидіи Константиновны. Въ чемъ заключалась переписка молодыхъ людей, велась-ли она для того только, чтобы удовлетворить потребности духовнаго общенія и высказывать другъ другу сердечныя чувства, или же съ другою цѣлью, именно съ цѣлью достигнуть согласія родителей на бракъ—объ этомъ третье лицо никакого понятія не имѣло и исполняло только то, что̀ ему было поручаемо. Да и въ самомъ дѣлѣ, не легко было составить понятіе о томъ, какими путями Валерьянъ Михайловичъ и Лидія Константиновна надѣялись достигнуть своего счастія. Они не имѣли возможности не только встрѣтиться гдѣ либо, въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ, чтобы перекинуться живымъ словомъ; но даже и издали видѣли другъ друга весьма рѣдко, да и то при случайныхъ обстоятельствахъ. Она, напримѣръ, сообщала ему, что въ такой-то день будетъ въ театрѣ или собраніи, и въ такой-то именно ложѣ, и умоляла его быть какъ можно осторожнѣе, не злоупотреблять такимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы «maman какъ нибудь не замѣтила».

Digitized by Google

Онъ спѣшилъ въ театръ, занималъ подходящее мѣсто гдѣ нибудь вверху, и, прячась за спину другихъ, смотрѣлъ на очаровавшую его дѣвушку, и она, зная изъ письма его, гдѣ онъ будетъ сидѣть, изрѣдка на него взглядывала. Но при такомъ положеніи дѣлъ возможно-ли имъ было достигнуть родительскаго согласія? А они, между тѣмъ, надѣялись и считали дни,—сколько еще ихъ оставалось,—до того счастливаго, веселаго, радостнаго, какъ думалось имъ, дня, который, по взаимному согласію, они избрали для достиженія своего счастія. Этому дню они заранѣе назначили быть счастливымъ и радостнымъ, а онъ, противъ всякаго ожиданія, оказался «самъ на себя не похожъ».

XIX.

Когда этотъ день наконецъ наступилъ, Лидія Константиновна до того испугалась, что готова была прервать съ Валерьяномъ Михайловичемъ всѣ сношенія, и отказаться отъ счастія. Но какъ прервать сношенія, когда по обоюдному согласію все уже приготовлено къ тому, чтобы сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ? Какъ отказаться отъ счастія, когда оно, послѣ столькихъ страданій и слезъ, повидимому, уже близко? Но отецъ? со страхомъ вспоминала Лидія Константиновна;—онъ такой добрый, любящій, онъ только ею и живетъ. Какъ же рѣшиться нанести ему ужасный ударъ? До этого дня, въ продолженіе многихъ, предшествовавшихъ ему, она ни разу не представляла себѣ, что рѣшается на рискованный шагъ и ни разу не поколебалась въ томъ, что онъ, можетъ быть, и не удастся. Но въ этотъ день, избранный для осуществленія задуманнаго рѣшенія, ей вдругъ стало страшно, и страшно не потому только, что задуманное рѣшеніе могло при неудачѣ имѣть дурныя послѣдствія, но и по многимъ другимъ неисчислимымъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, стало жаль отца, совѣстно передъ нимъ, и совѣстно потому, что она знала, какъ онъ беззавѣтно ее любитъ и на какія жертвы для нея способенъ.—«И такому-то отцу я должна нанести ужасный ударъ прямо въ сердце!» съ тоской думала она. Во-вторыхъ, опять таки страшно было за от-

Digitized by Google

ца.—«Онъ такъ дряхлъ, такой болѣзненный, слабый! что будетъ со мною, если онъ не перенесетъ этого удара?» спрашивала она сама себя и, почти въ ужасѣ при такомъ опасеніи, не знала, куда идти отъ своихъ мученій. Въ-третьихъ, въ-четвертыхъ и т. д.,— все думалось объ отцѣ, главное, объ отцѣ.

Ей ни разу не вспомнились ни мать и никто изъ родныхъ съ ихъ мнѣніями о томъ, на какой непростительный шагъ она рѣшается и какую страшную рану хочетъ нанести ихъ самолюбію, избравъ себѣ въ спутники жизни человѣка не ихъ круга. Отецъ, одинъ только отецъ, стоялъ живой укоризной передъ ея умственнымъ взоромъ—и цѣлый день она колебалась между желаніемъ кинуться къ нему на шею и все открыть, и страхомъ, что въ такомъ случаѣ мать разрушитъ все ея счастіе. Она была увѣрена, что стоитъ ей только открыться во всемъ отцу, упасть къ нему на грудь и онъ исполнитъ всякое ея желаніе, какъ бы тяжело ни было ему исполненіе; но она знала, что мать помѣшаетъ ей овладѣть чувствами отца, удержитъ его отъ «безумнаго рѣшенія», возьметъ ея участь въ свои твердыя руки и все разрушитъ, и такъ на этотъ разъ разрушитъ, что никогда уже нельзя будетъ надѣяться на возстановленіе сношеній съ милымъ человѣкомъ, не смотря ни на какія предосторожности.

Такъ прошло утро избраннаго для «счастья» дня. Лидія Константиновна откровенно, положа руку на сердце, не могла сама себѣ сказать, въ которую сторону всего болѣе склоняются ея чувства: къ отцу-ли, безгранично ею любимому, или къ «избраннику сердца». Она ходила по огромнымъ комнатамъ отцовскаго дома и не знала, гдѣ присѣсть, уединиться, обдумать свое положеніе: вездѣ ей было страшно, вездѣ сердце ныло и мысли путались, побѣждая одна другую и не давая ей минуты покоя. Къ ея благополучію, въ это утро не было дома maman. Будь она дома, пожалуй, могло бы произойти что нибудь непріятное: она бы, по свойственной ей сообразительности, замѣтила состояніе духа дочери и вывела бы изъ этого свое заключеніе, за которымъ могли послѣдовать «строжайшія мѣры». Къ ея пріѣзду, Лидія Константиновна нѣсколько оправилась, засѣла у себя въ комнатѣ около

Digitized by Google

окна и стала держать на колѣняхъ книжку на случай прихода матери, чтобы тотчасъ же, какъ только она подойдетъ къ дверямъ комнаты, поднести книжку къ глазамъ и этимъ скрыть свое тревожное душевное состояніе.

Поликсена Григорьевна дѣйствительно зашла къ ней по возвращеніи отъ поздней обѣдни, поцѣловала ее въ лобъ и укоризненно сказала:

— Какъ не стыдно, Lydie!

— Что такое, maman, я не понимаю.

— Помилуй, другъ мой, который день ты все одно и то же платье надѣваешь. Это ни на что не похоже!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ... озабоченно отвѣтила Лидія Константиновна, довольная случаемъ уйти поскорѣе съ глазъ матери.

Она намѣренно долго перемѣняла свой туалетъ и ненамѣренно задумывалась, стоя по нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ и не замѣчая, что обращаетъ на себя вниманіе прислуживавшей ей старушки. Старушка, смотря на нее, вздыхала и, держа въ рукахъ какую-то косыночку, молча ждала, когда будетъ угодно Лидіи Константиновнѣ взять ее. Имѣя, хотя изъ отдаленныхъ источниковъ, свѣдѣнія о томъ, что молодой генералъ сватаетъ барышню, а «она о другомъ думаетъ», старушка именно къ этому обстоятельству отнесла ея задумчивость и, оставшись одна въ гардеробной, долго потомъ покачивала старой головой, вздыхая о судьбѣ господъ:— «Вотъ, молъ, и богатые, и знатные люди, а тоже не безъ скорбей и у нихъ!»

Такъ прошло цѣлое утро и цѣлый день въ мучительныхъ колебаніяхъ, и чѣмъ меньше оставалось времени до вечера и до того роковаго часа, который былъ назначенъ рѣшить судьбу Лидіи Константиновны, тѣмъ невыносимѣе становилось душевное ея состояніе. Это состояніе нужно было еще притомъ и скрывать отъ всѣхъ. Отъ общаго завтрака въ столовой она впрочемъ уклонилась благополучно и попросила прислать себѣ чашку кофе къ мольберту, подъ предлогомъ будто бы желанія «поработать»; но отъ обѣда не было никакой возможности отдѣлаться. Къ обѣду пріѣхалъ, какъ на зло, молодой звѣздоносецъ, мѣтившій въ женихи

Digitized by Google

Лидіи Константиновны, съ которымъ, волей неволей, не смотря ни на какія душевныя страданія, нужно было поддерживать пріятный разговоръ. Женихомъ оффиціальнымъ онъ еще, положимъ, не былъ; но уже держался болѣе чѣмъ развязно, такъ какъ, не получивъ прямо отказа на свое предложеніе, заранѣе считалъ себя «счастливымъ». Въ его душевномъ состояніи нечего было впрочемъ и сомнѣваться, стоило только взглянуть ему въ лицо: глаза бойкіе съ маслянистымъ какимъ-то отливомъ, на губахъ улыбка, щеки пухлыя, румяныя и рѣчь скорая, звонкая, на высокихъ нотахъ: Онъ весь былъ точно на пружинахъ и вертѣлся во всѣ стороны, смотря по тому, съ кѣмъ говорилъ, а говорилъ, можно сказать, со всѣми заразъ: и съ графомъ, и съ графиней, и съ Лидіей Константиновной. Два ордена, красовавшіеся на его груди, безпокойно болтались во все время обѣда изъ стороны въ сторону и толкали другъ друга, явно осуждая генеральское поведеніе: вотъ, молъ, и красуйся на такой груди, того и гляди оборвешься, да еще, пожалуй, чего добраго, съ поврежденіемъ. Въ такихъ пересудахъ не принимала участія только звѣзда, сіявшая на лѣвой сторонѣ генеральской груди. Она, какъ было замѣтно по ея строгому виду, не желала имѣть никакого общенія съ своими сосѣдями и, повидимому, была недовольна тѣмъ, что генералъ проводитъ время въ такомъ обществѣ, гдѣ на нее не обращаютъ вниманія даже слуги.

XX.

Обѣдъ кончился. Молодой звѣздоносецъ уѣхалъ и Лидія Константиновна, едва скрывая свое душевное состояніе, ушла наконецъ къ себѣ въ комнату, удивляясь, какъ у ней хватило силы досидѣть обѣдъ до конца. Поликсена Григорьевна по ея уходѣ замѣтила m-lle Marie, что «Лидія очень блѣдна, глаза такіе странные»; но сама же потомъ и добавила:

— Представьте, Marie, я замѣчаю, что каждый разъ какъ только Lydie засидится за мольбертомъ, у нея дѣлается такое лицо.

— О, да, душечка, графиня, поспѣшно подсказала Marie,—въ

Digitized by Google

такомъ трудѣ, въ которомъ такъ много нужно психіи, всегда большое утомленіе.

— Ахъ, еслибъ не графъ, брезгливо замѣтила графиня, то всѣ эти мольберты, всѣ эти краски, масла, всю эту грязь—давно бы слѣдовало выкинуть вонъ.

М-lle Marie согласилась и съ этимъ. Такъ разговоръ о подозрительной блѣдности лица Лидіи Константиновны и кончился.

Но вечеръ близился; съ наступленіемъ его близилась и роковая минута. Собрались гости, человѣкъ до десяти, какъ обыкновенно бывало разъ въ недѣлю; къ этому времени душевное состояніе Лидіи Константиновны дошло до того, что она готова была лечь въ постель, чувствуя себя совсѣмъ разбитой, и, конечно, не ложилась; напротивъ, старалась держаться сколько возможно бодрѣе, чтобы не дать повода какимъ либо подозрѣніямъ, особенно со стороны матери.

Гости бесѣдовали сначала въ столовой за общимъ чаемъ, который разливала старая Marie. Лидія Константиновна сидѣла рядомъ съ нею около самовара, намѣренно занявъ это мѣсто для того, чтобы быть подальше отъ матери, сидѣвшей съ противоположной стороны стола. Отецъ, сгорбившись и окутавъ ноги пледомъ, уже оставилъ общій столъ и пріютился въ мягкомъ креслѣ, въ уголкѣ около двери, разговаривая съ кѣмъ-то изъ гостей, съ такимъ же, какъ самъ, старымъ и дряхлымъ. Разстроеннаго душевнаго состоянія Лидіи Константиновны никто не замѣчалъ; только одна изъ дамъ, сидѣвшая съ нею рядомъ и пользовавшаяся, какъ видно, ея откровенностью, услышала отъ нея жалобу, произнесенную впрочемъ тихимъ шопотомъ.

— Ахъ, еслибъ вы знали, прошептала она, какъ я несчастна!

— Что съ вами?

Лидія Константиновна незамѣтно дернула ее за рукавъ платья и смолкла.

— Лидія! раздался въ это время возгласъ матери.

— Что вамъ угодно, maman, вдругъ оживляясь, спросила Лидія Константиновна.

Digitized by Google

— Что это тебя не видать? Ты точно прячешься за самоваръ?

— Вы угадали, maman, у меня секреты съ Natalie.

— Что за секреты?

Лидія Константиновна чувствовала, что краснѣетъ, что голосъ ея вотъ-вотъ задрожитъ и оборвется. Она нервно задергала подъ столомъ правой рукой платье Natalie; та въ ту же секунду поняла, чего она отъ нея проситъ, и весело подхватила:

— Секреты у насъ, графиня, общіе и прошу васъ не любопытствовать, ха-ха!

И пока Natalie обмѣнивалась съ графиней нѣсколькими фразами, Лидія Константиновна успѣла овладѣть своимъ смущеніемъ и стала, съ видомъ полнѣйшаго спокойствія, откусывать маленькими кусочками какое-то, стоявшее передъ ней, печенье. Удостовѣрившись изъ разговора матери, что опасность быть замѣченною въ тревожномъ состояніи духа пока миновала, она вдругъ опять испугалась при одной мысли о томъ, не пропустила-ли уже времени, условленнаго для рѣшенія своей судьбы. И была минута, когда Поликсена Григорьевна изъ одного взгляда на ея лицо могла бы открыть всѣ ея сокровенные помыслы. Но сама судьба спасала ее отъ подозрительныхъ взглядовъ матери: мать въ эту минуту милостиво выслушивала кого-то изъ гостей, восхвалявшихъ ея добродѣтели, и не замѣтила, какъ, взглянувъ на часы, Лидія Константиновна поблѣднѣла и схватилась за свою недопитую чашку чая, точно за якорь спасенія. Съ намѣренной медленностью, удерживая ее около рта, она силилась овладѣть вновь охватившимъ ее волненіемъ и косилась на дверь столовой съ такимъ испугомъ въ глазахъ, точно въ эти двери долженъ вотъ-вотъ сію минуту кто-то войти и по меньшей мѣрѣ объявить ей смертную казнь. Однако-жъ въ дверяхъ никого не появлялось ни въ эти минуты, ни послѣ, въ продолженіе цѣлаго вечера, да и появиться было некому, и весь ужасъ при взглядѣ на двери охватывалъ ее вовсе не потому, что она могла дѣйствительно кого либо ждать, а именно потому, что сама должна была чрезъ эти двери выйти изъ столовой и, быть можетъ, навсегда проститься съ отцомъ,

Digitized by Google

горячо ею любимымъ. Снова, кое-какъ справившись съ своимъ волненіемъ и не смѣя взглянуть въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ отецъ, она съ преднамѣренной медленностью поднялась изъ-за стола и вышла изъ комнаты. Пройдя тоже съ напускнымъ спокойствіемъ по коридору, она съ удвоенной потомъ посмѣшностью прошла въ свою комнату и кинулась прежде всего къ окну, удостовѣриться, есть-ли условленная свѣча въ одномъ изъ оконъ флигеля—и, къ удивленію своему, свѣчи этой не увидала. Поспѣшно протеревъ глаза пальцами, она приложилась лицомъ къ стеклу окна, но свѣчи во флигелѣ все-таки не было. Пугливо оглянувшись потомъ на дверь своей комнаты, изъ опасенія, не слѣдитъ-ли за нею кто-нибудь, она взглянула на карманные часы, и оказалось, что они показываютъ девять часовъ, а въ девять именно и должна была появиться въ окнѣ условленная свѣча, какъ знакъ, что все готово.—Боже мой, что же такое случилось, подумала она и даже какъ будто обрадовалась, что, «можетъ быть, что нибудь помѣшало». Но радость была такъ-же непродолжительна, какъ и мелькнувшая вслѣдъ за тѣмъ досада на то, что когда же наконецъ все устроится? Радость и досада смѣнились испугомъ при мысли о томъ, что «нужно скорѣе идти въ столовую». Она сдѣлала уже нѣсколько шаговъ по направленію къ выходу изъ комнаты, потомъ вдругъ вернулась назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на окно. Къ ужасу своему, она увидѣла, что условленная свѣча, точно нарочно, въ это самое мгновеніе появилась на окнѣ. Сердце ея вдругъ точно замерло, кровь ударила въ виски. Едва, едва справившись съ собою и глубоко вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, она хотѣла уже выйти изъ комнаты, чтобы прошмыгнуть чрезъ коридоръ на черную лѣстницу, какъ вдругъ встрѣтила въ самыхъ дверяхъ коридора старую Marie.

— Я за вами, душечка, сказала ей Marie.

— Что нужно, зачѣмъ? глухо спросила Лидія Константиновна.

Marie точно поперхнулась, взглянувъ на ея лицо, и съ испугомъ спросила:

— Что съ вами, душечка?

— Ахъ, ничего... У меня немножко голова болитъ.

Digitized by Google

— Но въ такомъ случаѣ, душечка, простите меня: вамъ лучше лечь—и я скажу тамъ... Папа извинитъ.

— Папа? Что такое, что съ нимъ? вдругъ тревожно спросила Лидія Константиновна.

— Онъ по обыкновенію проситъ музыки, вѣчную сонату Pathétique...

— Но какъ-же быть...

— Вы, вѣроятно, душечка, не можете... И въ самомъ дѣлѣ, если голова болитъ, лучше не играйте, я передамъ...

— Ахъ, пожалуйста... милая моя... обрадовалась было Лидія Константиновна; но радость ея мгновенно же и исчезла: на встрѣчу ей шла сама Поликсена Григорьевна.

— Отчего ты ушла, Лидія? спросила она.

— Душечка, графиня, у ней очень голова болитъ, отвѣтила за нее Marie.

— Ахъ, maman, вздоръ, пустяки... Такъ чуть-чуть... Я имѣла неосторожность сѣсть около самовара, небрежно отвѣтила Лидія Константиновна, и, охвативъ правой рукой старую Marie за ея пухлый станъ, пошла съ ней по коридору къ дверямъ залы.

— Подожди, ради Бога, куда-же ты спѣшишь? обиженно замѣтила Поликсена Григорьевна.

— Я, maman, въ залу... Mademoiselle Marie говоритъ, что papa хочетъ музыки.

— А, хорошо!

Какъ она съиграла сонату, и сама не понимала, даже едва-ли и слышала то, что играла, вѣрнѣе, пальцы по привычкѣ сами бѣгали по клавишамъ. Оканчивая сонату, она почувствовала, что за ея спиной кто-то стоитъ, и когда затихли послѣдніе звуки грустныхъ аккордовъ, она не смѣла оглянуться, боясь обнаружить свое душевное состояніе. Оказалось, что за ея спиной стояла Nathalie, всегда бывшая съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Nathalie! прошептала она, едва поднявшись отъ рояля, ради Бога, помоги мнѣ...

— Что съ тобой?

— Пойдемъ со мной подъ руку, у меня голова кружится.

Digitized by Google

Nathalie послушно пошла, и когда онѣ, обнявшись, вышли изъ залы и пошли къ ней въ комнату, Лидія Константиновна не могла болѣе скрывать своего душевнаго состоянія: слезы ручьемъ потекли по ея лицу.

— Что съ тобой, Lydie, скажи, ради Бога, что такое? съ удивленіемъ прошептала Nathalie.

— Ничего... у меня ужасно нервы разстроены...

— Да отчего, какая причина?

— Такъ... Сама не знаю...

Онѣ вошли въ ея комнату; Лидія Константиновна взглянула въ окно и снова едва справилась съ испугомъ: свѣча стояла по прежнему на окнѣ, точно упрекая ее за то, что условленный часъ уже давно пробилъ.

— Скажи-же мнѣ, Lydie, просила Nathalie, что за причина твоихъ слезъ.

— Милая, милая! прошептала Лидія Константиновна, крѣпко обнявъ ее и цѣлуя,—безцѣнная моя, спасибо тебѣ...

И вдругъ, спохватившись, тревожно сказала:

— Ахъ, я сейчасъ... Подожди, я только одеколонъ изъ сосѣдней комнаты принесу.

Не надѣвая ни шляпы, ни пальто, она шмыгнула на черную лѣстницу и только тамъ, быстро сбѣгая по ея ступенькамъ внизъ, накинула на голову батистовый платокъ.

Согласно указаніямъ, сообщеннымъ въ послѣднемъ письмѣ Валерьяна Михайловича, она вышла прямо за ворота, гдѣ давно уже ожидала ее карета. Дворникъ, закутавшись въ овчинный тулупъ, дремалъ у воротъ на низенькомъ табуретѣ. Не успѣлъ онъ опомниться, испуганный тѣмъ, что мимо него «будто проскользнулъ кто-то въ бѣломъ», какъ дверцы кареты захлопнулись, и черезъ пять-шесть секундъ, она уже скрылась за уголъ перваго переулка, громыхая колесами по камнямъ мостовой.

XXI.

Nathalie была въ недоумѣніи. Прождавъ минутъ пять-шесть

Digitized by Google

Лидію Константиновну, она не безъ подозрѣнія оглянула ея комнату, столъ, мольбертъ, картины, мебель, какъ будто искала въ нихъ отвѣта на охватившіе ее вдругъ вопросы. Но нигдѣ и ни въ чемъ не было замѣтно никакой перемѣны: на мольбертѣ, какъ и прежде, стоялъ все тотъ же, почти уже оконченный портретъ графа, на который въ послѣдніе дни не могла безъ слезъ смотрѣть Лидія Константиновна, на столѣ лежали въ томъ-же безпорядкѣ книги, какъ бывало прежде;—словомъ, ни въ чемъ не было замѣтно указаній на какіе либо ея сборы изъ родительскаго дома. Nathalie взглянула въ растворенную дверь сосѣдней комнаты, гдѣ была спальня Лидіи Константиновны, и тамъ также горѣла лампа подъ абажуромъ, какъ и въ рабочей ея комнатѣ, и обѣ имѣли одинаковый темно-розовый цвѣтъ.

Пожавъ плечами, Nathalie вышла въ коридоръ и намѣренно прошла чрезъ длинный рядъ комнатъ графской квартиры, чтобы посмотрѣть, не тамъ ли гдѣ нибудь Лидія Константиновна. Войдя въ комнату, отдѣлявшуюся отъ столовой той тяжелой портьерой, чрезъ которую когда-то, еще весною, Лидія Константиновна смотрѣла на любимаго человѣка, Nathalie остановилась и, скрывая свое недоумѣніе, сѣла въ первое попавшееся подъ руку кресло. Портьера теперь была широко откинута и свѣтъ отъ двухъ десятковъ свѣчъ, горѣвшихъ въ массивныхъ канделябрахъ въ столовой, пятномъ проникалъ въ эту полуосвѣщенную комнату, занятую теперь гостями. Nathalie пытливо оглянула лица гостей, какъ будто желая прочесть на нихъ отвѣтъ на вопросъ:—да куда же, наконецъ, скрылась Лидія Константиновна? Нѣкоторые гости сидѣли около столовъ, гдѣ горѣли лампы подъ темными абажурами, другіе—въ уголкахъ на диванахъ и мягкихъ креслахъ, и разговоръ ихъ не былъ общимъ. Самъ графъ, въ сопровожденіи какого-то сѣденькаго старичка, вошелъ почти одновременно съ Nathalie въ эту комнату изъ залы, гдѣ слушалъ сонату, и оба сѣли на диванъ, въ сторонѣ отъ лампъ, такъ что въ тѣни ихъ почти не было замѣтно.

Старичокъ говорилъ о музыкѣ.

— Музыка, продолжалъ онъ, легонько жестикулируя правой рукой,—это великое и великолѣпное искусство. Оно такъ могуче

Digitized by Google

дѣйствуетъ на сокровенную глубь нашей души, такъ полно и глубоко можетъ быть ею понимаемо, что мы должны искать въ ней болѣе чѣмъ exercitium arithmeticae occultum nescientis se numerare animae, какъ опредѣлилъ ее Лейбницъ.

Графъ утвердительно и часто кивалъ головой въ тактъ его фразамъ, выражая свое согласіе съ его взглядами на музыку, и оба они, увлекшись серьезными разговорами, не замѣчали, что творится вокругъ нихъ. Графъ привелъ двѣ цитаты изъ Платона и Аристотеля и вызвалъ собесѣдника на новыя цитаты.

А среди гостей, между тѣмъ, стало замѣтно какое-то странное движеніе. Мѣста около столовъ уже опустѣли и мягкій свѣтъ, падавшій на лежавшіе тутъ альбомы и книги съ рисунками, освѣщалъ только эти альбомы и рисунки. Гости въ недоумѣніи толпились кой-гдѣ по угламъ и перешептывались. Лакеи нѣсколько разъ проходили по комнатамъ, скоро, одинъ за другимъ, и еще болѣе изумляли гостей тѣмъ, что оглядывали ихъ съ какою-то странною подозрительностью. Старикъ Парменъ Прокофьевичъ, тревожно ощупывая свой подбородокъ, показался раза два въ дверяхъ комнаты, и потомъ быстро ушелъ куда-то. Сама графиня прошла черезъ комнату безъ кровинки въ лицѣ, въ такомъ волненіи и съ такимъ полнѣйшимъ невниманіемъ къ гостямъ, что они рѣшительно растерялись. Старая Магіе слѣдовала за ней, красная и запыхавшаяся, точно она только что освободилась отъ какой-то тяжелой и спѣшной работы.

— Скажите, пожалуйста, что такое случилось? шопотомъ спросили ее обступившіе гости.

Но не успѣла она остановиться и сказать о причинѣ переполоха, вызваннаго исчезновеніемъ изъ дому Лидіи Константиновны, какъ сама графиня вернулась въ комнату и прежде всего бросила испуганный взглядъ на графа, продолжавшаго бесѣдовать о томъ, какъ думали о музыкѣ Платонъ и Аристотель.

— Платонъ, говорилъ онъ,—опредѣляетъ музыку, какъ melodiarum motus animi effectus imitans...

Онъ не обратилъ никакого вниманія на то, что въ это время испытующій взглядъ жены былъ остановленъ на немъ и что въ

Digitized by Google

комнатѣ, невдалекѣ отъ него, гости толпились безпорядочной группой.

— Ради Бога, прошу васъ, прошептала графиня, обращаясь то къ одному, то къ другому гостю,—умоляю васъ, не говорите ни слова графу, какъ будто ничего не произошло.

— Да что такое случилось? Какое несчастіе, съ кѣмъ? спрашивали гости.

— Ничего ни съ кѣмъ не случилось, сдержанно отвѣтила графиня,—только Лидія не очень здорова.

— Что съ нею? Она сейчасъ была въ залѣ, играла.

— Ахъ, ради Бога, тише! шептала графиня скоро и безсвязно,—прошу васъ, ради спасенія вашего въ загробной жизни, пожалуйста, помѣститесь около столовъ по прежнему... Полчаса... часъ... не болѣе, мы уложимъ графа спать, и все обойдется.

Руки ея дрожали, губы кривились въ сторону, глаза искрились то гнѣвомъ, то страхомъ, и впалыя щеки какъ будто еще болѣе ввалились. Она не могла минуты просидѣть съ гостями, и, шепнувъ еще два-три слова моленія «ради Бога», ушла опять изъ комнаты. Изъ гостей однако же за столами сидѣли немногіе. Они опять разбрелись по угламъ и перешептывались, очевидно уже получивъ стороной свѣдѣніе, что непонятная суета въ домѣ вызвана вовсе не болѣзнью Лидіи Константиновны. Два пріятеля,—оба, какъ видно, любители искусствъ,—стояли въ сосѣдней комнатѣ около какой-то мраморной статуи и разговаривали о ея достоинствахъ, думая во время этого разговора о томъ, какъ-бы поскорѣе улизнуть изъ графской квартиры подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ.

— Превосходная работа! сказалъ одинъ.

— Да, вещь прочувствованная! Нашимъ мастерамъ, пожалуй, далеко до такой законченности...

— Знаешь что, шопотомъ возразилъ первый, — вѣдь ужина намъ не дадутъ.

Другой, стоявшій передъ статуей, съ заложенными за фалды фрака руками, повернулъ къ нему въ полъ-оборота голову и укоризненно прошепталъ:

— Какъ тебѣ не стыдно!

Digitized by Google

— Однако, чортъ знаетъ, что тамъ за исторія у нихъ... Конечно, ужина не будетъ. Пойдемъ...

— Но какъ-же, не простившись?

— Э, теперь имъ не до насъ... Я, признаюсь, кой-что слышалъ еще по веснѣ и чуть-ли сегодняшняя исторія не продолженіе той.

Они зашептались, оглядываясь по временамъ на ту комнату, гдѣ толпились гости и сидѣлъ графъ съ своимъ собесѣдникомъ.

XXII.

Въ передней, въ коридорахъ и на лѣстницахъ — словомъ, во всѣхъ углахъ дома тоже слышался шопотъ. Слуги бѣгали по парадной лѣстницѣ внизъ и вверхъ и разспрашивали швейцара. Павелъ Ивановичъ былъ въ смущеніи, пыхтѣлъ, сопѣлъ и хмурился.

— Я не отлучался, и здѣсь онѣ не изволили проходить,—въ десятый разъ поясняхъ онъ, въ отвѣтъ на присылаемые графиней запросы. Оставшись одинъ, онъ продолжалъ разсуждать уже самъ съ собою: «а между прочимъ, ежели-бы онѣ и дѣйствительно изволили мимо меня пройти, развѣ-бы я осмѣлился ихъ сіятельству что-нибудь замѣтить,—въ родѣ вопроса, напримѣръ, куда и зачѣмъ?.. Вѣдь за это онѣ мнѣ могли поставить такую точку-запятую, что я бы, можно сказать, не зналъ, куда дѣваться. Какъ это графиня странно изволитъ судить? Вѣдь изъ этого выходитъ одно только мечтаніе... Развѣ я могу удерживать?

— А во всемъ сама виновата, шептался на черной лѣстницѣ Парменъ Прокофьевичъ съ поваромъ,—сама, какъ есть, съ головы до пятокъ сама виновата: вѣдь надо говорить правду, вѣдь она, можно сказать, ей голову отгрызла своими попреками...

Поваръ въ бѣломъ фартукѣ, съ сизымъ носомъ и съ одутловатыми, почти малиноваго цвѣта щеками, стоялъ передъ нимъ, нѣсколько покачиваясь изъ стороны въ сторону и смутно понимая, о чемъ ему говорятъ.

— А швейцаръ чего смотрѣлъ? вдругъ возразилъ онъ.

Digitized by Google

— Да швейцаръ что-жъ теперича могъ! Развѣ до швейцара это дѣло принадлежитъ?

— А для какой такой надобности онъ приставленъ къ подъѣзду? Ежели онъ, толстоногій, ничего не видитъ—въ шею его.

— Да развѣ швейцаръ для того приставленъ, чтобы ловить? гнѣвно возразилъ Парменъ Прокофьевичъ.

— А для чего, по твоему?

Парменъ Прокофьевичъ только теперь замѣтилъ, что поваръ «грузенъ», и, гнѣвно отмахнувшись отъ его вопроса, ушелъ въ комнату.

Нѣкоторые изъ гостей, не видя ни хозяйки, ни дочери, ни даже старой Marie, которую по долголѣтней ея службѣ въ графскомъ домѣ считали тоже принадлежащей къ ихъ семейству, стали понемногу выбираться изъ парадныхъ комнатъ въ переднюю и уходить. Графиня въ это время была въ спальнѣ Лидіи Константиновны; вмѣстѣ съ нею тамъ были и старушка Marie и Nathalie. Всѣ трое стояли посреди комнаты, занятыя одною думою о томъ, какъ быть съ графомъ, что сказать въ отвѣтъ на вопросъ, куда дѣвалась Лидія Константиновна. Графиня кусала губы, мяла свои костлявыя руки и кидала гнѣвные взгляды на разные предметы, находившіеся въ комнатѣ дочери, точно считала ихъ пособниками ея побѣгу. M-lle Marie была сама не своя и вздыхала, не смѣя взглянуть на графиню. Одна только Nathalie была спокойнѣй другихъ.

— По моему, душечка графиня, нужно сказать графу, что Lydie больна, шепнула Marie.

— Какая я вамъ душечка! Замолчите! Вздоръ, вздоръ! прервала ее графиня и потомъ добавила:—развѣ возможно, чтобы при такомъ извѣстіи самъ онъ не кинулся прежде всего сюда въ комнату?.. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какое ужасное положеніе! Святые угодники! воззвала она, обращая свой взоръ къ образамъ,— и потомъ вдругъ, вспомнивъ, что гости остались безъ присмотра и, пожалуй, могутъ довести графа до подозрѣнія, зашептала, обратившись къ Marie:

— Идите, Marie, туда, въ гостинную... Поддержите тамъ,

Digitized by Google

насколько возможно, порядокъ. Главное, чтобы графъ не замѣтилъ чего. Слышите!..

— Но если онъ уже замѣтилъ? Какъ тогда? Тревожно спросила Marie.

— Ахъ, идите! поспѣшно возразила ей графиня, и дѣлайте, какъ знаете, только одно имѣйте въ виду, чтобы графъ не пришелъ сюда раньше времени.

Marie послушно вышла.

— Ахъ, Боже мой, что же дѣлать! что-же дѣлать! почти рыдая, шептала графиня.—Nathalie! вдругъ обратилась она къ гостьѣ, видимо схватившись за счастливую мысль,—дорогая моя, несравненная! умоляю васъ, помогите...

— Я готова, но чѣмъ, графиня, могу я помочь?

— Ахъ, вы можете... Слушайте, зашептала она, вы знаете, графъ каждый вечеръ передъ сномъ приходитъ къ ней въ комнату, крестить ее... Умоляю васъ, ради Бога, одѣньте поскорѣе платье Лидіи и лягте... Я скажу, что Лидія не очень здорова, убавлю огонь и выдамъ васъ за нее...

Схватившись за эту мысль, графиня сама заперла дверь комнаты на ключъ и стала помогать Nathalie переодѣваться. Когда переодѣванье было уже кончено, въ двери кто-то постучался.

— Кто тамъ? испуганно спросила графиня.

— Это я, отвѣтила старая Marie, опять стуча въ дверь.

Графиня отворила и сердито сказала:

— Что вы такъ стучите.

— Нужно спѣшить, графиня, гости расходятся и графъ въ недоумѣніи.

— Ахъ, сейчасъ, сейчасъ! Nathalie, лягте скорѣе, лягте... Marie, убавьте свѣтъ, унесите лампу туда, въ сосѣднюю комнату... Ахъ, скорѣе! тревожно шептала графиня, и потомъ, оставивъ Marie около уложенной въ постель мнимой Лидіи Константиновны, ушла въ другія комнаты.

Спустя нѣсколько времени, старикъ графъ, въ сопровожденіи жены, вошелъ въ комнату дочери тихими, почти неслышными шагами.

Digitized by Google

Ему сказали, что она заболѣла и теперь немного забылась. Въ комнатѣ былъ едва замѣтный полусвѣтъ.

— Спитъ? шопотомъ спросилъ онъ.

— Да, другъ мой, прошептала Поликсена Григорьевна,—ты не тревожь ея, перекрести и уходи...

Графъ подошелъ къ дивану, на которомъ уложили мнимую Лидію Константиновну, намѣренно повернувшуюся лицомъ къ стѣнѣ, перекрестилъ ее дрожащей старческой рукой и, задерживая дыханіе, неслышными шагами вышелъ изъ комнаты.

XXIII.

Ни для Поликсены Григорьевны, ни для кого изъ домашнихъ не было сомнѣній въ томъ, что Лидія Константиновна исчезла при содѣйствіи Валерьяна Михайловича и, разумѣется, для того, чтобы вступить съ нимъ въ бракъ. Никто другой, кромѣ него, не давалъ столько поводовъ къ подозрѣніямъ. Не успѣли еще гости оставить графскую квартиру, какъ уже сложилась цѣлая исторія похожденій Валерьяна Михайловича, издавна уже, по разсказамъ, приготовлявшагося къ осуществленію своихъ коварныхъ замысловъ. Кто-то видѣлъ, какъ онъ будто-бы ходилъ этотъ вечеръ по двору, кто-то даже и свѣчу на окнѣ флигеля замѣтилъ; но всѣ эти, какъ и многія другія, не менѣе вѣскія доказательства его вѣроломства, потеряли свою цѣну въ тотъ же вечеръ, такъ какъ, спустя часа два-три послѣ ухода гостей, получилась отъ самой Лидіи Константиновны депеша на имя отца. Поликсена Григорьевна кинулась къ этой депешѣ съ жадностью орла, хватающаго добычу, и, конечно, не поцеремонилась ее распечатать безъ вѣдома мужа. Лидія Константиновна коротко извѣщала, что бракосочетаніе ея съ Валерьяномъ Михайловичемъ состоялось въ этотъ же вечеръ, и что она завтра явится къ родителямъ «вмѣстѣ съ мужемъ». Сомнѣній, слѣдовательно, никакихъ уже не оставалось, и нужно было смиренно склонить голову, покорясь роковой силѣ обстоятельствъ. Но не такова была Поликсена Григорьевна, и хотя говорятъ, что будто-бы только въ здоровомъ тѣлѣ обитаетъ здоровый духъ, но это мнѣніе по отно-

Digitized by Google

шенію къ ней оказывалось несправедливымъ. Она не только не склонила смиренно головы, хотя бы даже съ покорностью волѣ Божіей, напротивъ, совсѣмъ забыла въ это время о покорности, которую до сихъ поръ всѣмъ рекомендовала, какъ вѣрное средство отъ всякихъ душевныхъ страданій. Она смяла депешу въ своей костлявой рукѣ и такимъ злобнымъ взглядомъ сверкнула на Пармена Прокофьевича, подавшаго ее, что онъ невольно попятился къ дверямъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ полученія депеши были распоряженія—не говорить ни слова графу ни объ исчезновеніи дочери, ни о депешѣ, извѣщающей о ея замужствѣ; не принимать никого изъ гостей, кто-бы ни былъ, безъ всякаго исключенія, и отказать въ занятіяхъ секретарю графа, тому заморенному зайцу, который занялъ мѣсто Валерьяна Михайловича, словомъ, затворить двери для всѣхъ.

Въ этотъ вечеръ, далеко за полночь, шушукалась между собою прислуга и въ швейцарской, и въ лакейской, и въ кухнѣ. Два кучера и три подкучера, сидя въ каретникѣ, долго почесывали затылки, не безъ основанія полагая, что теперь «гонка будетъ здоровая».

— Теперича она по монастырямъ ударится хуже прежняго, замѣтилъ одинъ изъ кучеровъ.

— По монастырямъ! презрительно повторилъ другой,—дура-голова: говоришь несообразное! Теперича дочь надо разыскивать, а онъ—по монастырямъ!

— Чего-жъ разыскивать—иголка, что-ли! Найдется!

Но такъ или иначе, а гонка дѣйствительно началась. Утромъ же рано, почти съ разсвѣтомъ (графиня такъ и не спала всю ночь) она отправила толстую Магіе съ письмомъ къ своей пріятельницѣ, знатной старушкѣ, которая когда-то рекомендовала графу отца Игнатія, какъ указателя пути въ царство небесное. Она написала ей о своемъ несчастіи и просила немедленно же пріѣхать вмѣстѣ съ отцомъ Игнатіемъ. Вслѣдъ за Магіе, Парменъ Прокофьевичъ былъ отправленъ съ письмомъ на имя какого-то вліятельнаго лица, котораго графиня просила тоже немедленно прибыть. Спустя пол-

Digitized by Google

часа, когда осенній день только-что вступилъ въ свои сомнительныя права и поборолъ сумракъ ночи, долго не уступавшій ему своей власти надъ петербургскимъ небомъ, графиня вспомнила, что швейцару дано приказаніе никого и ни подъ какимъ предлогомъ не принимать—и отдала новое приказаніе принять княгиню NN. со священникомъ и графа Z.

Отдавъ такъ много приказаній и просидѣвъ нѣсколько часовъ за письмами, она прикурнула потомъ гдѣ-то въ уголкѣ на диванѣ, вдали отъ своихъ комнатъ, и проспала въ такомъ положеніи часа два. Проснувшись, она долго не оставляла своего мѣста и сидѣла, понуривъ голову, съ безсильно сложенными на колѣняхъ руками. Ея положеніе въ это утро представлялось ей близко схожимъ съ тѣмъ, когда умерла ея младшая сестра. Теперь ей казалось, что въ домѣ «будто есть покойникъ». Но прошло нѣсколько минутъ—и всякое сравненіе ея душевнаго состоянія съ тѣмъ, которое испытываютъ люди, когда при нихъ совершается таинство смерти—исчезло. Ею вновь овладѣли злоба, досада оскорбленнаго самолюбія, жажда мщенія. Оставивъ временную спальню, она торопливыми шагами пошла въ свои комнаты, показавшіяся ей теперь словно тюрьмой.

— Какое испытаніе! Какое ужасное испытаніе! прошептала она и, зарыдавъ, опустилась въ изнеможеніи на кушетку.

Кушетка стояла въ простѣнкѣ между двухъ оконъ и какъ разъ противъ нея, на противоположной стѣнѣ, висѣлъ портретъ Лидіи Константиновны, писанный семь лѣтъ тому назадъ кѣмъ-то изъ знаменитыхъ европейскихъ художниковъ. Она была изображена въ свѣтломъ барежевомъ платьицѣ, среди зелени поля, веселой, улыбающейся, съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ, а вдали за нею, въ полутонахъ, виднѣлся какой-то замокъ съ башнями и колоннами, окруженный тѣнистымъ садомъ. Случайно взглянувъ на этотъ портретъ, Поликсена Григорьевна всплеснула руками и закачала головой. «Лидія, Лидія! застонала она,—этого-ли я ждала отъ тебя»!

Digitized by Google

XXIV.

Вокругъ нея была полнѣйшая тишина, точно вдругъ домъ опустѣлъ, вымеръ весь, и только она одна осталась въ немъ среди роскошной обстановки, окруженная дорогими растеніями, картинами, статуями, и подавленная невыносимымъ горемъ. Ея думы были однѣ съ нею: мрачныя, гнѣвныя, ужасающія и раздражающія. То вспоминались женихи дочери, одинъ другаго знатнѣе и завиднѣе, то давно прошедшее ея дѣтство, когда она, не возбуждая ничѣмъ подозрѣнія матери, была ея кумиромъ. Вспомнился тучный князь Чировскій-Закаталовъ, уже успѣвшій найти другую невѣсту, тоненькую блондиночку маленькаго роста, которую графиня знала лично и которую князь когда-то называлъ «карманной невѣстой, удобной для перевозки во время походовъ». Вспомнился и молодой звѣздоносецъ, не въ мѣру юркій и весьма недальній, но «съ большими связями вверху», и цѣлый рядъ другихъ, сватавшихся за дочь жениховъ.

— И я не предусмотрѣла, я, слѣдившая за каждымъ ея шагомъ, знавшая, казалось, всѣ сокровенныя ея мысли, и вдругъ такъ жестоко обойдена, обманута! терзалась графиня.

И въ то время, когда у нея въ глазахъ еще стояли слезы, костлявыя руки ея какъ-то сами собою сплелись, при мысли о Валерьянѣ Михайловичѣ, представленіе о которомъ теперь уже неразрывно было связано съ мыслью о дочери. Понюхавъ одеколону и намочивъ имъ виски, Поликсена Григорьевна какъ-будто нѣсколько успокоилась; но не прошло и двухъ минутъ, какъ все ея спокойствіе разлетѣлось прахомъ при взглядѣ на часы. Они показывали уже около десяти—часъ, въ который графъ Константинъ Петровичъ просыпался.

— Что я ему скажу? Онъ не перенесетъ этого удара! съ ужасомъ подумала она и остановилась посреди комнаты, смотря въ передній уголъ на распятіе.—Боже милосердый! За что же! Я была всегда строгой христіанкой, я исполняла всѣ заповѣди Твои... Пощади!..

Digitized by Google

Теменъ былъ ликъ Распятаго, предсмертную тоску выражало его лицо—и не успокоилось ея сердце при взглядѣ на Него.

Она заслышала шаги, приближающіеся къ дверямъ ея комнаты, и поспѣшно отерла глаза.

— Кто тамъ?

У дверей стоялъ одинъ изъ молодыхъ лакеевъ, замѣнившихъ на этотъ разъ Пармена Прокофьевича, еще не возвратившагося домой.

— Его сіятельство проснулись и спрашиваютъ, можно-ли въ комнату... туда...

— Ахъ, нельзя, нельзя, строго отвѣтила Поликсена Григорьевна,—передай, я сейчасъ сама съ нимъ увижусь...

Лакей безмолвно вышелъ. Она, по уходѣ его, опять сжала руки и вся какъ-то перегнулась, точно хотѣла въ себѣ что-то изломать, уничтожить, заглушить, и вдругъ выпрямилась и стала оправлять свой туалетъ, подойдя къ зеркалу. Тонкій горбатый носъ ея, казалось, еще болѣе обострился, вѣки глазъ нѣсколько подпухли отъ слезъ и на лбу сильнѣе и глубже выступили морщины.

— Скажи, ради Бога, съ упрекомъ встрѣтилъ ее графъ,—что это за странности...

— Въ чемъ, другъ мой? грустно и съ оттѣнкомъ нѣжности въ голосѣ спросила она.

— Отчего нельзя мнѣ къ Лидіи?

— Какой ты нетерпѣливый! Если нельзя, то слѣдовательно... нельзя...

— Но почему? Это меня удивляетъ.

— Лидія въ ваннѣ...

— А, въ такомъ случаѣ извини. Мнѣ этого не сказали.

— Да еслибы и иначе, мой другъ—во всякомъ случаѣ нельзя...

Графиня сильно понизила тонъ и потупилась.

— Въ какомъ случаѣ? почему? поспѣшно спросилъ онъ.

Она молчала.

Понявъ изъ ея молчанія и изъ выраженія ея лица, что она чѣмъ-то встревожена, графъ испуганно поднялся съ кресла и, волнуясь, спросилъ:

Digitized by Google

— Скажи, Лидіи хуже? Она въ самомъ дѣлѣ заболѣла? Лежитъ?.. Въ такомъ случаѣ, гдѣ-же доктора?

— Умоляю тебя, другъ мой, успокойся. Опасности никакой, и въ докторахъ вовсе нѣтъ надобности.

— Но въ такомъ случаѣ,—изумляясь все болѣе и болѣе, продолжалъ онъ:—если она, какъ ты говоришь, не въ ваннѣ и не больна, почему же мнѣ нельзя къ ней?

Графиня молчала.

Онъ замѣтилъ, что она избѣгаетъ его взглядовъ и смотритъ то куда-то вдаль, въ уголъ стѣны, то на край лежавшаго на полу ковра.

— Да что съ тобою? спросилъ онъ, съ испугомъ всматриваясь въ ея лицо,—ты такъ блѣдна, у тебя слезы на глазахъ...

— Ахъ, Боже мой, какой ты подозрительный! возразила она и пожала плечами съ такимъ видомъ, какъ будто мужъ въ самомъ дѣлѣ выводитъ ее изъ терпѣнія:—что-же за бѣда, ну, прихворнула и только!

— Нѣтъ! Не то! Ты скрываешь что-то... Не скрывай, я вижу, ты ужасно озабочена, прервалъ онъ,—говори-же, ради Бога, что съ Лидіей, или я самъ сейчасъ туда пойду.

— Подожди, умоляю тебя! испугалась она,—одну минуту...

— Зачѣмъ я буду ждать!

— Лидія въ ваннѣ...

— Вздоръ, не можетъ быть, взволновался онъ,—пусти.

Она руками преградила ему путь къ дверямъ и зашептала умоляющимъ голосомъ.

— Нѣсколько минутъ!.. Увѣряю тебя... Они пріѣдутъ и все объяснится.

— Да что-же это такое наконецъ? Кто пріѣдетъ, что объяснится? Я не хочу объясненій, я хочу къ ней.

— Къ ней нельзя... Она такъ жестоко... ахъ... я не могу говорить.

Графиня лишилась самообладанія и залилась слезами.

— Она? Что она?.. Что жестоко? Отвѣчай-же! волнуясь и страшно смотря на жену, спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Другъ мой, рыдая, зашептала она, собери всѣ свои силы. Мы должны перенести страшный ударъ... Лидія насъ оставила...

— Какъ? Что ты говоришь? Ужель она умерла? завопилъ онъ, схвативъ дрожащими руками жену за плечи,—и поблѣднѣлъ.

— Ахъ, нѣтъ!.. Хуже!..

— Хуже? Какъ, хуже?

Онъ вдругъ выпрямился во весь свой когда-то высокій ростъ и съ невѣроятнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на жену.

— Другъ мой, она насъ оставила, она убѣжала и теперь уже обвѣнчалась съ тѣмъ—твоимъ прежнимъ...' секретаремъ.

Поликсена Григорьевна не могла продолжать отъ слезъ. Она хотѣла еще что-то сказать въ поясненіе своихъ словъ, но, взглянувъ на мужа, вдругъ смолкла и кинулась къ нему. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и, поблѣднѣвъ еще болѣе, закачался. Если бы она не поддержала его, то вмѣсто кресла онъ свалился-бы на полъ.

XXV.

Спустя полчаса, въ кабинетѣ графа Константина Петровича сидѣли, въ качествѣ гостей, утѣшители: княгиня NN, графъ Z. и отецъ Игнатій, пріѣхавшій вмѣстѣ съ княгиней. Княгиня NN была толстая расплывшаяся старуха съ мѣщанскимъ грушевиднымъ носомъ и обвислыми щеками, а графъ Z. сѣдой костлявый старикъ съ лицомъ сѣро-пепельнаго цвѣта, бакенбардами николаевскаго времени и съ горбатымъ носомъ восточнаго типа. Онъ сидѣлъ въ креслѣ графа, стоявшемъ, обыкновенно, у письменнаго стола, а теперь повернутомъ въ противоположную сторону, спинкой къ окну, и смотрѣлъ въ полъ, мрачно хмуря свои сѣдыя густыя брови. Сама Поликсена Григорьевна была тутъ же и, подобно другимъ, сидѣла въ почтительномъ отдаленіи отъ дивана, на которомъ лежалъ графъ съ компрессами на головѣ. Около него сидѣлъ докторъ, полный блондинъ съ довольно шарообразнымъ животомъ, и сильно сопѣлъ въ носъ, держа въ своей бѣлой мясистой рукѣ тонкую и морщинистую руку графа. На столикѣ около дивана стояли склянки съ различными душистыми спиртами

Digitized by Google

и металлическая ваза съ холодной водой. Графъ хмурился, по временамъ тяжело вздыхалъ и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

— Что вы, лѣчить что-ли, въ самомъ дѣлѣ, хотите меня? ясно и не безъ гнѣва проговорилъ онъ, освободивъ свою руку изъ руки доктора,—я вовсе не нуждаюсь въ медицинской помощи.

— И прекрасно! съ снисходительной улыбкой отвѣтилъ докторъ;—компрессъ, пожалуй, можно и отложить, сказалъ онъ подошедшей къ нему Поликсенѣ Григорьевнѣ, и потомъ, пошептавшись съ нею, добавилъ:—вечеромъ я заѣду.

Сдѣлавъ общій поклонъ графу и всѣмъ гостямъ, онъ ушелъ изъ кабинета. Тотчасъ же послѣ его ухода, графъ сбросилъ съ головы компрессъ и сѣлъ на диванѣ, гнѣвно запахнувъ халатъ.

— Другъ мой, зачѣмъ-же? печально замѣтила Поликсена Григорьевна,—докторъ просилъ тебя оставаться въ постели.

— Не хочу я! капризно отвѣтилъ графъ,—что онъ понимаетъ? Сопитъ, какъ паровозъ, и только.

Между гостями и имъ пока не было еще никакого разговора о неблагодарной дочери, опозорившей, по словамъ Поликсены Григорьевны, ихъ старинный родъ, и о какихъ либо мѣрахъ къ возвращенію ея въ родительскій домъ, хотя бы при посредствѣ подлежащихъ властей, какъ высказалась, между прочимъ, сама же графиня, встрѣчая свою пріятельницу, вліятельную княгиню NN. Всѣ молчали, ожидая, какой тонъ дастъ разговору самъ графъ Константинъ Петровичъ. Онъ продолжалъ оставаться все въ томъ-же капризномъ настроеніи обиженнаго ребенка и ворчалъ, недовольный тѣмъ, что «Богъ знаетъ зачѣмъ пригласили къ нему доктора»!

А внизу, въ передней, у парадной лѣстницы, въ это время швейцаръ Павелъ Ивановичъ разговаривалъ съ посыльнымъ, не безъ величія принявъ отъ него въ свои массивныя руки письмо, адресованное на имя графа Константина Петровича.

— Отъ кого это? спросилъ онъ, повернувъ конвертъ разъ-другой на обѣ стороны.

— Я не знаю... Изъ отеля посланъ, отъ господъ.

— Отъ господъ! пренебрежительно повторилъ Павелъ Ивано-

Digitized by Google

вичъ, — этого, другъ любезный, недостаточно; надо знать отъ какихъ...

— Ну, вотъ еще разговаривать я съ тобой буду! смѣло возразилъ посыльный, не обращая вниманія на сановитую важность Павла Ивановича.

Павелъ Ивановичъ хотѣлъ ему сказать что-то поучительное, но посыльный уже повернулъ налѣво кругомъ и ушелъ.

«Какой пострѣлъ бойкій», подумалъ Павелъ Ивановичъ и лѣниво поплелся къ пуговкѣ электрическаго звонка, чтобы вызвать сверху лакея за письмомъ.

Въ кабинетѣ графа въ это время слышались рыданія: Поликсена Григорьевна сидѣла рядомъ съ мужемъ на диванѣ и онъ, склонивъ голову на ея плечо, плакалъ горькими слезами, вздрагивая по временамъ всѣмъ тѣломъ. Ея заплаканные глаза были снова полны слезъ, и хотя она продолжала уговаривать мужа покориться волѣ Божіей; но, какъ видно, эта покорность и ей самой нелегко давалась. Гости-утѣшители, сидѣвшіе въ кабинетѣ на прежнихъ мѣстахъ, не высказывали пока ни порицанія поступку графской дочери, ни утѣшенія ея родителямъ, понимая изъ долголѣтняго житейскаго опыта, что прежде словеснаго утѣшенія нужно дать всякому страдающему время хорошенько наплакаться. Они и сами отчасти акомпанировали слезамъ огорченныхъ родителей; графъ подозрительно мигалъ, морщилъ какъ то носъ, кривилъ губы и потомъ сморкался и откашливался, явно стараясь владѣть собою и не поддаваться слезамъ; а вліятельная княгиня NN., не скрываясь, плакала и потомъ нюхала что-то изъ маленькаго флакончика, предусмотрительно захваченнаго съ собою «на всякій случай». Одинъ о. Игнатій, впрочемъ, оставался совершенно спокойнымъ, хотя и его лицо было не безъ скорбнаго выраженія. Онъ сидѣлъ, поникнувъ головой нѣсколько въ бокъ и сложивъ руки на колѣняхъ. Въ глубинѣ души онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что попалъ въ утѣшители къ графу Загорскому, котораго издавна зналъ за человѣка свободномыслящаго, но по неволѣ мирился съ своимъ положеніемъ, сознавая, что оно неотвратимо. Ему дѣйствительно невозможно было отказаться отъ приглашенія, такъ

Digitized by Google

какъ княгиня NN. сама за нимъ пріѣхала и предложила мѣсто въ своей каретѣ.

Когда приливъ скорби на нѣкоторое время поослабѣлъ, гости-утѣшители стали понемногу разговаривать. Графъ Z., послѣ глубокаго вздоха, сказалъ:

— Конечно, скорбь тяжка и слезы облегчаютъ, но...

За этимъ *но* послѣдовалъ опять вздохъ и молчаніе.

— Да, конечно, нужно нѣсколько сдерживаться. Нужно смиреніе, покорность Богу въ дни испытанія, произнесла княгиня NN. и взглянула на о. Игнатія.

Отецъ Игнатій, точно по особому наитію свыше, понялъ, что княгиня смотритъ на него съ ожиданіемъ. Онъ приподнялъ голову, остававшуюся до этой минуты склоненною, и не безъ робости взглянулъ на диванъ, гдѣ сидѣли графъ и графиня.

— Въ дни тяжкихъ душевныхъ испытаній, началъ онъ, оправивъ рукавъ своей шелковой голубой рясы,—мы можемъ находить ближайшее облегченіе только въ любви къ Господу нашему, въ полнѣйшей покорности Его волѣ, беззавѣтной преданности Ему. Любовь ко Господу можетъ превозмочь всѣ страданія. Святый апостолъ Павелъ говоритъ: кто ны разлучитъ отъ любве Божіей,— или скорбь, или тѣснота, или гоненіе?..

Голосъ о. Игнатія съ каждымъ словомъ дѣлался тверже, онъ уже перемѣнилъ свое положеніе въ креслѣ и заговорилъ было тономъ, не допускавшимъ возраженій, какъ человѣкъ, убѣжденный въ томъ, что имѣетъ благочестиваго слушателя, котораго бояться нечего. Но этотъ благочестивый слушатель вдругъ уставилъ на него строгій взглядъ и спросилъ:

— Вы говорите, что тяжкая скорбь ниспослана мнѣ свыше, по волѣ Божіей... А что такое воля Божія? Что такое, наконецъ, самъ Богъ? Есть-ли возможность, при нашей жалкой умственной ограниченности, имѣть о немъ какое-либо понятіе, кромѣ условнаго, нами-же самими выдуманнаго?

О. Игнатій смолкъ. Онъ запахнулъ рясу и не безъ упрека взглянулъ на княгиню NN., какъ бы говоря:

— Я васъ предупреждалъ!..

Digitized by Google

XXVI.

Въ дверяхъ кабинета въ эту минуту показался лакей. Графиня поспѣшно поднялась съ дивана и вышла изъ кабинета. Лакей, уже предупрежденный о томъ, что не слѣдуетъ ничего передавать графу, шопотомъ доложилъ ей, что отнесъ въ ея комнаты письмо. Графиня тотчасъ же пошла туда и быстро схватилась за письмо дочери. Съ первыхъ же строкъ письма, глаза ея заискрились злобой, презрѣніемъ и ненавистью. Письмо дрожало въ ея костлявыхъ рукахъ, и когда первая исписанная страница была дочитана до конца, она не перевернула письма на другую сторону, а бросила его на столъ и, сложивъ крестообразно руки, такъ стиснула зубы, что они заскрипѣли. Теперь ей было не до покорности волѣ Божіей, которой она себя за минуту передъ тѣмъ отдавала; напротивъ, хотѣлось отмстить врагу, насмѣяться надъ нимъ. Врагомъ, разумѣется, она считала главнымъ образомъ Валерьяна Михайловича. Схватившись опять за письмо Лидіи Константиновны, Поликсена Григорьевна дочитала и другую его страницу и не безъ коварства улыбнулась, представляя себѣ то положеніе врага, въ которое онъ, по ея мнѣнію, непремѣнно долженъ былъ попасть не въ далекомъ будущемъ.

Ей хотѣлось подольше остаться въ своей комнатѣ, уединясь отъ всѣхъ, хотѣлось обдумать планъ дѣйствій и по отношенію къ старику мужу, и по отношенію къ дочери; но заняться обсужденіемъ этого плана пока было невозможно—нужно было идти въ кабинетъ мужа. Она взяла со стола письмо, взяла и конвертъ, въ которомъ оно было получено, хотѣла, какъ было замѣтно по ея движенію, захватить его съ собою въ кабинетъ; но вдругъ измѣнила свое намѣреніе и, разорвавъ письмо вмѣстѣ съ конвертомъ въ мелкіе кусочки, кинула все въ каминъ.

Возвратившись въ кабинетъ мужа, она ни слова не сказала ему о письмѣ и только часъ-два спустя, когда утѣшители-гости уже уѣхали, она какъ-то вскользь и нехотя проговорила:

— Она хочетъ пріѣхать съ мужемъ... къ намъ...

Digitized by Google

— Кто? Лидія? Гдѣ она? встрепенулся графъ какъ-то тревожно и радостно, со слезами на глазахъ.

Поликсена Григорьевна мрачно потупилась, недовольная тѣмъ оживленіемъ, какое замѣтила въ мужѣ, и глухо сказала:

— Она *съ нимъ*, другъ мой... Развѣ можно *ихъ* принять?

— Ахъ! вдругъ нахмурился онъ, схватившись обѣими руками за голову.—Разумѣется, да... Онъ недостойный... Онъ врагъ мой... злодѣй...

Но не прошло и двухъ минутъ молчанія, какъ чувство любви къ дочери вновь имъ овладѣло.

— Поликсена!.. Какъ же быть? не безъ робости спросилъ онъ.

Поликсена Григорьевна не сразу отвѣтила на его вопросъ. Косясь почему-то враждебно на двери, она не безъ усилія проговорила:

— Нужно его устранить.

— Устранить... задумчиво повторилъ графъ.

Онъ помолчалъ, вздохнулъ разъ-другой тяжело и болѣзненно, посмотрѣлъ зачѣмъ-то на отцвѣтшія кисти своего бархатнаго халата и, охваченный вновь страстнымъ желаніемъ поскорѣй увидѣть дочь, протянулъ къ женѣ дрожащія руки и, рыдая, проговорилъ:

— Зачѣмъ длить мученія?.. Поликсена! зачѣмъ?

Она сама едва удерживалась отъ рыданій и кусала губы, силясь овладѣть своими чувствами.

XXVII.

Черезъ нѣсколько дней, отъ Лидіи Константиновны опять получилось письмо и опять на имя самого графа. Поликсена Григорьевна и съ нимъ поступила, какъ съ первымъ письмомъ, т. е. разорвала и не сказала о немъ ни слова мужу. Это второе письмо Лидіи Константиновны было значительно грустнѣе перваго. Въ первомъ она увѣряла отца и мать въ своей искренней сердечной преданности и разсказывала о томъ, какъ овладѣлъ ея сердцемъ Валерьянъ Михайловичъ, какъ неотразима была сила любви, охва-

Digitized by Google

тившая ее съ той роковой минуты, когда она, почти годъ тому назадъ, впервые его увидала. Въ этомъ письмѣ она просила позволенія пріѣхать къ нимъ «съ мужемъ» и высказала, между прочимъ, что хотѣла ѣхать даже прямо безъ всякаго предупрежденія, будучи увѣрена, что родители ее не отринутъ; но что «Валерьянъ» на это не согласился. Второе ея письмо не имѣло и тѣни сходства съ первымъ: она умоляла отца и мать о прощеніи, клялась, что ей невыносимо оставаться въ неизвѣстности о томъ, въ какомъ они теперь положеніи, какъ перенесли ударъ, ею нанесенный, и въ особенности отецъ, за здоровье котораго она такъ всегда опасалась. Она сообщала, что должна ѣхать съ мужемъ на югъ Россіи, гдѣ онъ получилъ мѣсто профессора, и просила не замедлить отвѣтомъ, такъ какъ мужъ не можетъ по служебнымъ своимъ обязанностямъ долго оставаться въ Петербургѣ.

На это второе письмо графиня не отвѣтила, а черезъ нѣсколько дней получилось третье письмо отъ Лидіи Константиновны уже на имя матери. Она извѣщала, что «на дняхъ должна уѣхать съ мужемъ» и «со слезами, на колѣняхъ» умоляетъ родителей отвѣтить ей, можетъ-ли она хоть когда нибудь, хоть черезъ годъ, черезъ два, надѣяться на ихъ прощеніе.

Это третье письмо дочери Поликсена Григорьевна читала, замкнувшись въ своей комнатѣ, и нѣсколько разъ прерывала его рыданіями:—такъ сильно въ немъ было выражено чувство раскаянія Лидіи Константиновны. Ей хотѣлось въ эти минуты кинуться въ объятія дочери, вдоволь наплакаться, обнявшись съ нею, и, простивъ ее, предать забвенію все прошлое и зажить по прежнему. Но какъ зажить по прежнему? Какъ возвратиться къ прошлому? Не все-ли это равно, что желать возвращенія вчерашняго дня, канувшаго въ бездонную пропасть вѣчности?

Она сознавала это и сама, и терзалась тѣмъ, что дочь, при всей искренности своего раскаянія, ни разу во всѣхъ своихъ трехъ письмахъ не упомянула о томъ, что способна образумиться и, оставивъ мужа, возвратиться къ убитымъ горемъ родителямъ. «Такъ неужели-же, Боже мой!—томилась она,—неужели нужно простить ее и принять ея мужа въ свою родню»? Обращая молитвенный

Digitized by Google

взоръ къ образамъ, она просила помощи свыше, помощи въ непосильной борьбѣ страстей, чувствъ и скорби. Нельзя при этомъ не замѣтить, что какъ ни велика была въ ней ненависть къ Валерьяну Михайловичу,—желаніе видѣть дочь, обнять ее, простить было не слабѣе этой ненависти. Которому изъ чувствъ предстояло восторжествовать—на вопросъ объ этомъ она и сама не могла-бы отвѣтить. Она была въ затрудненіи даже насчетъ того, какъ поступить съ письмомъ дочери—показать-ли его мужу, или уничтожить подобно тому, какъ были уничтожены ея предъидущія письма. Уничтожить—значило продлить свои и мужа мученія, продлить мученія дочери, сожалѣніе къ которой настойчиво и неустанно проникало въ ея сердце, разрушая всѣ преграды, а предъявить письмо старику-мужу—значило рѣшить вопросъ въ пользу дочери и въ пользу ея ненавистнаго похитителя, рѣшить уже безъ всякихъ колебаній. Но какъ же рѣшить и даже безъ колебаній, когда въ сердцѣ еще кипятъ страсти—и любовь, и ненависть, и оскорбленное самолюбіе, и тоска по дочери, тоска, лишавшая сна?—«Нѣтъ, нѣтъ, колебалась она опять, нужно найти другой исходъ. Она хотѣла найти такой исходъ, чтобы при возстановленіи добрыхъ отношеній къ дочери, при возвращеніи ей и себѣ душевнаго спокойствія, не терзало ни ее, ни графа присутствіе въ ихъ домѣ ненавистнаго человѣка, похитившаго ихъ счастіе. «Боже, прости меня! съ религіознымъ воздыханіемъ шептала она:—Ты заповѣдалъ прощать врагамъ, но я не въ силахъ, я не могу его видѣть!»

Такъ томилась она, сжимая въ рукѣ письмо дочери.

Старикъ-графъ, забросившій со дня ухода дочери всѣ свои занятія дѣлами «государственной важности», бродилъ, едва передвигая ноги по пустыннымъ комнатамъ огромной квартиры, просиживалъ по цѣлымъ часамъ одиноко около какой-нибудь драгоцѣнной по своимъ художественнымъ достоинствамъ статуи или картины, и не видѣлъ ихъ, будучи погруженъ въ мрачныя думы о суетѣ жизни, о неизбѣжности скорбей, составляющихъ ея сущность.

«Да, наше бытіе, думалъ онъ, ужасно! Счастье мимолетно, скорбь продолжительна и проявленія ея безконечно разнообразны.

Digitized by Google

Жизнь—рядъ всяческихъ невзгодъ, большихъ и малыхъ, случайныхъ и неизбѣжно-роковыхъ. Справедливо сказано, что столь часто оплакиваемая краткость жизни нашей—едва-ли не единственная ея хорошая сторона».

Графиня пришла къ нему съ письмомъ дочери.

— Зачѣмъ ты, мой другъ, здѣсь такъ долго сидишь? Пойдемъ въ кабинетъ, здѣсь много свѣжѣе, чѣмъ тамъ.

— Все равно, задумчиво отвѣтилъ онъ.

— Но, другъ мой, тебѣ это вредно.

— Ахъ, все равно...

Она взяла его за руку и провела чрезъ длинный рядъ комнатъ въ кабинетъ. Онъ послушно сѣлъ на диванъ, къ которому она его привела. Отдохнувъ отъ усталости, рѣзко проявившейся въ немъ со дня исчезновенія дочери, онъ спросилъ, какъ обыкновенно спрашивалъ жену каждый день, долго-ли еще продлятся его мученія и скоро-ли наконецъ пріѣдетъ дочь, которую онъ уже давно простилъ. Въ отвѣтъ на его вопросъ, графиня однакоже не сказала, что получила письмо отъ дочери, все еще терзаясь сама въ себѣ. Она отвѣтила мужу глубокимъ молчаливымъ вздохомъ и сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ.

— Все-таки я повторю, сказалъ онъ, смотря уныло въ полъ, виновата во всемъ ты! Одна только ты!..

— Опять за то же!

— Да, опять! раздраженнымъ тономъ повторилъ онъ.—Я сто разъ повторю, что единственной виновницей, вызвавшей Лидію на такой безумный поступокъ, считаю тебя, самовластную и раздражительную мать.

— Довольно, мой другъ, успокойся. Тебѣ это вредно.

— Еслибы не то самовластіе, продолжалъ онъ,—которымъ ты ее постоянно давила, лишала свободы, прятала отъ всѣхъ и каждаго... Еслибъ не это, никогда-бы она, я увѣренъ, не увлеклась такъ безумно.

— Ахъ, Богъ мой, какъ ты мнѣ этимъ наскучилъ! порывисто возразила она,—сколько разъ я слышу одно и то-же!.. Я буду говорить, что ты виноватъ, ты будешь твердить, что я—къ чему-

Digitized by Google

же это поведетъ? На вотъ, читай, кто всѣхъ болѣе виноватъ въ ея дерзкомъ, непростительномъ поступкѣ.

Она быстро вынула изъ кармана своего платья письмо дочери и отдала его мужу.

— Письмо? Письмо отъ нея?.. Очки мои, гдѣ очки? дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ, протягивая руки по направленію къ письменному столу.

— Къ чему еще очки? возразила графиня недовольнымъ тономъ. И это недовольство, какъ замѣтно, вызывалось именно тѣмъ, что письмо дочери почти нечаянно попало въ руки отца.

Она изъявила готовность прочесть ему это письмо и начала было чтеніе его твердымъ рѣшительнымъ тономъ, но послѣ первыхъ-же строкъ голосъ ея началъ слабѣть, прерываться и вдругъ замолкъ.

— Нѣтъ, не могу... Читай, другъ мой, самъ, отвѣтила она, уткнувшись въ платокъ.

Глаза графа давно уже были полны слезъ. Взявъ въ свои дрожащія руки письмо дочери, онъ приложилъ его къ своимъ губамъ и затрепеталъ, силясь заглушить рыданія въ себѣ.

Но все-таки графиня не хотѣла сдаться на примиреніе и прошло еще нѣсколько томительныхъ дней, прежде чѣмъ она рѣшилась послать къ дочери записку. Но и рѣшившись на это, она разорвала пять-шесть листочковъ почтовой бумаги, недовольная тѣмъ, что ея мысли излагались въ словахъ не такъ, какъ-бы она желала. То письмо выходило слишкомъ рѣзко и обидно, такъ что, являлось сомнѣніе, что, пожалуй, дочь, получивъ такое письмо, впадетъ, вмѣсто пробудившагося въ ней раскаянія, въ сомнѣніе — и ожесточится. То, напротивъ, въ письмѣ замѣчалась излишняя нѣжность, и думалось: «пожалуй, Богъ знаетъ, что ей придетъ въ голову; возмечтаетъ о нашей добротѣ и привезетъ вмѣстѣ съ собою ненавистнаго человѣка». Она остановилась наконецъ на слѣдующемъ изложеніи письма или, вѣрнѣе сказать, записки:

«Дочь! Отецъ снисходитъ къ твоимъ слезамъ и дозволяетъ допустить тебя къ себѣ; но только для того лишь, чтобы ты могла

Digitized by Google

получить его благословеніе въ послѣдній разъ въ жизни, и только ты одна. Твой похититель никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не переступитъ порогъ нашего дома».

Но и послѣ того, какъ графиня удовольствовалась изложеніемъ своихъ мыслей въ такой именно формѣ, она встрѣтила новое затрудненіе при написаніи адреса на письмѣ и даже вздрогнула при мысли о томъ, что фамилія ея дочери теперь уже измѣнилась. Вслѣдствіе этого непріятнаго обстоятельства, конвертъ, со вложенной уже въ него запиской, рѣзко былъ отодвинутъ въ сторону и, только послѣ нѣсколькихъ минутъ новыхъ колебаній, графиня рѣшилась наконецъ снова взяться за перо и надписала на конвертѣ: «Господину Колыванову». То недовольное, мрачное и страдальческое выраженіе ея лица, какое оставалось на немъ во все время составленія письма къ дочери, вдругъ, при надписаніи адреса, измѣнилось: что-то злорадное, презрительное и надменное отразилось на немъ. Замѣтно было, что она даже обрадовалась, найдя исходъ изъ своего затруднительнаго положенія, и уже представляла себѣ, какъ будетъ уязвленъ содержаніемъ письма ненавистный ей «господинъ Колывановъ».

Д. Стахѣевъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Еврейская колонизація на югѣ Россіи и ея результаты.

Прошлый годъ, когда предметомъ особаго вниманія сдѣлался такъ называемый «еврейскій вопросъ», обсужденіе этого вопроса обнаружило нѣкоторыя его стороны, представляющія много серьезнаго и много интереснаго.

Мелькнуло все это передъ возбужденнымъ вниманіемъ русскаго общества, и—сошло со сцены; страстная полемика, которую завели по поводу этого вопроса нѣкоторыя газеты, ничего въ немъ не разъяснила и никому ничего не доказала: стороны остались при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ. Наконецъ, дѣло замолкло окончательно, точно о немъ можно толковать лишь сгоряча и пользоваться имъ лишь какъ почвою, удобною для взаимныхъ упрековъ. Во всей нашей періодической печати, за исключеніемъ двухъ-трехъ статей, не было сказано ничего безпристрастнаго, что въ дѣйствительности могло бы оріентировать публику; литература не оказала ей въ этомъ отношеніи никакой услуги.

Что евреи представляютъ у насъ государство въ государствѣ,—для всѣхъ, которые имѣли возможность познакомиться съ бытомъ евреевъ, это несомнѣнно; но въ чемъ заключаются обстоятельства, составляющія суть этой замкнутости, создающей неестественное положеніе «государства въ государствѣ», въ это проникаютъ очень немногіе, а полное незнаніе этихъ обстоятельствъ отнимаетъ возможность стать къ вопросу въ какое нибудь раціональное отношеніе,—быть въ немъ судьею самостоятельнымъ. Общія послѣдствія подобнаго порядка вещей—тѣ, что общество должно ограничиваться или только одними предразсудками, наросшими исторически, или, становясь выше всего, что есть предразсудокъ—впадать въ другую крайность, склоняясь въ пользу извѣстнаго рѣшенія вопроса чисто теоретически.

Мы очень высоко цѣнимъ «теорію», но она можетъ быть вѣрной опорой для созданія принциповъ лишь тогда, когда сама возникаетъ изъ критической оцѣнки существующихъ въ жизни фактовъ.

Digitized by Google

Способъ, которымъ въ былыя времена жили-поживали, да добро наживали, сдѣлался непригоднымъ для интересовъ здороваго существованія; жизнь требуетъ все болѣе и болѣе глубокаго—и именно критическаго изученія всѣхъ ея проявленій, а тотъ опытъ, который дѣйствительно умудряетъ и даетъ возможность понимать вещи, множится не съ числомъ отпразднованныхъ юбилеевъ, а съ увеличеніемъ способности разумно относиться къ совершающемуся вокругъ насъ.

Внезапно прозрѣвшее общество—къ предмету, который выростаетъ передъ нимъ будто какъ изъ земли, естественно не можетъ отнестись иначе, какъ съ испугомъ или совершеннымъ равнодушіемъ;—ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ быть сознанія,—подобно тому, какъ это было еще въ прошломъ году въ одномъ изъ южныхъ губернскихъ земскихъ собраній, гласные котораго были удивлены, что въ рукахъ евреевъ «*очутилось*» (?) нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ земли.

Важенъ-ли этотъ фактъ въ какомъ либо отношеніи, или не важенъ, но серьезно-важно то, что люди, изъ года въ годъ живущіе другъ съ другомъ, взаимно поздравляютъ себя съ такою внезапностью; важно то, что люди, изъ года въ годъ себя облагающіе и черпающіе главные свои рессурсы изъ налоговъ съ земель, не знаютъ, кого и что они облагаютъ. Важно то, наконецъ, что увидали, изумились, произнесли по этому поводу нѣсколько подобающихъ рѣчей, коснулись и того, что своя рубашка къ тѣлу ближе, и того, что несвободна отъ обязательствъ и любовь христіанская; все это сдѣлали «честно-благородно»—да на семъ и покончили: до поры, до времени, когда что нибудь еще «очутится», болѣе глубоко зацѣпитъ за живое и поставитъ прямой практическій вопросъ о modus vivendi.

Случай поставилъ насъ въ возможность довольно близко ознакомиться и съ еврейскимъ землевладѣніемъ на югѣ Россіи, и съ такъ называемыми еврейскими земледѣльческими колоніями. Для предлагаемой статьи мы избираемъ эти послѣднія, не потому, чтобы характеръ еврейскаго землевладѣнія и исторія его развитія на югѣ Россіи не представляли особеннаго интереса (интересъ они имѣютъ очень серьезный), но потому предпочтительно, что еврейскія колоніи представляютъ у насъ что-то совершенно забытое, а эпитетъ, ихъ сопровождающій: «*земледѣльческія*», указываетъ на такую форму обладанія землею, которая, — по времени, — имѣетъ интересъ преобладающій. Какъ хозяйничаетъ и можетъ хозяйничать еврей—крупный землевладѣлецъ, капиталистъ,—объ этомъ можно

Digitized by Google

создать себѣ хоть близкое къ правдѣ предположеніе; о томъ же: какъ хозяйничаетъ еврей-*земледѣлецъ* — представленія никакого составлено быть не можетъ. И въ самомъ дѣлѣ любопытно: какъ примѣняетъ еврей свои несомнѣнно богатыя способности къ тому дѣлу, которымъ онъ занимался въ отдаленныя библейскія времена. Зная общій складъ способностей еврея, который и трезвъ, и трудолюбивъ, и отличается массой энергіи, можно бы полагать, что его хозяйство, какъ дѣло, требующее именно такихъ свойствъ, должно представлять нѣчто, гдѣ течетъ млеко и медъ.

Тѣ результаты еврейскаго земледѣльческаго хозяйства, съ которыми мы познакомимъ читателя, до такой степени поразительны, что мы должны предпослать ихъ изложенію краткую исторію еврейской колонизаціи, проведя ее рядомъ съ таковою же другой національности,— должны сдѣлать извѣстныя сопоставленія, тщательно избѣгая такихъ сравненій, которыя по существу невозможны. Такія перемѣны и сопоставленія необходимы ужь потому, что сравненіе обладаетъ наибольшею назидающею силой, и лишь при его содѣйствіи мы можемъ добыть какое-либо объясненіе полученныхъ результатовъ.

Мы будемъ говорить исключительно о тѣхъ земледѣльческихъ колоніяхъ, которыя основаны на *земляхъ казенныхъ* Херсонской губерніи; такихъ же екатеринославскихъ колоній мы не знаемъ; что касается числящихся въ Бессарабіи, казалось бы, наиболѣе интересныхъ, возникшихъ на *началахъ совершенно свободныхъ*,—на земляхъ владѣльческихъ и по свободному договору,—то объ нихъ не можетъ быть и рѣчи: возникши въ то время, когда принадлежность къ званію колонистовъ-земледѣльцевъ освобождала отъ рекрутской повинности, теперь онѣ вовсе исчезли, превратившись въ еврейскіе поселки, полные шинковъ, лавочекъ и какого-то, неуловимой профессіи, люда. Раскинутыя между другими мѣстечками и селами, особенно—Сорокскаго и Ясскаго уѣздовъ,— поселки эти и теперь называются «колоніями», но ихъ репутація, какъ земледѣльческихъ, замѣнилась теперь другою: они пользуются славою станцій, обозначающихъ главный трактъ конокрадства и волокрадства, идущій между Молдавіей, отъ Прута къ Днѣстру, въ Подольскую губернію.

Судьба каждаго дѣла очень много зависитъ отъ первыхъ шаговъ его осуществленія, недаромъ говорятъ: «кто хорошо началъ, тотъ половину дѣла сдѣлалъ». Колонизація евреевъ въ Новороссіи началась силою закона 9-го декабря 1804 года, который, желая привлечь евреевъ къ болѣе

Digitized by Google

производительному труду, съ одной стороны, и прорѣдить еврейскій элементъ въ деревняхъ сѣверо-западнаго края, съ другой,—такъ сказать, открылъ клапанъ черты, замыкавшей евреевъ въ предѣлахъ мѣста осѣдлости. Законъ этотъ дѣйствовалъ на ходъ еврейской колонизаціи двоякимъ образомъ: 1) онъ *проэктировалъ выселеніе* евреевъ изъ густо набитыхъ ими бѣлорусскихъ деревень; 2) переселяющимся въ земледѣльческія колоніи *предоставилъ* весьма *обширныя льготы и право на полученіе* довольно значительныхъ *пособій*. Дѣло находилось, слѣдовательно, подъ вліяніемъ столько же принужденія, сколько и приманки.

Начиная съ 1806 года,—почти въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ, съ нѣкоторыми перерывами,—длилось движеніе евреевъ въ Новороссію, закладывая починъ колоніямъ, какъ произведенію, вызванному искусственно.

Что касается самаго способа колонизаціи, какъ условія, которое должно было имѣть вліяніе на судьбы ея, оно заключалось въ неизбѣжности порученія этого дѣла людямъ, которые могли относиться къ нему недостаточно старательно и серьезно, ни даже достаточно честно. Тѣ, которые хотятъ объяснить всѣ неудачи еврейской колонизаціи этимъ обстоятельствомъ, удовольствуются словомъ: «чиновничья колонизація» — подразумѣвая тутъ и бурю, которая въ истекшую войну разносила цѣлые стоги казеннаго сѣна, и ту известь, которая оказывалась въ мукѣ, и тѣ поборы, которые превращаютъ мѣста правительственной службы въ оброчную статью... Противъ «разума» всѣхъ этихъ предположеній возражать нечего.

Таковы были условія *внѣшнія*; но на судьбу колоній и дальнѣйшее ихъ развитіе не могли не вліять и условія *внутреннія*: свойство колонизуемаго матеріала,—контингентъ лицъ, вошедшихъ въ составъ поселенцевъ. Это были: стекольщики, лавочники, шинкари, факторы и т. под. люди, профессія которыхъ не представляла силы, обѣщающей успѣхъ земледѣльческой колонизаціи; въ борьбѣ съ новой, непривычной обстановкою и лицомъ къ лицу съ заправскимъ трудомъ, каковъ трудъ земледѣльческій, первоначальные колонисты должны были представлять нѣчто весьма печальное. Незнаніе и неспособность, очевидно, очень важный факторъ, и мы должны записать его съ отрицательнымъ показателемъ въ счету успѣха земледѣльческихъ колоній.

Но мы слишкомъ многимъ кредитовали бы этотъ счетъ, еслибы приняли всѣ неблагопріятствовавшія условія за совершенно чистую монету и не посмотрѣли бы на другую его сторону. Уразумѣть надпись обратной стороны намъ помогаетъ, кромѣ личнаго наблюденія, и

Digitized by Google

знакомство съ документами, относящимися до положенія колоній:—по отношенію къ вліянію закона 9-го декабря 1804 года—«Исторія мин. внутр. дѣлъ» *Варадинова*»; по отношенію къ вліянію чиновничьей колонизаціи — статья журнала «Восходъ» за 1881 г.; по отношенію неподготовленности евреевъ къ земледѣльческому труду—книга *Клауса*: «Наши Колоніи».

Обстоятельство несоотвѣтствія мѣстъ для колонизаціи мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаемъ; ссылаться на него можно только въ явный ущербъ существу фактовъ: въ 3—5 верстахъ отъ наихудшихъ колоній Херсонскаго уѣзда стоитъ село Явкино;—по благосостоянію и богатству, вытекшихъ изъ земледѣлія, такихъ селъ наберется въ Россіи, можетъ быть, одинъ-два десятка; земля та же, что и подъ еврейскими колоніями.

Очень распространено мнѣніе, что, вслѣдствіе перечисленныхъ нами условій, отъ еврейскихъ колоній и ожидать было нечего: «изгоняли»-де евреевъ, отнимая у нихъ привычное занятіе, лишали средствъ къ существованію... Выбирай: либо полное разореніе и нищету, либо—субсидіи, льготы и—колоніи, съ освобожденіемъ отъ недоимокъ, рекрутчины, съ даровой землею, полнымъ обзаведеніемъ и т. п. Дѣлаясь пахаремъ, еврей становился подъ особое покровительство властей. Колонизація началась, но въ самой себѣ несла причины распаденія: колоніи должны были погибнуть.

Ожиданіе сбылось: колоніи гибнутъ и распадаются не по днямъ, а по часамъ. Но оттого-ли, что въ нихъ загонялъ сказанный законъ? Еслибъ это было такъ, еслибъ тутъ дѣйствовало изгнаніе, то эффектъ его прежде всего долженъ былъ бы проявиться въ мѣстахъ прежней осѣдлости; *Варадиновъ* же констатируетъ тотъ фактъ, что въ деревняхъ и селахъ, которыя хотѣли освободить отъ евреевъ, число ихъ,—по пятамъ дѣйствія этого закона,—*возросло въ значительной противъ прежняго степени*. Это явленіе мы считаемъ совершенно достаточнымъ, чтобы усомниться въ значеніи закона 9-го декабря 1804 года для хода колонизаціи: изгнаніе, по крайней мѣрѣ, здѣсь роли не играло; болѣе важнымъ было предоставленіе имъ льготъ и привилегій. Какъ видимъ, отъ изгнанія евреи ускользнуть умѣли, но они не считали полезнымъ уклоняться отъ льготъ и субсидій. Черезъ всю жизнь колоній проходитъ нить, свидѣтельствующая объ ихъ погонѣ за этими льготами, для стяжанія которыхъ колоніи лишь служили средствомъ: имъ не нужно было гарантій и преимуществъ, которыя обезпечили бы

Digitized by Google

и улучшили ихъ средства къ производительной жизни въ колоніяхъ; имъ нужно было избавиться отъ податей и какихъ либо обязательствъ, пройти черезъ ворота колоній и разсыпаться по богатой Новороссіи для тѣхъ же шинкарствъ и факторства. Съ самаго начала дѣла, жизнь въ колоніяхъ стала на эту почву эксплуатаціи, на ней она держится и поднесь. Разница въ томъ, что прежде искали получавшихъ субсидіи колонистовъ, такъ что для раздачи пособій и исканія сбѣжавшихъ колонистовъ существовало особое учрежденіе; теперь учрежденія этого нѣтъ, на колонистовъ и на идею пріурочить евреевъ къ земледѣльческому труду, повидимому, махнули рукой, не оскудѣваетъ только вспомоществованіе,—еще въ 1880 г. было выдано колоніямъ на продовольственныя нужды болѣе 25 т. р. Привлеченные обиліемъ льготъ и возможностью легко ими пользоваться, евреи потекли въ колоніи массами, что вынудило изданіе положеній 1810 года, которыми колонизація на казенный счетъ прекращалась; но такъ какъ и послѣ обнародованія этого положенія, являвшіеся въ колоніи поселенцы по прежнему освобождались отъ податей и повинностей, то, не смотря на воспрещеніе, токъ въ колоніи не прекращается, хотя по прежнему стремится вылиться изъ нихъ: бездонная бочка продолжаетъ быть пустою. Дѣла въ колоніяхъ идутъ изъ рукъ вонъ плохо: скотъ распроданъ, порѣзанъ, поѣденъ, поля не паханы; пріѣзжаетъ чиновникъ съ пятидесятитысячною субсидіей—колонисты на лицо, а черезъ годъ-два ихъ опять нѣтъ,—нѣтъ и слѣда выданнаго вспомоществованія. Истекаетъ срокъ льготнаго времени, на которое колонисты были освобождены отъ платежа податей, но платежъ ихъ отстроченъ, является новый токъ посланцовъ, не увеличивающій однако же населенія колоній. Истекаетъ и этотъ срокъ, дается новая отсрочка, — послѣдствіе то же самое. Возникаетъ вопросъ о льготахъ по воинской повинности; рѣшеніе вопроса колеблется; правительство извѣрилось въ значеніе льготъ, потеряло терпѣніе гоняться за получателями ихъ, не считающими себя ни къ чему обязанными, приходитъ къ необходимости ихъ обратнаго переселенія, но тщетно старается собрать ихъ; между тѣмъ вопросъ рѣшенъ въ пользу освобожденія отъ рекрутчины, и торжествующіе колонисты являются въ колоніи *въ количествѣ гораздо большемъ, нежели какое значилось по спискамъ колоній.* (Законъ 1829 г. 20-го іюля. Льгота давалась на 25—50 лѣтъ, смотря по времени основанія колоній). Попавъ въ эти списки, колонисты начинаютъ опять ту же сказку съизнова.

Такимъ образомъ, вредъ закона 9-го декабря 1804 года состоялъ

Digitized by Google

исключительно въ обиліи льготъ; вредъ этотъ усиливался сопровождавшей изданіе закона щедростью, которая вытекала изъ чаянія сдѣлать евреевъ полезными земледѣльцами. Стараясь быть возможно краткими, мы обходимъ массу такихъ случаевъ, когда обнаруживалось, что дѣйствительно былъ гнетъ, вызывавшій выселеніе изъ деревень сѣверо-западнаго края, но гнетъ этотъ производило не правительство, а еврейскій *кагалъ*, по настоянію котораго евреи уходили въ колоніи;—разчетъ былъ очень вѣренъ: общество избавлялось отъ платежа податей и недоимокъ. Бывали случаи того же гнета кагала, проявлявшагося въ колоніяхъ: подъ угрозою наложенія «херема», кагалъ препятствовалъ и единичнымъ евреямъ сколько нибудь толково заниматься хозяйствомъ, по тому разсчету, что какіе либо признаки земледѣльческаго успѣха колоній должны будутъ повести къ прекращенію выдачи правительственныхъ ссудъ *).

Что касается способа колонизаціи и вліянія чиновниковъ, то и этотъ способъ, и чиновники были тѣ же самые, которые дѣйствовали относительно всѣхъ другихъ колоній, — съ тою впрочемъ разницею, что иностранная колонизація юга Россіи, начавшаяся, какъ предпріятіе болѣе или менѣе организованное, изданіемъ манифестовъ 1762—63 годовъ и руководимая учрежденіями этихъ годовъ, перенесла на себѣ всѣ невзгоды возникающаго дѣла и стала мало-по-малу оправляться съ 1799—1801 годовъ, когда было устроено колоніальное управленіе и изданы, положившія прочную основу колоніямъ, «инструкціи внутренняго распорядка колоній и управленія ими», которымъ знатокъ дѣла, *Клаусъ*, даетъ огромное значеніе, да имъ и нельзя отказывать въ такомъ значеніи, ибо, — по времени, — инструкціи эти представляли нѣчто идеальное, и послѣдствія ихъ по сію минуту видны въ колоніяхъ,—особенно нѣмецкихъ. Еврейская же колонизація, какъ мы видѣли, началась съ 1806 года, и съ перваго своего момента пользовалась всѣмъ тѣмъ, чего не доставало началу колоній иностранныхъ.

Такъ или иначе, но еврейская колонизація совершалась на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и вся прочая; устраивалась и закрывалась тѣми же самыми исполнителями; ссылаясь же на несомнѣнно непристрастную къ чиновникамъ - колонизаторамъ статью органа еврейскихъ интересовъ «Восхода», мы видимъ, что на долю еврейской колонизаціи выпадали и такіе исполнители, которыхъ намъ не упоминаетъ исторія

*) Оба эти случая мы заимствуемъ изъ статьи еврейскаго «Восхода».

Digitized by Google

прочей колонизаціи. Исторія этой послѣдней называетъ *Инзова*, котораго она отмѣтила въ дѣлахъ болгарской колонизаціи и трудамъ котораго въ Болградѣ воздвигнутъ памятникъ. Были мы въ Болградѣ; видѣли этотъ памятникъ; старались уразумѣть живущую въ народѣ память объ *Инзовѣ*, и изъ разговоровъ съ болгарами увѣрились, что память эта живетъ въ народѣ и памятникъ поставленъ не по заказу. *Инзову* были подвѣдомственны и еврейскія колоніи; въ документальныхъ данныхъ ни мы, ни прежде насъ писавшіе по этому вопросу не находили, чтобы тотъ же *Инзовъ* относился къ еврейской колонизаціи съ какой либо иной, не въ пользу ея, точки зрѣнія. Но, — что̀ еще болѣе важно,—еврейская колонизація указываетъ и частныхъ, вблизи дѣла стоявшихъ исполнителей, которыми не хвалится прочая колонизація. Кромѣ несомнѣнно дѣловитыхъ *Девельдѣева* и *Оадѣева*, она именуетъ въ высокой степени симпатично относившихся къ интересамъ евреевъ: *Ланова*, *Джунковскаго*, постоянно покровительствовавшаго колоніямъ, и особенно *Лифанова*, сказавшаго: «жизни не пожалѣю, чтобы исполнить порученіе по совѣсти и разумѣнію», и, по словамъ статьи «Восхода», (ссылаться на которую въ подобныхъ случаяхъ мы считаемъ особенно важнымъ)—исполнившаго свое обѣщаніе. Ни чумные карантины (извѣстно, что въ 1812 году въ Новороссіи была чума), ни переправы вплавь, ни непогодь,—ничто не останавливало *Лифанова*, когда нужно было оказать какую нибудь помощь евреямъ; такою же ревностью въ оказаніи колонистамъ-евреямъ своевременной помощи, которую они дѣлали постоянно необходимою, отличался и поплатившійся за это жизнью *Едамовъ* *) Ни съ чѣмъ подобнымъ мы не встрѣчались въ дѣлѣ иностранной колонизаціи; это выпадаетъ лишь на долю колонизаціи еврейской. Констатирующій это авторъ не задавался произносить панегирикъ чиновничьей колонизаціи, а потому, не встрѣчаясь у него ни съ чѣмъ, характеризующимъ дѣятельность исполнителей, какъ направленную въ ущербъ евреямъ,—мы вправѣ заключить, что способъ осуществленія еврейскихъ колоній, по меньшей мѣрѣ, былъ не хуже примѣнявшагося относительно всѣхъ остальныхъ. Этого для насъ совершенно достаточно.

Разсмотрѣвъ вліяніе *внѣшнихъ* условій, каковыми они представля-

*) Весною,—говоритъ авторъ статьи въ «Восходѣ»,—Едамовъ многократно переѣзжалъ рѣчки и балки, нѣсколько ночей проводилъ въ степи и умеръ отъ горячки.

Digitized by Google

ются, и переходя къ заключенію о томъ, что они не могутъ служить единственнымъ объясненіемъ судебъ колоній, перейдемъ къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ факторовъ внутренняго свойства: способности евреевъ приноровиться и организовать хозяйственное дѣло.

Понятно, что евреи не могли дать того, чего можно было бы ждать отъ колонистовъ, обладающихъ агрономическимъ опытомъ и привычкой къ земледѣльческому труду. Какъ трудно и имѣющееся уже опытное знаніе пересадить въ обстановку, чуждую той, среди которой оно накопилось, это видно изъ исторіи менонитовъ. Первый транспортъ ихъ прибылъ и поселился въ Екатеринославской губ. въ 1789 году; въ 1798 — 1800 г., ревизовавшій колоніи *Контеніусъ* выражалъ сильное сомнѣніе, чтобы «поселенцы эти когда нибудь достигли хорошаго состоянія»; самыя земли, занятыя ими, — особенно въ Хортицкомъ округѣ,—онъ считалъ недостаточными и столь тощими, что не предвидѣлъ даже возможности для сѣвшихъ на нихъ менонитовъ платить своевременно подати и возвратить казнѣ ссудный долгъ. Недовѣріе, заявленное *Контеніусомъ*, имѣло почву въ томъ, что хозяйство въ маріенвердерскихъ низменностяхъ и степяхъ Новороссіи — двѣ вещи совершенно разныя. Но менониты имѣли достаточно нравственной мощи и трудолюбія, чтобы, занявъ земли исключительно ради земледѣлія, опровергнуть предположенія *Контеніуса* самымъ блестящимъ образомъ. Они были впрочемъ земледѣльцами, и успѣхъ ихъ нельзя приводить въ примѣръ евреямъ; но и между иностранными колонистами есть такіе, которые, по своей подготовкѣ къ земледѣльческимъ занятіямъ, находились въ положеніи, совершенно тождественномъ съ евреями. Это—не только нѣмцы, занявшіе Поволжье, но и вообще нѣмецкіе поселенцы.

Нѣмецкій элементъ началъ колонизоваться въ южной Россіи слѣдомъ за изданіемъ упомянутыхъ нами манифестовъ. Въ 1806 г., *Ришелье*, въ письмѣ своемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, такъ оцѣнивалъ колонистовъ Новороссіи: «*Что сказать вамъ о нашихъ колонистахъ? менониты удивительны; болгары безподобны; но нѣмцы — несносны. Имъ нечѣмъ будетъ жить, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которые около Одессы*». Но теперь: менонистскія колоніи сдѣлались избитымъ мѣстомъ для ссылокъ, при рѣчи объ агрономическихъ успѣхахъ на югѣ Россіи; «несносные нѣмцы» Ришелье, и именно около Одессы, въ данное время считаютъ свои общественные капиталы по нѣскольку сотъ тысячъ рублей. Колоніи болгаръ процвѣтаютъ. А между тѣмъ всѣ они должны были пройти тотъ періодъ ломки, который неиз-

Digitized by Google

бѣженъ при колонизаціи; окупается-ли эта ломка достигаемыми результатами—это зависитъ исключительно отъ нравственнаго достоинства и трудовой силы колонизуемаго элемента.

Но вотъ еще элементъ худшій, чѣмъ «несносные» нѣмцы, которымъ—думали—нечего будетъ ѣсть. Это—нѣмцы, осѣвшіе въ Поволжьѣ. Они набирались особаго рода коммиссарами и только рѣдкій изъ нихъ, отдаваясь въ распоряженіе коммиссара, не имѣлъ въ виду лишь одно: обезпечить себѣ дневное пропитаніе. *Клаусъ* говоритъ: «Огромное большинство этого люда представляло ничто иное, какъ самый разнохарактерный сбродъ, обнищалый и распущенный; по характерному выраженію самихъ колонистовъ: «Abschaum Deutschlands»—промотавшіеся офицеры (напр. стихотворецъ Платенъ), художники, студенты, купцы, ремесленники, — *но всего меньше сколько нибудь надежные земледѣльцы*». «Подонки» эти были сдвинуты на Волгу, и мирнымъ дѣломъ хозяйства, къ которому должны были пріурочиться, начали заниматься одновременно съ закипѣвшей по Волгѣ «пугачевщиной». Къ 1775 году, на колонистахъ Поволжья числилось одного возвратнаго (по водворенію) долга казнѣ по 250 р. на душу! Но изъ подонковъ выработался элементъ здороваго, земледѣльческаго населенія, и, не смотря на хаосъ, произведенный въ краѣ «пугачевщиной», мы видимъ, что поволжскіе колонисты, — бывшіе ремесленники, неудавшіеся студенты и разные искатели приключеній, — уже въ восьмидесятыхъ годахъ, т. е. чрезъ 15 лѣтъ жизни въ новомъ мѣстѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, настолько уже развиваютъ свое хозяйство, что нуждаются въ бо́льшемъ количествѣ земель и снимаютъ въ аренду смежные казенные участки. Проходитъ еще лѣтъ двадцать. Въ 1808 году поволжскія колоніи представляютъ слѣдующую картину: «большая часть прежнихъ домовъ уступила мѣсто новымъ, стоимостью въ 700—1,000 руб.; каждый хозяинъ имѣетъ отъ 3 до 15 упряжныхъ лошадей; отъ 2 до 8—12 коровъ, не считая рабочихъ воловъ...» и т. д. Блистательнѣйшимъ же актомъ успѣховъ, сдѣланныхъ этими людьми, между которыми было «*всего менѣе земледѣльцевъ*», служитъ то, что по долгу казнѣ, составлявшему къ 1809 году уже 2.765,356 руб., они къ 1846 году были въ полномъ съ казною разсчетѣ.

Прибавить слѣдуетъ, что эти колонисты имѣли надѣлъ вдвое меньше евреевъ. Напомнимъ, что они пришли изъ-за куска хлѣба; ни знаній, ни сельско-хозяйственнаго опыта не имѣли; они принесли только однѣ способныя къ труду руки—прямое намѣреніе не жить на чужой счетъ и чи-

Digitized by Google

стую рѣшимость приложить свои силы къ занятію земледѣліемъ. Всему этому почва отвѣтила. Пугачевскій бунтъ мѣшалъ ихъ успѣху, вѣроятно, не меньше, нежели чума въ Новороссіи, препятствовавшая благовременному подвозу продовольствія въ еврейскія колоніи; «начальство» и всѣ его «наѣзды» были тѣ же самые. Условія, слѣдовательно, допускаютъ сравненіе.

Чего достигли колонисты-нѣмцы, мы уже видѣли; но что же сталось съ еврейскими колоніями за ихъ 60—75 лѣтъ существованія?

Не такъ давно мы посѣтили эти колоніи; видѣли мы, вѣроятно, еще худшее того, что̀ видѣлъ *Контеніусъ* въ 1810 г., *Лановъ*—въ 1812, *Фадѣевъ* и *Инзовъ* въ двадцатыхъ годахъ; а протекло съ тѣхъ поръ болѣе полустолѣтія! Что это: прошелъ здѣсь непріятельскій погромъ или пролетѣло моровое повѣтріе; несказанная ли это нищета?... Что создало этотъ потрясающій хаосъ?... Время дѣйствовало здѣсь только разрушающимъ образомъ.

Большинство колоній представляютъ полуразрушенные, словно брошенные жителями поселки, въ которыхъ, между разваливающимися хатами, какъ-то случайно уцѣлѣло нѣсколько порядочныхъ домовъ, носящихъ признаки отвратительнаго неряшества. Есть колоніи, которыя издали представляютъ нѣчто совершенно необычайное; напр. всѣ дома колоніи безъ крышъ, значительное число даже безъ стропилъ,—значитъ, крыть крышу ужь давно вышло изъ обычая; сквозь потолокъ торчитъ дымовая труба, еще не успѣвшая развалиться и подпертая съ разныхъ сторонъ кольями. Кругомъ избы,—какъ говорится,—ни кола ни двора.

У нѣкоторыхъ домовъ, по переднему фасу, лежитъ грядка мелкаго камня; это—остатокъ отъ бывшей каменной ограды полисадника, изъ которой крупный камень уже проданъ; изъ кучи мусора торчитъ обломанная, на корню засохшая акація, сотоварищи которой ужь давнымъ давно пошли на топку. Все голо, безотрадно-пусто, оборвано и загажено. Но вотъ нѣсколько живыхъ деревьевъ зеленѣютъ на краю этой мерзости запустѣнія, какъ будто просятся въ степь; это у усадьбы нѣмца колониста,—*образцоваго хозяина* (профессора безъ слушателей и безъ каѳедры); селили этихъ нѣмцевъ по двѣ-три семьи въ каждой еврейской колоніи, въ надеждѣ, что, подражая имъ, колонисты-евреи будутъ успѣшнѣе «упражняться въ земледѣліи»; но такая предусмотрительность оказалась излишнею; хотя мы и были въ колоніяхъ во время позднихъ посѣвовъ яроваго, но только въ рѣдкихъ случаяхъ находили хозяевъ, да и

Digitized by Google

то *дома*, въ какомъ-то праздномъ времяпровожденіи, а не въ полѣ. Лишь у однихъ феноменальныхъ евреевъ мы находили какое либо указаніе на то, что это земледѣльцы, и, кажется, можно смѣло подержать пари, что въ самой большой колоніи, при условіи пріѣхать въ нее невзначай, не найдется и десятка плуговъ. Послѣднее условіе очень важно, потому что, хотя евреи съ земледѣліемъ ничего общаго не имѣютъ, въ колоніяхъ постоянно не живутъ и все гдѣ-то рыскаютъ, обдѣлывая разные гешефты, но видимо желаютъ сохранить за собою колоніи; а зная, «чье мясо кошка съѣла», въ каждомъ новомъ, селящемся въ колоніи, лицѣ имъ чудится ревизоръ. Такъ было и съ нами.

«Жаль,—говорили намъ,—что не знали о вашемъ пріѣздѣ: вездѣ нашли бы и плуги, и бороны». Или: «Поживите-ка здѣсь день-другой, походите по дворамъ, да и поѣзжайте хоть въ самую отдаленную колонію,—все будетъ готово; покажутъ и *свое* поле и *свои* посѣвы...» Оказывается, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего, и если напр. министерство захотѣло бы знать что нибудь о колоніяхъ, какъ онѣ есть, черезъ своего представителя, то сей послѣдній, не говоря никому ни единаго слова, долженъ былъ бы непосредственно изъ Петербурга пріѣхать хотя въ *лучшую колонію* и *сейчасъ-же* идти по дворамъ; ибо время—деньги; на завтра онъ увидитъ уже вовсе не то и ничего не узнаетъ. *Все* будетъ и все—подставное.

Ничего нельзя знать и постоянно живущему въ колоніи, потому что онъ въ осадномъ положеніи, и каждый шагъ его на счету: пройдетъ по колоніи, поинтересуется напр. вопросомъ о томъ, есть-ли у «земледѣльцевъ» плуги; завтра же узнаютъ это во всѣхъ колоніяхъ, и—декорація уже подготовлена. Поэтому, если вы, читатель, видѣли гдѣ нибудь печатный перечень земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и т. п. въ еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ, не вѣрьте ничему этому, будь то хоть оффиціальный источникъ: никто ничего не знаетъ и *знать не можетъ*.

Не вѣрьте также и всѣмъ сказаніямъ о размѣрахъ посѣвовъ и урожаевъ; все это—вздоръ, котораго проконтролировать никто не можетъ. Но все это облечено въ такую систему и васъ такъ «проведутъ и выведутъ», что останется одно: предать все это волѣ божьей и рукой махнуть. Когда мы были въ колоніи,—какъ сказано, во время посѣва,—всѣ «земледѣльцы» были въ Каховкѣ (мѣстечко на Днѣпрѣ въ Екатериносл. губ.); зашли мы въ школу; оказалось, что ученья нѣтъ. Почему? Намъ отвѣчалъ учитель: «въ Каховкѣ ярмарка...»

Digitized by Google

О полевомъ хозяйствѣ евреевъ-земледѣльцевъ было бы странно и говорить. Прежде, можетъ быть, и было что нибудь; теперь же, когда колонія перешла въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, вести *свободнаго* хозяйства никто не мѣшаетъ, а потому и паръ, и толока, и сѣнокосъ все окончательно перепуталось; еврею это, конечно, все равно, но «образцовымъ хозяевамъ» пришлось было плохо: приготовитъ нѣмецъ землю подъ паръ, выѣзжаетъ сѣять, — глядь, а у борозды стоитъ телѣга, въ ней лежитъ еврей (коли жарко—подъ телѣгой), а крестьянинъ ему сѣетъ; прежде еврей *посылалъ* сѣять, а теперь сталъ *надсматривать*: ужь больно рѣдки иногда всходы бывали... Чтобы прекратить захваты евреями хорошо подготовленной нѣмцами земли, современный попечитель колоній долженъ былъ ходатайствовать объ отводѣ нѣмцамъ отдѣльныхъ участковъ. Но немалый вредъ нѣмцамъ наноситъ еще общее съ евреями пастбище, служащее мѣстомъ чумной заразы; нерѣдки случаи, когда вернувшійся съ базара еврей приводитъ корову, пускаетъ ее въ общее стадо, а на другой день хотя и сведетъ ее на новый базаръ, но гроза уже сдѣлала свое,—начинается падежъ.

Отказываясь говорить о какой бы то ни было системѣ хозяйства въ еврейскихъ колоніяхъ, мы считаемъ наиболѣе характерными—цифры, изображающія ихъ экономическое положеніе. Данными, ниже сего приведенными, мы обязаны любезности управленія государственными имуществами въ Одессѣ и—главнымъ образомъ—г. Левдикова, состоящаго въ качествѣ попечителя.

Въ Херсонской губерніи 21 колонія; подъ нихъ отведено казенной земли по 40 дес. на семью, болѣе—90 т. дес. Въ непосредственное пользованіе каждой семьи поступило по 30 дес.; изъ остальныхъ 10-ти образованъ новый участокъ, составляющій «запасныя колоніальныя земли», разсчитанныя на ростъ колоній. Но населеніе въ нихъ, въ противность естественному закону, не растетъ, а все убавляется; съ 1874 года, начало практиковаться исключеніе изъ колоній «за нерадѣніе къ хозяйству» и сталъ образовываться новый участокъ земли, «свободной отъ исключенныхъ».

Исключеніе это даетъ слѣдующія цифры:

въ 1874 году	исключено	.	674	д.	об. пола.
» 1876 »	»	.	1,292	»	» »
» 1879 »	»	.	3,289	»	» »
	Всего	. .	5,255	»	» »

Digitized by Google

Общая цифра населенія колоній въ 1860 году представляла 17,814 д. об. пола; не смотря на поселеніе послѣ этого года новой колоніи (Громослѣя) въ 188 душъ, все современное населеніе колоній (1882 года) даетъ цифру въ 10,883; не достаетъ слѣдовательно 6,931; исключено 5,255, неизвѣстно гдѣ обрѣтается 1,706 д. Но, въ дѣйствительности, «въ нѣтяхъ» еще больше, такъ какъ 10,883 души только «числятся», въ натурѣ же ихъ не болѣе 9,000 душъ.

Къ вопросу о населеніи отмѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ исключаемые устраиваютъ такъ, что при удаленіи ихъ изъ колоній у нихъ не оказывается «видимаго» имущества, и потому, удаляясь изъ колоній и отрясая ея прахъ отъ ногъ своихъ, они уносятъ и числившіяся на нихъ недоимки.

Не самообольщаясь и не позволяя себѣ обманывать читателя, мы не опредѣляемъ степень благосостоянія колоній ихъ хозяйственнымъ добромъ: сегодня оно у Ицки въ Нагортовѣ, а завтра будетъ на показъ у Хайма въ Сейдеминухѣ; слѣдовательно, добро это ничего не показываетъ; не обращаемся и къ указанію на такую недвижимость, какъ посѣвы,—кому они принадлежатъ: опять Ицкѣ-ли, Хайму, или Петру и Ивану?—для рѣшенія этого вопроса недостаточно *изслѣдованія*, необходимо *слѣдствіе* съ массою свидѣтелей, да и то едва ли добьешься толку. Мы сообщаемъ другой путь, полагая это не въ ущербъ репутаціи еврейскихъ колоній:—опредѣлить ихъ хозяйственное значеніе по числу «*хорошихъ*» хозяевъ. «Хорошими» мы соглашаемся считать всѣхъ тѣхъ, которые значатся *занимающимися хозяйствомъ лично*. Это будетъ первая группа; вторую же составятъ тѣ, которые хозяйничаютъ черезъ другихъ и отдаютъ земли свои въ наймы (на что они впрочемъ права не имѣютъ).

Въ среднемъ занимаются хозяйствомъ . . . 40,7%
» » не занимаются » . . . 59,3%

Но лишь въ *четырехъ* колоніяхъ мы имѣемъ такое соотношеніе между тѣми и другими, которое, при снисходительной оцѣнкѣ, можетъ дать этимъ колоніямъ право на званіе *земледѣльческихъ*: въ нихъ занимается хозяйствомъ лично (?) болѣе 60%; въ пяти колоніяхъ—отъ 50 до 60%; двѣнадцать колоній имѣютъ земледѣльческое населеніе ниже 50%. Припомнивъ общую цифру населенія и принявъ 59% незанимающихся земледѣліемъ, мы должны счесть ихъ за кандидатовъ на исключеніе,—радѣютъ хозяйству они немного; — по удаленіи этихъ «юродивыхъ хозяевъ», получимъ въ остаткѣ общую густоту населенія, въ 21-й колоніи,

Digitized by Google

равную 4,500 душамъ об. пола. Цифра эта есть солидный прецедентъ для вопроса: «что должно быть предпринято съ еврейскими земледѣльческими колоніями въ виду ихъ совершенной готовности къ распаденію»?

Вернемся впрочемъ къ этому вопросу въ заключеніи. Теперь передъ нами другой вопросъ: если одни сидятъ въ колоніяхъ и ничего не дѣлаютъ (такихъ 59%), другіе гдѣ-то странствуютъ; если колоніи представляютъ однѣ гадкія развалины, привилегіи же для колонистовъ исчезли,—что заставляетъ ихъ все-таки числиться колонистами-земледѣльцами? Отвѣтимъ на это въ двухъ пунктахъ: 1) Вѣроятно, правительство еще надѣется на что-то отъ колоній и колонистовъ; напр. въ 1880 г. оно выдало имъ вспомоществованіе въ 26,336 р. 89 к. Развѣ это не привилегія? Развѣ это не нѣчто въ родѣ манны, по крайней мѣрѣ, для названныхъ нами 59%, которые земледѣльческимъ дѣломъ не занимаются, гдѣ-то торгуютъ или еще что-то дѣлаютъ, и во имя земледѣльческихъ интересовъ субсидію получаютъ. 2) Колоніи служатъ хорошимъ транзитнымъ пунктомъ и надежнымъ складочнымъ мѣстомъ, вѣрной станціей; это нѣчто въ родѣ Шклова, Бердичева, гдѣ все—*свое* и *свои*, чѣмъ такъ дорожатъ евреи и что такъ необходимо для развитія ихъ дѣятельности. Это—тоже привилегія, и привилегія немалая.

А потомъ,—все положеніе ихъ въ колоніяхъ—положеніе совершенно исключительное.

Евреи-колонисты обложены слѣдующими налогами:

1) Подушная подать съ души . . . . . 2 р.
2) Оброчная » » » . . . . . 2 » 85 к.
3) Государственный сборъ съ души отъ . . . — 30 до 51 к.
4) Поземельный налогъ съ десят.
въ Херсонскомъ уѣздѣ . . . . . — 2 к.
» Елисаветградскомъ уѣздѣ . . . — 4 1/10 »
5) На погашеніе долга по водворенію, съ семьи отъ 1 р. 42 к. до 7 р.
6) » содержаніе управленія, съ души . . . — » 21 »
7) Земству приплаты за больницу въ Нагортовѣ, съ души . . . . . — » 7 »

Всѣ эти налоги, въ совокупности взятые, составляютъ годовой окладъ для всѣхъ херсонскихъ еврейскихъ колоній:

a) по статьямъ 1 и 2 . . 26,549 р. 34 к.
b) » » 3 » 4 . . 3,464 » 29 »
c) » » 5 . . . 1,298 » 28 »
d) » » 6 . . . 1,146 » 60 »

Digitized by Google

e) »	»	7 . . .	1,733 »	99 »
	Всего . . .	33,045 »	90 »	

Всѣ земли, состоящія подъ колоніями, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ надѣлѣ колонистовъ	46,752 д.	2,224 с.
Подъ плантаціей въ Нагортовѣ . . .	10 »	— »
Въ надѣлѣ образцов. хозяевъ . . .	5,240 »	— »
» запасныхъ участкахъ.	21,783 »	2,139 »
» свободныхъ отъ исключенныхъ .	17,183 »	713 »
Всего . . .	90,970 »	776 »

Какъ очевидно, имѣя въ надѣлѣ 46,752 дес. земли и платя за нее всѣхъ платежей годоваго оклада 33,045 р. 90 к., евреи-колонисты оплачиваютъ десятину земли 70,6 копѣйки, въ то время какъ крестьяне платятъ вчетверо и впятеро больше. При современномъ, дѣйствительно наличномъ числѣ душъ въ колоніяхъ, евреи-колонисты имѣютъ душеваго надѣла около 9,9 десят., въ то время какъ средній надѣлъ крестьянина Херсонской губерніи не превосходитъ 3,4 дес.; они имѣютъ, слѣдовательно, земли въ $3^3/_4$ раза болѣе. Казалось бы, евреи поставлены чрезвычайно благопріятно, но, не смотря на такую обстановку, по названнымъ выше статьямъ, за ними числилось недоимокъ:

a) къ 1880 г. 31,130.70; къ 1881 г. 40,686.99
b) » » » 11,771.25 » » » 14,116.94
c) » » » 2,490.99 » » » 3,023.55
d) » » » 265.56 » » » 663.52

Всего: » » 45,658.59 » » » 58,491 » къ 1882 г. 83,635.94

Относительно оклада, недоимки составляли » 1880 » $1^1/_5$
» » » » » 1881 » $1^3/_4$
» » » » » 1882 » $2^1/_2$

Недоимки, все болѣе и болѣе обременяющія колоніи и грозящія раздавить ихъ неоплатнымъ долгомъ, представляютъ явленіе тѣмъ болѣе удивительное, что всѣ колоніи имѣютъ *оброчныя статьи*, сдача которыхъ въ арендное содержаніе даетъ годоваго дохода около 20 т. р.

Такъ: въ 1880 г. получено 22,787 р. 69 к.
» 1881 » » 16,743 » 19 »
въ среднемъ 19,764 » 94 »

Кромѣ того, запасныя земли колоній въ количествѣ 21,783 д., слу-

Digitized by Google

жатъ тоже оброчными статьями, половина дохода съ которыхъ поступаетъ въ мірскія суммы колоній.

Эти оброчныя статьи доставляли: въ 1880 г. 30,002 р. 71 к.
» 1881 » 32,639 » 70 »

въ среднемъ . . . . 31,321 » 20 »
а половина. . . . . 15,660 » 60 »

Такимъ образомъ, противъ годоваго оклада въ 33,045 р. 90 к. евреи—колонисты имѣютъ:

отъ мірскихъ оброчныхъ статей . . . . . 19,764 » 94 »
половину отъ запасныхъ. . . . . 15,660 » 60 »

Всего. . . 35,425 » 54 »
Противъ оклада болѣе на 2,379 » 64 »

Но что такое: мірскія оброчныя статьи? Можетъ быть, онѣ поглощаютъ такую долю земельнаго надѣла, что ужь больше ничего и не остается для эксплуатаціи. Можетъ быть, въ доходѣ съ оброчныхъ мірскихъ статей заключается весь доходъ колоній?

Мы знаемъ, что въ 1880 г. главную долю дохода отъ мірскихъ статей составляли слѣдующія суммы:

за землю, отданную въ аренду . . . 13,448 р. 55 к.
» » » подъ пастбища . . 6,228 » 80 »

Всего. . . . 19,677 » 35 »

Указаній на количество земли, отданной въ аренду и подъ выгонъ скота, мы не имѣемъ, но знаемъ цѣны земель. По собраннымъ херсонскимъ земствомъ свѣдѣніямъ, цѣны эти въ 1881 г. были слѣдующія:

въ Херсонскомъ уѣздѣ для худшихъ земель за 1 дес. 2 р. — к.
» » » » лучшихъ » » » » 3 » — »
» » » » средняя цѣна » » » 2 » 50 »
въ Елисаветградскомъ для худшихъ земель за 1 дес. 3 р. — »
» » » » лучшихъ » » » » 15 » — »
» » » » средняя цѣна » » » 9 » — »

Такъ какъ большинство колоній лежитъ въ Херсонскомъ уѣздѣ, то, говоря о всѣхъ колоніяхъ (и Елисаветград. уѣзда), мы возьмемъ среднюю цѣну не 6 р., а только 3 р. Отсюда приходимъ къ тому заключенію, что сумма въ 13,448 р. могла быть выручена отъ аренды не болѣе 4,500 дес. Что касается 6,228 р., полученныхъ за пастьбу, то при 2 р.

Digitized by Google

50 к. которые minimum берутъ за голову скота и при 1½ десятинахъ на каждую штуку въ пастбищный періодъ, названная сумма могла быть выручена съ 3,000—3,500 дес. Такимъ образомъ, общая площадь, дававшая доходъ 19,677 р., не превосходила 8,000 десят.

По числу семей—усадебной земли, предполагая по ½ дес., какъ это и проэктировалось при отводѣ земли, должно быть во всѣхъ колоніяхъ 2,824 дес.

Принявъ все это въ разсчетъ, имѣемъ:

Въ надѣлѣ		46,752 д.
Изъ нихъ подъ усадьбами .	2824 д.	
Отдается подъ распашку. .	4500 »	
» » пастьбу. . .	3500 »	10,824 »
Остается, затѣмъ, свободной для эксплуатаціи земли еще		35,928 »

И годовой окладъ, слѣдовательно, можетъ быть уплаченъ, не касаясь дохода съ этихъ 35,928 дес.

На этой землѣ лично хозяйничаютъ 49% колонистовъ; занимаются они не изъ любви къ искусству; остальные сдаютъ землю въ аренду или ведутъ хозяйство скопщиною. Не усложняя нашихъ разсчетовъ, согласимся принять эту землю за худшую Херсонскаго уѣзда, арендная цѣна которой 2 р. за десятину; и въ этомъ случаѣ евреи, извлекая доходъ только изъ одной третьей части ея, имѣютъ въ полученіи еще 23,552 руб. Сумма эта достается евреямъ *даромъ*, за одно только то, что въ удовольствіе кому-то они называются «земледѣльцами».

Къ какому же заключенію нужно прійти послѣ всѣхъ этихъ результатовъ, даваемыхъ еврейскими земледѣльческими колоніями?

Это какое-то обширное недоразумѣніе, какая-то несбывшаяся мечта и нѣчто крайне обманное. Мы, не обинуясь, скажемъ: это школа тунеядства, неспособная дать полезное назиданіе. Еврейскія колоніи представляютъ нѣчто экономически несообразное, какую-то узаконенную и еще субсидируемую эксплуатацію, которая, будучи выставлена на показъ, рядомъ съ вопросомъ о нуждѣ въ землѣ, поднятомъ земствомъ той губерніи, гдѣ существуютъ эти колоніи, изображаетъ картину самаго двусмысленнаго содержанія. Требуется-ли для какихъ либо цѣлей продолжать этотъ неоправдавшійся опытъ? Теперь мы полагаемъ, на него и рукой-то махнуть нельзя...Напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, въ Херсонской губ., а особенно въ Херсонскомъ уѣздѣ, и у хозяйничающихъ-то

Digitized by Google

людей неурожай, что-жъ должно быть у евреевъ? Не лучше. Мы видѣли: 59% этихъ колонистовъ къ землѣ рукъ не прикладываютъ; это какіе-то изъ моды вышедшіе помѣщики, ландлорды, получатели ренты, но это не *земледѣльцы-колонисты*: ренту-то они получаютъ, оклада и недоимокъ не платятъ *), даже въ колоніи не живутъ, сидятъ гдѣ-то въ шинкахъ, народъ спаиваютъ и обираютъ его,—а потому, что они *колонисты-«земледѣльцы»* — на продовольствіе попросятъ, и дать имъ должны. Теперь за ними числится болѣе 80 т. руб.; на будущій годъ будетъ 120 т.; теперь считается 59% тунеядцевъ, на будущій годъ (силою неурожая: вѣдь они тоже «земледѣльцы») ихъ будетъ еще больше. «Нерадивыхъ хозяевъ» исключатъ; но вѣдь «видимаго» имущества будетъ еще меньше и т. д. Въ субботу,—среди всего этого мусора, развалинъ и грязи,—вы видите толпы какого-то празднично-разряженнаго народа: бархатныя шубки, собольи воротники и высокія бобровыя шапки... Что-то въ высокой степени ироническое...

Загляните-ка въ ту мужицкую деревню, на которой числятся тысячами недоимки: бѣдность не выдуманная. Загляните наконецъ въ ту деревню, которая тутъ же, на той же землѣ трудится... Есть кулаки, кабачики, міроѣды, Колупаевы,—да вѣдь не 50% же тунеядствуетъ, міроѣдствуетъ, кабачничаетъ? Съ такой дозой міроѣдовъ деревня-то, кажется, и сквозь землю бы провалилась.

М. Неручевъ.

*) И въ этомъ отношеніи—чистые ландлорды.

Digitized by Google

КРИКЕТЪ.

Романъ Л. Галеви.

XIV.

Днемъ, въ тѣ часы, когда Паскаль репетировалъ новыя роли, Крикетъ приходила къ Клементинѣ Лемюшъ и проводила у нея свободные часы. Чопорная Клементина была чрезвычайно довольна знакомствомъ съ молодой дѣвушкой, совершенно неожиданно встрѣтивъ въ молоденькой провинціальной артисткѣ то свѣтское образованіе, которымъ она гордилась, считая его исключительной принадлежностью женщинъ высшаго класа. Манеры Крикетъ, ея скромность и свѣтлый умъ производили пріятное впечатлѣніе на Клементину, и вскорѣ между двумя женщинами завязалась настоящая дружба.

— Барышня вышла не надолго, онѣ скоро возвратятся, сказала служанка, здороваясь съ Крикетъ.—Барышня просила передать вамъ, чтобы вы не уходили, не дождавшись ихъ, добавила горничная, уходя изъ комнаты.

Крикетъ пришла посидѣть къ своей пріятельницѣ съ работой и потому, снявъ шляпку, она принялась за вышиванье. Прошло нѣсколько времени. Крикетъ сидѣла у открытаго окна, думая о Паскалѣ и тѣхъ отношеніяхъ, полныхъ дружбы и довѣрія, которыя составляли ея счастіе. Топотъ лошадиныхъ копытъ заставилъ дѣвушку вздрогнуть й посмотрѣть за окно. Предъ нею стоялъ молодой человѣкъ, красивый, въ изящномъ костюмѣ, и съ видимымъ удовольствіемъ разсматривалъ хорошенькую дѣвушку. Держа въ лѣвой рукѣ поводъ своей лошади, молодой человѣкъ приподнялъ шляпу и съ любезнымъ видомъ спросилъ Крикетъ:

— Извините, сударыня, но мнѣ сказали... я, можетъ быть, ошибаюсь... Г-нъ Лемюшъ не живетъ здѣсь болѣе?

— Напротивъ, это его квартира...

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ... я не знаю, что мнѣ дѣлать?.. Я пріѣхалъ къ m-lle Клементинѣ...

— Она вышла, но скоро возвратится, и вы хорошо сдѣлаете, если подождете ее... Войдите, прошу васъ... Я увѣрена, что Клементина будетъ крайне недовольна, узнавъ, что вы не хотѣли подождать ее.

— Но почему же вы такъ думаете?.. Развѣ вы меня знаете, сударыня?

— Я васъ не знаю... но угадываю, кто вы...

— Это меня крайне интересуетъ, сударыня. Скажите, пожалуйста, съ удивленіемъ началъ молодой человѣкъ, но Крикетъ перебила его:

— Я разскажу вамъ все... Это такъ просто, такъ понятно... Ну, входите же... Я сейчасъ отворю вамъ дверь...

Молодой человѣкъ поспѣшилъ исполнить приказаніе дѣвушки. Онъ привязалъ поводъ лошади къ желѣзному кольцу, вбитому въ стѣну, и повернулся къ дверямъ, на порогѣ которыхъ стояла улыбающаяся Крикетъ.

— Вотъ, милостивый государь, что дало мнѣ возможность узнать васъ, сказала дѣвушка съ лукавой улыбкой, когда они проходили по гостинной:—Эта фотографія, постоянно находящаяся надъ столомъ Клементины, не разъ обращала мое вниманіе, и я узнала, что вы—графъ Этьенъ де-Серіанъ... Клементина будетъ такъ счастлива видѣть васъ у себя...

— И это все, что вамъ извѣстно обо мнѣ, сударыня? съ улыбкой спросилъ графъ, опускаясь на ближайшее кресло.

— О, нѣтъ! смѣясь, возразила Крикетъ,—я много еще кое-чего знаю о васъ!

— Напримѣръ? Я былъ бы вамъ крайне благодаренъ за такое сообщеніе.

Простота и любезность графа произвела пріятное впечатлѣніе на Крикетъ. Она сѣла на диванъ и съ непринужденной улыбкой, оживлявшей ея привлекательное личико, заговорила:

— Мнѣ извѣстно, что вы только что возвратились изъ кругосвѣтнаго путешествія... Извѣстно, что четыре-пять мѣсяцевъ тому назадъ вы совершали прогулки по китайской стѣнѣ, а шесть недѣль спустя, катались по улицѣ японскаго города, на большомъ черномъ пони. Затѣмъ, вы ѣздили въ Санъ-Франциско, а оттуда, на кораблѣ «Перейра», добрались до Нью-Іорка... Неправда-ли, все это такъ? Я не ошибаюсь?

Digitized by Google

— Совершенно справедливо... Вы волшебница... вы проникаете въ прошлое и, быть можетъ, возвѣщаете будущее?

— О, нѣтъ, я не могу похвалиться ни тѣмъ, ни другимъ. Клементина такъ любитъ васъ и такъ много и часто говоритъ о васъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если я знаю нѣкоторыя подробности о вашей жизни. Въ теченіе послѣдняго года, она прочитала мнѣ четыре письма, которыя вы писали къ ней. По нимъ я заключила, что вы, графъ, добрый человѣкъ... Вы не забываете Клементину; а она такъ душевно предана вамъ...

— О, я это знаю и, съ своей стороны, плачу ей тѣмъ же. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что она—моя воспитательница?

— Еще бы! Ваше дѣтство прошло въ замкѣ Люверси, находящемся вблизи Манса... Вашъ замокъ такъ близко отсюда, что я не разъ ходила туда съ Клементиной и мы долго, долго гуляли въ вашемъ саду...

— Итакъ, почтительно кланяясь, сказалъ графъ,—вы знаете обо мнѣ очень много, но я, къ сожалѣнію, ничего не знаю о васъ...

— Совершенно справедливо. Но такъ какъ хозяина нѣтъ дома и представить меня некому, то я сама исполню эту обязанность... Но вотъ вопросъ: какимъ именемъ я должна назваться? У меня такъ много различныхъ именъ... Я скажу вамъ мой сценическій псевдонимъ.

— Сценическій псевдонимъ?.. повторилъ графъ.

— Ну, да! Въ труппѣ меня зовутъ m-lle Жильбертъ... Но вы вѣдь не знаете, что я артистка труппы г-на Лемюшъ?

— Вы?.. артистка труппы?..

— Ну да, да! Что это васъ такъ удивляетъ?.. Я играла въ комедіи, въ драмѣ... я исполняю роли первыхъ любовницъ, ingénue и...

Въ это мгновеніе, дверь гостинной съ шумомъ растворилась и Клементина Лемюшъ, запыхавшись и раскраснѣвшись отъ быстраго движенія,—бросилась на шею къ молодому человѣку.

— Этьенъ, голубчикъ мой, неужели это вы? О, какъ я счастлива, какъ я рада васъ видѣть! Подойдите сюда къ окну, я хочу васъ разсмотрѣть хорошенько... Ахъ, какъ вы загорѣли, возмужали! Какіе у васъ усы, борода!

И затѣмъ, обращаясь къ Крикетъ, Клементина добавила:

— Это графъ де-Серигань, о которомъ я вамъ такъ много и часто говорила. Теперь позвольте мнѣ представить васъ моему питомцу.

— Не безпокойтесь, Клементина, я уже исполнила вашу обязанность и отрекомендовалась графу.

Digitized by Google

— Да, но вы сказали только свое имя и, конечно, забыли прибавить, что въ лицѣ васъ графъ видитъ самое прелестное, очаровательное существо, какое я только знаю...

Крикетъ вспыхнула и потупила глаза; графъ поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Это заключеніе я вывелъ самъ... сказалъ онъ, почтительно кланяясь молодой артисткѣ.

Не желая мѣшать бесѣдѣ двухъ друзей, встрѣтившихся послѣ долгой разлуки, Крикетъ хотѣла уйти домой, но убѣдительныя просьбы Клементины и молодаго графа заставили ее подчиниться ихъ волѣ. Она осталась въ гостинной Лемюшъ и, благодаря ея присутствію, визитъ графа продолжался весьма долго. Веселый разговоръ ни на мгновеніе не умолкалъ, и—нужно отдать справедливость—графъ умѣлъ быть интереснымъ и занимательнымъ. Съ отвагой и смѣлостью, свойственными молодому человѣку, онъ разсказывалъ о тѣхъ случайностяхъ и опасныхъ эпизодахъ, которые ему приходилось испытать во время своего скитанія по чужимъ краямъ. Графъ де-Сериганъ былъ уменъ, красивъ, обладалъ изящными манерами, а присутствіе хорошенькой дѣвушки заставляло его съ особенной охотою высказывать свои умственныя и нравственныя качества. Передавая видѣнное и слышанное, графъ обращался къ Клементинѣ, но его большіе черные глаза почти не отрывались отъ лица Крикетъ. Онъ былъ очарованъ красотою дѣвушки и не могъ скрыть того впечатлѣнія, которое производило на него это очаровательное существо, такъ неожиданно встрѣченное имъ въ домѣ Клементины Лемюшъ.

Графъ Этьенъ де-Сериганъ произвелъ крайне пріятное впечатлѣніе на Крикетъ и она внимательно слушала его разсказы, сознавая, что никогда еще во всю свою жизнь она не видала такого изящнаго и вполнѣ симпатичнаго человѣка. Въ его разговорахъ, въ манерѣ обращенія, даже во взглядахъ, выражалась скромность и деликатность, присущая человѣку, получившему хорошее домашнее воспитаніе, и Крикетъ невольно вспомнила, какъ часто ее коробило и мутило отъ тѣхъ глупыхъ шутокъ сотоварищей по ремеслу, которыми они обмѣнивались, не находя въ нихъ ничего неприличнаго. Передъ глазами дѣвушки какъ бы открылся новый міръ; она увидѣла другихъ людей, слышала иные интересы и разсужденія, и ей казалось, что она вспоминаетъ что-то забытое, что нѣкогда составляло присущую ей обстановку. Крикетъ не понимала, что въ ней самой заключалась та выработанность натуры, то нравственное

Digitized by Google

чутье, которое возвышаетъ человѣка надъ общимъ уровнемъ и вкладываетъ инстинктивное тяготѣніе ко всему высокому и прекрасному.

Время летѣло незамѣтно и Крикетъ вскрикнула отъ удивленія, когда большіе стѣнные часы пробили четыре. Какъ бы очнувшись отъ сладкаго сна, дѣвушка встала и начала прощаться. Ей было стыдно, что она могла такъ забыть свое обѣщаніе: она сказала Паскалю, что зайдетъ за нимъ въ три часа, а теперь четыре и она совершенно забыла о существованіи Паскаля.

— Извините меня, сказала дѣвушка, подходя къ Клементинѣ,—и вы, графъ, простите, что я прерываю вашъ разсказъ, но мнѣ необходимо идти домой.

— Но я надѣюсь, m-lle Жильбертъ, что мы еще увидимся?

— О, конечно. Я буду такъ рада встрѣтиться съ вами... Ваши разсказы доставили мнѣ большое удовольствіе.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданья, сударыня.

— До свиданья, графъ!

Съ веселой улыбкой Крикетъ протянула руку молодому человѣку и графъ крѣпко пожалъ ее, какъ преданный и давнишній другъ. Затѣмъ, поцѣловавъ Клементину, дѣвушка ушла, подавленная и нѣсколько грустная, благодаря тому странному ощущенію, которое охватило все ея существо.

Въ тотъ же вечеръ, когда Крикетъ появилась на сценѣ, первое лицо, бросившееся ей въ глаза среди публики—было красивое лицо графа де-Серигана, сидѣвшаго въ ложѣ бенуара.

Труппа Цезаря Лемюша давала представленія три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ; сегодня былъ вторникъ, и съ этого дня графъ де-Сериганъ всякій разъ находился въ числѣ зрителей, когда маленькая Крикетъ появлялась на сценѣ. Къ концу первой недѣли Крикетъ такъ привыкла встрѣчать пылкій взглядъ графа, обращенный на нее, что послѣ каждой удачной фразы или краснваго монолога, ея глаза невольно обращались въ ту сторону, гдѣ—она знала—сидитъ ея молчаливый, но пламенный поклонникъ.

Не смотря на то, что въ теченіе этой недѣли у Крикетъ было нѣсколько свободныхъ дней, она ни разу не заглянула въ уютную квартирку Клементины, инстиктивно боясь встрѣчи съ графомъ. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе старой дѣвы, и въ воскресенье, послѣ спектакля, она подошла къ дѣвушкѣ, упрекая ее за такую странную забывчивость.

Digitized by Google

— У васъ завтра нѣтъ репетиціи, говорила она.—придите ко мнѣ посидѣть, пока Паскаль будетъ въ театрѣ. Придете? Я васъ буду ждать!

И Крикетъ не смѣла отказать въ просьбѣ Клементины. Около двухъ часовъ дня, дѣвушка пришла къ m-lle Лемюшъ, взволнованная страхомъ и надеждой встрѣтиться съ графомъ де-Сериганъ. Ея тревожныя ожиданія скоро сбылись. Едва только успѣла Крикетъ сѣсть возлѣ открытаго окна и приняться за свою вышивку, какъ до нея долетѣлъ звукъ лошадинаго топота, и фигура всадника, на красивомъ караковомъ конѣ, рельефно вырисовалась въ просвѣтѣ растворенаго окна.

Графъ Этьенъ де-Сериганъ казался крайне доволенъ этимъ не ожиданнымъ свиданіемъ.

Радостно поздоровавшись съ дѣвушкой, онъ высказалъ ей нѣсколько лестныхъ замѣчаній относительно талантливаго исполненія нѣкоторыхъ трудныхъ ролей ея репертуара. Въ словахъ графа звучала правда и онъ такъ просто, такъ откровенно высказалъ свои мнѣнія относительно искусства вообще, что Крикетъ съ видимымъ удовольствіемъ выслушивала разсужденія молодаго туриста. Она замѣчала, что пылкій взглядъ юноши почти не отрывается отъ ея лица, что графъ очарованъ и восхищенъ ея красотою, и жгучее чувство удовлетвореннаго самолюбія вызывало краску смущенія на оживленномъ личикѣ Крикетъ.

Веселые разговоры, шутки и непринужденный звонкій смѣхъ раздавались въ гостинной Клементины, но молодая дѣвушка, время отъ времени, смотрѣла на часы, такъ какъ Паскаль ожидалъ ее въ уборной театра. Не смотря на твердое желаніе не опоздать къ назначенному часу, Крикетъ пришла въ театръ нѣсколько позже обыкновеннаго. Дѣвушка застала Паскаля на подъѣздѣ театра, окруженнаго толпою товарищей. Всѣ громко разговаривали и горячились, высказывая противоположныя мнѣнія. Крикетъ начала вслушиваться. Оказалось, что во время репетиціи разыгралась непріятная сцена ревности, окончившаяся крупной ссорой между «первой любовницей» и хорошенькой субреткой, пытавшихся подѣлить между собою любовь «перваго комика», глупаго и ничтожнаго человѣка. Вся труппа Цезаря Лемюша раздѣлилась на двѣ партіи; одна—высказывалась за «первую любовницу», другая—съ участіемъ относилась къ «субреткѣ», и Паскаль принималъ самое горячее участіе въ этомъ спорѣ, осуждая «первую любовницу» въ недостаткѣ храбрости и энергіи.

Крикетъ молча выслушивала цѣлые потоки горячихъ фразъ и пошлыхъ сравненій, которыми обмѣнивались ея сотоварищи; горячность Пас-

Digitized by Google

каля, его злыя и не всегда приличныя шутки—какъ-то особенно коробили ее сегодня. Она подошла къ нему и, положивъ руку на плечо, сказала, что имъ пора идти домой. Паскаль повиновался и, возвращаясь домой, въ теченіе всей дороги, надоѣдалъ Крикетъ разсказами о различныхъ подробностяхъ любовной интриги между первымъ комикомъ и хорошенькой субреткой. Крикетъ разсѣянно выслушивала разсказъ Паскаля и, сознавая всю мелочность подобныхъ интересовъ, мысленно говорила:

«Нѣтъ, я ни за что не пойду болѣе къ Клементинѣ Лемюшъ... Общество графа заставляетъ меня дѣлать сравненія, на которыя я не имѣю права!.. Если манеры графа, его умъ и ловкость значительно выдаются сравнительно съ манерами Паскаля, то развѣ онъ, мой милый Паскаль, виноватъ въ этомъ!.. Нѣтъ, я не должна думать о немъ, я люблю Паскаля и буду всегда, всегда любить его! Милый Паскаль, онъ былъ такъ добръ къ моей мамѣ, онъ всегда любилъ меня, я не хочу быть неблагодарной по отношенію къ нему и никогда, никогда не измѣню Паскалю».

Крикетъ сдержала свое обѣщаніе. Она перестала посѣщать Клементину Лемюшъ, но это обстоятельство нисколько не помѣшало ей встрѣчаться съ графомъ Этьеномъ. Каждый разъ, когда имя Крикетъ появлялось на афишѣ, молодая дѣвушка могла быть увѣрена, что графъ пріѣдетъ въ театръ и будетъ сидѣть на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ ложѣ бенуара.

Наступили іюльскіе жары.

Какъ-то разъ, во время репетиціи трехъ-актной пьесы, на которую возлагались самыя блестящія ожиданія, Крикетъ была грустна и задумчива. По окончаніи перваго акта, дѣвушка подошла къ Паскалю и сказала:

— Ты знаешь, я не участвую во второмъ актѣ; у меня болитъ голова и я хочу пройтись немного. Я возвращусь до звонка.

Невыносимая жара іюльскаго дня томительно вліяла на обывателей города Манса; широкія улицы, освѣщенныя палящимъ солнцемъ, стояли безлюдными и только рѣдкіе прохожіе, время отъ времени, появлялись на узкихъ панеляхъ. Крикетъ постояла около подъѣзда театра и затѣмъ пошла по Епископской улицѣ, къ замку, стоявшему среди густаго сада, мечтая отдохнуть въ тѣнистыхъ и прохладныхъ аллеяхъ, окружавшихъ монастырь и замокъ. Прохладный вѣтерокъ отрадно пахнулъ въ лицо дѣвушки, когда она очутилась подъ развѣсистыми деревьями монастыр-

Digitized by Google

ской ограды. Море зелени окружало ее со всѣхъ сторонъ и звонкіе голоса птичекъ, немолчно раздававшіеся повсюду, сливались съ мелодичнымъ перезвономъ колоколовъ, погружая душу Крикетъ въ какое-то таинственное міросозерцаніе. Прислонясь къ стволу высокаго дерева, дѣвушка стояла, какъ очарованная, и, вдыхая въ себя ароматный воздухъ, наслаждалась природой, совершенно забывая о театрѣ, репетиціи и даже о Паскалѣ... Ей казалось, что она была одна, что никакой посторонній взоръ не наблюдаетъ за нею, и это чувство свободы и полнаго одиночества радостно вліяло на Крикетъ.

Но она ошиблась. Въ то мгновеніе, когда Крикетъ выходила изъ подъѣзда театра, графъ Этьенъ проѣзжалъ по Якобинской улицѣ. Увидавъ дѣвушку, онъ выскочилъ изъ экипажа и послѣдовалъ за нею.

Графъ де-Сериганъ былъ молодъ и страстно влюбленъ—вотъ все, что можно сказать въ его оправданіе, если читатель найдетъ неприличнымъ его смѣлый поступокъ.

Когда Крикетъ остановилась у дерева и, погруженная въ мечтаніе, устремила задумчивый взоръ вдаль, любуясь роскошной панорамой, графъ осторожно подошелъ къ ней и назвалъ ее по имени.

Крикетъ обернулась. Увидавъ графа, она вскрикнула и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижалась къ дереву.

— Простите меня, тихо заговорилъ графъ,—я испугалъ васъ. Умоляю васъ, простите меня!.. Еще издали замѣтивъ, что вы идете, я не могъ удержаться, чтобы не послѣдовать за вами. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Бога ради, выслушайте меня... Я васъ люблю, люблю всѣми силами души моей!

— О, что вы говорите, графъ!.. вскричала дѣвушка, протягивая руки и какъ бы прося пощады.—Вы губите меня вашимъ признаніемъ... Да, я знаю, я сама, сама виновата... Съ перваго момента нашей встрѣчи, я поняла, какое впечатлѣніе произвожу на васъ, но я надѣялась... я думала, я была увѣрена, что вы замѣтите вашу ошибку и перестанете увлекаться мною.

— Я не увлекаюсь, я люблю васъ, люблю съ той минуты, когда увидѣлъ впервые!

— О, что я надѣлала? Какъ я много, много виновата предъ вами, графъ... У меня не хватило рѣшимости признаться вамъ, сказать всю правду... Видя, что вы почти ежедневно посѣщаете театръ, понимая, что вы являетесь туда ради меня, я хотѣла написать къ вамъ... объяснить все, но... мнѣ дѣлалось страшно... Графъ, умоляю васъ... О, что я

Digitized by Google

говорю! съ отчаяніемъ произнесла дѣвушка, и чрезъ мгновеніе, какъ бы опомнившись, добавила:—Вы должны знать все, графъ! Прошу васъ, выслушайте меня. Вы были вчера въ театрѣ?

— Да, былъ...

— Вы знаете того молодаго человѣка, который игралъ со мною?

— Конечно, знаю. Г-нъ Паскаль...

— Знаете... но вы не понимаете внутренняго смысла моего вопроса... хорошо, я вамъ скажу. Паскаль... да это онъ... Такъ знайте-же: онъ—мой мужъ, хотя обстоятельства сложились такимъ образомъ, что мы не могли сочетаться законнымъ бракомъ... Я перенесла много горя въ теченіе своей жизни, но теперь... я безусловно счастлива, благодаря любви и уваженію Паскаля. Вы... слышали мои слова, вы понимаете меня? Да, я обязана ему моимъ счастіемъ. Я отдалась Паскалю всѣмъ тѣломъ и душою навсегда, навѣки, и нѣтъ силъ, которыя бы разлучили насъ... Я никогда и никого не любила, кромѣ Паскаля, и твердо вѣрю, что никто другой не въ состояніи возбудить мое чувство... Если Паскаль броситъ меня, если онъ полюбитъ другую, я и тогда не измѣню ему...

Эта горячая, прерывистая рѣчь Крикетъ отнимала всякую надежду у графа де-Серигана. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ и отвѣчалъ:

— Хорошо, я все слышу и все понимаю, но вы не можете запретить мнѣ любить васъ безъ всякой надежды на счастіе... Каждый беретъ то, что онъ можетъ взять...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого, графъ!.. Такія отношенія могутъ повести только къ общему несчастію... Зная, что вы страдаете ради меня,—я не могу быть счастливой. Умоляю васъ, уѣзжайте отсюда... Вы должны понять, что вашъ отъѣздъ—единственное средство для нашего обоюднаго счастія. Вспомните, въ первый день нашего свиданія у Клементины, вы говорили, что останетесь въ замкѣ Люверси не болѣе двухъ недѣль... Вы разсказывали, что собираетесь въ Парижъ, чтобы провести тамъ два-три мѣсяца, а затѣмъ предполагали снова отправиться въ продолжительное и долгое путешествіе...

— Да, мои планы были таковы.

— Ихъ необходимо выполнить...

— Мои планы были таковы, повторилъ графъ,—но я встрѣтился съ вами—и эта встрѣча произвела переворотъ въ моей жизни; ради васъ...

— Довольно, графъ! Умоляю васъ, ради меня,—вы должны уѣхать... Не смотря на наше непродолжительное знакомство, я хорошо знаю васъ,

Digitized by Google

ваши нравственныя качества, вашъ умъ и даже сердце—я знаю ихъ больше, чѣмъ кто либо другой. Разсказы Клементины живы въ моей памяти... Я знаю, вы принадлежите къ числу людей съ развитымъ и серьезнымъ взглядомъ на жизнь; вы не изъ числа той молодежи, идеаломъ которой являются закулисные романы съ актрисами и танцовщицами. Вы не должны, слышите-ли, не должны тратить свою жизнь на мелочи и проводить цѣлые вечера въ плохенькомъ провинціальномъ театрѣ, для того чтобы любоваться какой нибудь неизвѣстной артисткой. Вы имѣете всѣ права на счастье...

— Позвольте, остановилъ ее графъ.—Я считаю своей обязанностью предупредить васъ о результатахъ вашего уговариванія... Я слушаю васъ, я вникаю въ смыслъ вашихъ рѣчей и не скрою: съ каждой минутой, я люблю васъ больше и больше!

— Я не могу запретить вамъ любить меня, графъ, но я прошу васъ... болѣе, я умоляю васъ, уѣзжайте и любите меня издали. Дайте мнѣ возможность, не краснѣя, вспоминать со временемъ о нашей краткой встрѣчѣ, и я буду вамъ глубоко благодарна... Уѣзжайте, графъ, помните, для *моего* спокойствія наша разлука необходима. Вы видите, я вполнѣ откровенна съ вами и ничего не скрываю отъ васъ... Отвѣчать любовью на вашу любовь—я не могу, но ваше присутствіе... оно волнуетъ меня, оно заставляетъ меня дѣлать сравненія, на которыя я не имѣю права... Да, графъ, я буду спокойнѣе и счастливѣе, когда васъ не будетъ здѣсь... Вотъ причины, по которымъ я рѣшаюсь умолять васъ, уѣзжайте, уѣзжайте скорѣе!

— Завтра меня здѣсь не будетъ...

— Благодарю васъ...

Крикетъ протянула руки и графъ де-Серигант поднесъ къ губамъ тонкіе, бѣлые пальчики дѣвушки и крѣпко, беззвучно поцѣловалъ ихъ.

— Когда вы отправитесь въ далекое путешествіе... (оно будетъ счастливо и удачно, я вполнѣ надѣюсь на это)... вы будете, конечно, писать къ Клементинѣ, а я буду знать все, что касается васъ...

— А изъ ея отвѣтовъ я буду черпать извѣстія о вашей жизни и слѣдить за вашей судьбою, m-lle Жильбертъ, сказалъ графъ дрожащимъ голосомъ.—И знайте, добавилъ онъ черезъ мгновеніе,—что одинокій, затерянный на краю свѣта, отдѣленный отъ васъ безконечными морями и цѣпью высокихъ горъ,—я никогда, никогда не забуду о васъ!

— Я тоже не забуду васъ, отвѣчала Крикетъ, тронутая горячей любовью графа де-Серигана.—До свиданья. Кто знаетъ, можетъ быть, мы

Digitized by Google

еще увидимся съ вами... но только не ранѣе, какъ послѣ вашего возвращенія во Францію... Обѣщайте мнѣ, что вы не будете стараться увидѣть меня раньше этого срока.

— Клянусь вамъ!

Руки Крикетъ лежали въ рукахъ графа, и онъ снова наклонился, чтобы поцѣловать дрожащіе пальчики дѣвушки. Это движеніе графа напомнило Крикетъ, что имъ пора разстаться.

— До свиданья, проговорила она, въ послѣдній разъ пожимая руку молодаго человѣка и направляясь по аллеѣ къ выходу изъ сада.

Графъ де-Сериганъ остался одинъ. Онъ прислонился къ дереву, гдѣ за мгновеніе предъ этимъ стояла Крикетъ и, смотря вслѣдъ удаляющейся дѣвушкѣ, проговорилъ:

— Славное, милое существо!.. и что всего страннѣе: она вполнѣ честная женщина!

Графъ де-Сериганъ былъ совершенно правъ, высказывая такое сужденіе относительно Крикетъ. Она была честна не только въ силу умственныхъ разсужденій, но, по чистотѣ своей натуры, она не могла поступать иначе.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда Крикетъ вошла въ свою уборную, Клементина Лемюшъ горячо обняла ее и сказала:

— Онъ приходилъ ко мнѣ... Онъ все, все сказалъ мнѣ... Вы Крикетъ,—сама правда, сама истина.

— Я только исполнила свой долгъ! уклончиво отвѣчала дѣвушка.

— Завтра онъ уѣзжаетъ, продолжала Клементина со слезами на глазахъ.—О, я давно понимала, что волнуетъ его любящее сердце... Я знаю причину, почему вы перестали бывать у меня, но теперь,—опасность миновала и вы можете опять посѣщать меня, Крикетъ.

— Да, да, я скоро приду!

Графъ де-Сериганъ былъ въ театрѣ въ тотъ прощальный вечеръ, но, не желая быть замѣченнымъ Крикетъ, помѣстился въ оркестрѣ, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ ложѣ бенуара. Теряясь среди музыкантовъ, графъ невольно вслушивался въ ихъ оживленные разговоры: всѣ эти честные труженики, со дня на день перебивающіеся изъ-за грошеваго вознагражденія, волновались и питали радужныя надежды, когда до слуха ихъ коснулось пріятное извѣстіе:

— Въ зрительной залѣ находится парижскій антрепренеръ.

— Въ нашемъ театрѣ сегодня директоръ парижскаго театра N. N!..

Digitized by Google

— Зачѣмъ онъ пріѣхалъ, этотъ директоръ? Что надо этому директору?

И музыканты съ тревогой переглядывались, предрѣшая вопросъ, какой счастливецъ обратитъ на себя милостивое вниманіе заѣзжаго гостя. Всѣ эти добрые и честные люди являлись рабами мелкой зависти, такъ какъ у всѣхъ у нихъ, безъ малѣйшаго исключенія, была одна надежда, одна мечта: появиться на парижскомъ горизонтѣ, возбудить восторгъ столичной публики и затѣмъ уже, въ ореолѣ неувядаемой славы, вернуться въ провинцію, чтобы занять выдающееся мѣсто.

Между тѣмъ посѣщеніе директора парижскаго театра не имѣло никакого серьезнаго значенія.

Проѣзжая Мансъ, онъ рѣшился провести у своего знакомаго нѣсколько часовъ и неожиданно опоздалъ на поѣздъ. Являлась необходимость убить время и онъ поѣхалъ въ театръ. Онъ не разъ слышалъ, что астрологамъ, цѣлые годы жизни употребляющимъ на отысканіе какой нибудь звѣзды—это открытіе давалось совершенно случайно, неожиданно. То же бывало и по отношенію къ провинціальнымъ актрисамъ, этимъ яркимъ звѣздочкамъ, время отъ времени появляющимся на сценахъ столичныхъ театровъ.

Не желая ударить лицомъ въ грязь и выказать всѣ свои таланты, труппа Цезаря Лемюша, какъ нарочно, играла въ этотъ вечеръ отвратительно: желая подчеркивать комическія мѣста, актеры шаржировали до крайности и, смущаясь отъ сознанія неудачи, немилосердно перевирали роли. Даже талантливый Паскаль не избѣгнулъ общей участи; онъ былъ не въ ударѣ и игралъ хуже обыкновеннаго. Но Крикетъ... Крикетъ привлекала къ себѣ всѣ взоры, очаровывала и увлекала зрителей изумительной правдивостью своего исполненія.

Объясненіе съ графомъ де-Серигномъ, удовлетворенное чувство исполненнаго долга и сознаніе собственнаго счастія, которому ничто болѣе не угрожало—все это вмѣстѣ придавало ея игрѣ увлеченіе, огонь и страсть, которые встрѣчаются только у истинно-геніальныхъ артистокъ.

Вызовамъ и рукоплесканіямъ не было конца, и Крикетъ ушла домой, усталая и подавленная пережитыми впечатлѣніями этого дня.

На утро, когда лучи яркаго солнца радостно освѣтили ея хорошенькую комнату, Крикетъ проснулась, увидя, что Паскаль стоитъ возлѣ ея кровати.

— Вставай скорѣе, милочка, говорилъ онъ,—пойдемъ прогуляться,

Digitized by Google

а потомъ позавтракаемъ въ кафе «Темпье». На счастье, сегодня нѣтъ репетиціи и мы цѣлый день свободны!..

Крикетъ съ удовольствіемъ приняла приглашеніе Паскаля и, быстро одѣвшись, молодая дѣвушка вышла изъ дому вмѣстѣ съ своимъ милымъ. Не смотря на отъѣздъ графа де-Серигана и на происходившее между ними объясненіе, Крикетъ чувствовала себя виноватой противъ Паскаля: какъ могла она допустить, что этотъ графъ влюбился въ нее, цѣловалъ ея руку, говорилъ о своей любви!.. Вся ея жизнь принадлежитъ Паскалю и никто не долженъ, не смѣетъ обращать на нее свой взоръ, и она никогда никого не полюбитъ.

На подъѣздѣ гостинницы, Крикетъ и Паскаль столкнулись съ незнакомцемъ, только что спрашивавшимъ слугу отеля, гдѣ живетъ m-lle Жильбертъ? Этотъ незнакомецъ былъ никто иной, какъ антрепренеръ парижскаго театра.

— Сударыня, это вы... я васъ вчера видѣлъ на сценѣ?

— Меня...

— Я директоръ одного изъ парижскихъ театровъ, продолжалъ незнакомецъ,—и вчера вечеромъ имѣлъ удовольствіе видѣть вашу игру... Я очарованъ ею, вы замѣчательно хорошо играете, и если вамъ угодно, то я могу предложить вамъ...

— Если вы имѣете предложить мнѣ что нибудь, то обязательно должны предложить и ему, отвѣчала дѣвушка, указывая рукою на Паскаля.

Положеніе молодаго артиста, въ подобныхъ случаяхъ, было крайне непріятное: онъ стоялъ, то краснѣя, то блѣднѣя, и блестящій взоръ его лихорадочно скользилъ по сторонамъ, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ.

— А, вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ директоръ.—Вы составляете супружество... союзъ...

— Неразрушимый! весело добавила Крикетъ.

— Да, вотъ оно что... Вчера вечеромъ я видѣлъ, какъ играетъ господинъ... и долженъ сказать, что ваша игра, милостивый государь, мнѣ чрезвычайно понравилась... Вы обладаете талантомъ—это безспорно, но... вы занимаете амплуа первыхъ любовниковъ, а въ данный моментъ у меня ихъ такая масса... что хоть отбавляй.

— Итакъ, милостивый государь, замѣтилъ Паскаль, желая положить конецъ этому разговору,—я васъ попрошу запомнить наши фамиліи... Г-нъ Паскаль и m-lle Жильбертъ... Когда у васъ не будетъ такой массы первыхъ любовниковъ и явится потребность одновременно

Digitized by Google

въ двухъ артистахъ—мужчинѣ и женщинѣ—на роли первыхъ любовниковъ, вы вспомните о насъ.

Въ продолженіе разговора съ Паскалемъ, директоръ не спускалъ глазъ съ Крикетъ. Вблизи, при яркомъ свѣтѣ солнца, въ простомъ домашнемъ костюмѣ—она казалась ему еще прелестнѣе и очаровательнѣе, чѣмъ вчера. Она была *дѣйствительно* молода, чего никакъ нельзя было заключить, глядя на ея умѣнье держаться на сценѣ и выработанность манеръ.

«Да она просто красавица!» думалъ директоръ, улыбаясь оживленному и прелестному личику Крикетъ. Онъ понялъ неловкость своего заявленія и поспѣшилъ исправить сдѣланную ошибку.

— Вы не такъ поняли меня, m—lle Жильбертъ, заговорилъ онъ, почтительно кланяясь дѣвушкѣ.—Я вовсе не отказываюсь отъ высказаннаго желанія привлечь васъ на свою сцену и если упомянулъ, что не нуждаюсь въ первыхъ любовникахъ, то это исключительно ради страха, что вы потребуете слишкомъ значительной платы.

— О, не безпокойтесь, милостивый государь, наши требованія крайне скромны, поспѣшно замѣтилъ Паскаль.

Но Крикетъ перебила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, Паскаль, ты ошибся; въ данную минуту мы не можемъ ѣхать въ Парижъ. Нашъ директоръ, г. Лемюшъ, заключилъ съ нами контрактъ до начала будущаго года и я не хочу разставаться съ нимъ. Онъ былъ такъ добръ къ намъ, и съ нашей стороны было бы непростительно нарушить контрактъ и покинуть его въ самое трудное время.

— Да, ты права, въ раздумьѣ подтвердилъ Паскаль.—Но, можетъ быть, онъ самъ согласится отпустить насъ...

— О, въ этомъ я увѣрена!.. Если мы скажемъ Цезарю Лемюшу, что намъ представляются лучшія условія, онъ, конечно, не станетъ насъ удерживать... Но мы не должны этого дѣлать.

— Однако это въ нашихъ интересахъ, шепталъ Паскаль; но Крикетъ оставалась тверда.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, спокойно возразила она, — я никогда не позволю себѣ выказать такую неблагодарность.

И затѣмъ, обращаясь къ парижскому антрепренеру, дѣвушка добавила:

— Мы искренно благодаримъ васъ за приглашеніе, господинъ директоръ, но въ настоящее время не можемъ принять его. Черезъ

Digitized by Google

годъ, когда нашъ контрактъ съ Цезаремъ Лемюшемъ будетъ оконченъ, я увѣдомлю васъ, а пока--до свиданья. Позвольте пожелать вамъ всего хорошаго.

Директоръ уѣхалъ, а Крикетъ и Паскаль пробыли еще цѣлый годъ въ труппѣ Цезаря Лемюша. Но этотъ послѣдній годъ уже не давалъ Крикетъ тѣхъ ощущеній жгучаго счастія, которыя она переживала въ первое время своего переѣзда въ Мансъ. Какая-то странная тревога и тоска по временамъ охватывали сердце дѣвушки. Ей казалось, что Паскаль измѣнился къ ней, что она уже не составляетъ для него единственной цѣли жизни.

Отношенія Крикетъ къ Цезарю и Клементинѣ Лемюшъ съ каждымъ днемъ дѣлались нѣжнѣе и дружелюбнѣе. При одной мысли о разлукѣ съ этими добрыми людьми и о необходимости покинуть хорошенькій городокъ, гдѣ всѣ жители такъ ласково и радушно относились къ ней—молодая дѣвушка скучала и не разъ высказывала желаніе навсегда остаться въ Мансѣ и играть предъ публикой, хорошо знавшей ее и любившей свою талантливую артистку. Неизвѣстное будущее пугало Крикетъ; но оно же съ неудержимою силою влекло къ себѣ Паскаля.

Въ концѣ октября 1860 года, директоръ театра въ г. Бордо обратился съ выгоднымъ предложеніемъ къ Паскалю. Онъ обѣщалъ ему шесть сотъ франковъ въ мѣсяцъ, и желалъ заключить контрактъ на два года. Но Паскаль, въ свою очередь, указалъ на Крикетъ, говоря, что одинъ онъ не приметъ этого приглашенія и за двойную сумму вознагражденія.

— А, вы составляете парочку... Это плохо... У насъ, въ Бордо, не любятъ артистическихъ супружествъ... Да вы женаты, что-ли? Нѣтъ? Тѣмъ лучше, это не такъ опасно...

— Я несогласна съ вами, вступилась Крикетъ. — Прочность взаимнаго согласія не обусловливается брачной церемоніей. Хотя мы не обвѣнчаны, но ни онъ, ни я—мы не согласны на разлуку...

— Да я вовсе и не предполагалъ этого. Но все-таки, знаете, общество смотритъ на это совершенно иными глазами.

Директоръ наговорилъ много лестныхъ похвалъ по отношенію къ Крикетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что у него есть артистка на первыя роли и ему нуженъ только первый любовникъ. Однако, въ виду заявленія Паскаля, онъ рѣшался принять и Крикетъ съ жалованьемъ въ триста франковъ въ мѣсяцъ.

Digitized by Google

— Менѣе тысячи франковъ двоимъ я не возьму, сказалъ Паскаль.

— Нѣтъ, болѣе девятисотъ я не могу дать.

Эти условія казались Крикетъ вполнѣ достаточными, но Паскаль не соглашался на нихъ и отложилъ окончательный отвѣтъ на три дня. Въ теченіе этого срока, онъ написалъ письмо въ Парижъ къ директору театра, приглашавшему Крикетъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Полученный отвѣтъ разбилъ его ожиданія: директоръ предлагалъ Крикетъ жалованье въ двѣ тысячи франковъ, а по отношенію къ Паскалю говорилъ, что ему слѣдовало бы попытать свои силы въ серьезной драмѣ на театрѣ Porte-Saint-Martin.

Въ тотъ же вечеръ, Паскаль и Крикетъ подписали контрактъ съ директоромъ бордосскаго театра.

Послѣднее представленіе труппы Цезаря Лемюша было назначено на 30-е апрѣля 1869 года. На афишѣ большими буквами стояло: «Прощальный бенефисъ Цезаря Лемюша, въ память тридцатилѣтней годовщины театральной антрепризы и восьмой годовщины пребыванія его труппы въ городѣ Мансѣ». Цѣны мѣстамъ были возвышены почти вдвое и общая выручка достигала невѣроятной суммы въ 1,622 франка.

На другой день послѣ этого спектакля, Паскаль и Крикетъ уѣзжали въ Бордо и послѣдній вечеръ передъ разлукой они провели у Цезаря Лемюша. Едва только влюбленная парочка вошла въ гостинную, какъ Цезарь, оставивъ Паскаля со своею сестрою, увелъ Крикетъ въ маленькую гостинную.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, моя милая Крикетъ, сказалъ онъ, усаживая дѣвушку на диванъ и помѣщаясь возлѣ нея.—Но только дай мнѣ слово, что ты исполнишь мою просьбу и не будешь отказываться.

— Но я должна знать, въ чемъ заключается ваша просьба.

— Я не скажу тебѣ этого... Неужели ты не можешь довѣриться мнѣ, который любитъ тебя, какъ отецъ, какъ другъ... Обѣщай исполнить мою просьбу...

— Хорошо, не колеблясь, отвѣчала Крикетъ,—я обѣщаю!

— Итакъ, дитя мое, слушай. Вчера я допустилъ нѣкоторую ложь въ отношеніи къ публикѣ, и мой личный бенефисъ, достигшій огромной выручки, предназначается мною для тебя.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этого, мнѣ не надо!

— Но вѣдь ты обѣщала...

Digitized by Google

— Да, конечно, обѣщала; но я не знала, что вопросъ идетъ о деньгахъ.

— Нѣтъ, Крикетъ, не отказывайся, исполни мою просьбу, иначе же доставишь мнѣ большое огорченіе.

— Я не хочу огорчать васъ... Я соглашаюсь.

— Благодарю тебя, дѣвочка, ты меня успокоила. Твоя совѣсть можетъ быть совершенно спокойна, добавилъ онъ,—такъ какъ этотъ спектакль не принесъ мнѣ никакого убытка. Я высчитываю его стоимость, а весь барышъ—тысячу двѣсти франковъ, отдаю тебѣ.

— Тысячу двѣсти франковъ! вскрикнула дѣвушка.—Но зачѣмъ мнѣ такая масса денегъ? Что я съ ними сдѣлаю? У насъ съ Паскалемъ есть капиталъ въ тысячу франковъ, составленный изъ нашихъ сбереженій, а въ Бордо, получая по девятисотъ франковъ въ мѣсяцъ,—мы будемъ совершенно обезпечены... Подарите мнѣ этотъ кошелекъ *безъ денегъ*, и я вамъ буду очень благодарна за сувениръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Крикетъ! стоялъ на своемъ Цезарь Лемюшъ, — не огорчай меня въ минуту нашей разлуки и исполни мое желаніе.

Слезы дрожали на глазахъ старика, и Крикетъ поняла, что она огорчитъ своего друга, не исполнивъ его желанія. Она взяла кошелекъ и опустила его въ карманъ, крѣпко пожавъ руку Цезаря.

— Благодарю васъ, тронутымъ голосомъ сказала дѣвушка. — Вы были такъ добры ко мнѣ, что я никогда не забуду вашей ласки, вашей симпатіи; время, проведенное здѣсь въ Мансѣ, навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ въ моей жизни...

— Да, да, не забывай меня, милая Крикетъ! отвѣчалъ старикъ.— Помни, что этотъ бѣдный домишка всегда будетъ твоимъ пріютомъ, если ты пожелаешь пріѣхать сюда отдохнуть отъ жизненныхъ тревогъ. И когда мы умремъ, я и Клементина, этотъ домъ сдѣлается твоею собственностью и—кто знаетъ?—можетъ быть, годы своей старости ты проведешь здѣсь, окруженная воспоминаніями о своихъ друзьяхъ. Я знаю тебя, Крикетъ, ты не принадлежишь къ числу тѣхъ людей, которые забываютъ свои обѣщанія. Итакъ, моя дорогая, если для тебя наступятъ пасмурные дни, если ты захочешь отдыха возлѣ своихъ друзей, ты не поддашься ложному стыду и горделивому желанію скрыть свои душевныя тревоги,—ты придешь къ намъ раздѣлить свою печаль и свое уединеніе. Ты мнѣ обѣщаешь, Крикетъ?

Въ голосѣ старика звучала пророческая нота. Крикетъ вздрогнула и нѣсколько мгновеній молча смотрѣла на выразительное и умное лицо

Digitized by Google

Цезаря, безъ словъ говорившее о тѣхъ страшныхъ тревогахъ, которыя могутъ грозить ей въ будущемъ.

— Да, отвѣчала она едва слышно,—я обѣщаю вамъ, что если когда нибудь со мной случится горе, если я останусь одна, то приду къ вамъ.

— Ну, вотъ и отлично! Теперь поцѣлуй меня и будь счастлива!.. Я желаю, чтобы ты *никогда* сюда не возвращалась.

XV.

3-го мая 1870 года, изъ вагона втораго класса утренняго поѣзда, остановившагося въ Мансѣ, вышла молодая женщина... Она подошла къ носильщику и, вручая ему билетъ отъ багажа, просила получить ея вещи.

— А, вотъ вы и возвратились къ намъ. Какъ я радъ!.. Вы меня не узнаете? Меня зовутъ Луи... Еще жена моя была прачкой въ гостинницѣ «Великій побѣдитель», гдѣ вы жили. Помилуйте, я васъ акъ хорошо помню, вы давали гостинцы нашей дѣвочкѣ.

— Да, да, я теперь припоминаю, Луи... Ваша жена была славная, добрая женщина. А дѣвочка ваша здорова?

— Благодарю васъ, живемъ, слава Богу! Конечно, нельзя особенно похвалиться нашимъ житьемъ, а все-таки ничего. А о васъ, барышня, нельзя сказать того же, нехорошо вы глядите!

— Да, я устала нѣсколько.

— А вашъ... тотъ высокій молодой человѣкъ, господинъ, какъ его? Да вы еще всегда были вмѣстѣ... тотъ господинъ, который игралъ съ вами?.. Напомните мнѣ его фамилію!

— Паскаль, проговорила дѣвушка.

— Ну да, да, господинъ Паскаль... Какъ онъ поживаетъ?

— Благодарю васъ, хорошо...

— Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ... онъ не пріѣхалъ... Прошу, отнесите мои вещи въ домъ г-на Лемюша.

— Въ Парижскую улицу? Знаю, знаю... А вы какъ же, барышня, пѣшкомъ? Вѣдь это далеко. Не прикажете-ли привести экипажъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

— Какъ вы блѣдны, барышня!

— Да, я провела безсонную ночь въ вагонѣ... Свѣжій воздухъ м

Digitized by Google

рошо повліяетъ на меня; я пройдусь съ удовольствіемъ. Прощайте, мой другъ!..

Она сошла съ дебаркадера и медленно подвигалась вдоль знакомыхъ улицъ хорошенькаго городка, гдѣ прошло такъ много свѣтлыхъ и счастливыхъ дней ея жизни.

Цезарь Лемюшъ и Клементина сидѣли за завтракомъ, когда дверь столовой распахнулась и стройная фигура Крикетъ появилась на порогѣ. Братъ и сестра съ удивленіемъ смотрѣли на неожиданную гостью.

— Да, это я, сказала Крикетъ, поникнувъ головой въ отвѣтъ на ихъ изумленные взоры.—Я несчастна... я одинока и,—какъ видите,—сдержала свое слово... пришла къ вамъ. Хотите пріютить меня?

— Хотимъ-ли мы пріютить ее! вскричали въ одинъ голосъ Цезарь и Клементина.

— Старикъ бросился къ Крикетъ и горячо обнялъ ее, цѣлуя въ лицо; его примѣру послѣдовала Клементина. Этотъ искренній, горячій пріемъ радостно подѣйствовалъ на Крикетъ.

— Ты останешься у насъ, мое милое дитя, говорила Клементина, любовно лаская пышные волосы дѣвушки. — Мы будемъ заботиться о тебѣ, мы постараемся доставить тебѣ всѣ удобства, покой; не уѣзжай отъ насъ.

— О, нѣтъ, возразила Крикетъ, — я не могу остаться у васъ навѣки. Дайте мнѣ только опомниться немного, дайте возвратить утраченныя силы!

Голосъ Крикетъ дрожалъ отъ слезъ; потребность откровеннаго общенія увлекала ее, но чувствуя, что теперь не время быть откровенной, она овладѣла своимъ волненіемъ.

— Я помѣшала вамъ завтракать, друзья мои, добавила она, указывая глазами на накрытый столъ.—Садитесь, пожалуйста. Къ тому же, съ грустной улыбкой продолжала Крикетъ,—я сама страшно голодна... Вчера я испытала такъ много, много, что мнѣ и въ голову не приходило подкрѣпить свои силы. Безсонная ночь въ вагонѣ и вліяніе весенняго воздуха напомнили мнѣ сегодня, что я голодна.

Когда завтракъ былъ оконченъ, Крикетъ попросила своихъ друзей выслушать ея разсказъ, но Цезарь убѣждалъ ее отложить объясненіе, боясь, что оно взволнуетъ дѣвушку.

— Потомъ, потомъ, твердили Цезарь и Клементина,—мы еще успѣемъ наговориться. Отдохни, Крикетъ, успокойся, не думай ни о чемъ; когда заживетъ твоя рана, тогда будетъ легче касаться до нея.

Digitized by Google

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка,—я должна разсказать вамъ все. Вашъ совѣтъ, ваше мнѣніе для меня необходимы. Можетъ быть, я сама виновата... можетъ быть, я сдѣлала ошибку...

— Это невозможно! воскликнули братъ и сестра.

Крикетъ грустно улыбнулась.

— Выслушайте меня, сказала она.—Но только прежде всего знайте, что я не обвиняю *его* ни въ чемъ, и никогда, никогда не обвиню... Онъ далъ мнѣ три года полнаго счастія... а какъ много людей на свѣтѣ не испытывали ничего подобнаго. Со дня нашего отъѣзда отсюда, моя жизнь круто измѣнилась: я какъ-то инстиктивно поняла, что мое настоящее является противоположностью былаго. Разлука съ вами тяжело повліяла на меня и, лишенная вашего общества, вашей поддержки, я еще живѣе сознавала свое одиночество. Да, я поняла, что ваша дружба пополняла мое счастіе съ Паскалемъ. Я ошиблась, говоря, что Паскаль составляетъ для меня все... Вы оба были мнѣ необходимы.

— Но теперь ты наша. Не волнуйся же, милая Крикетъ. Мы также, какъ и прежде, горячо любимъ тебя, дорожимъ тобою...

— Да, да, я это вижу и благодарю васъ! Слушайте все, друзья мои, дайте мнѣ открыть вамъ свою душу, она такъ наболѣла, такъ намучилась... Пріѣхавъ въ Бордо, мы помѣстились въ маленькой, печальной квартиркѣ, и я поняла всю горечь одиночества, проводя цѣлые долгіе дни наединѣ съ своими думами. Паскаль никогда не оставался по вечерамъ дома; онъ посѣщалъ знакомыхъ, бывалъ въ клубѣ и у товарищей — я сидѣла одна, ожидая его возвращенія. Въ концѣ ноября, Лизета, моя товарка по сценѣ бордосскаго театра, опасно заболѣла и директоръ вызвалъ вмѣсто нея новую актрису изъ Парижа. Это была женщина среднихъ лѣтъ, не обладавшая ни красотою, ни умомъ... но она умѣла одѣваться; ея бриллианты и драгоцѣнности приводили толпу въ восторгъ... Она дебютировала въ новой драмѣ, въ которой участвовалъ и Паскаль. Для меня не нашлось роли въ этой драмѣ, но, тѣмъ не менѣе, я почти ежедневно бывала на репетиціяхъ и вечеромъ, во время спектакля. Послѣ двухъ представленій, въ тотъ ужасный вечеръ, съ котораго начались всѣ мои несчастія, я надѣвала шляпу, чтобы идти въ театръ, но Паскаль остановилъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что я подвергаю его насмѣшкамъ товарищей, слѣдуя за нимъ по пятамъ; что онъ не школьникъ, нуждающій въ надзорѣ преданной няньки... Я покорилась его волѣ: снявъ шляпу, я осталась дома. Онъ вернулся домой поздно ночью и съ этого дня началъ видимо избѣгать меня. Съ ранняго

Digitized by Google

утра до поздней ночи я оставалась одна, и даже, встрѣчаясь съ Паскалемъ или проводя вмѣстѣ только короткіе промежутки времени, я не рѣшалась спросить его, гдѣ онъ бываетъ, что̀ занимаетъ его и заставляетъ покидать свою жену. Такое положеніе вещей длилось цѣлую недѣлю. Какъ-то разъ, часовъ въ десять вечера, я сидѣла одна. У входной двери позвонили... Я пошла растворить. Одна изъ моихъ подругъ по театру, Фанни, добрая, хорошая дѣвушка, пришла навѣстить меня. Я замѣтила, что это честное, любящее существо до глубины души возмущено чѣмъ-то, и какое-то тайное предчувствіе подсказало мнѣ, что причиною ея тревоги являемся мы: Паскаль и я... Дѣйствительно, послѣ недолгаго колебанія, Фанни начала мнѣ разсказывать закулисныя исторіи театра, въ которыхъ имена Паскаля и пріѣзжей артистки сплетались самымъ тѣснымъ образомъ... Я не вѣрила... я сомнѣвалась; но Фанни подтверждала свои слова несомнѣнными доказательствами и давала мнѣ практическіе совѣты, какъ вырвать Паскаля изъ объятій этой женщины.

— «Вы не знаете мужчинъ, говорила мнѣ Фанни;—женщинѣ нужна извѣстная сноровка, чтобы удержать мужа въ рукахъ. Сдѣлайте видъ, что вы разлюбили его, и посмотрите: онъ возвратится къ вамъ; возвратится, страдающій и измученный вашей холодностью».

— Фанни уговаривала меня поѣхать къ ней. Я отказалась. Я рѣшилась дождаться Паскаля и потребовать у него объясненія... Честный, милый Паскаль, онъ не умѣлъ лгать. Онъ признался мнѣ, рыдая и проклиная свою вѣтряность. Стоя передо мною на колѣняхъ, онъ клялся забыть эту женщину, далъ честное слово, что никогда болѣе не увидится съ нею... Онъ не обманывалъ меня, въ этомъ я увѣрена; онъ самъ твердо вѣрилъ въ возможность исполненія своего обѣщанія. Но... прошло три дня, только три дня, и она снова овладѣла имъ... Вы помните, Клементина, несчастную судьбу г-жи Лакальпрандъ? Въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, я на себѣ испытала эту пытку. Да, признаюсь, только тогда поняла я всю глубину самопожертвованія и самообладанія этой бѣдной любящей женщины... Я страдала невыносимо. Паскаль любилъ меня; онъ сознавалъ, что причиняетъ мнѣ горе и стремился искупить свою вину, по временамъ возвращаясь ко мнѣ со слезами раскаянія и съ порывами глубокой нѣжности... Но она, эта жестокая женщина, она не мирилась съ такимъ положеніемъ. Она настояла, чтобы Паскаль принялъ ангажементъ на одну изъ парижскихъ сценъ, и они уѣхали вмѣстѣ... Паскаль понималъ, какое страшное впе-

Digitized by Google

чатлѣніе произведетъ на меня его отъѣздъ и не рѣшился признаться мнѣ въ своемъ поступкѣ. Вчера утромъ, уѣзжая изъ Бордо, онъ не простился со мною, и это обстоятельство жестоко оскорбило меня. Зачѣмъ онъ поступилъ такъ? Я не стала бы укорять его... Развѣ онъ виноватъ, если пересталъ любить меня? Что же мнѣ дѣлать!.. Въ первое мгновеніе я хотѣла отправиться вслѣдъ за нимъ въ Парижъ, но во время остановилась. О, я знаю, онъ почувствовалъ бы ко мнѣ сожалѣніе, онъ началъ бы упрекать себя за жестокое обращеніе со мною, клялся бы исправиться, но затѣмъ *она* снова овладѣла бы имъ и между нами началась бы тяжелая, невыносимая борьба... Переносить такую жизнь я не въ силахъ... Есть люди, которые могутъ мириться съ такимъ положеніемъ—но я не принадлежу къ ихъ числу. Паскаль былъ всецѣло мой; онъ жилъ только мною и ради меня:—могу-ли я питаться жалкими крохами, падающими ко мнѣ отъ его трапезы съ другою? Я вспомнила о васъ, друзья мои; я знала, что здѣсь ко мнѣ не измѣнились, и видите—я у васъ. Если вашъ преемникъ по театру согласится ангажировать меня, то я буду считать себя вполнѣ довольной. Появленіе предъ тою публикою, которая нѣкогда любила меня, можетъ воскресить мои упавшія силы и, можетъ быть, я съумѣю сжиться со своимъ горемъ...

— Къ сожалѣнію, дитя мое, твоя надежда является неосуществимой. Въ Мансѣ нѣтъ болѣе театра... Но это ничего не значитъ, я могу предложить тебѣ кое-что получше.

— И я тоже, Цезарь, сказала Клементина.—Мы съ тобою поговоримъ вечеркомъ и тогда ты увидишь...

— Хорошо, хорошо, сестрица!..

Въ тотъ же вечеръ, между братомъ и сестрою происходило продолжительное совѣщаніе, въ заключеніе котораго Цезарь сказалъ Клементинѣ:

— Съ завтрашняго дня я предложу Крикетъ заняться изученіемъ нѣкоторыхъ ролей въ крупныхъ, выдающихся драматическихъ произведеніяхъ. Роль Сильвіи, въ которой была такъ неподражаемо-хороша m-lle Марсъ, совершенно подходитъ къ силамъ Крикетъ. Съ ея талантомъ и умѣньемъ работать, можно сдѣлать чудеса. Черезъ шесть мѣсяцевъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ съ Крикетъ въ Парижъ и тамъ, на сценѣ Одеона, она будетъ дебютировать... О, я увѣренъ, что парижане въ восторгъ придутъ отъ ученицы Цезаря Лемюша.

— Какъ! вскричала Клементина,—ты хочешь, чтобы Крикетъ дебютировала въ Парижѣ? Но это невозможно! Тамъ она опять встрѣтится съ Паскалемъ и еще сильнѣе почувствуетъ свое одиночество. Нѣтъ,

Digitized by Google

нѣтъ, мой другъ, всякую мысль о театрѣ нужно оставить. Мы должны оставить Крикетъ здѣсь, въ нашей семьѣ, и стараться, чтобы она навсегда отказалась отъ сценической карьеры... Можетъ быть, со временемъ найдется честный молодой человѣкъ, который оцѣнитъ достоинства Крикетъ и женится на ней, совершенно забывая ея прошлое...

Съ этого дня, между братомъ и сестрою очень часто происходили горячіе споры. Цезарь говорилъ, что театръ и артистическая дѣятельность — единственныя средства, которыя могутъ излѣчить дѣвушку, а Клементина, напротивъ того, увѣряла, что только тихое счастіе семейной жизни способно заставить ее забыть перенесенныя страданія. Только въ одномъ не расходились они: Крикетъ *должна оставаться у нихъ* и они сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы эта милая дѣвушка была спокойна и весела. Нѣжная заботливость и попеченія Цезаря и Клементины нѣсколько тяготили Крикетъ. Видя, какъ тревожно братъ и сестра относятся къ ней, дѣвушка старалась не выказывать своей тоски, изъ боязни показаться неблагодарной.

Какъ-то вечеромъ, въ концѣ мая, Цезарь Лемюшъ, желая развеселить Крикетъ, началъ разсказывать анекдоты изъ театральной жизни. Дѣвушка уже не разъ слышала ихъ, но, желая доставить удовольствіе доброму старику,—засмѣялась. Она сама испугалась звука этого смѣха, нѣкогда смѣло и громко оглашавшаго стѣны маленькой столовой. Прежде, въ счастливыя времена ея жизни, звонкій смѣхъ Крикетъ весело раздавался въ маленькомъ домикѣ Клементины, но теперь — онъ произвелъ самое разнообразное впечатлѣніе на присутствующихъ. Когда дѣвушка ушла изъ столовой, Клементина быстро подбѣжала къ брату и, радостно улыбаясь, проговорила:

— Она засмѣялась... Ты слышалъ?.. Замѣтилъ?..

— Да, да, она засмѣялась! отвѣчалъ старикъ торжествующимъ тономъ.

— Теперь я не сомнѣваюсь, она поправится!.. съ увѣренностью добавила Клементина.

— Да, конечно, и я сдѣлаю изъ нея великую артистку!..

— Нѣтъ, этого я никогда не допущу! Крикетъ не будетъ на сценѣ!.. горячилась старая дѣва.

Между тѣмъ Крикетъ, сидя въ своей комнатѣ, читала письмо графа де-Серигана, только что полученное Клементиной. Она уже два или три раза перечитывала одно и то же мѣсто, привлекшее ея вниманіе.

«Скажите ей, если она все еще въ Мансѣ, писалъ графъ,—что оди-

Digitized by Google

нокій путешественникъ, находящійся въ настоящее время въ Сингапурѣ, постоянно думаетъ о ней. Пусть она знаетъ, что этотъ скиталецъ никогда не забудетъ той сцены, которую онъ пережилъ въ монастырскомъ саду. Ему стоитъ только закрыть глаза и передъ нимъ воскресаетъ образъ прелестной женщины, прислонившейся къ развѣсистому дереву... Онъ слышитъ голосъ этого прелестнаго существа, помнитъ каждое слово, произнесенное милой дѣвушкой... Скажите ей, что я отъ всей души желаю ей счастія, что это—самое дорогое и самое искреннее мое желаніе»!

Добрыя слова графа де-Серигана и его искреннія пожеланія вызывали чувство горячей благодарности въ душѣ Крикетъ. Она долго сидѣла, задумчиво устремивъ глаза въ одну точку, и слезы беззвучно катились по ея лицу. Въ этотъ вечеръ, Крикетъ впервые съ особенною нѣжностью подумала о своемъ вѣрномъ другѣ, который не забывалъ ея ни въ далекихъ тропическихъ странахъ, ни на холодномъ сѣверѣ.

XVI.

14-го августа 1870 года графъ де-Сериганъ находился въ городѣ Ку-фу въ Китаѣ. На берегу Синей рѣки, возлѣ тріумфальной арки, воздвигнутой въ честь вдовы одного изъ туземцевъ, оставшейся вѣрной памяти своего мужа,—графъ де-Сериганъ и Марсель де-Бремъ, его пріятель и спутникъ, пытались прочесть философское изреченіе, написанное на высокихъ сводахъ арки.

Ихъ усилія оставались безплодными, и только благодаря помощи одного изъ членовъ французскаго посольства, имъ удалось узнать содержаніе этой надписи:

«Вѣрный рабъ не можетъ служить двумъ господамъ; добродѣтельная женщина не можетъ искать двухъ мужей».

Молодые люди обмѣнивались разсужденіями по поводу непогрѣшимой морали этой надписи и медленно шли по направленію къ дому. Ліу, вѣрный слуга графа де-Серигана, бѣжалъ имъ на встрѣчу, неся пакетъ писемъ и газетъ, только что полученныхъ изъ Франціи, чрезъ посредство консула въ Шангаѣ. Графъ покинулъ этотъ городъ еще въ началѣ іюня и съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакихъ извѣстій съ дорогой родины.

Въ то время, пока графъ де-Сериганъ пробѣгалъ письмо, полученное

Digitized by Google

отъ отца, Марсель распечаталъ двѣ-три газеты и громкій крикъ удивленія сорвался съ его губъ.

— Война! вскричалъ онъ.—Этьенъ, война между Франціей и Германіей... Наши сражаются на берегу Рейна. Неужели мы останемся чуждыми этому движенію нашихъ соотечественниковъ?..

Графъ Этьенъ рѣшился немедленно уѣхать на родину. Оставаться въ Китаѣ, когда родная страна сражается за свою независимость,—казалось ему преступленіемъ, и 20-го октября графъ Этьенъ де-Сериганъ, въ сопровожденіи своего друга, прибылъ въ Марсель. Извѣстія, полученныя ими во время проѣзда чрезъ Аденъ и Портъ-Саидъ, глубоко волновали молодыхъ людей и они рѣшили немедленно поступить въ полкъ, чтобы принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Братъ Марселя де-Брема, Жакъ, организовалъ отрядъ волонтеровъ и предоставилъ мѣсто начальника ихъ Марселю, а графъ де-Сериганъ выразилъ желаніе служить въ этомъ полку и немедленно вступилъ въ ряды ополченія. Мѣсто стоянки этого полка было назначено въ Турѣ и графу Этьену пришлось проѣхать чрезъ Мансъ.

Въ голубой куртвѣ и блестящей каскѣ зуава, графъ Этьенъ былъ еще красивѣе, чѣмъ прежде. Радостное волненіе охватило душу молодаго человѣка, когда онъ проходилъ по улицамъ Манса, но въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, онъ не встрѣчалъ никого изъ знакомыхъ: одни изъ нихъ уѣхали; другіе, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, вели болѣе занятую жизнь и не фланировали, какъ прежде, по красивымъ бульварамъ города.

Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ впечатлѣній, Этьенъ пошелъ къ театру, желая повидаться съ Цезаремъ Лемюшемъ и разспросить его о судьбѣ той хорошенькой дѣвушки, которая заставила биться его сердце. Если-бы онъ уѣхалъ изъ Шангая сутками позже,—онъ, вѣроятно, не задавалъ-бы себѣ такого вопроса; но письмо, въ которомъ Клементина объясняла ему причину возвращенія Крикетъ въ Мансъ, пришло послѣ его отъѣзда.

Въ сумерки, когда на улицахъ уже зажигались фонари, графъ де-Сериганъ позвонилъ у дверей уютнаго шатлэ Цезаря Лемюша.

Прислуги не было дома и Крикетъ сидѣла одна въ маленькой гостинной, предаваясь грустнымъ мечтамъ. Услышавъ звонокъ, она подошла къ дверямъ и отворила ихъ: силуэтъ высокаго, стройнаго солдата рельефно вырисовался среди раскрытой настежъ двери.

— Что вамъ нужно, любезный? спросила она.

Digitized by Google

Графъ де-Сериганъ узналъ голосъ Крикетъ.

— Какъ, вы здѣсь, m-lle Жильбертъ?! вскричалъ онъ.

Крикетъ дружески отвѣчала на пожатіе руки неожиданнаго гостя, говоря, что m-lle Клементина будетъ крайне счастлива видѣть графа де-Серигана.

— Она въ своей комнатѣ, добавила дѣвушка.—Я пойду предупредить ее.

Но графъ де-Сериганъ удержалъ Крикетъ.

— Не спѣшите, сказалъ онъ,—погодите еще немножко, одну минуту; дайте мнѣ поговорить съ вами, посмотрѣть на васъ. О, какъ я счастливъ, что нашелъ васъ здѣсь!

Они вошли въ гостинную и тамъ, при свѣтѣ зажженной свѣчи, графъ устремилъ на Крикетъ внимательный, испытующій взоръ.

— Вы находите, что я сильно измѣнилась? спросила она.

— Чрезвычайно!.. Поразительно!

— Я пережила много, очень много горя... прошептала Крикетъ.—*Онъ* оставилъ меня, онъ разлюбилъ меня...

— Это невозможно! Онъ *могъ* васъ разлюбить? Это ошибка... недоразумѣніе, все, что хотите, только не правда... Такое явленіе немыслимо!

— А между тѣмъ это такъ...

— Но въ такомъ случаѣ ваши права на счастіе возвращены вамъ и другой имѣетъ право любить васъ, имѣетъ возможность говорить о своей привязанности... просить...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я никому не дамъ этого права и никогда не полюблю другаго. Я согласилась на вашу просьбу выслушать васъ, потому что считаю необходимымъ наше объясненіе...

— Объясненіе! вскричалъ графъ де-Сериганъ.—Зачѣмъ, какое объясненіе можетъ быть между нами? Я люблю васъ въ теченіе двухъ лѣтъ и вы не можете помѣшать моему чувству, такъ какъ я не безпокою васъ ничѣмъ.

— Но я вовсе не желаю мѣшать вамъ, тихо проговорила дѣвушка.—Одинокая, оставленная, я пріѣхала сюда, чтобы отдохнуть отъ испытаннаго несчастія. Я такъ много страдала... Теперь мнѣ лучше и я нѣсколько свыклась съ своимъ положеніемъ. Да къ тому же—добавила она съ глубокимъ вздохомъ,—вокругъ такъ много горя и несчастія, что надо быть крайнимъ эгоистомъ, чтобы думать только о себѣ, когда вокругъ происходятъ такія бѣдствія. Благодаря дружескимъ отно-

Digitized by Google

шеніямъ Клементины и Цезаря, я ожила, воскресла... Ихъ дружба необходима мнѣ, и я васъ умоляю, графъ, не заставляйте меня искать новаго пріюта, не заставляйте меня бѣжать отсюда...

— Да, да, я понимаю вашу мысль. Я все исполню...

— Я была въ этомъ увѣрена, графъ. Я знаю ваши благородныя правила, ваше доброе, чуткое сердце... Сейчасъ я скажу Клементинѣ о вашемъ приходѣ и прошу васъ...

— Будьте спокойны, m-lle Жильбертъ.—Вамъ никогда не придется упрекнуть меня въ томъ, что я забылъ свое обѣщаніе.

Съ этого дня, графъ Этьенъ де-Сериганъ почти ежедневно приходилъ въ маленькій домикъ Цезаря Лемюша; короткіе часы, проводимые въ обществѣ Клементины и Крикетъ, доставляли графу громадное наслажденіе. Но онъ твердо держалъ свое слово: скромность и почтеніе, съ которыми онъ относился къ молодой дѣвушкѣ, давали Крикетъ полную увѣренность, что ей не грозитъ никакая опасность и молодой графъ видитъ въ ней только преданнаго друга.

Наканунѣ своего отъѣзда въ дѣйствующую армію, графъ де-Сериганъ зашелъ проститься съ своими друзьями. Крѣпко поцѣловавшись съ Клементиной, онъ протянулъ руку Крикетъ.

— Да поцѣлуйте же ее, сказала Клементина со слезами на глазахъ, смотря на молодаго человѣка.

И онъ поцѣловалъ ее.

Чрезъ десять дней послѣ этого прощанья, во время горячей схватки при Лоньи, Марсель де-Бремъ палъ, смертельно раненый, и графъ Этьенъ, только счастьемъ уцѣлѣвшій отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, съ глубокимъ горемъ хоронилъ своего лучшаго друга.

Побѣдное шествіе пруссаковъ ознаменовалось страшными несчастіями: батальоны зуавовъ, отступая, попадали въ плѣнъ и пруссаки разослали ихъ по различнымъ городамъ. Остатки разбитыхъ войскъ собирались въ Мансѣ подъ предводительствомъ генерала Шанзи, рѣшившагося организовать новые полки и двинуться на защиту Франціи. Ежедневно изъ Тура въ Мансъ отправлялось по двадцати военныхъ поѣздовъ и несчастные солдаты, забитые въ товарные вагоны, являлись въ Мансъ, умирающіе отъ голода, холода и усталости. Въ одной изъ большихъ залъ на станціи желѣзной дороги былъ устроенъ пріютъ для больныхъ и двѣ сестры милосердія подавали окоченѣвшимъ отъ холода солдатамъ первую помощь. Мѣстныя жительницы поспѣшили предложить

Digitized by Google

во и услуги, и нѣкоторыя изъ нихъ гостепріимно открыли свои дома, для пріема больныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ.

Не имѣя возможности оказать матеріальное содѣйствіе общему дѣлу, Крикетъ предложила свои услуги, и въ продолженіе цѣлыхъ дней и ночей безсмѣнно находилась на своемъ посту, утоляя страданія больныхъ и ухаживая за самыми капризными ранеными. Сестры милосердія, видя кротость Крикетъ и умѣнье обходиться съ больными, отзывались о ней съ горячею похвалою.

— Вы рождены, чтобы быть монахиней; это ваше истинное назначеніе! говорили онѣ ей, и дѣвушка, задумчиво улыбаясь, отвѣчала, что нѣкогда она и сама думала о такой дѣятельности, но ей не удалось послѣдовать своему влеченію.

Въ это самое время подошелъ поѣздъ, привезшій первую партію зуавовъ, и Крикетъ, увидавъ, что одинъ изъ солдатъ, раненый пулей на вылетъ, дрожитъ отъ холода, сняла свое пальто и помогла солдату накинуть его на плечи.

— Благодарю васъ, барышня, благодарю васъ, говорилъ солдатъ, тронутый такой заботливостью,—дай Богъ вамъ здоровья, что вы меня согрѣли! Теперь покажите мнѣ, какъ пройти къ мэру.

Дѣвушка указала ему дорогу и нѣсколько мгновеній задумчиво оставалась на одномъ мѣстѣ.

Странно, никто и никогда не называлъ ее иначе, какъ «барышня». Ея худенькое, блѣдное личико съ большими блестящими глазами хранило на себѣ тотъ дѣвственный отпечатокъ, который является принадлежностью очень немногихъ счастливицъ.

— Зуавы, зуавы идутъ! раздался около нея громкій крикъ и мысль, что среди зуавовъ находится графъ де-Сериганъ—мелькнула въ головѣ Крикетъ. Она быстро пошла на дебаркадеръ и, сквозь растворенныя дверцы одного изъ вагоновъ, увидѣла знакомое лицо. Графъ де-Сериганъ полулежалъ на скамьѣ; онъ былъ страшно блѣденъ и Крикетъ бросилась къ нему.

— Что съ вами? проговорила она.—Вы дрожите? Вы больны?

— Маленькая лихорадка, но это ничего не значитъ. Какъ вы поживаете? Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я пришла васъ встрѣтить... Я буду заботиться о васъ, если вы страдаете. Пойдемте, пойдемте со мною.

Она взяла его за руку и привела въ залу, обращенную во временную больницу. Усадивъ графа на одну изъ скамеекъ, возлѣ круглой

Digitized by Google

желѣзной печи, дѣвушка принесла большую чашку горячаго бульона и только тутъ графъ де-Сериганъ понялъ, какъ онъ голоденъ. Не обращая вниманія на Крикетъ, онъ принялся съ жадностью глотать горячую влагу и, утоливъ первое ощущеніе голода, хотѣлъ спросить что-то у своей собесѣдницы, но она остановила его.

— Пейте... кушайте... отдыхайте, мы еще успѣемъ поговорить съ вами.

Къ вечеру того же дня, графу де-Серигану стало значительно лучше и онъ провелъ нѣсколько часовъ въ обществѣ Крикетъ.

— Какъ я счастливъ, говорилъ онъ,—что опять вижу васъ. Дайте мнѣ, пожалуйста, вашу руку.

— Да, я тоже очень счастлива, сказала Крикетъ и, отвѣчая на пожатіе молодаго человѣка, забыла отнять свою руку; графъ де-Сериганъ съ восторгомъ смотрѣлъ на эти маленькіе пальчики, такъ довѣрчиво лежавшіе въ его больной огрубѣвшей рукѣ.—Знаете-ли, тихо заговорила Крикетъ,—во время вашего отсутствія я получила письмо отъ *него*.

— Гдѣ онъ теперь?

— Въ Парижѣ.

— Что же онъ вамъ пишетъ?

— Онъ говоритъ, что любитъ меня все также... что онъ никогда не переставалъ любить меня и что жизнь въ разлукѣ со мною — для него невозможна. Онъ умолялъ, чтобы я простила его, и въ заключеніе говорилъ, что собирается пріѣхать ко мнѣ...

— Что же вы сдѣлаете въ такомъ случаѣ?

— Не знаю... Онъ такъ несчастливъ, онъ совершенно одинокъ... развѣ я могу отвергнуть его любовь:—вѣдь онъ никогда бы не оттолкнулъ меня, еслибы я была несчастна и одинока. Вы сами знаете, графъ, что я никогда не обвиняла его, а, слѣдовательно, ему вовсе не трудно заслужить мое прощеніе!..

Начальникъ графа де-Серигана быстро подошелъ къ больному, и появленіе его положило предѣлъ этому разговору. Но, оставшись одна, Крикетъ глубоко задумалась. Она спрашивала: гдѣ же счастье, кто можетъ дать его? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Паскаль былъ для нея всѣмъ; онъ снова зоветъ ее къ себѣ, обѣщая былое счастіе, а этотъ... еще недавно былъ ничѣмъ, а теперь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ—онъ пріобрѣтаетъ для нея все большее и большее значеніе.

Крикетъ не понимала, что въ этомъ колебаніи, въ этихъ вопро-

Digitized by Google

сахъ, полныхъ недоумѣнія, заключается отвѣтъ на ея тревоги... Если она разсуждаетъ,—то уже не любитъ Паскаля. Послѣ той глубокой страсти, которую она испытывала къ товарищу дѣтскихъ игръ—любовь на половину уже не составляетъ настоящаго чувства:—это какая-то жалкая тѣнь прошлаго.

Въ тотъ счастливый день, когда они рѣшились навсегда соединить свою судьбу, Крикетъ сказала Паскалю: «Возьми меня, я твоя жена». Она отдалась ему на всю жизнь и у нея нѣтъ болѣе свободной воли, она не можетъ принадлежать другому... Что она скажетъ Паскалю, если они встрѣтятся: «Я не люблю тебя болѣе; я принадлежу другому... Вотъ онъ, смотри: ты бѣденъ, а онъ—богатъ, красивъ, изященъ... Нѣтъ, никогда...

Одна мысль о томъ, что другой человѣкъ станетъ къ ней въ отношенія Паскаля, заставляла ее сравнивать свою жизнь съ жизнью Розиты, и дѣвушка съ отвращеніемъ отворачивалась отъ этого страшнаго зрѣлища.

На другое утро, 10-го января, начальникъ зуавовъ, генералъ Гужаръ, во главѣ своей бригады, встрѣтился съ пруссаками въ окрестностяхъ Арденау. Наступила рѣшительная битва и въ теченіе первыхъ двухъ часовъ счастіе благопріятствовало французской арміи, но затѣмъ пруссаки нахлынули и оттѣснили зуавовъ, въ безпорядкѣ устремившихся въ долину Иврэ.

Географическое положеніе мѣстности и обиліе холмовъ давали возможность пруссакамъ преслѣдовать зуавовъ шагъ за шагомъ. Видя врага истомленнымъ и обезсиленнымъ, они остановились на выстрѣлъ отъ него, ежеминутно угрожая новымъ нападеніемъ.

Французскіе офицеры собрались, совѣтуясь, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Генералъ Гужаръ высказалъ мнѣніе, что необходимо отбить позицію и прогнать пруссаковъ.

— Господа! крикнулъ онъ,—во имя Бога и отечества впередъ!

И, бросившись впереди всѣхъ, генералъ Гужаръ повелъ въ смертельный огонь храбрую армію зуавовъ. По дорогѣ они встрѣтились съ 10-мъ батальономъ стрѣлковъ и, обмѣнявшись восторженнымъ восклицаніемъ: «Да здравствуютъ стрѣлки! Да здравствуютъ зуавы!» бросились на позицію пруссаковъ. Произошла невообразимая свалка: грохотъ пушекъ, свистъ пуль и стоны умирающихъ смѣшивались въ одинъ общій страшный гулъ. Но черезъ два часа, когда сраженіе было окончено, позиція

Digitized by Google

осталась за зуавами, хотя двѣ трети ихъ погибло въ этомъ неравномъ бою.

Въ этой же схваткѣ былъ раненъ графъ Этьенъ де-Сериганъ, столько разъ счастливо избѣгавшій всякихъ стычекъ. Меткая пуля пруссака прострѣлила ему руку и, ослабѣвши отъ сильнаго кровотеченія, графъ де-Сериганъ почти безъ чувствъ упалъ на дорогѣ. Въ послѣднее мгновеніе сознанія, думы графа обращались къ Крикетъ и собственное трагическое положеніе какъ бы стушевывалось и исчезало подъ вліяніемъ мечтательнаго ожиданія скорой встрѣчи.

— Я раненъ... Она будетъ заботиться обо мнѣ! шептали его губы и, прислушиваясь къ отдаленному барабанному бою, онъ впадалъ въ обморочное состояніе, не чувствуя силъ бороться съ ежеминутно возростающей слабостью.

XVII.

Нѣсколько времени спустя, раненый графъ былъ поднятъ обходомъ, посланнымъ собрать тѣла мертвецовъ, оставшихся на полѣ сраженія.

Мужественный солдатъ съ фонаремъ въ рукахъ остановился надъ безжизненнымъ трупомъ графа де-Серигана, и, обращаясь къ товарищу, крикнулъ:

— А! братъ, и еще одинъ!

— Гдѣ?

— Да вотъ здѣсь... Только знаешь что: мнѣ кажется, онъ еще живъ...

— Вотъ выдумалъ! съ насмѣшкой отозвался товарищъ.—У него и руки-то закостенѣли, какое живъ!..

Въ это время графъ де-Сериганъ прошепталъ:

— Пить... пить...

Солдаты положили его на носилки и снесли въ пріемный покой, устроенный въ женскомъ монастырѣ въ деревенькѣ Иврэ. Въ ту минуту, когда печальный кортежъ приближался къ дверямъ пріемнаго покоя, изъ него вышли два зуава, раны которыхъ были только что перевязаны сердобольными сестрами милосердія. Зуавы узнали графа де-Серигана и пытались заговорить съ нимъ, но обезсиленный графъ молчалъ, не открывая глазъ, и солдаты ушли, мысленно рѣшая, что ихъ добрый начальникъ скончался отъ полученной раны.

Въ тотъ же день, вечеромъ, когда эти два зуава явились въ госпиталь «Св. Креста», ихъ окружила цѣлая толпа обитателей города

Digitized by Google

Манса, желавшихъ узнать о здоровьѣ своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Имъ кричали десятки именъ, ихъ спрашивали: остался-ли живъ тотъ или другой изъ солдатъ и офицеровъ, и бѣдные зуавы не успѣвали отвѣчать на безпрерывно раздававшіеся вопросы.

Крикетъ была среди любопытныхъ. Не безъ усилія добравшись до раненыхъ, она спросила:

— Вы знаете графа де-Серигана?

— Графа де-Серигана?.. повторилъ зуавъ.

И замѣтивъ, что глаза Крикетъ устремлены на него съ выраженіемъ тревожнаго ожиданія, не рѣшался сообщить ей страшное извѣстіе. Вмѣсто слова «умеръ», готоваго сорваться съ его губъ, зуавъ сказалъ, что графъ де-Серигант раненъ и, желая избѣгнуть пытливаго взора Крикетъ, печально опустилъ голову.

— Опасно раненъ? дрожащимъ голосомъ продолжала допрашивать Крикетъ.

— Да, пожалуй, опасно!

— Вы его видѣли?

— Да, его пронесли передъ нами въ пріемный покой...

— Въ какой именно?

— Къ сестрамъ милосердія въ Иврэ.

«Опасно раненый... одинокій... онъ находится среди чужихъ людей, въ пріемномъ покоѣ сестеръ милосердія въ Иврэ, и меня, его друга, нѣтъ возлѣ него!..»

Нѣсколько мгновеній Крикетъ стояла, какъ ошеломленная, и по ея худенькому, блѣдному личику пробѣгали мучительныя ощущенія и недоумѣнія.

Наконецъ, рѣшеніе было принято. Крикетъ быстро повернула домой, и когда Клементина увидѣла разстроенное лицо дѣвушки, она съ ужасомъ спросила:

— Ты... ты узнала что-нибудь непріятное?

— О, нѣтъ, ничего особеннаго; но мнѣ нужно уѣхать немедленно... Сейчасъ привезли множество раненыхъ и мои услуги необходимы... Я дала слово сестрамъ, что сейчасъ же возвращусь къ нимъ.

— Но ты еще не обѣдала, напомнила Клементина.

— Я не хочу ѣсть. Бога ради, не задерживайте меня.

— Но ты безжалостно мучишь себя, Крикетъ. Посмотри, на кого ты похожа!

Digitized by Google

— О, вы ошибаетесь, милая Клементина! Никогда въ жизни я не чувствовала себя такой здоровой и бодрой.

Крикетъ направилась къ себѣ въ комнату, и, надѣвъ теплое пальто, закрыла голову платкомъ.

Нужно-ли говорить, что Крикетъ направилась въ Иврэ?

У заставы города Крикетъ остановили. Еще издали молодую дѣвушку поразило то необычайное волненіе, которое царствовало на всѣхъ улицахъ: группы солдатъ передвигали ручныя телѣжки, переполненныя ранеными; обыватели вывозили большія фуры, загроможденныя мебелью и пожитками; женщины съ иззябшими дѣтьми на рукахъ рыдали и стонали, не находя пристанища; крестьяне вывозили свое послѣднее достояніе—исхудавшихъ коровъ, и эта картина общаго бѣдствія и разрушенія,—словомъ, картина войны,—ясно представилась взорамъ Крикетъ.

Солдаты національной гвардіи, стоявшіе въ караулѣ у заставы, останавливали каждаго, желавшаго пройти въ городъ.

— Вашъ паспортъ! грубо крикнулъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Крикетъ, когда молодая дѣвушка попросила, чтобы ее впустили въ городъ.

— У меня его нѣтъ, тихо отвѣчалала она.

— Ну, такъ отправляйтесь къ мэру и добудьте себѣ позволеніе, иначе я не пущу васъ...

— О, не отказывайте мнѣ, съ умоляющимъ видомъ заговорила дѣвушка и слезы блеснули на ея длинныхъ рѣсницахъ.—Мнѣ нужно быть въ Иврэ, тамъ... мой братъ... Онъ раненъ, онъ умираетъ, быть можетъ. Онъ находится въ пріемномъ покоѣ сестеръ милосердія...

— И вы идете туда совершенно одна? съ удивленіемъ спросили нѣсколько грубыхъ голосовъ.

— Что жъ такое? Я хорошо знаю дорогу и ничего не боюсь. Умоляю васъ... умоляю, пустите, пустите меня!

Ее пропустили... Она идетъ... Вотъ уже вдали виднѣются высокія крыши кокетливой деревушки, скрывающей очертанія своихъ хижинъ за развѣсистыми деревьями густыхъ садовъ деревенскихъ обитателей... О, какъ хорошо знакома эта дорога Крикетъ! Года три тому назадъ, она шла по ней, счастливая и улыбающаяся, опираясь на руку Паскаля... Какъ она нѣжно прижималась къ своему защитнику и охранителю; съ какой лаской отвѣчала на его любящіе взоры, неизмѣнно обращенные къ ней. А теперь... она идетъ одна, иззябшая, съ мучи-

Digitized by Google

тельной тоской на сердцѣ, съ тревожнымъ ожиданіемъ близкаго несчастія... Разнузданныя толпы солдатъ то и дѣло встрѣчаются на ея дорогѣ; силы готовы покинуть дѣвушку и, время отъ времени, она останавливается, чтобы отдохнуть, опираясь на придорожныя деревья, и ея маленькія, легко обутыя ноги тонутъ въ толстомъ слоѣ снѣга, покрывающаго грязную избитую дорогу.

Но вотъ и конецъ ея странствію. Крикетъ подходитъ къ обширному монастырскому зданію и видитъ цѣлый рядъ ярко освѣщенныхъ оконъ. Группы солдатъ стоятъ передъ дверями пріемнаго покоя и оживленно разговариваютъ о чемъ-то. Крикетъ вглядывается. Это зуавы...

Боже! неужели онъ умеръ и они, его товарищи, явились отдать ему послѣдній долгъ... Что, если это правда? Что, если она увидитъ холодный и безжизненный трупъ? Переживетъ-ли она такую страшную встрѣчу! Цѣлыхъ два часа длился ея переходъ отъ Манса до Иврэ. Два часа! Но развѣ этого мало, чтобы умереть.

И, дрожа отъ волненія, Крикетъ обратилась съ вопросомъ къ одному изъ зуавовъ:

— Скажите, гдѣ тутъ раненый, одинъ изъ вашихъ... графъ де-Сериганъ?

— Графъ де-Сериганъ? сверкнувъ глазами, спросилъ зуавъ.—Вонъ тамъ онъ, въ маленькой залѣ. Идите направо, потомъ налѣво...

— А что ему... лучше? едва слышно прошептала Крикетъ.

— Еще бы, значительно лучше!

Двѣ большія залы монастырской школы были обращены въ пріемный покой. Но въ тотъ моментъ, когда зуавы принесли графа де-Серигана, всѣ постели, безъ исключенія, были заняты ранеными. Его положили на соломѣ, въ углу передней, и почти въ это самое мгновеніе графъ очнулся. Молодой хирургъ, ретиво исполнявшій свою обязанность, подошелъ къ раненому и сдѣлалъ первую перевязку. Рана, полученная графомъ де-Сериганомъ, не представляла ничего опаснаго: пуля прошла навылетъ, не повредивъ костей. Послѣ удачной перевязки, физическія страданія графа де-Серигана значительно успокоились и онъ лежалъ въ состояніи полнаго покоя, ничего не сознавая и не чувствуя, не видя, что творится возлѣ него. Когда Крикетъ подошла къ койкѣ раненаго, онъ отыскивалъ что-то лѣвою рукою и молодая дѣвушка, наклонясь надъ нимъ, спросила, что ему нужно?

— Моя манерка, проговорилъ графъ слабымъ голосомъ.—Манерка... тамъ еще осталось немного водки!

Digitized by Google

— Но гдѣ же она была?

— Гдѣ она была?! повторилъ графъ.—Кажется... Нѣтъ, я не помню! А, впрочемъ, можетъ быть, она и лежитъ въ карманѣ моего пальто.

Крикетъ достала металлическую бутылку, наполненную водкой, изъ кармана пальто графа де-Серигана, откупорила ее и поднесла къ губамъ раненаго.

Графъ де-Сериганъ съ жадностью глоталъ животворную влагу.

— Благодарю васъ, сестра, благодарю васъ, прошепталъ онъ, когда чувство томящей жажды было удовлетворено.

Затѣмъ, графъ де-Сериганъ открылъ глаза и, увидавъ надъ собою лицо Крикетъ, съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Вы, тихо проговорилъ онъ,—вы здѣсь?!

— Да, это я. Вы страдаете и я около васъ...

— Но какъ же это такъ? Значитъ, мы въ Мансѣ?! Когда же меня перевезли?

— Нѣтъ, вы не въ Мансѣ; вы тамъ же, гдѣ были, въ Иврэ. Но, умоляю васъ, графъ, не тревожьте себя, не думайте ни о чемъ. Ваша рана не опасна. Постарайтесь заснуть и вы скоро поправитесь...

— Садитесь около меня, Крикетъ, я умоляю васъ!

Онъ взялъ ее за руку и привлекъ къ себѣ. Дѣвушка не сопротивлялась. Она опустилась на колѣни и, припавъ головою къ подушкѣ, на которой лежало блѣдное лицо графа де-Серигана, съ сильно бьющимся сердцемъ слушала его тихую рѣчь.

— Я буду послушенъ, Крикетъ, продолжалъ графъ,—я не стану ни о чемъ думать, не буду разспрашивать, но умоляю васъ, говорите со мною; дайте мнѣ возможность слышать вашъ голосъ. Разскажите, что было съ вами за это время?

Крикетъ разсказала ему, что она пошла въ пріемный покой «Св. Креста», чтобы узнать отъ его товарищей, не извѣстно-ли имъ чего либо о его здоровьѣ; одинъ изъ зуавовъ, явившійся на перевязку, сказалъ, что графъ де-Сериганъ находится въ пріемномъ покоѣ въ Иврэ, и она немедленно отправилась къ своему другу.

— И вы не побоялись совершить одна такое неудобное путешествіе, ночью... въ такой холодъ. О, моя милая, милая Крикетъ!

Съ этими словами графъ де-Сериганъ прижалъ руку дѣвушки къ своимъ губамъ. Крупныя капли слезъ текли по его лицу и, смѣшиваясь съ поцѣлуями, орошали нѣжную, блѣдную руку Крикетъ. Сколько времени продолжалась эта томительно-нѣжная сцена, никто изъ нихъ не

Digitized by Google

зналъ; ни одно слово не прерывало этого торжественнаго молчанія и самые страстные и сильные монологи не могли бы передать все то, что было высказано въ это мгновеніе.

Ночью, графъ де-Сериганъ сталъ жаловаться на сильную боль въ раненой рукѣ, и Крикетъ принесла горячей воды, чтобы сдѣлать перевязку больному; съ необыкновенною ловкостью она разбинтовала руку раненаго и сдѣлала перевязку.

— Вы видите, говорила Крикетъ, улыбаясь кроткой и милой улыбкой,—что я могу быть хорошей фельдшерицей. Право, иногда мнѣ кажется, что я не поняла своего истиннаго призванія: мнѣ слѣдовало быть сестрою милосердія. Закулисная жизнь и сценическіе успѣхи не столько удовлетворяли меня, какъ эта дѣятельность, дающая возможность успокоить страданія близкихъ мнѣ людей... Нѣсколько времени тому назадъ, я говорила вамъ объ этомъ, графъ; вы не вѣрили, вы улыбались. Теперь, я надѣюсь, вы мнѣ вѣрите?

Настало утро, пасмурное, дождливое утро; темныя снѣжныя тучи низко висѣли надъ хорошенькой деревушкой. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Иврэ происходила жаркая битва между французами и пруссаками; послѣдніе тѣснили французовъ, стараясь завладѣть переправой черезъ рѣку и отрѣзать обитателямъ Иврэ возможность получать провіантъ и перевозить раненыхъ.

— Иврэ угрожаетъ опасность, говорилъ графъ де-Сериганъ, съ тревогой вслушиваясь въ пушечную пальбу, гулко отдававшуюся подъ высокими сводами монастырскихъ покоевъ,—оставаться здѣсь не безопасно. Я бы хотѣлъ, чтобы вы вернулись въ Мансъ; я требую, чтобы вы уѣхали, Крикетъ...

— Я не оставлю васъ, настойчиво отвѣчала дѣвушка.

Звуки громкой перестрѣлки мало-по-малу стихали и какъ бы удалялись. Графъ де-Сериганъ живо интересовался тѣмъ, что происходило за стѣнами Иврэ, и, увидавъ молодаго хирурга, обратился къ нему съ тревожнымъ вопросомъ: какъ идутъ наши дѣла?

— Пруссаки хотѣли переправиться черезъ рѣку, но ихъ отбросили и заставили удалиться, отвѣчалъ докторъ.

— Въ такомъ случаѣ, наши дѣла поправляются?

— Да, пожалуй, но не вездѣ. Около Альнсона произошло жестокое сраженіе. Число раненыхъ и убитыхъ превышаетъ всякое вѣроятіе...

— Но куда же вы дѣнете раненыхъ?

— Перевеземъ сюда... А тѣхъ, которые хоть сколько нибудь попра-

Digitized by Google

вились, мы отправимъ въ Мансъ, гдѣ положеніе ихъ будетъ значительно лучше. Я съ удовольствіемъ предложилъ бы вамъ, графъ, отправиться въ Мансъ, но въ моемъ распоряженіи нѣтъ ни одной телѣжки, ни однихъ носилокъ...

— Но я могу дойти пѣшкомъ...

— Это невозможно, графъ. Такое путешествіе можетъ убить васъ.

Не слушая возраженій доктора, графъ де-Серигант пытался приподняться, но его усилія ни къ чему не повели.

— Вотъ видите-ли! подтвердилъ докторъ.

— Итакъ, вы полагаете, спросила Крикетъ,—что въ экипажѣ—графа де-Серигана можно перевезти въ Мансъ? Никакой опасности не можетъ угрожать его здоровью?

— О, нѣтъ, нѣтъ, успокоилъ ее докторъ.—Если его закрыть хорошенько и посадить въ удобный экипажъ, то онъ можетъ отлично совершить этотъ недалекій переѣздъ. Но, къ сожалѣнію, добавилъ врачъ,—въ нашемъ распоряженіи нѣтъ *никакого* экипажа, не только хорошаго и покойнаго...

— Можетъ быть, я достану экипажъ, вполголоса проговорила Крикетъ и, черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, не смотря на всѣ мольбы графа де-Серигана, Крикетъ отправилась въ Мансъ, снова одна и пѣшкомъ.

Выйдя изъ монастыря, Крикетъ узнала, что всѣ обитатели Иврэ спѣшатъ покинуть деревеньку, ожидая, что къ вечеру пруссаки займутъ ее. Не помня себя отъ страха, Крикетъ почти бѣгомъ бросилась на ближайшія фермы, умоляя дать ей какой-нибудь экипажъ. Но всѣ мольбы ея остались безуспѣшны. Тогда Крикетъ вспомнила, что недалеко отъ Иврэ находится ферма Люверси и тамъ, у старика Брюннетъ, имѣется телѣга, удобная для перевозки. Она направилась въ домъ старика Брюннетъ, взяла у него телѣгу и поѣхала въ Иврэ. Спасти графа де-Серигана изъ рукъ пруссаковъ, которые могли бы гордиться такимъ трофеемъ побѣды,—было въ данную минуту единственною мечтою Крикетъ, и выполненіе этого завѣтнаго плана ежеминутно приближалось. Крикетъ удалось собрать на фермѣ г-на Брюннетъ старые тюфяки и одѣяла, и она выложила ими дно большой телѣги. Старикъ помѣстился на козлахъ, а Крикетъ, измученная волненіями послѣдняго дня, голодная и иззябшая, пріютилась въ углу телѣги, дрожа отъ порывистаго холоднаго вѣтра, проникавшаго все существо ея. Цѣлый часъ длился томительный переѣздъ отъ фермы Люверси до Иврэ: телѣга

Digitized by Google

шагъ за шагомъ плелась по скользкой почвѣ холмистой дороги, ежеминутно угрожая паденіемъ въ оврагъ, и Крикетъ сознавала всю опасность этого переѣзда. Толпы солдатъ, бродящихъ взадъ и впередъ, могли ежеминутно ограбить дѣвушку и отнять у нея телѣгу и теплыя одѣяла, которыми она мечтала укрыть графа де-Серигана; телѣга могла сломаться; лошадь могла вывихнуть ноги, ступая по кочкообразной почвѣ... И много, много различныхъ опасеній приходило въ голову Крикетъ...

Крыши Иврэ мелькнули невдалекѣ и телѣга остановилась у подъѣзда монастыря. Съ большими предосторожностями, графа де-Серигана вынесли изъ пріемнаго покоя и помѣстили въ телѣгѣ. Крикетъ помнила наставленія врача, говорившаго, что холодный вѣтеръ можетъ погубить здоровье раненаго и тщательно закрыла графа одѣялами и коврами, добытыми на фермѣ.

Между тѣмъ холодный вѣтеръ все усиливался, и видя, что раненый впалъ въ безчувственное состояніе, Крикетъ съ тревогой замѣтила, что руки его похолодѣли. Она быстро сняла съ себя плащъ, пальто и платокъ и всѣми этими вещами укрыла графа де-Серигана. Старикъ Брюнетъ послѣдовалъ ея примѣру, и руки раненаго начали согрѣваться.

Графъ де-Сериганъ очнулся. Онъ улыбнулся Крикетъ и, высунувъ изъ подъ одѣяла руку, пытался дотронуться до Крикетъ, но бѣдная дѣвушка не замѣтила этого движенія. Она сидѣла, прислонясь спиною къ ободку телѣги и испытывала невыносимо непріятное чувство холода. Холодный вѣтеръ съ усиліемъ рвалъ тонкую ткань ея одежды; руки и ноги Крикетъ посинѣли и на глазахъ выступили слезы... Дыханіе дѣвушки становилось рѣже и короче и жестокое колотье слѣдовало за каждымъ вздохомъ; голова Крикетъ горѣла и внутренній огонь, пожиравшій ее, сказывался въ невыносимой жаждѣ и лихорадочно сверкающихъ глазахъ.

Графъ де-Сериганъ взглянулъ на Крикетъ и съ ужасомъ замѣтилъ, что руки ея дрожатъ, а бѣлые, ровные, какъ жемчугъ, зубы дѣвушки—стучатъ подъ вліяніемъ нервной дрожи... Онъ понялъ, что дѣвушка озябла, что, жертвуя здоровьемъ, она отдала ему свою теплую одежду, и потребовалъ, чтобы она закрылась однимъ изъ одѣялъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, говорила Крикетъ.—Мнѣ было холодно, это правда, но теперь я согрѣлась... Вѣдь мы уже пріѣхали. Смотрите, вотъ и замокъ. Это *вашъ* замокъ. Да, вы дома. О, какъ я счастлива, какъ я счастлива! Я исполнила свое желаніе: вы—дома; вы—въ безопасности!

Страданія Крикетъ ясно выражались на ея блѣдномъ личикѣ, но она не обманывала, говоря, что чувствуетъ себя счастливой. Едва только

Digitized by Google

телѣжка остановилась у подъѣзда замка, какъ толпы слугъ выбѣжали на встрѣчу своему господину. Забывая о собственныхъ страданіяхъ, Крикетъ давала разумныя наставленія слугамъ, приказывая какъ можно осторожнѣе перенести графа на его постель. Всѣ убѣжденія и мольбы графа отдохнуть и успокоиться Крикетъ энергично отвергала: какъ солдатъ, находящійся на посту, она до послѣдней капли силъ свято исполняла принятый на себя долгъ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, говорила она:—я послала въ Мансъ за докторомъ и приказала заѣхать къ Клементинѣ Лемюшъ, чтобы сообщить ей, гдѣ вы находитесь. Когда она пріѣдетъ сюда и я сдамъ ей васъ съ рукъ на руки—тогда я успокоюсь. Увѣряю васъ, что я не больна!

Когда Клементина Лемюшъ вошла въ комнату графа, Крикетъ бросилась къ ней на встрѣчу.

— Ему лучше, гораздо лучше! говорила она.—Не безпокойтесь о немъ, моя милая Клементина!

— Но ты, дитя мое, что съ тобою? Ты едва держишься на ногахъ?

— Я-то... О, это все пустяки! Слава Богу, что вы пріѣхали вовремя и можете замѣнить меня у постели больнаго. Вы правы, я дѣйствительно ослабла.

Пріѣхавшій изъ Манса докторъ осмотрѣлъ графа де-Серигана и, затѣмъ, подойдя къ Клементинѣ Лемюшъ, сказалъ:

— Здоровье графа не представляетъ ни малѣйшей опасности, но относительно m-lle Жильбертъ я считаю нужнымъ предупредить васъ, что... у нея сильнѣйшее воспаленіе легкихъ.

Въ тотъ же день Крикетъ слегла въ постель, и въ теченіе восьми сутокъ Клементина ни на мгновеніе не отходила отъ нея.

Въ ночь на 20-е января положеніе Крикетъ значительно ухудшилось: она металась и бредила, говоря длинные монологи и призывая къ себѣ то Паскаля, то графа де-Серигана. Среди безпорядочно-отрывистыхъ рѣчей, можно было разобрать нѣкоторыя отдѣльныя фразы, и Клементина съ тоскою вслушивалась въ лихорадочный бредъ Крикетъ.

— Принцесса Колибри... Онъ раненъ... Онъ одинъ въ больницѣ въ Иврэ... Ахъ, какъ мнѣ холодно, какъ холодно... Мнѣ даютъ роль!.. Но вы должны дать роль и для Паскаля... У меня былъ вѣрный другъ въ Бовуа, большая черная собака, ее звали Пьеро... Позовите его сюда, я хочу его видѣть... Кошелекъ Паскаля... Это его подарокъ... А,

Digitized by Google

у меня теперь есть деньги!.. Какъ мнѣ холодно, ахъ, какъ холодно!.. Но зато ему тепло... Возьми меня, Паскаль... Я твоя жена!

Нѣсколько разъ въ теченіе ночи Крикетъ приходила въ себя и, видя у своего изголовья Цезаря Лемюша, откидывала назадъ сбившіеся волосы и, присаживаясь на постели, обращалась къ старику.

— Это вы, г. Лемюшъ? спрашивала она.—Это навѣрно вы?

— Конечно, дитя мое, я около тебя.

— Я хочу работать, говорила дѣвушка,—много, усидчиво работать. Эта роль, о которой вы мнѣ говорили, роль Сильвіи, тамъ есть одна фраза: скажите, какъ надо произнести ее? Да, да, я помню: «Ты меня любишь»! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не могу, не могу!

Узнавъ, что здоровье Крикетъ находится въ опасности, графъ де-Серигант приказалъ перенести себя въ комнату Крикетъ. Къ нему, къ этому вѣрному другу, Крикетъ обратила свои послѣднія слова:

— Я не могла, я не умѣла любить васъ обоихъ, но разлюбить того или другаго—у меня не хватало силъ. Я умираю... такъ угодно Богу!

Въ маѣ мѣсяцѣ того же года, съ дебаркадера желѣзной дороги въ деревенькѣ Иврэ сходилъ молодой путешественникъ. Онъ медленно шелъ вдоль широкой аллеи, ведущей къ центру Иврэ, и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ. Онъ вспоминалъ происшествія недавнихъ дней, когда здѣсь, по этой узкой дорогѣ, съ нимъ ѣхало любящее существо, ради него пожертвовавшее своимъ здоровьемъ и жизнью. Онъ пробирался къ кладбищу, на знакомую могилу, гдѣ лежало существо, любимое имъ больше всего на свѣтѣ.

А въ то же самое время, на одной изъ площадей города Марселя, толпы праздношатающихся собирались возлѣ афиши, на которой крупными буквами было изображено:

«Сегодня вечеромъ на сценѣ театра NN. будетъ представлена драма: «Нельская башня» при благосклонномъ участіи артиста г. Паскаля. Онъ исполнитъ роль Буридана».

А еще дальше, въ забытомъ и тихомъ городѣ Бовуа, m-lle Орели стояла передъ зеркаломъ и завязывала ленты своей шляпы. Она отправлялась на засѣданіе комитета, назначеніе котораго было оберегать нравственность молодыхъ дѣвушекъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Апостолы.

Кипѣли и пѣнились бурныя волны,
Апостоловъ лодка плыла;
Всѣ были смятенья и ужаса полны;
Вкругъ—буря и сумракъ, и мгла.
И вотъ изо тьмы непроглядно туманной,
Надъ мрачной пучиною,—тамъ
Въ сіяньѣ божественномъ призракъ нежданный
Явился и шелъ по волнамъ.
И Петръ черезъ бурныя волны морскія,
Сквозь бурю, и вѣтеръ, и тьму,
Пошелъ, ободренный глаголомъ Мессіи,
По бурному морю къ Нему.
Но, страхомъ объятый, онъ въ то же мгновенье
Къ Христу о спасеньѣ воззвалъ.
«О, ты, маловѣрный! Зачѣмъ же сомнѣнье»?
Спасая, Мессія вѣщалъ.
Онъ руки простеръ, и утихнуло море,
Вошли они въ лодку вдвоемъ.
Такъ въ морѣ житейскомъ, гдѣ муки и горе,
Мы, тьмою объяты, плывемъ.
Къ Мессіи и свѣту мы рвемся порою,
Но вѣра слабѣетъ въ сердцахъ,
И, полны сомнѣнья, подъ жизненной мглою,
Безсильно мы тонемъ въ волнахъ.
«Иди, маловѣрный, оставивъ сомнѣнья»!
Мы издали слышимъ глаголъ,
Но гибнемъ и тонемъ въ пучинѣ волненья,
Въ пучинѣ и бѣдствій, и золъ.
Явись же во тьму непроглядную эту,
Мессія, Мессія! Пора
Стремящихся къ истинѣ, благу и свѣту
Поднять и спасти, какъ Петра!

Л. Пальминъ.

Digitized by Google

КОШМАРЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI.

— Сегодня я пришелъ къ вамъ не съ пустыми руками, Елизавета Александровна.

— Что жъ вы принесли, Артемій Степановичъ?

Главу разсказа или, лучше сказать, очерка, который давно ужь сложился въ моей головѣ, но за который я все какъ-то не рѣшался взяться. Сегодня ночью безсонница одолѣла, я и рискнулъ написать главку... Увѣренности нѣтъ, знаете, никакой... Мнѣ необходимо ваше мнѣніе.

— Такъ вы и пописываете? съ удивленіемъ взглянула на него Лиза.

— Нѣтъ, нѣтъ, куда мнѣ! Это я впервой... такъ себѣ... попытка. Вѣдь я не мечтаю печатать... своего бреда.

— Бреда, вы говорите?

— Ну да, конечно, бредъ. Не вдохновеніе какое снизошло, а просто на-просто бредилъ я долгое время все однимъ и тѣмъ-же,— и рѣшился, наконецъ, въ повѣствовательной формѣ свой бредъ изложить на бумагѣ. Вѣдь это-же не бредъ сумашедшаго; въ немъ что-то есть... Да вотъ сами увидите.

Петрушкевичъ и Дуня удивились не менѣе Лизы, узнавъ, что Травкинъ намѣревается прочесть имъ первую главу своего произведенія. Всѣ были крайне заинтересованы. Артемій Степановичъ съ каждымъ днемъ являлся передъ ними въ новомъ оригинальномъ свѣтѣ.

— Попросите и Ѳеклу Антоновну, обратился онъ къ Лизѣ. Вѣдь мы съ ней большіе друзья, прибавилъ онъ съ улыбкой,—а друзьями дорожить надо, въ особенности, когда ихъ немного.

Digitized by Google

Въ десятомъ часу, когда мастерицы окончили работу и отправились въ свою комнату, опять за неизбѣжнымъ самоваромъ собралось все маленькое общество, на этотъ разъ болѣе оживленное и взволнованное, чѣмъ прежде. Одного Сергѣя Александровича не доставало тутъ. Лиза хотѣла-было послать за нимъ, но Петрушкевичъ отговѣтовалъ, сказавъ, что если его нѣтъ, то онъ навѣрное чѣмъ-нибудь занятъ и не слѣдуетъ отвлекать его отъ дѣла.

— Артемій Степановичъ, значитъ, вы сочинитель? вопрошала его Ѳекла Антоновна дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Я будущій геніальный художникъ и писатель—все вмѣстѣ, только не забывайте: *будущій*.

Онъ смѣялся громко и искренно, а она смотрѣла на него съ восторженнымъ умиленіемъ, глубоко вѣря въ эту минуту въ ожидающую его «будущность».

Травкинъ вынулъ изъ кармана два сложенные листа бумаги, развернулъ ихъ, тщательно разгладилъ и спросилъ, готовы-ли всѣ его слушать.

— Читайте, читайте! хоромъ отвѣчали ему.

— Итакъ, я начинаю. Разсказъ мой озаглавленъ: «Шутъ».

И онъ началъ чтеніе неровнымъ, постоянно сбивающимся голосомъ.

«Шутъ».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Павелъ Ивановичъ Лубковъ былъ «шутъ», но шутъ особаго рода, *драматическій*. Шутомъ считало его интеллигентное и неинтеллигентное общество губернскаго города N,—и никто не стѣснялся бросать ему прямо въ глаза эту кличку.

О жизни его не знали никакихъ подробностей. Явился онъ нежданно-негаданно среди патріархальнаго N-скаго общества, и почти мгновенно сдѣлался въ немъ своимъ человѣкомъ. Всѣ полюбили его, отъ стараго до малаго. Да и нельзя было не полюбить Павла Ивановича: человѣкъ онъ былъ доброты необычайной, кротости голубиной, ну, да и забавный къ тому-же. За послѣднее-то качество и облюбовало его N-ское общество. Гдѣ онъ жилъ раньше, чѣмъ занимался, много-ли, мало-ли у него пожизненнаго доходу, отчего онъ не ищетъ себѣ никакихъ занятій, женатъ или холостъ, а если женатъ, такъ почему не живетъ съ женой—всѣ эти вопросы такъ и посыпались сначала въ упоръ новопріѣзжему, который съ видимой готовностью знакомился со всѣми встрѣчными и поперечными.

— Да что жъ,—загадочно ухмылялся въ отвѣтъ Павелъ Ивановичъ,—мнѣ вотъ уже тридцать девятый пошелъ... Много игралъ, очень много... На нѣсколькихъ сценахъ... Все время лицедѣйствовалъ. А насчетъ подруги жизни вы изволили спрашивать, такъ нѣтъ-съ, не обзаводился...

Digitized by Google

— Вы были актеромъ! почему-то не безъ удовольствія, подхватывалъ обесѣдникъ.

— Такъ-съ, былъ, есмь и всегда буду.

— То есть, какъ же это? недоумѣвалъ тотъ. Да у насъ и театра-то въ городѣ настоящаго нѣтъ,—помилуйте! гдѣ вамъ тутъ играть!.. Вы шутите, любезнѣйшій Павелъ Ивановичъ?

— Нѣтъ?.. Будто ужь и взаправду театра нѣтъ?.. Какъ вы это увѣренно говорите... А вы сами, позвольте спросить васъ, на какихъ ролях изволите больше состоять?

— Я?.. Да я не актеръ... Помилуйте! Я на государственной службѣ, и по особымъ порученіямъ, попятился отъ него изумленный собесѣдникъ.

— И давно изволите состоять на этой должности?

— Два года.

— Амплуа комическое...

Озадаченный собесѣдникъ спѣшилъ прекратить съ нимъ оригинальную бесѣду, причемъ окидывалъ его съ головы до ногъ испуганнымъ, испытующимъ взоромъ.

— Дуракъ или помѣшанный? казалось, вопрошалъ этотъ взглядъ.

А Павелъ Ивановичъ продолжалъ знакомиться съ другимъ, третьимъ,— и съ каждымъ прокидывалъ ту же самую штуку, когда разговоръ принималъ личный характеръ, какъ предъидущій.

— Трудная роль у вашего превосходительства, говорилъ онъ въ свой первый визитъ начальнику губерніи, сѣдому, вѣчно бодрому и веселому старику.

— Не легкая, улыбался самодовольно тотъ; сознаюсь, что не легкая.

Минуту Павелъ Ивановичъ оставался въ раздумьѣ. Вдругъ онъ поднялся съ мѣста, выпрямилъ свою длинную сгорбленную фигуру и, окинувъ загадочнымъ взоромъ своихъ большихъ свѣтлосѣрыхъ глазъ всю особу его превосходительства, заговорилъ тихимъ, сдержаннымъ шопотомъ:

— Случай, простой случай, не болѣе, далъ вашему превосходительству положеніе режиссера. Вѣдь вы режиссеръ? Да? Цѣлая губернія — огромная труппа—подчинена вамъ. Генералъ, будьте умнымъ, а главное—честнымъ режиссеромъ. Не навязывайте никому роли не подъ силу,—пусть всякій выбираетъ самъ; онъ лучше сознаетъ свои способности, свои дарованія... Повѣрьте мнѣ, ваше превосходительство, что комикъ по призванію останется имъ и въ предсмертную минуту, а драматургъ— тотъ, владѣя всѣми сокровищами міра, скажетъ: «зачѣмъ мнѣ ихъ? не надо»!.. Да, именно, такъ-таки и скажетъ: «не надо, потому прахъ, прахъ и прахъ»!

— О, да вы большой чудакъ, какъ я вижу! восликнулъ, покатываясь со смѣху, генералъ.—Совсѣмъ чудакъ... Ой, ой, ой! схватился онъ за прыгающій животъ. Уморите... какъ честный человѣкъ, говорю, уморите! Я режиссеръ!... Ой, ой, ой!

И онъ буквально корчился всѣмъ своимъ тѣломъ, такъ разсмѣшилъ его оригинальный знакомый.

— Однако, прошу извинить меня, но мнѣ идутъ съ докладомъ, оправился

Digitized by Google

онъ наконецъ, съ трудомъ вставая и фамильярно трепля по плечу Павла Ивановича, котораго, казалось, неожиданный взрывъ генеральскаго смѣха нимало не удивилъ и не оскорбилъ.

— Вотъ видите, какую кучу приволокъ, продолжалъ межъ тѣмъ генералъ, указывая на появившагося въ дверяхъ чиновника съ огромной кипой бумагъ подъ мышкой. Это, батюшка вы мой, служба, государственное дѣло, а не игра, какъ вы изволили въ простотѣ своей душевной полагать. И я—начальникъ ввѣренной мнѣ губерніи, а не режиссеръ... Этого, добрѣйшій, вы тоже не забывайте. А впрочемъ, всегда, всегда буду радъ васъ видѣть.

Павелъ Ивановичъ вышелъ, пожавъ протянутую ему руку. Ни слѣда смущенія или же неловкости не выразилось на его блѣдномъ осунувшемся лицѣ. Сѣрые глаза глядѣли съ своей безконечной добротой, съ наивнымъ выраженіемъ малаго ребенка. Они составляли рѣзкій контрастъ съ его сутуловатой фигурой и старческимъ, будто у скопца, лицомъ.

— Вотъ шутъ-то! вотъ шутъ-то! ха, ха, ха! Полвѣка на свѣтѣ валандаюсь, а такого не встрѣчалъ... ха, ха, ха! заливался генералъ густымъ неудержимымъ хохотомъ по выходѣ страннаго гостя.

— Это Лубковъ-то? По истинѣ шутъ, ваше превосходительство. Весь городъ отъ него со смѣху мретъ. Вы, говоритъ, всѣ актеры, только больше комическіе, и я, говоритъ, актеръ тоже буду, но ужь драматическій. И словно бы и не въ шутку говоритъ, такъ серьезно увѣряетъ,—пояснилъ чиновникъ.

— А меня, милѣйшій, можете себѣ представить, режиссеромъ назвалъ... А? какъ тебѣ нравится!.. Режис-се-ромъ!.. И цѣлую рацею прочелъ о режиссерскихъ обязанностяхъ. Я думалъ, что со смѣху лопну. Вотъ такъ шутъ!

— Онъ точно что шутъ, ваше превосходительство.

Съ этого самаго дня, Павелъ Ивановичъ получилъ новое крещеніе. Его имени и фамиліи никто болѣе не произносилъ, говорили просто: *шутъ*. Этого было достаточно, чтобы всякій понялъ, о комъ идетъ рѣчь.

— Шерочка, пріѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ. Будетъ преинтересно.

— Кто-нибудь изъ столичныхъ?

— Какое... свои. Ну, догадайтесь-ка.

— А, шутъ! радостно вскрикивала заинтригованная дама и, дѣйствительно, съ сестрами, дѣтьми, моськами и приживалками, являлась на другой день къ пріятельницѣ смотрѣть шута.

Павелъ Ивановичъ не былъ нелюдимомъ; напротивъ, онъ скорѣе искалъ, чѣмъ чуждался общества. Послѣднее приняло его, какъ диковинку, забавную и крайне интересную, и вскорѣ полюбило его, какъ взрослаго ребенка.

— Кто вы такой? спрашивала его губернская аристократка, Марья Сергѣевна Костоломова, богатая помѣщица, вдова, на одной изъ спеціально для него устроенныхъ «смотринъ».

Мужчины и дамы окружили ихъ. Всѣ жаждали услышать что нибудь неимовѣрно курьезное отъ шута на этотъ, въ сущности, простой и безхитростный вопросъ.

Павелъ Ивановичъ задумался.

Digitized by Google

— Ну, кто же вы такой? Отвѣчайте намъ. Развѣ это такъ трудно? допытывалась бойкая вдовушка.

— Гм... я думаю, что трудно, даже очень трудно. Вотъ попробуйте-ка вы сами отвѣтить мнѣ на такой-же вопросъ: кто вы такая, милостивая государыня, т. е. что за величина?

— Извольте. Я—вдова, помѣщица N-ской губерніи, зовусь Марья Сергѣевна, фамилія моя Костоломова, а что за величина—ужь этого, право, не знаю

— То есть, вы ничего и не знаете. И я тоже. Фамилія моя Лубковъ чинъ небольшой, а больше ничего и не знаю.

Видимо всѣ были озадачены.

— Вѣдь вы же знаете, что вы за человѣкъ?

— Это я знаю. Актеръ, лицедѣй, амплуа мое драматическое. А по какому случаю я попалъ въ актеры, кому нужна моя игра, моя драматическая жилка,—этого я не знаю. Я даже и того не знаю, есть или нѣтъ, а если есть, такъ гдѣ она, публика нашего театра... Сами мы, что-ли, и публика и актеры вмѣстѣ? Кажется, что такъ. А это ужь настолько непонятно и глупо, что иначе и не отвѣтишь, какъ «я не знаю».

На этотъ разъ жадное ожиданіе общества послушать и подивиться не было удовлетворено. Павелъ Ивановичъ, не смотря на всѣ старанія хозяйки и бойкой вдовушки, рѣшительно отказывался «клюнуть»... Онъ сдѣлался угрюмъ и молчаливъ. Видя, что отъ него ничего уже болѣе не добиться, рѣшено было оставить его въ покоѣ и заняться дѣломъ, то есть, сѣсть повинтить. Общество разбрелось къ карточнымъ столамъ. Павелъ Ивановичъ очутился одинъ одинехонекъ; о его существованіи, казалось, совсѣмъ позабыли. Играть въ карты хозяйка ему, конечно, не предложила, рѣшивъ про себя: «ну, его къ Богу, небось и картъ-то въ рукахъ держать не умѣетъ, философъ»!

Лубковъ лѣниво оглянулся вокругъ. Онъ хотѣлъ встать и незамѣтно удалиться. Въ углу комнаты, на креслѣ, бросилось ему въ глаза странное уродливое существо, подобіе молодой дѣвушки. Это была больная горбатая карлица, дочь хозяйки дома. Она сидѣла одна, поодаль отъ всѣхъ, въ какомъ то сѣренькомъ безцвѣтномъ платьѣ, съ исхудалымъ, болѣзненно-желтымъ лицомъ. На этомъ некрасивомъ, даже безобразномъ лицѣ, съ выпятившимися впередъ толстыми губами, съ огромнымъ сгорбленнымъ носомъ, свѣтились большіе, черные, словно недоумѣвающіе глаза.

Глаза были чудно-красивы и составляли разительный контрастъ съ ея безобразіемъ. Въ нихъ свѣтилась глубокая, затаенная, тоскливая дума.

Эта горбатая молодая дѣвушка, всѣми заброшенная, видимо забитая, приковала къ себѣ вниманіе Лубкова. Онъ оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, не будучи въ силахъ отвести отъ нея глазъ. Онъ разсматривалъ ее пристально, зорко; онъ изучалъ грустный, задумчивый наклонъ головы, ея неподвижную позу со сложенными на колѣняхъ крохотными руками, ея напряженный взглядъ куда-то.

Наконецъ онъ не выдержалъ и подошелъ.

— Вамъ скучно? обратился онъ къ ней.

Digitized by Google

Дѣвушка вздрогнула отъ неожиданности и подняла на него свои лучистые большіе глаза. Онъ сѣлъ около нея.

— Познакомимся. Да вы, вѣроятно, меня знаете. Я Павелъ Ивановичъ Лубковъ,—шутъ, какъ меня окрестили въ вашемъ городѣ. Вѣдь вы дочь Надежды Николаевны, не такъ-ли? Я о васъ слышалъ.

— Вы?

— Да, я. Мнѣ говорили, что вы очень несчастны.

— Кто же могъ говорить вамъ это? слегка вспыхнувши, спросила она его дѣтскимъ грудным контральто.

— Не помню ужь, все равно. Вѣдь здѣсь всѣхъ знаютъ и обо всѣхъ говорятъ.

— Да, это правда, потупилась она.

Ей словно совѣстно было слышать, что даже и ею занимаются, и о ней говорятъ.

— Какъ васъ зовутъ, вы мнѣ не сказали.

— Гашей... Аграфеной Абрамовной, быстро поправилась она, и опять вспыхнула.

— Ну и отлично. Теперь мы знакомы, значитъ. Можно мнѣ съ вами посидѣть немного?

— Можно.

— Вы не будете въ карты играть?

— О, нѣтъ!

При этомъ она снова взглянула на него недоумѣвающимъ взглядомъ. «Зачѣмъ онъ спрашиваетъ, говорилъ этотъ взглядъ:—развѣ онъ не видитъ, какая я»?

Разговоръ прервался. Лубковъ сидѣлъ молча, ласково глядя на нее. Гаша опять опустила голову и застыла въ той же, не то безучастной, не то сонливой позѣ.

— Вы всегда скучаете? снова заговорилъ онъ.

— Всегда.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ? восемнадцать.

— Отчего-же вамъ скучно?

— Да развѣ вы не видите, какая я?

— Вы больны.

— Вѣдь я уродъ!

Ея грудной контральто прозвучалъ при этомъ какъ-то особенно мелодично.

— А жить вамъ хочется, сильно хочется?

— Жить,—да. Но развѣ я живу? Я и себѣ и другимъ въ тягость!

— Потому лишь, что вы нѣсколькими вершками менѣе прочихъ ростомъ и потому, что на спинѣ у васъ горбъ? Потому вы себѣ и другимъ въ тягость?

Тутъ она рѣшилась вся повернуться къ нему лицомъ и окинула его долгимъ вопрошающимъ взглядомъ.

Digitized by Google

— Конечно. Неужели вы не понимаете этого? Вѣдь моя жизнь хуже пытки.

— Да чѣмъ-же, чѣмъ-же?

— Чѣмъ!.. Еще спрашиваетъ! Вы, вѣрно, шутите надо мной? Надо мной вѣдь кто не шутитъ, съ тихой грустью добавила она.

— Шучу? Я?.. Ну, нѣтъ! Я хоть и шутъ, но никогда не шучу!—такъ и привскочилъ онъ, точно ужаленный. Мнѣ-ли шутить, подумайте! Вѣдь мы свои люди; намъ не слѣдъ другъ надъ другомъ шутить... Вы говорите, что вы уродъ... Кто васъ сдѣлалъ имъ? Судьба, случай,—а жизнь доканчиваетъ, доуродываетъ... Но и я вѣдь, можетъ статься, уродъ... Я нравственный уродъ. Утверждали, что я сумашедшій,—чего же лучше! Меня въ желтый домъ запереть хотѣли... Можетъ быть, я и сумашедшій, только мнѣ этого не кажется. Мнѣ кажется, что всѣ сумашедшіе, кромѣ меня, за весьма, весьма малыми исключеніями. Ну, подумайте, развѣ я не уродъ послѣ этого? Самый настоящій.

— Послушайте, что я вамъ скажу. Видали вы, какъ дразнятъ собаку? Она становится злой, начинаетъ лаять и кусаться. Ее бьютъ, чтобы сдѣлать доброй,—и она дѣйствительно перестаетъ кусаться, она даже не лаетъ, она только поджимаетъ хвостъ. А такую-то, что и лаять не умѣетъ, держать въ домѣ не зачѣмъ; она ничего не съумѣетъ устеречь, при ней хоть все тащи. И вотъ, за негодностью, ее застрѣливаютъ или же просто пришибаютъ камнемъ или коломъ. А прежде вѣдь хорошая была собака, прежде, когда ее не дразнили и не били.

— Ну, что-же? въ свою очередь пришлось удивиться ему.

— Ну, и я буду въ родѣ этой самой собаки, никому не нужная и ни на что не пригодная, тихо улыбнулась Гаша.

— Васъ тоже мучили, терзали?

— И какъ еще? Положимъ, не по собачьи. Меня рѣдко били, больше наказывали иначе. Но какъ меня мучили! Всѣ, кто только меня видѣлъ, всѣ считали себя вправѣ надо мной смѣяться; про мать я и не говорю, она меня какой-то гадиной считала. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ я скорѣе ящерицей выглядываю, нежели человѣкомъ. Сначала я негодовала, я злилась, защищалась, какъ умѣла, кусалась направо и налѣво. Мнѣ скоро другой клички не было, какъ «горбатая злюка»! Матери было стыдно за меня. При постороннихъ меня стали запирать на ключъ; скандала боялись... «Горбатая злючка вѣдь на все способна»... Да, пожалуй, я и была тогда на все способна... Друзей у меня не было ни одного, все враги, враги, и все травля. Теперь по прежнему друзей у меня нѣтъ, но зато и враговъ уже нѣтъ. Я перестала кусаться, я сдѣлалась ко всему безчувственна, какъ дерево. Кто меня обижаетъ, кто надо мной смѣется—а я не знаю, кто не обижалъ-бы меня?—тотъ уже не врагъ мой, а просто такой-же человѣкъ, какъ и всѣ, что меня окружаютъ, самый обыкновенный. Значитъ, такъ ужь должно, такъ надо, чтобы я была *такая*... Ну и Богъ съ ними, я ни на кого уже не сержусь, я и сердиться-то теперь не умѣю.

Съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ Павелъ Ивановичъ эту исповѣдь «горбатой злючки». Онъ весь превратился въ напряженный слухъ, не шевельнулъ

Digitized by Google

ни однимъ членомъ, только неестественно часто мигали его вѣки и старческое лицо выглядывало еще старѣе.

При послѣднихъ словахъ Гаши, изъ-подъ усиленно мигающихъ вѣкъ по впалымъ щекамъ покатилась слеза, за ней другая, третья. Черезъ секунду онъ не владѣлъ уже собою и въ комнатѣ раздалось рыданіе, сначала тихое, сдержанное, потомъ быстро перешло оно въ какой-то дикій, неудержимый вопль. Гаша растерянно взглянула на него, поспѣшно поднялась съ мѣста и, переваливаясь, какъ утенокъ, всѣмъ своимъ неуклюжимъ, короткимъ тѣломъ, бросилась было вонъ изъ комнаты. Безсмысленный испугъ лежалъ на ея еще болѣе позеленѣвшемъ лицѣ.

Гости, побросавши карты, съ радостнымъ, громкимъ хохотомъ окружили рыдавшаго шута.

Вечеръ выходилъ по истинѣ пикантный: шутъ превзошелъ всѣ ожиданія, онъ давалъ сегодня экстренное и блистательное представленіе.

— Гашенька, ты что-ли его такъ умилила? съ громкимъ смѣхомъ обратилась хозяйка къ дочери. Ай-да молодецъ, вотъ неожиданность! Господа, какъ вамъ нравится?.. Молодецъ у меня Гаша... Получишь за это чашку чаю съ варевьемъ. Заслужила.

И, торжествуя, она снова обращалась къ гостямъ за одобреніемъ. Восторгъ и безъ того былъ полный: зрѣлище давалось необычайное.

Не успѣвъ во время скрыться изъ комнаты, Гаша принуждена была оставаться тоже зрительницей. Она трепетала, какъ въ лихорадкѣ; непонятная робость обуяла ее. Вотъ-вотъ, казалось ей, кто-нибудь еще, помимо матери, замѣтитъ ее и обратится къ ней. Опять смѣхъ... На этотъ разъ и матеріалъ богатый: *она* растрогала «шута».

«Уйти, убѣжать», мелькало въ ея головѣ, но ноги не двигались съ мѣста, словно приросли къ полу. Нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ этого страннаго человѣка, который, закрывъ руками лицо, рыдалъ, какъ ребенокъ, не смотря на окружающую и громко надъ нимъ хохочущую толпу. Чего онъ плачетъ? что ему до нея?.. Нѣтъ, онъ навѣрное сумашедшій...

Но за этого сумашедшаго, за это публичное посмѣшище, она чувствовала, что до боли сжимается ея сердце, что ей и жаль, и обидно, и горько за него. Не достаетъ, для пущаго скандала, чтобы и она еще разревѣлась, глядя на него,—она, «горбатая злюка».

И навѣрно разревѣлась-бы, да какой-то сильный, чисто животный страхъ, овладѣвшій ею, заставилъ сдержать подступавшія слезы.

— Аграфена Абрамовна, разскажите, душечка, что вы съ нимъ сдѣлали? обратилась къ ней вдова Костоломова.

Ее замѣтили, обступили, закидали вопросами.

— Обидѣли вы его очень?

— Да вы ему уши не надрали-ли?

— Ахъ, нѣтъ, не то! Аграфена Абрамовна напомнила ему собой его умершую невѣсту, единственно любимую имъ женщину,—вполголоса сфантазировалъ кто-то.

— Ой, полноте, умру со смѣху! Вотъ курьезъ-то!

Digitized by Google

— Водой его, водой окатить студеной!

— Въ то время, какъ мы ремизились, не удалось-ли ужь хватить ему гдѣ-нибудь... того?

— О, нѣтъ! Говоритъ вамъ, съ горбуньей любезничалъ все время, несовсѣмъ тихимъ шопотомъ протестуетъ кто-то.

Павелъ Ивановичъ, казалось, не видалъ никого. Наконецъ рыданія его мало-по-малу стихли и, совладавъ съ собой, онъ поднялся съ мѣста.

Красными, блуждающими, полными еще слезъ глазами онъ обвелъ окружающую его толпу. Онъ искалъ Гаши. Гаша стояла, какъ пригвожденная къ полу, не сводя съ него своихъ черныхъ, неестественно горѣвшихъ глазъ. Онъ порывисто подошелъ къ ней, не обращая ни на кого вниманія и, взявъ ея руку, поцѣловалъ съ какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ. Затѣмъ онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

На другой же день весь городъ кричалъ о новомъ колѣнцѣ, выкинутомъ неожиданно «шутомъ».

И Гаша сдѣлалась героиней.

— Я кончилъ, проговорилъ Травкинъ, и нерѣшительно и робко взглянулъ на своихъ слушателей. Спасибо, что не прерывали.

— Написано очень, очень недурно... Вы положительно обладаете литературной способностью, Артемій Степановичъ, произнесла Лиза.

— О, да, еще-бы! Чудесно!.. Морозъ даже по кожѣ... залепетала Ѳекла Антоновна, усиленно утирая платкомъ выступившія на лбу и щекахъ крупныя капли пота.

— Вашего Лубкова, признаюсь, я мало понимаю... Онъ какой-то полупомѣшанный, вставила въ свою очередь Дуня.

— Полупомѣшанный, вы говорите? быстро переспросилъ ее Травкинъ, мгновенно блѣднѣя въ лицѣ.

— А мнѣ такъ онъ кажется положительнымъ маньякомъ, заговорилъ доселѣ упорно молчавшій Петрушкевичъ. Онъ страдаетъ очень сложнымъ и,—по всему видно,—продолжительнымъ душевнымъ разстройствомъ. Вы очень вѣрно, насколько можно судить по началу, его обрисовываете... Самая idée fixe его помѣшательства интересна и, дѣйствительно, не лишена драматизма. Гдѣ вы имѣли случай наблюдать такого субъекта?

Пока онъ говорилъ это, лицо Травкина все болѣе и болѣе блѣднѣло; испуганное, мучительное выраженіе стояло въ его широко-раскрытыхъ глазахъ.

— Это не плодъ наблюденій, едва слышно проговорилъ онъ, складывая дрожащими руками рукопись.

— Но вы, вѣроятно, слышали что-либо о столь оригинальномъ психозѣ?

Digitized by Google

— Нѣтъ-съ, я ничего подобнаго нигдѣ не слыхалъ. Это—*мой* бредъ... Только я своего героя никогда не считалъ и никогда не буду считать сумашедшимъ. Онъ навѣрное—единственный здоровый человѣкъ среди маньяковъ, которыхъ и общество, и вы, господа медики, признаёте нормальными людьми. Вотъ моя идея, докторъ... Я вижу, вы смотрите на меня удивленными глазами; вы, можетъ быть, съ трудомъ удерживаетесь отъ смѣха, но я все-таки остаюсь при своемъ и утверждаю, что мой герой далеко не сумашедшій... О нѣтъ, нѣтъ, онъ совсѣмъ не сумашедшій!

— Да полноте, Артемій Степановичъ! Развѣ возможно утверждать, извините меня, подобную нелѣпицу? Вѣдь это-же нелѣпица,— пытаться обратить весь міръ въ какой-то сумашедшій домъ, а изъ сумашедшаго дома брать человѣческіе идеалы для новаго, вывороченнаго на изнанку міра. Согласитесь со мной, что вы писали оригинальнаго маньяка, а не здороваго, да еще, пожалуй, идеальнаго человѣка:—тогда я охотно признаю за вашей попыткой литературное достоинство.

— Нѣтъ, съ этимъ я никогда не соглашусь, рѣшительно проговорилъ Травкинъ.

— Миша положительно правъ, вмѣшалась въ разговоръ Лиза: это такъ очевидно, что и спорить противъ этого невозможно.

— Такъ, такъ! Я то же самое говорю, подтвердила Дуня.— Одна Ѳекла Антоновна не высказывала болѣе своего мнѣнія. Ея большіе круглые глаза даже непріязненно смотрѣли теперь на неожиданныхъ оппонентовъ Артемія Степановича. Конечно, она его одного считала непогрѣшимымъ и раздававшіяся вокругъ нея мнѣнія и возраженія, расходящіяся съ нимъ, казались ей болѣе чѣмъ неосновательными: она считала ихъ дерзкими, почти-что святотатственными.

Артемій Степановичъ стоялъ на своемъ. Онъ продолжалъ горячо утверждать, что его Лубковъ—единственный человѣкъ среди маньяковъ, что онъ дошелъ до роковой стѣны, которую поставила природа человѣческому пониманію, и, увидавъ ея непроницаемость, въ безсильномъ отчаяніи опустилъ передъ ней руки.

— Дальше ему идти невозможно, говорилъ онъ:—вернуться назадъ въ тотъ міръ, который въ безуміи своемъ возмечталъ, что онъ самъ по себѣ—*сутъ* и *истина*, опять-таки немыслимо, когда онъ ясно понялъ, что та и другая скрыты отъ человѣка за этой непроницаемой стѣной. Онъ, если хотите, и не покидаетъ *безумнаго* міра, онъ продолжаетъ жить въ немъ, но уже теряетъ способность жить имъ и для него. Естественно, что, при такихъ усло-

Digitized by Google

віяхъ, онъ долженъ казаться сумашедшимъ среди нормальныхъ людей. Вѣдь ходячая истина всегда на сторонѣ количества... Всякое рѣзкое, характерное отступленіе отъ нормы въ этомъ «винтящемъ» мірѣ, не подозрѣвающемъ о существованіи тайны, скрытой за роковой стѣной, ближе пониманію Лубкова, его тоскующему сердцу... Вотъ смыслъ, вложенный въ эту горбатую, отринутую непогрѣшимымъ міромъ Гашу... Она, быть можетъ, не знаетъ еще ничего объ этой стѣнѣ, но ей суждено навѣрное узнать; ей суждено дойти до нея, потому что направо, по теченію, ей плыть невозможно; она пойдетъ налѣво и ударится тогда головой въ эту стѣну. Лубковъ понимаетъ это отлично, оттого онъ и говоритъ ей, что они свои люди, оттого онъ почувствовалъ къ ней сразу и жгучую любовь и жалость, оттого и заплакалъ надъ ней, какъ сумашедшій... А отчего онъ любитъ, жалѣетъ и плачетъ? Оттого, что по опыту знаетъ, что̀ ждетъ ее впереди, когда дойдетъ она до этой неизбѣжной для нея черты...

XVII.

Было уже четыре часа ночи, когда Лиза и Петрушкевичъ были разбужены внезапнымъ сильнымъ звонкомъ.

— Что̀ бы это могло быть? испуганно проговорила Лиза, быстро подымаясь съ постели.

Петрушкевичъ былъ удивленъ не менѣе ея. Онъ накинулъ на себя халатъ и отправился самъ отпирать дверь.

«Заболѣлъ кто-нибудь», подумалъ-было онъ, но тутъ-же вспомнилъ, что за нимъ, во все время его продолжительной медицинской практики, всего лишь два раза присылали по ночамъ. А теперь врядъ-ли кто изъ немногихъ паціентовъ знаетъ его новый адресъ.

— Кто тутъ? окликнулъ онъ черезъ запертую дверь.

— Я, Травкинъ, послышался ему знакомый голосъ. Отоприте, мнѣ очень нужно васъ видѣть.

Петрушкевичъ отперъ. Онъ взглянулъ на стоящаго на порогѣ Артемія Степановича и въ испугѣ попятился назадъ. Лицо художника было покрыто мертвою блѣдностью; глаза, ввалившіеся за одну ночь и окруженные совершенно черной полосой, свѣтились неестественнымъ горячимъ блескомъ; платье его было измято— видимо онъ не раздѣвался;— длинные бѣлокурые волосы безпорядочно всклочены и прилипли на потныхъ вискахъ.

— Что съ вами? вырвалось у Петрушкевича.

Digitized by Google

— Я боленъ, докторъ, коротко отвѣчалъ тотъ, не двигаясь съ мѣста.

— Войдите.

— Нѣтъ, пройдемте лучше ко мнѣ.

Они вошли въ маленькую комнатку, которая служила Травкину спальней. Кровать, три стула, ночной столикъ и комодъ составляли все ея незатѣйливое убранство. Въ стѣнѣ виднѣлась запертая дверь со вложеннымъ въ замокъ ключемъ.

Было уже совершенно свѣтло, тѣмъ болѣе, что штора на единственномъ окнѣ комнаты была поднята. Бѣлый невеселый свѣтъ наполнялъ убогую комнату и заливалъ собою старое шелковое одѣяло на постели, мѣстами оборванное и запачканное. Чѣмъ-то холоднымъ, безотраднымъ повѣяло на Петрушкевича и отъ этой обстановки, и отъ этого утренняго, блѣднаго, словно больнаго свѣта.

Онъ сѣлъ на расшатанный стулъ и внимательно взглянулъ на Травкина, который стоялъ теперь предъ нимъ съ выраженіемъ мучительной нерѣшимости на лицѣ.

— Что же вы чувствуете, Артемій Степановичъ?

— Видите, это очень трудно передать, заговорилъ тотъ, путаясь и словно смущаясь. Что я чувствую — я и самъ несовсѣмъ понимаю... Да мнѣ и незачѣмъ и не надо этого понимать... У меня есть нѣчто поважнѣе разсказать вамъ, это факты... Изъ нихъ вы поймете, что я чувствую, что долженъ чувствовать... На то вы и докторъ... Не правда-ли?

— Какіе-же факты?

— А вотъ неугодно-ли выслушать меня по порядку. Вы, пожалуйста, извините, если я нѣсколько путанно и непонятно буду говорить вамъ... Я больной человѣкъ, я, знаете-ли, этой самой путанностью-то и боленъ. Пожалуйста, не удивляйтесь, докторъ; если вы будете удивляться и съ перваго-же разу показывать недовѣріе къ моимъ словамъ, то я замолчу, право замолчу. Вотъ я вамъ сейчасъ сказалъ, что путанностью боленъ; вы понимаете, что это значитъ? Вѣдь это ужасно! Я разумѣю путанность идей, головной сумбуръ; я, можетъ быть, подъ этой путанностью то же самое разумѣю, что вы подъ словомъ «сумашествіе». Я вчера еще вечеромъ объяснялъ вамъ и—помню—горячо, горячо объяснялъ, что мой Лубковъ не сумашедшій, хотя, по вашему, онъ и сумашедшій... А сегодня, всего черезъ нѣсколько часовъ, я самъ подъ путанностью разумѣю то, что вы подъ сумашествіемъ разумѣете... Вотъ, видите, я не могу говорить складно, а все потому, что пу-

Digitized by Google

таюсь и въ мысляхъ и въ словахъ... Позвольте, позвольте, не перебивайте! Мой Лубковъ руки опустилъ, когда въ стѣну ударился головой... Вы помните, о какой стѣнѣ я говорю. Онъ никакимъ, по вашему, «живымъ дѣломъ» не занимается, потому что не до дѣла ему было, дѣло на умъ не шло: душа его скорбѣла и эта скорбь всего его переполнила... Итакъ Лубковъ душою скорбѣлъ и всякое ваше дѣло презиралъ, глубоко презиралъ... И я вѣдь душою скорбѣлъ и скорблю, точь въ точь какъ Лубковъ, но я и дѣло дѣлалъ, — служилъ искусству, мечталъ пользу принести. Знаете, что я сдѣлалъ, на что я рѣшился?.. Я отказался, какъ и онъ, отъ всякаго дѣла, я отрекся отъ искусства... А вѣдь какъ я любилъ его! Любилъ я его, какъ мать любитъ свое дѣтище, нѣтъ, нѣтъ! сильнѣе того, много сильнѣе, — во мнѣ животнаго чувства не было... А все-таки отрекся и картины свои изрѣзалъ, изодралъ въ клочки. Въ эту минуту я былъ также послѣдователенъ, какъ и Лубковъ: высшая, единственно необходимая мнѣ, истина была скрыта отъ меня непроницаемой стѣной; я заскорбѣлъ душой и отрекся отъ идолопоклонства, отъ служенія житейскимъ кумирамъ, въ которыхъ все прахъ и прахъ: и начало, и середина, и конецъ. По вашему, докторъ, я сдѣлался окончательно сумашедшимъ, потому что я сдѣлался Лубковымъ... О, еслибъ это было такъ, еслибы дѣйствительно я сталъ имъ! Я былъ-бы, докторъ, очень несчастенъ, но зато далекъ отъ сумашествія. Но вѣдь я Лубковымъ не сдѣлался, хотя все въ точности исполнилъ, чтобы быть имъ... Когда я отрекся отъ кумировъ, я пересталъ быть собой, Травкинымъ, потому что Травкинъ вѣрилъ и служилъ кумирамъ; онъ въ глубинѣ души мечталъ даже стать великимъ художникомъ, очень, очень великимъ... Чѣмъ-же я сталъ, переставъ быть собой? А вотъ посудите, докторъ, сами. Умирающій во мнѣ Травкинъ въ ту минуту, когда все дорогое и завѣтное ему было поругано и обезображенное лежало на полу, не выдержалъ и зарыдалъ надъ имъ-же свергнутыми кумирами... И я, нѣтъ виноватъ, не я,—а онъ, Травкинъ, до сихъ поръ, до сей самой минуты все еще плачетъ и тоскуетъ и скорбитъ по кумирамъ. Этотъ Травкинъ, если онъ долго еще будетъ во мнѣ умирать, сведетъ меня положительно съ ума...

— Когда я позвалъ васъ, продолжалъ онъ послѣ секуднаго молчанія, я сказалъ, что я боленъ. Да развѣ это не болѣзнь, не анормальное осложненіе, когда въ одной душѣ живутъ двѣ души, въ одномъ организмѣ цѣлыхъ два, и къ тому-же совершенно противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу? Это очень, очень не-

Digitized by Google

нормальное явленіе, и я, докторъ, сойду съ ума, если вы не выгоните изъ меня какъ-нибудь этого неугомоннаго Травкина.

Петрушкевичъ ни однимъ словомъ не перебилъ его оригинальной рѣчи. Онъ сидѣлъ неподвижно и не спускалъ глазъ съ возбужденнаго теперь до-нельзя лица художника. Ему было очевидно, что пѣсенка его спѣта.

— Пойдемте въ мастерскую. Тамъ ваши изодранныя картины?

— Мои кумиры, т. е. кумиры Травкина? Тамъ, тамъ они лежатъ, разбросанные по полу... Но я не пойду туда, я не могу, положительно не могу идти. Травкинъ опять заплачетъ во мнѣ, застонетъ... А мнѣ невыносимо тяжело, когда онъ стонетъ.

— Кому-же «мнѣ»?

— Мнѣ, проговорилъ онъ, ударивъ себя въ грудь.

— Останьтесь здѣсь пока, я войду одинъ.

— Хорошо, только запирайте, пожалуйста, за собой дверь поплотнѣе,—согласился Травкинъ и тутъ-же бросился на постель, уткнувъ въ подушку лицо.

— Я боюсь, какъ бы *онъ* снова не застоналъ, проговорилъ онъ, не поднимая головы.

Мастерская, куда вошелъ Петрушкевичъ, представляла собой просторную, свѣтлую комнату, наполненную самыми разнокалиберными вещами.

Тутъ были и простыя деревянныя скамьи, и табуреты, и два диванчика во вкусѣ renaissance, и мягкое вольтеровское кресло, и нѣсколько вычурныхъ этажерокъ, изукрашенныхъ по угламъ совиными и змѣиными головами, и полуразбитая этрусская ваза сѣраго мрамора, и два мольберта, возвышающіеся изъ сложенной на полу кучи всякаго тряпья и платья, преимущественно крестьянскихъ сарафановъ, повойниковъ, поддёвокъ и изодранныхъ тулуповъ.

Въ комнатѣ царилъ полнѣйшій безпорядокъ: все было смѣшано, передвинуто, видимо стояло не на своемъ мѣстѣ; полъ былъ устланъ обломками деревянныхъ простыхъ и разволоченныхъ рамъ и мелкими кусками полотна и бумаги, на которыхъ трудно было разобрать теперь какую-нибудь фигуру. Ящикъ съ красками, палитра, сломанная кисть и большой кухонный ножъ виднѣлись на среднемъ столѣ, покрытомъ зеленой шерстяной скатертью, на половину спустившейся на полъ.

Петрушкевичъ съ грустью обвелъ глазами это разоренное жилище. Оно почему-то показалось ему разрушеннымъ храмомъ.

Онъ нагнулся и поднялъ съ полу валявшійся листъ писчей

Digitized by Google

бумаги. На немъ что-то было написано мелкими красивыми буквами. Онъ прочелъ наверху ясно выведенное слово: «сюжетъ». Затѣмъ стояло:

«Выписка изъ Шлоссера («Исторія XVIII столѣтія», т. II, стр. 142), о наказаніяхъ за шотландское возмущеніе противъ Георга III».

«Вышеупомянутые арестанты должны возвратиться въ Сёррейскую темницу, откуда ихъ должно тащить на мѣсто казни. Когда они сюда придутъ, ихъ должно нѣсколько разъ вѣшать за шею, но не такъ, чтобы они умерли сейчасъ-же, ибо они должны быть спущены съ висѣлицы живыми, кишки изъ нихъ вынуты и сожжены передъ ихъ глазами».

«Описаніе казни Таунли:

«Повисѣвши шесть минутъ на висѣлицѣ, онъ былъ спущенъ живымъ; онъ былъ живъ, когда лежалъ на доскѣ, и долженъ былъ быть четвертованъ. Палачъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ въ грудь, которыми онъ однако не убилъ его, а потомъ перерѣзалъ ему шею. Послѣ чего онъ поднялъ его голову, раскололъ ее пополамъ, вынулъ изъ него кишки и сердце и бросилъ ихъ въ огонь, потомъ разрубилъ тѣло на четыре части».

Внизу стояла приписка: «когда покончу съ *правомъ первой ночи*, заняться изученіемъ аксесуаровъ этой картины».

Бумага такъ и выпала изъ его рукъ. Морозъ пробѣжалъ по его спинѣ.

«Онъ уже былъ раньше сумашедшимъ» пронеслось въ его головѣ.

Черезъ два дня помѣшательство Артемія Степановича приняло острый характеръ; онъ билъ себя кулаками, царапалъ тѣло, стараясь всячески доколотить въ себѣ «умирающаго и никакъ не могущаго умереть Травкина».

Петрушкевичъ увидалъ, что помощь его становится уже безсильной, а потому позвалъ Ѳеклу Антоновну, которая въ эти дни сама находилась въ состояніи отчаянія, близкаго къ умопомѣшательству, и принялся совѣтоваться съ ней по поводу помѣщенія Травкина въ больницу для душевно-больныхъ. Онъ узналъ отъ нея, что Травкинъ имѣетъ деньги, а потому и просилъ ее пока взять на себя завѣдываніе его небольшими средствами и платить за него, что слѣдуетъ, въ больницу. Онъ былъ совершенно одинокъ, родственниковъ у него не оставалось, ни ближнихъ, ни дальнихъ; по неволѣ приходилось чужому человѣку принять въ немъ дѣятельное участіе.

Digitized by Google

Ѳекла Антоновна, ни минуты не колеблясь, согласилась взять на себя роль наиболѣе близкаго Травкину человѣка, и вся въ слезахъ, вмѣстѣ съ Петрушкевичемъ, проводила его, безчувственнаго и безпамятнаго, въ сумашедшій домъ.

Разыгравшаяся внезапно съ Артеміемъ Степановичемъ драма произвела глубокое впечатлѣніе на Лизу и Дуню. Первая думала, что она сама заболѣетъ, такъ были потрясены ея нервы всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ за послѣднее время. Дуня не одинъ разъ всплакнула о бѣдномъ художникѣ; она душой полюбила его, потому что онъ совсѣмъ не походилъ на тѣхъ людей, съ которыми преимущественно сталкивала ее раньше судьба и которыхъ ненавидѣла и презирала она теперь всѣми силами. Онъ былъ иной, «особенный», — вмѣстѣ съ Петрушкевичемъ, Лизою и Рыжовымъ, которые также были для нея особенными людьми.

Нескончаемые разговоры велись теперь въ семьѣ Петрушкевича о неожиданномъ и оригинальномъ помѣшательствѣ Травкина. Всякій старался понять и растолковать его по своему. Даже мастерицы и тѣ спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ своими взглядами.

— Онъ въ Бога не вѣрилъ, коротко пояснила Настасья, и не прибавила болѣе ни полслова, словно-бы все должно было исчерпываться въ этой одной фразѣ.

— Замудрился, умъ за разумъ зашелъ, горячо утверждала краснощекая Ольга. Ну, какъ это возможно?.. Два человѣка, говоритъ, во мнѣ сидитъ...

Лиза и Дуня просили Петрушкевича высказать имъ свое мнѣніе. Раньше онъ ничего не пытался имъ объяснить и освѣтить въ этомъ необычайномъ случаѣ.

— Мнѣ думается, сказалъ онъ, что тутъ многое зависѣло отъ его самолюбія и обманутыхъ надеждъ. Онъ самъ мнѣ высказался, что любилъ искусство, что мечталъ быть великимъ художникомъ. Замѣтьте: *великимъ*... Сколько силъ, сколько нервной работы положилъ онъ въ эти двадцать лѣтъ, чтобы сдѣлаться чѣмъ-нибудь, чтобы насытить свое больное безграничное самолюбіе! Величіе оставалось мечтой, дѣйствительность приносила одно лишь горькое разочарованіе, давала жестокіе щелчки его самолюбію... Постоянно одинокій, постоянно мечтающій, живущій горячечной жизнью, жизнью, созданной больнымъ воображеніемъ,—мрачными видѣніями бреда,— онъ, по его собственному выраженію, «повернулъ налѣво» и, не имѣя уже въ себѣ ни силъ, ни трезвой бодрости духа, не могъ не поддаться новому, еще болѣе чудовищному и колоссальному бреду, разъ натолкнулся на чуждый ему дотолѣ вопросъ о высшей

Digitized by Google

сути и истинѣ, который, представившись ему въ неразрѣшимой формѣ, ниспровергъ тѣ, такъ сказать, низшія сути и истины, что составляли ранѣе жизнь и пищу его ума, души и самолюбія. Еслибъ это самолюбіе было насыщено, еслибъ суждено ему было вкусить блаженство торжества и поклоненія, онъ, я увѣренъ, не пошелъ-бы налѣво, а продолжалъ-бы съ жаднымъ сладострастіемъ корпѣть надъ всевозможными картинами, съ тѣмъ чтобы душу зрителя вывернуть на изнанку, чтобы потрясти его нервы. Упоенный торжествомъ, онъ самъ захлебнулся-бы изображаемой имъ кровью, опьянѣлъ-бы отъ запаха человѣческой бойни, и никогда не свернулъ-бы налѣво, потому что имѣлъ-бы уже пищу, которою питался-бы съ болѣзненной жадностью до самаго конца.

— По моему, корень зла надо искать въ невѣріи, Миша, говорила Лиза. —Для того, кто почему либо повернетъ налѣво и въ комъ нѣтъ вѣры въ Бога и будущую жизнь,—для того нѣтъ уже спасенія: рано или поздно онъ пожретъ самого себя.

— Пожретъ съ отчаянія, подтвердила Дуня.

— Не говорите громкихъ фразъ!..

XVIII.

— Лиза, я чувствую невыносимую головную боль, говорилъ Петрушкевичъ, только-что вернувшись изъ клиники.

Слегка шатаясь, онъ дошелъ до постели и тяжело свалился на нее. Къ ночи онъ потерялъ сознаніе. Голова была, какъ въ огнѣ, ротъ и глаза воспалены.

— Господи, да что же это, Господи! восклицала въ отчаяніи Лиза, не отходя ни на минуту отъ постели мужа.

Необходимо было призвать доктора. Она не знала ни одного и положительно теряла голову, недоумѣвая, къ кому обратиться. Она послала за Феклой Антоновной.

— Голубушка, знаете вы адресъ хорошаго доктора?

— Знаю... Зачѣмъ вамъ?

— Онъ боленъ, онъ очень боленъ!

— Михаилъ Алексѣевичъ заболѣлъ?

— Да, да! Пошлите скорѣе дворника за докторомъ.

— Авдотья Матвѣевна, какъ вы думаете, что у него? вопрошала она Дуню, блѣдная и растерянная.

Digitized by Google

— Богъ дастъ, все пройдетъ, успокойтесь, милая, утѣшала ее та.

Но она не могла успокоиться и съ тревожнымъ отчаяніемъ заглядывала въ лицо мужа.

«Боже, какъ онъ похудѣлъ въ нѣсколько часовъ! Голова горитъ, пылаетъ, и руки и ноги ледяныя».

Компрессы, горчишники ежеминутно изготовлялись на кухнѣ мастерицами, которыя даже и не ложились спать въ эту ночь. Въ домѣ воцарилась неизбѣжная сумятица, безтолковая и суетливая, возникающая обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Дуня настаивала, что необходимо поставить горчишники на икры, Лиза не слушала ее и ставила уже третій, одинъ за другимъ, на шею больнаго. Настасья готовила ледяные компрессы и недовѣрчиво качала головой, передавая ихъ Лизѣ.

— Барыня, не застудить-бы, предостерегала она ее.

«Не застудить-бы» моментально проносилось и въ головѣ Лизы, но черезъ минуту-другую, приложивъ руку къ пылающему лбу мужа, она забывала уже свои опасенія и накладывала одинъ за другимъ ледяные компрессы.

Въ бреду онъ постоянно поминалъ ея имя.

— Лиза, Лиза, поди ко мнѣ! внятно призывалъ онъ ее.

Она подбѣгала къ нему, радостная, ободренная надеждой, что онъ пришелъ наконецъ въ себя; она глядѣла ему въ глаза, брала его руку, жала и согрѣвала ее въ своихъ, ждала отъ него сознательнаго слова. Но онъ по прежнему начиналъ тихо стонать и метаться, по прежнему оставался глухъ къ ея ласкамъ, слезамъ и призывамъ.

— Я дамъ знать Сергѣю Александровичу утромъ; пусть онъ пріѣдетъ.

— Къ чему? спрашивала Дуня.

— Онъ хорошій, онъ поддержитъ меня... Вѣдь я голову теряю.

Пріѣхалъ докторъ, красивый молодой человѣкъ, съ безукоризненными манерами.

— Докторъ, помогите ему! крикнула Лиза, выбѣгая къ нему на встрѣчу.

— Все, что только въ силахъ сдѣлать наука... заговорилъ-было тотъ съ напыщенной аффектаціей, но она уже не слушала его и, ухвативъ за руку, почти насильно влекла за собой.

Послѣ внимательнаго осмотра больнаго, докторъ задумался, покачалъ головой и написалъ два рецепта.

Digitized by Google

— Что онъ?.. Какъ вы его находите?

— Теперь нѣтъ ничего особенно опаснаго, хотя я боюсь, что намъ не миновать тифа. Завтра я пріѣду, и если лѣкарства не помогутъ хоть нѣсколько, необходимо будетъ принять иныя мѣры.

— Докторъ, непремѣнно же, непремѣнно пріѣзжайте! молила она его.

— Пріѣду, будьте покойны, снисходительно успокоивалъ онъ ее, съ видимымъ удовольствіемъ глядя въ ея возбужденное миловидное личико.

— Я буду сидѣть около него, говорила Дуня, а вы постарайтесь пока заснуть, Елизавета Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду спать ни минуты.

— Да пожалѣйте вы себя, родная моя. Вѣдь на васъ лица нѣтъ!

Съ трудомъ удалось ей убѣдить Лизу заснуть на нѣсколько часовъ. Та согласилась, дважды взявъ съ нея слово, что она ни на секунду не отойдетъ отъ больнаго.

Иснится ей: огромный городъ раскинулся въ безконечную даль своими громадами. Нѣтъ, то не одинъ городъ, то десятки, сотни городовъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Конечно, это гигантская столица гигантскаго государства. Гдѣ-же гиганты, обитающіе въ этихъ огромныхъ дворцахъ и зданіяхъ? Ихъ не видать на пустынныхъ улицахъ, не слыхать ихъ говора и шума среди царящей торжественной тишины. Идетъ она по необычайно-широкой улицѣ необычайнаго города, и мнится ей, что среди возвышающихся каменныхъ великановъ, неподвижныхъ, насупившихся, она—бѣдная карлица—слаба и ничтожна, какъ былинка полевая, какъ крохотный новорожденный младенецъ.

Но вотъ двинулась одна изъ неподвижныхъ дотолѣ громадъ.

Она не вѣритъ своимъ глазамъ. Не сонъ-ли это, не обманъ-ли воображенія? Но нѣтъ, все ближе и ближе подвигается къ ней стройная колоссальная фигура. Она подняла голову и различаетъ уже ея лицо,—красивое, дышащее силой и энергіей, мужское лицо. Нѣтъ, это не сонъ. Великанъ говоритъ съ ней; мощною мѣдью звучитъ его голосъ:

— Ты ищешь жителей этой чудной столицы? Пойдемъ, я проведу тебя къ нимъ.

— Скажи мнѣ, что это за городъ и что за люди обитаютъ въ немъ? вопрошаетъ она его, не чувствуя ни малѣйшаго предъ нимъ страха и смущенія.

— А ты не узнала, говоритъ великанъ.—Вѣдь это столица

Digitized by Google

Россіи. Какъ видишь, она выросла, раздалась въ необъятную ширь и даль, вознеслась строеніями и домами чуть не къ самому небу. Это столица будущихъ великановъ. Только теперь ты не встрѣтишь ихъ на улицахъ и въ домахъ; они переселились въ центральную лѣчебницу.

— Лѣчебницу, говоришь ты?

— Да, я вижу, ты удивляешься этому. И немудрено; ты, вѣроятно, спала крѣпкимъ сномъ много лѣтъ, ты перестала расти за это время. Погляди на себя, какая ты крохотная, маленькая,— такихъ людей здѣсь нѣтъ уже больше. Я врагъ всего малаго, но тебя я люблю, потому что ты способна много, много расти. Ну, слушай же, я объясню тебѣ, зачѣмъ жители этой столицы находятся теперь всѣ въ центральной лѣчебницѣ. Я въ томъ виноватъ одинъ... Я расширилъ ихъ муравейникъ, я вознесъ до неба эти каменные дворцы и зданія, я вывелъ подъ ними незыблемый фундаментъ изъ гранита и мрамора, я же заставилъ малолѣтнихъ дѣтей, такихъ же карловъ, какъ ты теперь, расти и развиваться, превращаться въ могучихъ гигантовъ. Но ростъ этотъ сопряженъ съ болѣзнью, съ истощеніемъ силъ, жизненныхъ соковъ, съ потерею иногда самой жизни. Онъ называется историческимъ ростомъ народа, и туго дается ему; много жертвъ приносится этому тяжелому росту. Ты зашла сюда въ минуту безпощаднаго господства ужасныхъ болѣзней, называемыхъ «болѣзнями роста», или же «болѣзнями вѣка». Первое названіе гораздо вѣрнѣе втораго. Больные переживаютъ теперь самую тяжкую изнурительную лихорадку и бѣлую горячку съ бредомъ и видѣніями. Я воздвигъ имъ небывалыхъ размѣровъ зданіе, предназначивъ его для центральной лѣчебницы. Мой родной братъ состоитъ въ ней докторомъ. Пойдемъ. Я проведу тебя туда.

Они идутъ. Она выбивается изъ силъ, не можетъ поспѣть за мѣрно шагающимъ великаномъ. Онъ беретъ ее къ себѣ на руки и несетъ, какъ малаго ребенка.

— Бѣдная, говоритъ онъ ей, ласково надъ ней наклоняясь, и тебя ждутъ эти лихорадка и горячка. Онѣ тоже будутъ сильны, но и ты сильна, хоть и ничтожна на видъ; ты много намучишься, но вынесешь все на себѣ и встанешь здоровая, бодрая, сильная и великая. Тебя тоже вылѣчитъ мой родной братъ. Дай ему только управиться съ ними, этими сотнями тысячъ больныхъ, пусть они покинутъ лѣчебницу уже не карлами, а гигантами; пусть перестрадаютъ всѣ эти болѣзни роста, и тогда я примусь за тебя, и быстро, быстро, въ нѣсколько краткихъ, хоть и тяжелыхъ мгно-

Digitized by Google

вѣній, подыму и тебя до нихъ. Мой братъ не дастъ тебѣ умереть, нѣтъ, ни за что не дастъ.

— Развѣ тамъ нѣтъ женщинъ, въ этой лѣчебницѣ?

— Есть, но немного. Ихъ организмъ слабѣе мужскаго и трудно выноситъ болѣзнь. Мой братъ тоже старается спасти и ихъ, но ему не всегда удается это.

— Кто же твой братъ?

— Время.

— А самъ кто ты, добрый великанъ?

— Меня зовутъ «историческимъ закономъ» и называютъ неумолимымъ. Я дѣйствительно былъ, есть и буду неумолимъ, хотя ты и назвала меня сейчасъ добрымъ.

— Долго-ли промучатся эти заключенные въ центральной лѣчебницѣ?

— Нѣтъ, не особенно долго. Только теперь предстоятъ имъ послѣдніе, наиболѣе сильные пароксизмы,—и тотъ, кто выдержитъ ихъ, тотъ подымется обновленный, съ неистощимымъ запасомъ силъ и энергіи въ могучей груди. Эти уцѣлѣвшіе карлы, обратившіеся въ великановъ, населятъ огромные дома и зданія, наполнятъ шумною жизнью колоссальное государство и его колоссальную столицу. Ихъ мощь будетъ несокрушима, ихъ царство необъятно, ихъ жизнь свѣтла и величава. Я неумолимъ, но и не золъ, ты видишь сама.

— Такъ сдѣлай же и меня способной жить этой будущей жизнью, влей въ меня силу и крѣпость, укрѣпи мою слабую душу!

— Нѣтъ, я не коснусь твоей души, я не закую твоего тѣла въ бронзу, я лишь увеличу твой ростъ и окружу голову твою лучезарнымъ сіяніемъ разума. Ты будешь честна и умна, ты будешь свободна и дѣти твои будутъ великанами, хотя ихъ прадѣды и прабабушки были жалкими карлами. Но погоди, будь терпѣлива, дай моему брату сначала управиться съ больными, дай преодолѣть имъ мучительные пароксизмы, тогда наступитъ и твой чередъ.

— Вотъ мы и дошли до лѣчебницы, продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія. Видишь эту бѣлую каменную стѣну, которая уходитъ далеко, далеко въ даль? Это только одинъ фасадъ зданія; всего не обозрѣть тебѣ глазомъ. Вонъ, гляди въ эти открытыя окна... Тамъ ходятъ, движутся люди, но какіе люди!.. Такихъ ты никогда не видала. Вспомни тѣхъ, едва отъ земли видимыхъ, мясистыхъ, краснощекихъ и круглолицыхъ карловъ, съ которыми ты жила такъ много лѣтъ, вспомни ихъ и сравни теперь съ этими

Digitized by Google

длинными, тощими, безобразными фигурами, которыя съ тоской и мукой на лицѣ снуютъ взадъ и впередъ мимо оконъ. Болѣзнь не краситъ человѣка, а болѣзнь роста — самая страшная, самая безпощадная болѣзнь человѣчества. Гляди, какъ изуродовала она даже тѣхъ невозможныхъ уродцевъ; *эти* выглядываютъ еще безобразнѣе ихъ... Но вѣдь это безобразіе временное, преходящее. Это золотуха на лицѣ ребенка, которая сойдетъ, не оставивъ слѣда. Вонъ смотри, смотри!.. Между ними есть уже почти великаны, красивые и сильные на видъ; не сегодня-завтра покинутъ они лѣчебницу. Но ихъ мало, очень еще мало!..

— А пароксизмы перенесли они всѣ?

— Нѣтъ, первый пароксизмъ будетъ для нихъ и послѣднимъ. Войдемъ же туда, ты взглянешь на нихъ вблизи.

— Войдемъ, войдемъ...

Лиза проснулась. Было уже совершенно свѣтло. До слуха ея донеслись какіе-то невнятные звуки. Больной стоналъ и говорилъ въ бреду:

«Стѣна, стѣна каменная, непроницаемая... О, страшно мнѣ»!.. явственно разслышала она стонущій голосъ мужа.

XIX.

Сергѣй Александровичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, углубленный въ разсматриваніе лежащей передъ нимъ кипы дѣловыхъ бумагъ, когда дверь тихо отворилась и на порогѣ показалась старушка Анна Ивановна. Фигура Анфисушки выглядывала изъ-за спины.

— Тетушка, вы-ли это? съ неподдѣльной радостью вскричалъ онъ, быстро поднимаясь съ мѣста и спѣша къ ней съ распростертыми объятіями.

— Я, я сама... Что, удивила, небось? Сюрпризомъ, родной мой, сюрпризомъ... Велѣла даже лакею не докладывать, лепетала она, съ любовью цѣлуя его много разъ.

— Да откуда вы, милая?

— Изъ Москвы теперь прямо, говорила она, опускаясь въ кресло и снимая съ головы большой черный платокъ. Въ Москву вѣдь скатала... Ну, да лучше бы и не ѣздить совсѣмъ, съ горечью добавила она.

— Вы были у Павла?

— Какое! Ѣздила я къ Марьѣ Сергѣевнѣ поразспросить ее обо всемъ... Богъ знаетъ, что это у васъ тутъ случилось! Укатили

Digitized by Google

въ Сибирь и проститься со старухой позабыли даже... Я получила отъ Наденьки письмо съ дороги, ужь и не запомню откуда. Представь себѣ, Сережа, мое удивленіе. Ничего не знаю, не вѣдаю, и вдругъ письмо! Благословите-де, бабушка, на новую жизнь. Ахъ ты, Господи! На новую жизнь... А я-то, бабушка, я-то сижу въ своей деревнѣ и хоть бы что... Никакъ я этого, Сережа, понять не могу,— за что меня, старуху, обидѣли, обошли. Грѣхъ ей, грѣхъ большой тамъ меня обижать.

Она сняла свои круглыя очки и утерла платкомъ слезы, наполнившія глаза.

— Да вотъ погоди, все разскажу тебѣ... Прикажи, милый, дать мнѣ теперь съ дороги умыться. Плакала я все время на чугункѣ-то, просто опухла вся. Охъ, Сережа, на старости лѣтъ и такія огорченія!.. Просто измучилась я совсѣмъ, сколько ужь времени сна не знаю. Слаба вѣдь тоже, ноги не ходятъ, одно время чуть не отнялись совсѣмъ, въ креслѣ возили меня, какъ малаго ребенка,—и вдругъ такой ударъ. Чувствую, что не вынесу я...

Онъ взглянулъ въ ея страшно похудѣлое, сморщенное личико, взглянулъ на ея слабыя трясущіяся руки,—и ему стало жаль ее до боли. Давно-ли видѣлъ онъ ее бодрой, счастливой, свѣжей и здоровой на видъ? Какой-нибудь годъ тому назадъ,—и вдругъ теперь такая разительная перемѣна.

— Бѣдная вы моя! вырвалось у него невольное восклицаніе, и съ страстной нѣжностью онъ припалъ губами къ ея высохшей костлявой рукѣ.

Пока Анна Ивановна мылась и приводила въ порядокъ свой измятый дорожный туалетъ, онъ быстро написалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и, позвавъ лакея, приказалъ немедленно снести записку къ Петрушкевичамъ.

Онъ увѣдомлялъ въ ней Лизу, что сегодня, можетъ быть, ему не удастся къ ней заѣхать по случаю неожиданнаго пріѣзда Полежаевой. Онъ зналъ, что она будетъ ждать его.

Вотъ уже нѣсколько дней, со времени болѣзни Петрушкевича, онъ бывалъ тамъ ежедневно, просиживая далеко за полночь. Онъ поддерживалъ Лизу, онъ былъ для нея единственнымъ утѣшителемъ въ эти мрачные дни безъисходной печали и отчаянія.

Михаилъ Алексѣевичъ не поправлялся и съ каждымъ днемъ, напротивъ, становился все хуже и хуже. Теперь уже было ясно, что у него разыгрался жестокій тифъ. Сознаніе не часто приходило къ нему. Докторъ, навѣщавшій его по два и по три раза въ день, потребовалъ созвать консиліумъ. Наѣхало четыре «знаменитости».

Digitized by Google

Онѣ долго разсуждали и спорили между собою, и въ концѣ концовъ одна изъ нихъ шепнула на ухо Сергѣю Александровичу, что больной безнадеженъ. Лиза, конечно, оставалась въ невѣдѣніи этого ужаснаго приговора, но она ясно видѣла опасность и теряла голову, опускала въ безсильномъ отчаяніи руки. Дуня была для нея плохой помощницей; она сама измучилась и истомилась за эти нѣсколько дней, перевернувшихъ все вверхъ дномъ въ ихъ уютномъ уголкѣ, въ которомъ они зажили было сначала такъ хорошо и радостно. Мастерская, оставленная безъ присмотра, приходила тоже въ разстройство, да Лиза и не заботилась теперь о ней; она ни на минуту не оставляла больнаго мужа и окончательно переселилась къ его постели.

Сергѣю Александровичу было невыносимо тяжело. Отчаяніе Лизы, ея безутѣшное горе, проявлявшія себя на каждомъ шагу, ея слезы, смѣнявшіяся внезапно какой-то безстрастной неподвижностью, холоднымъ тупымъ равнодушіемъ къ окружающему,—все это потрясало его до глубины души. Ему одному былъ извѣстенъ приговоръ «знаменитости»,—и онъ каждый день съ ужасомъ ждалъ наступленія рѣшительной минуты, и боялся, страшно боялся за Лизу. Онъ пытался было намекнуть Дунѣ о безнадежномъ положеніи больнаго; но та не понимала, не хотѣла, быть можетъ, понять его намековъ.

Теперь, въ глубинѣ души своей, онъ окончательно простилъ больному, умирающему Петрушкевичу и искренно съ нимъ примирился.

Невольно, порою, возникалъ въ умѣ его вопросъ: что будетъ съ нею, когда онъ умретъ?.. Жутко становилось ему всякій разъ отъ этого вопроса. Никакого категорическаго отвѣта онъ не находилъ на него, тогда какъ въ самыхъ тайникахъ души возникалъ неясный, смутный отвѣтъ, котораго онъ страстно желалъ и отъ котораго бѣжалъ въ то же время съ какимъ-то необъяснимымъ и тревожнымъ чувствомъ...

Неожиданный пріѣздъ старушки Анны Ивановны, ея убитый видъ, ея неизвѣстное ему огорченіе, на которое она только намекнула,—все это взволновало Сергѣя Александровича. За послѣдній годъ онъ сталъ нервенъ, какъ женщина.

— Ну, вотъ теперь, Сережа, потолкуемъ поподробнѣе, говорила ему черезъ полчаса старушка, умытая и принаряженная въ темный шелковый капотъ. Ты мнѣ вѣдь навѣрное всю правду скажешь?

— Въ чемъ дѣло, тетушка, я никакъ не пойму еще,—искренно

Digitized by Google

сознался онъ, дѣйствительно недоумѣвая, какой правды она отъ него добивается.

— Будто и не поймешь?.. Полно, Сережа, не щади ты меня, старуху; вѣдь я вижу, что щадишь... Больно тебѣ правду высказать; огорчить боишься. Такъ знай, что я и безъ того ужь убита. Вѣдь та, фуфырка, мнѣ такъ-таки и отрѣзала, что Наденька...

Она оборвалась на полуфразѣ и усиленно заморгала глазами. Видимо, слезы снова просились наружу.

— Любовника завела, почти шопотомъ докончила она и, какъ приговоренная, молча поникла сѣдой головой.

— Это ложь, клевета! горячо произнесъ пораженный Сергѣй Александровичъ.

Глаза старушки вспыхнули радостной надеждой, худыя сморщенныя щеки слегла заалѣли.

— Ложь, ты говоришь? съ дрожью въ голосѣ произнесла она, быстро поднимая опущенную голову и впиваясь въ его лицо сверкнувшими глазами.

— Ложь, ложь и низкая, подлая ложь!

— А зачѣмъ же они разошлись?

— Кто они?

— Да про нее я говорю, про фуфырку-то! Грѣхъ ненавидѣть, а послѣ того, что она мнѣ про Наденьку наговорила, я, Сережа, ненавижу ее! Зачѣмъ же она разошлась съ Кудряшевымъ-то?

— Я ничего подобнаго не знаю, разошлись они или нѣтъ и вообще, признаться, очень мало этимъ интересуюсь. Такъ на кого же указывала Марья Сергѣевна? Неужели на Кудряшева?

— На него.

И она разсказала Сергѣю Александровичу все извѣстное уже читателю и переданное ей теперь Марьей Сергѣевной.

Тяжело было ей говорить о сценѣ, разыгравшейся въ спальнѣ между Наденькой и Марьей Сергѣевной, но она совладала съ собой и передала ее всю до мельчайшихъ подробностей. Марья Сергѣевна не утаила отъ нея ничего; она не щадила самоё себя, не щадила своего самолюбія, чтобы только ярче обрисовать внучку передъ бабушкой.

— Неужели она способна на такую низость, Сережа? съ негодованіемъ вопрошала она ошеломленнаго Сергѣя Александровича. Если это только правда, то я просто рехнуться способна... Подумай самъ! Вѣдь она вся жизнь моя, Наденька-то, въ нее я душу свою положила, и вдругъ—низкая, подлая!.. Значитъ, сама я низкая, подлая; значитъ, душа у меня самой такая-же... Нѣтъ,

Digitized by Google

этого не можетъ быть... Тутъ есть отчего рехнуться!.. Фуфырка-то говоритъ мнѣ, что мужъ накрылъ ее у любовника... Накрылъ, говоритъ, и привезъ домой, больную, въ лихорадкѣ, а черезъ нѣсколько дней укатилъ съ нею въ Сибирь, на мѣсто... Подумай самъ, есть-ли тутъ капелька человѣческаго смысла? Накрылъ у любовника и преспокойно привезъ домой, и попрежнему оставался съ нею нѣженъ и ласковъ... Вѣдь еслибъ это было такъ, то онъ убилъ-бы ее...

Долго говорила она, волнуясь, на эту тему, долго не могла успокоиться, вспоминая все выслушанное ею отъ Марьи Сергѣевны. Минутами она словно начинала вѣрить ея словамъ,— и тогда голосъ ея упадалъ, становился слабъ, звучалъ горькими безсильными нотами, но достаточно было одного слова Сергѣя Александровича, упорно стоявшаго на своемъ и утверждавшаго, что тутъ нѣтъ и тѣни правды, чтобы она снова ободрилась, чтобы увѣренность въ чистотѣ ея Наденьки снова овладѣла ею.

Она окончательно успокоилась-бы, еслибъ не неожиданный отъѣздъ Левшиныхъ, еслибъ не эта странная поспѣшность ихъ, которая заставила даже позабыть о бабушкѣ.

— Вотъ это-то самое и мучитъ меня, Сережа, говорила она.— Отчего-бы имъ не завернуть ко мнѣ проститься. Почемъ знать? можетъ, и не придется свидѣться больше...

— Повѣрьте, что Наденька не проживетъ тамъ долго; она съ трудомъ согласилась и ѣхать. Вѣроятно, пріѣдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Дай-то, Господи! А не то я изведусь просто съ своими сомнѣніями. Отписала ей все, что мнѣ фуфырка-то говорила, да боюсь, какъ-бы не обидѣлась она на меня, какъ-бы не пришло ей на умъ, что я и взаправду ее за низкую считаю... Вотъ и письмо это тоже страхъ какъ мучитъ меня... И отписала-то сгоряча, не пораздумала; а теперь-бы, кажется, чего-бы не дала, чтобъ только снова вернуть его... Ахъ ты, Господи, и еще заказнымъ послала! Вѣдь никакъ этого теперь нельзя, Сережа, чтобы его обратно вернуть?.. Я ужь другое думаю завтра отправить, скажу, чтобы не обижалась на меня, чтобы о первомъ письмѣ позабыла, однимъ словомъ, прощенія попрошу за обиду... Вѣдь это, подумай самъ, большая обида для честной женщины... хоть я и говорю, что не могу повѣрить словамъ Марьи Сергѣевны, а все-таки всѣ до единаго выложила передъ ней...

— Какъ я рада, Сережа, говорила она черезъ нѣсколько минутъ,—какъ я рада, что надоумилась къ тебѣ прикатить. Твои

Digitized by Google

слова окончательно меня успокоили. Теперь я все понимаю отлично. Ты говоришь, что послѣдніе дни что-то было между нашими молодыми и фуфыркой... Ясное дѣло, что она заревновала Наденьку къ своему... Тотъ, небось, глазища-то на нее таращилъ, таращилъ. Видишь-ли, невѣстой еще была она, а онъ, безстыжій эдакій, проходу не давалъ ей!.. Вотъ фуфырка-то изъ злобы и наплела на нее—сначала мужу, а потомъ и мнѣ.

Она намѣревалась всего лишь одинъ день отдохнуть съ дороги и снова отправиться домой. Сергѣй Александровичъ просилъ ее не торопиться, пожить у него недѣльку-другую и, уже окончательно отдохнувъ, пуститься въ обратный путь.

— Нѣтъ, этого нельзя, отговаривалась она.—Что я кутить что-ли въ Питеръ пріѣхала? Вотъ ежели поѣдешь въ Москву на открытіе памятника Пушкину, такъ не забудь старухи, заверни ко мнѣ въ деревню-то. Веселья не обѣщаю, ну а за ласку и радушіе могу поручиться.

— Врядъ-ли я поѣду въ Москву, тетушка.

— Отчего-же не ѣхать?

— Да такъ обстоятельства сложились, многозначительно проговорилъ онъ.

Она зорко и пристально взглянула на него.

— Знаю я эти самыя обстоятельства, и до меня слухи доходили, хоть и сижу безвыѣздно въ медвѣжьемъ углу. Когда-же конецъ всему этому, Сережа?

Онъ молчалъ съ понурымъ, задумчивымъ видомъ.

— И за что только ты ее любишь? Не понимаю я тебя, вотъ хоть убей, не понимаю. Она, слышала я, надышаться на своего теперешняго не можетъ... И выходишь ты тамъ, значитъ, пятой спицей въ колесницѣ.

— Можетъ быть, оно и такъ, но я до сихъ поръ люблю ее по прежнему, тетушка, глухо проговорилъ онъ.

— Она въ страшномъ горѣ,—онъ умираетъ. Доктора отчаиваются... Неужели бросить мнѣ ее въ такую минуту?.. Да это выше силъ моихъ! Въ счастьѣ я любилъ ее, а въ несчастьѣ боготворю!

— Мужъ умираетъ, говоришь ты?

— Да.

— Совершается кара Господня, торжественно произнесла она. Долготерпѣливъ Господь, но и правосуденъ.

— Да за что-же ее-то карать, за что?

— За то, что счастье свое создала на несчастіи самаго близкаго ей человѣка.

Digitized by Google

— Не говорите этого, тетушка. Я глубоко несчастенъ, сознаюсь въ томъ, но развѣ я былъ-бы счастливѣе, еслибы она пожертвовала собой ради долга? О, я понимаю, что долгъ великая вещь, многимъ надо жертвовать ради него, но любовь, самоотверженная, безграничная,—она выше, она сильнѣе всякаго долга! Я любилъ ее именно такою любовью, я предпочелъ собою пожертвовать ради этой любви, чѣмъ ее принести насильно въ жертву долгу.

— Мало такихъ людей, какъ ты, Сережа.

Сергѣй Александровичъ проводилъ ее до комнаты и приказалъ немедленно закладывать экипажъ. Онъ спѣшилъ къ Лизѣ, не смотря на посланную имъ записку. Тяжелое предчувствіе овладѣло имъ.

XX.

— Баринъ скончались, проговорила горничная, открывая Сергѣю Александровичу дверь въ квартиру Путрушкевичей.

Не снимая съ себя пальто, онъ бросился въ комнаты. Дуня вышла ему на встрѣчу.

— Авдотья Матвѣевна, неужели?...

Голосъ его оборвался.

— Приказалъ долго жить, отвѣчала та и осѣнила себя широкимъ крестомъ.

— Что съ нею?.. Гдѣ она, Лиза?..

— Она окаменѣла просто, не плачетъ, не жалуется, не говоритъ ни съ кѣмъ. Пойдемте, я васъ сведу къ ней.

Лиза мѣрно шагала взадъ и впередъ по комнатѣ съ низко опущенной головой. Казалось, она думала какую-то глубокую думу.

Онъ оставался на порогѣ, не замѣченный ею, и съ минуту молча смотрѣлъ на нее. Онъ понялъ, что за этимъ кажущимся спокойствіемъ, за этимъ самообладаніемъ крылось въ сущности самое безъисходное отчаяніе. Онъ готовъ былъ броситься передъ ней на колѣни, цѣловать ея руки, ноги, плакать съ ней вмѣстѣ объ ея невозвратимой утратѣ. Не было и микроскопической доли эгоизма въ наполнявшемъ его, въ эту минуту, чувствѣ. Онъ забывалъ о себѣ, забылъ о своихъ мукахъ, забылъ о томъ смутномъ отвѣтѣ, который много разъ невольно просился на его вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Лизы, забылъ все его окружающее, и весь переполнился *ея* горемъ, *ея* настоящими муками.

— Лиза, тихо произнесъ онъ наконецъ.

Она подняла голову, взглянула на него безстрастнымъ, равно-

Digitized by Google

душнымъ взглядомъ и, ничего не отвѣчая, продолжала по прежнему ходить по комнатѣ.

Сдѣлавъ взадъ и впередъ три конца, она внезапно остановилась передъ нимъ и, словно только что замѣтивъ его, протянула руку.

— Все кончено, молвила она, какъ-то отчаянно тряхнувъ головой.

Не выпуская руки ея, онъ провелъ ее къ дивану и усадилъ подлѣ себя. Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, раздавалось однообразное, мѣрное чтеніе монахини.

— Я вижу, что съ вами дѣлается, Лиза, заговорилъ онъ, крѣпко сжимая ея руку. Такъ нельзя, милая... Вы себя погубите, долго-ли заболѣть... Я не утѣшаю, я не говорю пошлыхъ фразъ, но я только умоляю васъ объ одномъ: берегите вы хоть самоё-то себя. Ваша жизнь и людямъ и Богу нужна. Лиза, скажи мнѣ что-нибудь, Лиза!.. прошепталъ онъ съ мольбой въ голосѣ, пораженный и испуганный страшной неподвижностью въ ея лицѣ.

— Что-же сказать?.. Все кончено, механически отвѣчала она.

— Нѣтъ, не все, далеко не все еще кончено. Онъ умеръ,—тотъ, кого вы любили,—и только. Жизнь осталась впереди, быть можетъ, долгая жизнь... Надо взглянуть трезво на свое положеніе, надо обсудить его прежде, чѣмъ выступить на новый путь... Именно теперь новый путь передъ вами, а вы говорите, что все кончено.

— О, еслибъ я умерла съ нимъ вмѣстѣ! со страстью вырвалось у нея. Что мнѣ теперь дѣлать? Зачѣмъ жить, для кого, для чего?.. Я слаба безъ него, безпомощна!.. Онъ меня ободрялъ, онъ вливалъ силу въ меня... А теперь? Я ни на что безъ него неспособна! Боже мой, Боже, какъ я несчастна!

— Смерть—общій удѣлъ.

— Но всегда-ли приноситъ она такое горе, какое мнѣ принесла, всегда-ли смерть одного человѣка есть въ то же время и смерть другаго? Нѣтъ выше несчастія, нѣтъ выше муки на землѣ, какъ лишиться навѣки самаго дорогаго, самаго любимаго человѣка... Я молила Бога, чтобъ Онъ мою жизнь отнялъ, только-бы его оставилъ. Я такъ молилась, я такъ плакала,—и нѣтъ милосердія, нѣтъ снисхожденія!.. Видѣть, какъ смерть подкрадывается, какъ леденитъ она эти руки, которыя бы всю жизнь цѣловала,—и не имѣть силъ помочь, спасти, быть принужденной смотрѣть и ждать, пока не докончитъ она своего дѣла,—это такое положеніе, отъ котораго помѣшаться можно!

— Лиза! не ропщите на судьбу. Кто изъ насъ не зналъ ве-

Digitized by Google

ликаго горя, а развѣ всѣ мы помѣшанные, сумашедшіе?.. Богъ вѣдаетъ, что творитъ.

— Но и жестоко же Онъ наказуетъ!..

Похороны были отложены до пріѣзда отца Алексѣя, который, увѣдомленный телеграммой о кончинѣ сына, телеграфировалъ въ свою очередь, что выѣзжаетъ въ Петербургъ.

Лиза прочла его отвѣтную телеграмму и почувствовала, что ей страшно, невыразимо страшно встрѣтиться съ отцомъ Алексѣемъ.

Почемъ знать? Можетъ быть, она одна виновата въ его ранней кончинѣ; можетъ быть, Богъ покаралъ его за то, что похитилъ онъ чужое счастье. До нея, Лизы, не дошла еще очередь, но и надъ ней неминуемо совершится справедливая казнь, рано-ли, поздно-ли, но совершится.

Мысль эта неотступно преслѣдовала ее теперь днемъ и ночью,— и она окончательно увѣрилась въ томъ, что смерть Петрушкевича была возмездіемъ за Сергѣя Александровича, возмездіемъ за его разрушенное счастье.

Наряду съ этой мыслью быстро возникала иная.

Она должна посвятить жизнь свою на умилостивленіе Бога. Вдали отъ міра, его суеты и треволненій, въ стѣнахъ монастыря, въ строгомъ послушаніи, думала она замолить совершенный ими грѣхъ.

Жизнь теряла для нея всякую цѣль со смертью мужа. Служеніе ближнему, живое, дѣятельное, о которомъ мечтали они оба, оставаясь и тогда неосуществимой мечтой, являлось для нея теперь однимъ безсодержательнымъ звукомъ. На какое служеніе способна она, слабая, нервная, съ надломленными, рано истощенными силами? Она сама нуждается теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, въ твердой опорѣ. Высокій принципъ оставался для нея также высокъ, но практическое осуществленіе его было ей не подъ силу. Она ясно сознавала это и раньше, да не она одна, а и онъ, Петрушкевичъ, также сознавалъ. Рамки общественнаго служенія были безпощадно съужены для него самыми условіями жизни. Тѣ-же условія жизни, только уже не общественной, а ея собственной, маленькой, миньятюрной до нельзя, поставили барьеръ ея горячимъ порываніямъ въ невѣдомую, но манящую даль, гдѣ солнце должно свѣтить ярче, гдѣ люди должны дышать легче, гдѣ царствуетъ надо всѣмъ одна непреложная правда...

Только мысль о Дунѣ, то и дѣло овладѣвавшая ею, не давала ей покою. Вопросъ о ней, о ея будущемъ, когда разстанутся онѣ, возникалъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Минутами она мечтала, что

Digitized by Google

и Дуня уйдетъ съ ней въ монастырь. Она даже пыталась склонить ее къ этому.

— Я рѣшила, что̀ съ собой сдѣлать, сказала она ей однажды.

— Что-же? спросила ее Дуня.

— Я уйду въ монастырь.

— О, это слишкомъ глупо, рѣшительно молвила та.

— Почему-же глупо, Авдотья Матвѣевна?

— Потому что это полусмерть... По моему, такъ жизнь или-же окончательная смерть, я не понимаю этой насильственной середины.

— А когда жизнь теряетъ всякій интересъ?

— Этого быть не можетъ... Временно, вотъ какъ теперь, послѣ тяжкаго удара, вы можете утратить къ ней любовь, но вѣдь это временно только. Жизнь въ концѣ концовъ возьметъ свое: живому надо живое. Я не повѣрю, чтобы у человѣка не оставалось цѣли въ жизни,—какая нибудь да явится. А вѣдь эта-то цѣль и составляетъ для насъ всю прелесть жизни.

— Вы неспособны были-бы уйти въ монастырь?

— Я? Никогда. Я люблю жизнь и у меня есть цѣль, которой я хочу достигнуть.

— А если вы не достигнете ея?

— Тогда... тогда я не знаю, что̀ со мной будетъ. Я говорю про настоящее, за будущее не ручаюсь. Можетъ быть, и я буду желать полусмерти, но только это желаніе, не смотря на его искренность, навѣрное будетъ непродолжительно: я или снова захочу жизни, или же полной смерти.

— Что же станется съ вами теперь, Авдотья Матвѣевна? Мы разстанемся. Видитъ Богъ, какъ мнѣ это тяжело—но мы должны разстаться; я непремѣнно уйду̀ изъ міра.

— А я снова вернусь восвояси, поѣду въ N*, проговорила Дуня, и глаза ея вспыхнули при этомъ. О, не бойтесь за меня, Лизавета Александровна. Я не вернусь на старую дорогу разврата и униженій... Довольно съ меня! Я стала другая, и счастье, можетъ быть, скорѣе дастся въ руки честной женщинѣ, чѣмъ подлой «шумихѣ».

— Но вспомните, какъ оно недолговѣчно, это личное счастье, за которымъ вы гонитесь, съ грустью проговорила Лиза, вспоминая о своемъ разлетѣвшемся, какъ дымъ, счастьѣ.

Дуня засмѣялась на это рѣзкимъ смѣхомъ.

— Вы имъ жили уже, Лизавета Александровна,—хорошо вамъ говорить такъ... Я жить хочу, потому что не жила еще. Развѣ

Digitized by Google

личное счастье—преступленіе, развѣ съ нимъ я снова сдѣлаюсь подлой, низкой? Счастье облагородитъ меня, очиститъ...

— Вы правы, согласилась съ ней та.

XXI.

Анна Ивановна, узнавъ о смерти Петрушкевича, набожно перекрестилась и, взглянувъ на блѣдное разстроенное лицо Силина, проговорила:

— Эхъ, родной мой, выбрось ты изъ головы всѣ свои несбыточныя надежды. Вѣдь я понимаю, что теперь въ тебѣ происходитъ.

Врядъ-ли и самъ Силинъ понималъ себя въ эту минуту; тѣмъ не менѣе, слова ея, сказанныя съ непоколебимой увѣренностью, больно отозвались въ немъ. Онъ не могъ не понять, куда клонились они.

— Милая, я очень несчастенъ, отвѣчалъ онъ на это.

Добрая старушка старалась утѣшить его теперь въ свою очередь, насколько хватало ея силъ и умѣнья. Но для этого—какъ она думала—слѣдовало подорвать его доброе мнѣніе о Лизѣ.

Она заговорила о ней, какъ о пустой, легкомысленной женщинѣ, которая не въ состояніи оцѣнить по достоинству истинную, глубокую привязанность. Самая любовь ея къ Петрушкевичу, по ея мнѣнію, выходила ни болѣе, ни менѣе, какъ чувственнымъ капризомъ. Онъ разжегъ ея воображеніе, прикинувшись передъ ней не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ явился развивателемъ, тогда какъ въ сущности одно желаніе обладать ею во что бы то ни стало руководило имъ. Голая чувственность была искусно замаскирована «всевозможными идеями и высшими порываніями». Легкомысленная женщина, не всегда умѣющая отличать бѣлое отъ чернаго, попалась въ силки, разставленные ей умѣлой рукой, и бросилась на шею своему соблазнителю, думая въ то же время, что она выступаетъ на какой-то «новый путь», что она призвана на какое то «великое служеніе», чуть не на спасеніе родины. Онъ окончательно перекроилъ и переработалъ ее на свой манеръ. Теперь, когда она сдѣлалась его женой, незачѣмъ было больше стѣсняться и разыгрывать передъ ней заранѣе изученную роль; онъ явился уже въ своемъ настоящемъ свѣтѣ и слабую, больную, засадилъ ее за швейную машину, чтобы заработывала она деньги, которыхъ ему не доставало. Она взялась за работу, опять таки воображая, что и нивѣсть какой подвигъ совершаетъ; вѣдь онъ ее «подвигомъ» то именно и соблазнилъ.

Digitized by Google

Анна Ивановна не считала уже Лизы, послѣ развода ея съ мужемъ, *нігилисткой*. Тогда она думала, что Лиза обязательно примется за всякія пакостныя дѣла или начнетъ «трупы потрошить», или же угодитъ съ своимъ супругомъ на скамью подсудимыхъ, а затѣмъ и на каторгу. Теперь она видѣла въ ней лишь пустую бабенку, съ разгоряченнымъ воображеніемъ, съ развитой чувственностью, которой ничего не стоитъ отъ живаго мужа, обожающаго, боготворящаго ее, броситься на шею къ другому, изъза того только, что тотъ съумѣетъ красиво кривляться передъ ней и изобразить изъ себя что угодно, смотря по надобности.

Даже Петрушкевичъ не рисовался уже ей опаснымъ *нігилистомъ*. Онъ оставался, пожалуй, тѣмъ же «смутьянцемъ», но смутьянцемъ красивыхъ замужнихъ куколъ, какихъ всегда и вездѣ было много.

И вдругъ такъ любить, такъ мучиться изъ-за этой никуда негодной бабенки! Да если онъ, Сергѣй Александровичъ, снова сойдется съ нею, пренебрежетъ ради нея мнѣніемъ свѣта, забудетъ свое оскорбленное самолюбіе,—и тогда она не пойметъ, не оцѣнитъ его жертвы, а при первомъ удобномъ случаѣ броситъ его ради перваго подвернувшагося ловеласа.

Такъ думала и говорила теперь Анна Ивановна не желавшему слушать ее племяннику. Онъ возмущался до глубины души тѣмъ некрасивымъ и ложнымъ представленіемъ, которое имѣла она о Лизѣ. Онъ выходилъ изъ себя, стараясь убѣдить ее, что Лиза честная, хорошая женщина, что она много лучше и честнѣе большинства женъ, не запятнавшихъ себя ничѣмъ въ мнѣніи свѣта. Онъ говорилъ, что натура ея глубокая, исключительная, что ей трудно жить общепринятой жизнью, что эта жизнь не въ состояніи удовлетворить ее, что она способна задохнуться отъ пустоты и безсодержательности, если станетъ жить пошлою жизнью свѣта, безъ живыхъ интересовъ, безъ искреннихъ горячихъ порывовъ въ лучшую даль.

— Она правдива, она никогда не лгала, и ей самой не помириться съ ложью, убѣжденно говорилъ онъ.—А посмотрите вокругъ, развѣ не ложь одна въ этомъ чопорномъ свѣтѣ, гдѣ каждое слово взвѣшено, соображено, гдѣ считается высшей безтактностью—думать и говорить одно и то же.

Но имъ трудно было понять другъ друга; каждый глубоко вѣрилъ въ то, что говорилъ.

— И не очень ужь ты молодъ, кажется, и положеніе зани-

Digitized by Google

маешь солидное, а все, погляжу я на тебя, словно-бы студентъ какой, право... Все въ тебѣ еще молодо-зелено.

Онъ не могъ не улыбнуться ея словамъ.

— Когда же я перестану быть «зеленымъ», тетушка?

— А ужь Богъ тебя знаетъ, безнадежно развела она руками.

На другой день, почти окончательно успокоенная по поводу Наденьки, и увѣрившись, что Марья Сергѣевна налгала ей изъ одной ревности, она распрощалась съ Сергѣемъ Александровичемъ и поѣхала къ себѣ обратно въ имѣнье.

— Боюсь я, что дорого мнѣ это потрясеніе обойдется, жаловалась она ему на желѣзной дорогѣ. Снова чувствую, поясницу ломитъ, да и ноги то ужь не тѣ: —опять чего добраго, придется въ креслѣ отсиживаться...

Онъ позавидовалъ ей: она была уже на краю гроба, а все таки надѣялась *отсидѣться*... А онъ, хоть и было въ немъ все еще молодо-зелено, не смѣлъ, не рѣшался уже на что-либо разсчитывать и надѣяться. Когда онъ узналъ отъ Лизы, что она рѣшилась уйти въ монастырь немедленно же послѣ похоронъ мужа, онъ горячо возсталъ противъ ея намѣренія. Дуня поддерживала его. Одна Ѳекла Антоновна, не покидавшая ее въ эти скорбные дни, была на ея сторонѣ. Лиза намѣревалась на дняхъ закрыть мастерскую и распустить мастерицъ. Выручку она раздѣлила пополамъ съ Дуней. Необходимо было устроить кой какія дѣла, заплатить нѣкоторые долги мужа, достать денегъ на похороны. Она просила Сергѣя Александровича, чтобы онъ помогъ ей распродать мебель, швейныя машины и нѣкоторыя болѣе или менѣе цѣнныя вещи. Она думала на эту сумму обернуться и даже подѣлиться съ Дунею, которой, на первое время, пока не пристроится она гдѣ нибудь въ N*, требовалось имѣть хоть незначительное обезпеченіе.

Сергѣй Александровичъ, видя критическое положеніе Лизы, не выдержалъ и просилъ ее принять отъ него нужную сумму. Она не хотѣла и слышать объ этомъ: брать деньги, когда не можешь ихъ отдать, было-бы безчестнымъ. Наконецъ, съ трудомъ удалось ему уладить дѣло. Онъ явился покупщикомъ всего, что разсчитывала она продать. Лиза ничего не понимала въ цѣнахъ и онъ оцѣнилъ каждую вещь вчетверо дороже противъ первоначальной ея стоимости. Она приняла отъ него круглую сумму съ глубокимъ и радостнымъ сознаніемъ, что поступила честно, что имѣла возможность отвергнуть подачку.

Ни прежде, когда работа такъ и сыпалась ей изъ магазина,

Digitized by Google

когда назначенныя магазиномъ цѣны превзошли всѣ ея ожиданія, ни теперь, когда удалось ей въ нѣсколько минутъ устроить свои денежныя дѣла, не приходило ей въ голову, что она всѣмъ обязана неусыпнымъ попеченіямъ о ней Сергѣя Александровича. Эта мысль, еслибъ могла она явиться ей, была бы мучительна.

Теперь она считала себя вправѣ смотрѣть на него лишь какъ на вѣрнаго, преданнаго друга, какъ на человѣка ей равнаго, который принесъ ей одну важную жертву, за которую она отплачиваетъ ему теперь своей дружбой и уваженіемъ, оставаясь въ то же время вполнѣ самостоятельной и независимой отъ него. Еслибъ она могла подозрѣвать истину, то считала бы себя обиженной и навѣрное порвала бы съ нимъ всякія сношенія.

Съ минуты на минуту поджидала она теперь отца Алексѣя; онъ долженъ бы уже быть, судя по телеграммѣ. Двое сутокъ прошло со смерти Петрушкевича. Извнѣ въ домѣ было тихо, спокойно; казалось, всѣ уже успѣли помириться съ неожиданнымъ горемъ. Лиза совсѣмъ не плакала; холодное спокойствіе, овладѣвшее ею немедленно послѣ смерти мужа, не покидало ея ни на минуту. Она сдѣлалась какъ бы безчувственной къ окружающему. Это неестественное равнодушіе и самообладаніе Лизы больше всего пугали Сергѣя Александровича. Онъ зналъ, что они долго продлиться не могутъ, что послѣ нихъ обязательно слѣдуетъ неудержимый взрывъ затаеннаго на время отчаянія,—взрывъ, который способенъ сокрушить и не такую слабую и нервную натуру.

Онъ слѣдилъ за Лизой съ напряженнымъ, неусыпнымъ вниманіемъ. Всякая перемѣна въ ея лицѣ,—мгновенно дрогнувшій мускулъ, глухой вздохъ, вырвавшійся изъ груди,—все тревожило и волновало его, заставляло думать о приближеніи неизбѣжнаго кризиса. Разъ она долго стояла у гроба и пристально смотрѣла въ лицо мужа. Ни слѣда волненія не виднѣлось на ея лицѣ, неподвижномъ, какъ маска. Ему сдѣлалось страшно за нее. Онъ хотѣлъ въ эту минуту, чтобы она разразилась рыданіями, залилась бы слезами... Онъ желалъ теперь взрыва, желалъ услыхать ея безумные крики, видѣть ее въ обморокѣ, въ истерикѣ. Спокойствіе становилось слишкомъ продолжительнымъ, а главное — слишкомъ неестественнымъ. Плачущая, стонущая, ропщущая, отчаивающаяся,—она была бы собой, межъ тѣмъ какъ теперь онъ не узнавалъ ея.

— Лиза, окликнулъ онъ ее, желая прекратить безконечное фиксированье трупа.

Она дрогнула, обернулась къ нему, провела рукой по лицу,

Digitized by Google

словно просыпаясь отъ сна, и, быстро осѣнивъ себя крестомъ, молча вышла изъ комнаты... Наконецъ пріѣхалъ отецъ Алексѣй. Рано утромъ Ольга, вся запыхавшаяся, вбѣжала къ Лизѣ и, едва переводя духъ, объявила ей, что всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ, въ кухню вошелъ «сѣденькій батюшка» и, назвавъ себя отцомъ покойника, попросилъ, чтобы ему подали умыться. Лиза покрылась яркимъ румянцемъ. Первая мысль ея была бѣжать на кухню къ отцу Алексѣю, поклониться ему въ ноги и ввести въ домъ, но Ольга остановила ее, сказавъ, что онъ просилъ никого не обезпокоивать его пріѣздомъ и дать ему нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы оправиться.

— Настасья съ ними одна осталась. А какой славный батюшка-то, съ умиленіемъ добавила она.—Сѣденькій, сѣденькій, какъ лунь, и лицо у него словно святое, право!

— Авдотья Матвѣевна, онъ пріѣхалъ!

— Отецъ Алексѣй?

— Да, да! въ нервномъ возбужденіи говорила Лиза, суетясь по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ имъ обѣимъ показались цѣлой вѣчностью.

Дуня не видала отца Алексѣя болѣе десяти лѣтъ. Всякая связь съ нимъ была порвана за это время. Онъ рисовался ей строгимъ, суровымъ старикомъ, съ длинной сѣдой бородой, съ грубыми мозолистыми руками. Такимъ она знала и помнила его раньше. Предъ отъѣздомъ въ Москву, мать возила ее къ нему, чтобы онъ благословилъ ее на предстоящій путь. Старикъ перекрестилъ ее и проговорилъ короткую фразу: «будь честна—это главное». Какъ сейчасъ слышитъ она ее, эту фразу, сказанную отрывистымъ, почти сердитымъ голосомъ, какъ сейчасъ видитъ его большую загорѣлую, грубую руку, которую цѣловала она, прощаясь.

«Будь честна—это главное»... Развѣ исполнила она его завѣтъ? Она забыла о немъ чуть не на другой день по пріѣздѣ въ Москву и не вспоминала ни разу вплоть до этой самой минуты, когда снова предстоитъ ей встрѣтиться съ суровымъ дядей:—такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ являлся въ ея воображеніи,—и, быть можетъ, услыхать отъ него гнѣвный и справедливый укоръ.

«Онъ здѣсь уже... всего за нѣсколько шаговъ. Что сказать ему, чѣмъ его умилостивить?.. Но вѣдь теперь я не та, прошлое забыто мною... Мною! Но забыто-ли оно другими?.. Пусть же онъ караетъ меня, пусть заставитъ дрожать передъ собою, какъ преступника предъ своимъ судьей...»

Но не смотря на эту отчаянную рѣшимость, не смотря на

Digitized by Google

внезапно вспыхнувшую въ ней жажду самобичеванія, въ глубинѣ души—не кары, не упрековъ хотѣлось ей, а добраго ласковаго слова. «Чѣмъ его умилостивить, чѣмъ его умилостивить»—то и дѣло кружилось въ ея головѣ, хотя губы ея шептали въ то же время иныя безсвязныя слова: «пусть караетъ... пусть наказуетъ... Я должна вынести срамъ, стыдъ! Искупить надо»...

Еще тяжелѣе и безотраднѣе было на душѣ Лизы.

Онъ предсталъ наконецъ предъ ней, тотъ судья, который, по ея мнѣнію, одинъ на землѣ могъ помиловать ее или осудить безвозвратно. Не зная его совсѣмъ, она испытывала предъ нимъ какой-то паническій страхъ. Письмо его, полученное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не только не способствовало уменьшенію этого страха, но даже, совершенно напротивъ, заставляло ее теперь еще болѣе трепетать «святаго старца», какимъ уже искренно стала считать она отца Алексѣя послѣ его великодушнаго и трогательнаго прощенія. Эта-то «святость» его и вкладывала въ душу новыя сомнѣнія. Онъ не можетъ простить ее окончательно, потому что онъ долженъ быть справедливъ. А грѣхъ, содѣянный ею, слишкомъ великъ и она ничего не сдѣлала еще, чтобы искупить его.

Прошли наконецъ эти нѣсколько мучительныхъ минутъ. Въ залѣ, гдѣ стоялъ гробъ, раздались чьи-то тяжелые шаги. Затѣмъ все смолкло на мгновеніе.

— Онъ тамъ.

— Онъ тамъ, повторила за ней Дуня.

Обѣ, какъ пригвожденныя, оставались на своихъ мѣстахъ.

Наконецъ онѣ рѣшились, толкнули дверь.

У гроба, спиной къ нимъ, стоялъ на колѣняхъ высокій, худой старикъ съ рѣдкими прядями длинныхъ серебряныхъ волосъ, закинутыми на согбенныя плечи. Лица его не было видно, только широкая, бѣлая, густая борода его, озаренная яркимъ солнцемъ, картинно выдавалась на черномъ подрясникѣ. Онъ стоялъ неподвижно, со склоненной головой, со сложенными на молитву руками.

Обѣ женщины не смѣли двинуться, не смѣли нарушить торжественнаго безмолвія минуты. Наконецъ онъ громко и тяжело вздохнулъ, осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и поднялся съ колѣнъ.

— Батюшка, едва слышно прошептала Лиза.

Онъ обернулся. Долгимъ пристальнымъ взоромъ взглянулъ онъ на дрожащихъ и взволнованныхъ женщинъ.

— Жена, подойди, проговорилъ онъ.

Голосъ его былъ еще мужественный, почти суровый.

Лиза сдѣлала нѣсколько шаговъ и, въ порывѣ охватившаго

Digitized by Google

ее чувства благоговѣнія предъ величавымъ старцемъ, опустилась на колѣни и поклонилась въ ноги.

Онъ благословилъ ее, поднялъ и усадилъ на стулъ. Она рыдала, не въ силахъ произнести ни одного слова. Кризисъ наступалъ.

— Дуняша, дай воды, ласково обратился онъ къ стоявшей неподвижно Дунѣ.

Она бросилась исполнять его приказаніе. Онъ узналъ ее, онъ обратился къ ней съ лаской, а не съ суровымъ упрекомъ! «Дуняша»!... Чудной музыкой звучало въ ушахъ ея это привѣтливое слово. Радость наполнила ее всю, чистая хорошая радость, которую много лѣтъ не знавала она прежде. Одно слово дѣлало ее въ эту минуту окончательно счастливой.

— Батюшка, родной мой! могла лишь выговорить она, подавая ему стаканъ съ водою и подымая на него радостный, горящій надеждою взглядъ.

Онъ благословилъ ее и поцѣловалъ въ голову.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ я встрѣчаю тебя теперь. Я все знаю, проговорилъ онъ,—и ласковыми, глубокими нотами звучалъ при этомъ его обыкновенно суровый голосъ...

На другой день покойника похоронили.

Въ церкви, когда принялись заколачивать гробъ, Лизой овладѣло шумное отчаяніе. Она рыдала, захлебываясь слезами, съ силой вырывалась изъ рукъ Сергѣя Александровича и Ѳеклы Антоновны, которые не отходили отъ нея ни на шагъ.

— Не заколачивайте, не заколачивайте! внѣ себя кричала она, простирая руки къ быстро дѣлавшимъ свое дѣло могильщикамъ.

На кладбищѣ повторилась та же самая сцена, только въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ. Когда заскрипѣли веревки о деревянныя доски и гробъ сталъ исчезать изъ ея глазъ, опускаясь въ мрачную сырую яму, ей показалось, что сердце ея сію же минуту должно разорваться,—такъ сильно заколотилось оно въ груди,—и, не помня уже себя, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она рѣшительнымъ движеніемъ вырвала свою руку изъ руки Сергѣя Александровича и съ громкимъ стономъ бросилась къ могилѣ. Она свалилась-бы туда непремѣнно, еслибъ отецъ Алексѣй, стоявшій на самомъ краю, не подхватилъ ея. Она прижалась лицомъ къ его груди и все время, пока закидывали могилу, оставалась въ этомъ положеніи, тихо стоная и вздрагивая

Digitized by Google

всѣмъ тѣломъ. Онъ заботливо обнималъ ее и, со слезами на глазахъ, гладилъ и цѣловалъ ея низко опущенную голову.

— Бѣдное дитя мое!.. шепталъ онъ. Родная, успокойся, приди въ себя...

Пріѣхали домой. Еще грустнѣе и безотраднѣе выглянули теперь комнаты, наполненныя запахомъ ладона и можжевельника. Что-то гнетущее, подавляющее было разлито въ самомъ воздухѣ. Лизу уложили въ зеленую комнату съ завѣшанными окнами, укрыли съ головы до ногъ нѣсколькими одѣялами и оставили уснуть. Сонъ былъ необходимъ ей: она съ трудомъ держалась на ногахъ и зубы ея стучали отъ нервнаго холода. Въ залѣ, гдѣ за два часа передъ тѣмъ стояло тѣло покойника, Дуня распорядилась теперь накрыть столъ, и дымящійся самоваръ возвѣстилъ всей компаніи, что и ей тоже настало время отдохнуть. Тутъ же появились кулебяка, жареная индѣйка и нѣсколько бутылокъ вина и пива. Обо всемъ этомъ, безъ вѣдома Лизы и Дуни, позаботилась добрѣйшая Ѳекла Антоновна. Она очень похудѣла и измѣнилась за послѣдніе дни. Трагическій финалъ Артемія Степановича сильно таки подкосилъ ея могучій организмъ, — наконецъ, смерть Петрушкевича, котораго успѣла она душой полюбить, скорбь и стоны вокругъ — все это не прошло для нея даромъ. Она жила все это время какой-то лихорадочною жизнью, жила чужимъ горемъ и несчастіями, которыя, какъ свои собственныя, принимала близко къ сердцу.

— А Лизавета-то Александровна въ монастырь идетъ, проговорила она теперь, наливая себѣ третью чашку чаю.

— Отецъ Алексѣй, отговорите ее отъ этого намѣренія, обратился къ нему Сергѣй Александровичъ.

— Постараюсь. Я самъ противъ этого... И въ міру можно быть угодной Господу.

Эти слова ободрили Сергѣя Александровича; онъ находилъ себѣ помощника, и надежда измѣнить рѣшеніе Лизы снова заговорила въ немъ.

— Трудно спастись въ міру-то, вставила Ѳекла Антоновна.

Никто не возражалъ ей; всякій былъ занятъ своими мыслями. Тяжелое молчаніе воцарилось въ маленькомъ обществѣ; только слышно было побрякиваніе чашекъ, громкіе вздохи хозяйки, да мѣрное шипѣніе самовара.

— Я завтра ѣду, нарушила молчаніе Дуня.

— Куда? спросилъ ее отецъ Алексѣй.

— Въ N*.

— Зачѣмъ?

Digitized by Google

— Да что-же мнѣ здѣсь-то остается? Буду искать тамъ работы, не найду, такъ снова, можетъ быть, поступлю на сцену... если возьмутъ, конечно, съ грустной ироніей добавила она. Надо вѣдь хлѣбъ ѣсть.

— Охъ, Дуняша, не свихнуться-бы тебѣ опять.

— Нѣтъ, не свихнусь, батюшка, съ убѣжденіемъ отвѣтила она. Головой своей готова поручиться, что не свихнусь. Хочу быть честной.

— Помоги тебѣ Матерь Божія... Только вотъ что я тебѣ скажу: брось ты свой N* и сцену тоже брось... Поѣдемъ-ка лучше со мной въ деревню; вотъ я и Лизу уговорю. Хорошо тамъ, право, привольно. Будете вы обѣ со мною жить, пока не соскучитесь, а соскучитесь, насильно держать не стану.

— Батюшка, да что-же я тамъ дѣлать буду?

— Что?.. А чего тебѣ надобно,—работы или отдыха? Чего захочешь, того и найдешь.

— Какая же работа въ деревнѣ, недовѣрчиво ухмыльнулась Дуня.

— Ты спрашиваешь: какая работа? горячо заговорилъ онъ. Трудная, тяжелая работа въ деревнѣ, мозоли отъ нея на рукахъ пойдутъ, тѣло потомъ горячимъ обольется. На, вотъ, гляди руки... Грубыя, мозольныя... потому что все дѣлаешь этими самыми руками,—и землю вспашешь, и посѣешь, и траву скосишь, и лѣсу нарубишь, и избу починишь, и все такое... Вотъ, моя милая, какая бываетъ работа въ деревнѣ. Не легка она, да зато вѣдь куда ни взглянешь, куда ни повернешься, вездѣ та же работа идетъ, вездѣ надъ землею-кормилицей мужикъ надрывается да убивается. Посмотришь вокругъ, и легко у тебя на душѣ станетъ: не одинъ, молъ, а всѣ до единаго трудятся... Ну, конечно, куда ужь тебѣ, бѣлоручкѣ, жать да косить, не на это дѣло я зову тебя. А поживи только съ нами маленько, погляди, что въ нашемъ захолустьѣ дѣется, какъ мы живемъ, какъ умираемъ, такъ, можетъ, и сама себѣ работу найдешь...

— Неспособна я, батюшка, къ этой жизни, испорчена я очень, проговорила она.

— А какъ пахнётъ на тебя деревенскимъ-то воздухомъ, какъ взглянешь на наши лѣса да нивы, такъ, можетъ, порча-то и сойдетъ съ тебя. Умилишься сначала, всякой травкѣ зеленой обрадуешься, всякую пташку-пѣвунью заслушаешься. А потомъ, коль не побрезгуешь, заглянешь въ мужицкія хаты, такъ, можетъ статься, кровью сердце твое обольется и поймешь ты тогда горе мужицкое да нужду, и дѣло сама себѣ разыщешь. Вотъ какъ, Дуняша... Вѣрное я тебѣ слово говорю, только не пренебрегай ты имъ. А то по-

Digitized by Google

ѣдешь опять къ себѣ, опять ломаться станешь съ утра до ночи на подмосткахъ... Нѣтъ, милая, не угодное это Господу дѣло... Вѣдь у васъ, слыхалъ я, у актерокъ-то, дебоши да безчинства разныя; мужчины, тоже сказывали мнѣ, сами васъ и наряжаютъ, въ лайку затягиваютъ... А пѣсни-то все какія скверныя да безстыжія!.. Грѣхъ одинъ только, срамъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, не говорите мнѣ лучше объ этомъ! воскликнула она, съ раздраженіемъ затыкая себѣ уши.—Я знаю, куда я гожусь; сама знаю!.. Завтра же непремѣнно уѣзжаю!.. Еслибы вы все знали, такъ не стали бы и словъ даромъ терять.

— Ну, не кипи, не кипи... Дѣлай, какъ знаешь, только вотъ тебѣ послѣднее мое слово: коли не въ моготу будетъ тебѣ, тяжело ужь больно станетъ, такъ вспомни тогда, что есть у тебя дядька въ дальней деревнѣ и ступай къ нему прямо: прими, молъ, умыкалась...

Она горячо благодарила его.

— А все-таки ѣдешь? ласково спросилъ онъ ее.

— Ѣду, батюшка, завтра ѣду... Простите.

— Ну, Богъ съ тобой... Такъ не забудь-же словъ моихъ.

Ю. Зависѣцкій.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

ФЛОБЕРЪ ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ МАКСИМА ДЮКАНА.

(Окончаніе).

Когда я въ маѣ 1846 года пріѣхалъ къ Флоберу, — продолжаетъ Максимъ Дюканъ,—онъ съ радостью объявилъ мнѣ, что отыскалъ въ Руанѣ одного изъ своихъ товарищей по коллегіи—Луи Буле. Онъ готовился прежде въ доктора, но стихи такъ увлекали его, что онъ даже во время ампутацій пріискивалъ риѳмы. Онъ бросилъ медицину и сталъ писать стихи.

Флоберъ нашелъ въ Луи Буле не только товарища, но и единомышленника. Онъ также вѣрилъ, что внѣ Виктора Гюго нѣтъ спасенія. Альфредъ Мюссэ нравился ему, но онъ не могъ простить ему личнаго элемента въ поэзіи. Луи Буле, какъ и Флоберъ, признавалъ, что поэзія, и вообще литература, должна быть безусловно объективна; главное условіе искусства—безличность; произведеніе, гдѣ сквозитъ индивидуальное чувство автора—никуда не годится. На первомъ планѣ должна быть форма; все остальное—вздоръ. Буле, скромный и конфузливый юноша, становился энергичнымъ и смѣлымъ, отстаивая эти взгляды. Онъ возмущался всякимъ литературнымъ произведеніемъ съ тенденціей, моралистическія пьесы смѣшили его, патріотическіе стихи—выводили изъ себя. Онъ искренно ненавидѣлъ Беранже, этого «Пѣвца Лизеты», за его шовинизмъ, за насмѣшки, за низменныя свойства, давшія ему популярность въ народѣ, и очень зло пародировалъ его.

Когда я познакомился съ нимъ у Флобера, онъ писалъ очень много стиховъ и обыкновенно приносилъ ихъ сейчасъ же къ Густаву. Мы искренно восхищались ими.

Въ то лѣто, Флоберъ увлекался изученіемъ французскаго театра XVIII-го вѣка, т. е. трагедій Вольтера и Мармонтеля, и подъ вліяніемъ этого чтенія уговорилъ насъ писать втроемъ трагедію по всѣмъ прави-

Digitized by Google

ламъ, съ сохраненіемъ трехъ единствъ и съ постоянными метафорами. Сюжетомъ мы взяли—«открытіе прививанія оспы»; эпиграфомъ—изреченіе Буало:

«D'un pinceau délicat l'artifice agréable
«Du plus hideux objet fait un objet aimable».

Мы принялись за работу. Флоберъ иногда просиживалъ цѣлыя ночи съ перомъ въ рукахъ, записывая каждый удачный стихъ. Онъ искренно вѣрилъ, что и самъ сочинялъ стихи, хотя никогда не нашелъ ни одной риѳмы. Кромѣ того, у него былъ настолько невѣрный слухъ, что онъ не могъ никогда запомнить ни одного мотива, поэтому не слышалъ и фальши въ стихѣ. Недаромъ Луи Булье говорилъ про него: «На Флоберѣ лежитъ проклятіе». И это была правда, хотя Густавъ и преслѣдовалъ въ прозѣ прежде всего гармонію. Увлекаясь метафорами и тѣмъ, что можно говорить все, лишь бы говорить хорошимъ слогомъ,—мы дошли до утрировки, до грубости. Флоберъ былъ всегда склоненъ къ этому, находя, что «самое лучшее слово—слово крупное». Скоро наша трагедія, перешедшая въ фарсъ, надоѣла намъ и мы принялись за серьезныя занятія. Флоберъ засѣлъ за «Искушеніе святаго Антонія» и сталъ изучать для него святыхъ отцовъ, схоластику и ереси. Онъ весь завалился книгами, и Луи Булье, видя это, со смѣхомъ говорилъ ему: «Смотри, не сдѣлай изъ твоего святаго Антонія ученаго мужа!..» Разставаясь съ Густавомъ осенью, мы уговорились, въ ожиданіи дальнихъ путешествій, поѣхать вмѣстѣ по Франціи и выбрали Бретань, какъ одну изъ отдаленныхъ и менѣе извѣстныхъ провинцій.

Когда Густавъ получилъ отъ матери разрѣшеніе на эту поѣздку, онъ съ радостью воскликнулъ: «Наконецъ-то мы будемъ одни и независимы»! Мы рѣшили ѣхать въ маѣ будущаго года, а пока подготовляться къ путешествію, изучая Бретань по книгамъ. Онъ взялъ на себя историческую часть, я—географію, этнологію и археологію. Наши письма той эпохи только и наполнялись собранными свѣдѣніями. И вотъ 1-го мая 1847 года мы вышли изъ Парижа, постукивая по мостовой длинными посохами. Мы были «независимы» и счастливы, счастливы, точно бѣжали отъ чего-то, точно мы въ самомъ дѣлѣ разбили какія-то цѣпи и завоевали себѣ свободу. Это ощущеніе оставалось въ продолженіе всего путешествія; мы сознавали, что освободились отъ разныхъ предразсудковъ, обычаевъ, условностей, отъ материнскихъ требовательныхъ ласкъ... Намъ казалось, что мы порвали съ цивилизованной жизнью и были счастливы возможностью пожить дикарями. Мы

Digitized by Google

шили сдѣлать все путешествіе пѣшкомъ—и исполнили это. Только разъ съ Густавомъ сдѣлался припадокъ и это было единственное, непріятное впечатлѣніе изъ всего путешествія, оставившаго намъ самое свѣтлое воспоминаніе. Ходьба, молодость, природа, все опьяняло насъ... Сколько разъ послѣ говорилъ Флоберъ, что это путешествіе—лучшая страница въ его жизни. Мы рѣшили описать его. При каждой остановкѣ мы садились за работу и записывали рѣшительно все, ничего не скрывая.

Но потомъ намъ стало жаль тратить время на описаніе, и мы рѣшили кончить его дома. У меня еще сохранилось письмо Флобера по этому поводу: «Я получилъ твою послѣднюю главу, пишетъ онъ мнѣ, она лучше, чѣмъ предъидущая; надо немного исправить, кое-что выкинуть, и тогда будетъ совсѣмъ хорошо. У тебя слишкомъ много одинаковыхъ красокъ, слишкомъ много мелкихъ подробностей... Ахъ, Максъ! Читая нѣкоторыя страницы—я вспомнилъ наше путешествіе въ Бретань... Едва-ли оно повторится, два раза не бываетъ такъ хорошо. Глупо было бы и пытаться повторить... Сколько воспоминаній нахлынуло на меня: пыль, повороты, горы и наши мечты на берегу овраговъ... И неужели ты уѣдешь на Нилъ одинъ, безъ меня...»

Дѣйствительно, лучше этой прогулки—въ нашей жизни ничего не было. Она окончательно сблизила меня съ Флоберомъ и сколько разъ, вспоминая прошлое, мы говорили о Бретани!!

Февральская революція 1848 г. вспыхнула неожиданно для насъ. Меня и Луи де-Корменена нарядили въ мундиры національной гвардіи и мы исправно исполняли свои обязанности. Флоберъ въ это время жилъ въ Руанѣ; его другъ Альфредъ Лепуатьенъ умиралъ.

Флоберъ былъ очень огорченъ и написалъ мнѣ объ этомъ. Я спросилъ письмомъ Лепуатьена о его здоровьѣ. «Я начинаю, отвѣтилъ онъ, видѣть вещи этого міра при свѣтѣ ужаснаго погребальнаго факела. Предупреждаю тебя, что эта фраза не моя, я взялъ ее у Сенъ-Симона и нахожу, что онъ ошибся:—факелъ вовсе не ужасенъ...» 3-го апрѣля, 1848 года, онъ умеръ и я получилъ отъ Флобера грустное письмо. Вотъ оно:

«Альфредъ умеръ въ понедѣльникъ, ночью. Я его похоронилъ вчера. Двѣ ночи я высидѣлъ около него, я завернулъ его въ простыню, поцѣловалъ на прощанье и видѣлъ, какъ заколотили гробъ. Я провелъ около него двое сутокъ и все время читалъ «Религіи древности», Крей-

Digitized by Google

цера. Окно было открыто, ночь была восхитительна; слышалось пѣніе пѣтуха... Ночная бабочка летала вокругъ факеловъ... Я никогда не забуду ни выраженія его лица, ни звука рога, долетѣвшаго до меня ночью... Въ среду я отправился гулять и за мной пошла его собака, которая всюду ходила за нимъ... Наканунѣ его смерти она провыла всю ночь и никто не могъ заставить ее замолчать. Я нѣсколько разъ садился на мохъ отдыхать, курилъ, смотрѣлъ на небо... Наконецъ я прилегъ за кучу прутьевъ и заснулъ... Послѣднюю ночь я читалъ *Осенніе листья*. Я все попадалъ на любимыя имъ вещи или на вещи, имѣющія почему либо отношеніе къ настоящему. Время отъ времени я приподнималъ покрышку съ его лица и смотрѣлъ на него... Когда разсвѣло, мы съ сидѣлкой стали одѣвать покойнаго. Я приподнялъ его, повернулъ и закуталъ. Впечатлѣніе его холоднаго и окоченѣвшаго тѣла осталось во мнѣ на весь день. Онъ очень разложился и мы надѣли на него два савана. Когда мы закутали его, онъ сталъ похожъ на египетскую мумію... И вдругъ чувство свободы и радости за него охватило меня. Свѣтало, лѣсъ уже выступалъ изъ тумана, факелы блестѣли на разсвѣтѣ, птицы пѣли... Мнѣ вспоминалась фраза изъ его Bélial: «Счастливая птица полетитъ въ лѣсъ привѣтствовать встающее солнце». Я точно слышалъ его голосъ при этой фразѣ и весь день она не оставляла меня... Его несли до кладбища на рукахъ больше часа. Я шелъ сзади и видѣлъ, какъ гробъ качался, точно лодка на морѣ. Служба была страшно длинная... Я подошелъ къ самому краю могилы и смотрѣлъ, какъ засыпали его; мнѣ показалось, что на него бросили сто тысячъ лопатъ земли... Возвращаясь въ Руанъ, я сѣлъ на козлы къ Булье; шелъ прямой дождь, лошади скакали въ галопъ, я кричалъ, погоняя ихъ... Воздухъ принесъ мнѣ большую пользу. Я проспалъ всю ночь и даже весь день.

«Вотъ что пережилъ я со вторника! У меня были изумительно-ясныя понятія о своемъ *я* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, путаница въ мысляхъ — непередаваемая...»

Флоберъ сталъ очень грустить въ Руанѣ среди монотонной провинціальной обстановки. Я вскорѣ уѣхалъ въ Алжиръ, и всѣ письма, полученныя мною тамъ отъ Густава, наполнены его жалобами на все: на здоровье, на надоѣвшій ему Руанъ, на дождь, на «Искушеніе святаго Антонія», надъ которымъ ему пришлось такъ много трудиться; онъ жаловался на свою жизнь скучную, однообразную, безъ просвѣта вдали. И каждое письмо его кончалось словами: «Какой ты счастливецъ»!

Мы съ нимъ увидѣлись опять въ февралѣ 1849 года въ Руанѣ, и

Digitized by Google

я разсказалъ ему о моемъ путешествіи и о моихъ проэктахъ въ будущемъ. «Какъ ужасно, что я не могу поѣхать съ тобой»! воскликнулъ Флоберъ.

Мнѣ стало жаль его. Онъ былъ обреченъ на существованіе старика-провинціала, тогда какъ его думы витали въ необозримыхъ пустыняхъ и на библейскихъ рѣкахъ... Мнѣ захотѣлось устроить непремѣнно его поѣздку на востокъ и я уговорилъ его брата-хирурга сказать матери, что путешествіе необходимо для здоровья Густава. И мать, подъ этимъ условіемъ, согласилась отпустить его со мной. Я ожидалъ, что это разрѣшеніе приведетъ его въ восторгъ. Онъ такъ страстно ждалъ его. И что-же? Густавъ вдругъ впалъ въ уныніе. Это удивило меня. Позже я имѣлъ возможность много разъ убѣдиться въ этой чертѣ характера Флобера: желаніе удовлетворяло его гораздо больше, чѣмъ исполненіе. Онъ могъ хотѣть чего нибудь съ жаромъ, доходящимъ до страданій, огорчался, если не достигалъ этого, проклиналъ свою судьбу, призывалъ насъ въ свидѣтели своихъ несчастій, и вдругъ, если его желаніе исполнялось, онъ точно разочаровывался и забывалъ о немъ...

У него было странное свойство: онъ представлялъ себѣ все, что было далеко отъ него, въ преувеличенномъ видѣ, и, разъ онъ достигалъ желаемаго, онъ охладѣвалъ къ нему. Флоберъ воображалъ себѣ великолѣпіе, чудеса, безконечныя наслажденія — не находилъ этого и обвинялъ искусство и природу за то, что они не могутъ ему дать ничего подобнаго. Это господство воображенія, раздраженнаго уединеніемъ и ночной работой, — доставило ему много тяжелаго въ жизни. Когда у него исчезала причина жалобы — онъ страдалъ... Онъ постоянно повторялъ изреченіе Мишле: «только невозможное завлекательно». Какъ скоро невозможное становилось возможнымъ, — оно теряло для него всякую цѣну. Онъ цѣлыми часами мечталъ о какихъ нибудь грандіозныхъ проэктахъ. Такъ напримѣръ, сколько времени потратилъ онъ на свою фантазію «Зимы въ Парижѣ»; все чудовищное римской имперіи, все изящное эпохи возрожденія, все волшебное изъ «Тысячи одной ночи»—вошло сюда. «Это стоило-бы двѣнадцать милліардовъ, не больше»,—говорилъ онъ. Такія фантазіи завладѣвали Флоберомъ, порабощали его, и онъ становился похожимъ на курильщика опіума... Онъ постоянно жилъ въ какихъ-то облакахъ и, можетъ быть, въ этомъ одна изъ причинъ его медленной работы. Онъ всегда долженъ былъ сдерживать свою фантазію, уносившую его слишкомъ далеко отъ дѣла. «На-

Digitized by Google

конецъ мы вмѣстѣ увидимъ Нилъ» говорилъ я ему.—«Да, но мы не доѣдемъ до Ганга», горевалъ онъ...

Онъ заявилъ мнѣ, что не можетъ уѣхать раньше, чѣмъ окончитъ «Искушеніе святаго Антонія», т. е. до конца сентября. Я рѣшилъ ждать его и жилъ въ Парижѣ, пока не получилъ отъ него увѣдомленія: «Я окончилъ «Святаго Антонія», пріѣзжай». На слѣдующій же день я былъ у него въ Круасетѣ, гдѣ встрѣтилъ и Булье. Намъ обоимъ было очень интересно прослушать произведеніе Густава, о которомъ онъ намъ до сихъ поръ не говорилъ ни слова. И я, и Булье воображали его по своему.

Флоберъ принялся за чтеніе. Оно шло тридцать два часа. Густавъ читалъ четыре дня, по восьми часовъ въ день. Мы условились не дѣлать замѣчаній во время чтенія. Флоберъ, приступая къ нему, воскликнулъ, потрясая тетрадью: «Если вы не зарычите отъ восторга, значитъ, ничто не можетъ восхитить васъ»!

Во мнѣ осталось самое тяжелое воспоминаніе объ этихъ долгихъ часахъ чтенія. Мы сидѣли молча и все ждали, что вотъ наконецъ начнется дѣйствіе. Но такъ и не дождались его. Густавъ написалъ діалогъ въ двухъ частяхъ, гдѣ св. Антоній, ошеломленный, простоватый, я даже скажу — глупый, видитъ передъ собой разныя формы искушенія и не знаетъ, что сказать, кромѣ: «А! а! о! о! Господи Боже мой»! Его чувства искушаются, искушается и умъ его, передъ которымъ всѣ ереси, всѣ религіи, всѣ философіи выкладываютъ свои доказательства. Тутъ къ семи смертнымъ грѣхамъ присоединяется восьмой—логика, объясняющая и оправдывающая ихъ. Тутъ свинья играетъ свою роль: въ нее вселилась гордыня и она мечтаетъ о силѣ кабана.

Флоберъ съ жаромъ читалъ все это, но его жаръ не растопилъ насъ.—Мы оставались холодны къ его произведенію. Фразы, фразы красивыя, ловко построенныя, звучныя, часто слишкомъ многосложныя; величественные образы, неожиданныя метафоры,—вотъ и все... Лиризмъ—основа таланта Флобера—завлекъ его слишкомъ далеко и онъ потерялъ почву. Мы молчали, но легко было понять, какое впечатлѣніе произвело на насъ чтеніе. Густавъ говорилъ время отъ времени: «Вотъ вы увидите...» Мы слушали прилежно, что говорили Сфинксъ, Химера, Плутонъ, Діана, Геркулесъ и другіе, и ничего не поняли. Намъ было ясно, что трехлѣтній трудъ Флобера разлетается передъ нами, какъ дымъ. Передъ чтеніемъ послѣдней части мы уговорились съ Булье сказать Густаву всю правду. Онъ, увлекаясь романтизмомъ, сталъ на ложный путь, впалъ въ пафосъ. Наши дружескія отношенія обязывали насъ открыть ему

Digitized by Google

глаза. Въ этотъ же вечеръ, когда онъ послѣ чтенія спросилъ насъ, что̀ мы думаемъ о его произведеніи, Булье прямо отвѣтилъ: «Мы думаемъ, что его надо сжечь и никогда не говорить о немъ». Флоберъ даже привскочилъ... «Ты взялъ слишкомъ туманный сюжетъ и затуманилъ его еще манерой изображенія... Одинъ сюжетъ тебя увлекаетъ къ другому и ты забываешь самую точку отправленія. Капля воды бѣжитъ въ ручей, ручей въ рѣку, рѣка въ озеро, озеро въ океанъ; океанъ затопляетъ все: тебя, твоихъ дѣйствующихъ лицъ, читателя и, наконецъ, топитъ все твое произведеніе».

Флоберъ не сдавался. Онъ цитировалъ отдѣльныя фразы, повторяя: «Развѣ это не хорошо»?—«Да, само по себѣ это хорошо, но оно ничего не даетъ книгѣ».—«А слогъ»? «Слогъ и риторика—двѣ вещи разныя, ты хотѣлъ дать музыку—вышелъ только шумъ».

Флоберъ былъ потрясенъ. «Вы, можетъ быть, правы, сказалъ онъ. Я былъ слишкомъ поглощенъ сюжетомъ, я былъ ослѣпленъ имъ... Я согласенъ съ вашими замѣчаніями, но всѣ эти недостатки уже лежатъ въ моей натурѣ».

Тогда мы посовѣтовали ему брать сюжеты изъ жизни, гдѣ ему негдѣ было-бы доводить лиризмъ до утрировки. Флоберъ отвѣтилъ: «Это будетъ нелегко... но я попробую».

Конечно, Густавъ не могъ не признать пользы нашего откровеннаго сужденія. Онъ понялъ, что оно хоть и жестко, но справедливо... Онъ самъ послѣ говорилъ: «У меня былъ ракъ лиризма; вы дѣлали мнѣ операцію, вы помогли мнѣ, но я все-таки кричалъ отъ боли».

Флоберу было ужасно трудно разстаться со своимъ «Антоніемъ». Гораздо позже, уже послѣ громаднаго успѣха «Madame Bovary» и «Salammbô», онъ снова засѣлъ за «Искушеніе св. Антонія» и снова спряталъ его. Наконецъ, въ третій разъ онъ принялся за него, сократилъ, выбросилъ лишнія сцены и напечаталъ въ 1874 г., посвятивъ его памяти Альфреда Лепуатьена. Все-таки, и въ этомъ исправленномъ видѣ, Флоберъ былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ и не разъ жалѣлъ, что не послушался насъ.

На слѣдующій день послѣ чтенія, мы сидѣли въ саду втроемъ. Всѣмъ намъ было грустно... Вдругъ Булье сказалъ: «Почему бы тебѣ не описать исторію Делонэ?» Флоберъ съ радостью воскликнулъ: «Вотъ и идея»!..

Делонэ былъ военный докторъ, ученикъ отца Флобера. Мы всѣ знали его. Онъ женился въ первый разъ на женщинѣ гораздо старше себя, потомъ овдовѣлъ и женился на молодой дѣвушкѣ безъ всякихъ средствъ

Digitized by Google

получившей кой-какое образованіе въ Руанскомъ пансіонѣ. Она не была красива,—рыжая, съ веснушками. Делонэ обожалъ ее, а она обманывала его на каждомъ шагу. Это была болѣзненная, анемичная женщина; она вся запуталась въ долгахъ... Любовники били ее, для нихъ она обкрадывала мужа, кредиторы преслѣдовали ее... Она впала въ отчаяніе и отравилась. Послѣ нея осталась дѣвочка, которую Делонэ хотѣлъ воспитать, но онъ не справился ни съ разореньемъ, ни съ долгами жены, ни со своимъ позоромъ, и самъ отравился синеродистымъ каліемъ.

Эта драма и послужила Флоберу сюжетомъ для романа. Конечно, не будь Густавъ недоволенъ «Искушеніемъ св. Антонія» ему бы не написать «Госпожи Бовари».

Я вернулся въ Парижъ, куда черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ и Флоберъ, чтобы отправиться въ путешествіе. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ впалъ въ уныніе. «Сумашествіе, говорилъ онъ, ѣхать такъ далеко!.. Я не увижу больше ни матери, ни родины»... Онъ разсказалъ мнѣ, что, уѣзжая изъ Круасета, онъ оставилъ свой кабинетъ такъ, какъ будто долженъ былъ вернуться на слѣдующій день, видя въ этомъ какой-то предразсудокъ.

Замѣчая, какъ онъ груститъ передъ отъѣздомъ, я предложилъ ему остаться... «Я буду такъ смѣшенъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, что не посмѣю взглянуть въ зеркало». И мы, наконецъ, поѣхали.

15-го ноября 1849 г. мы были въ Александріи.

Но и въ Египтѣ, среди красотъ и величія новой природы,—Флоберъ оставался самимъ собою. Онъ не увлекался ни прекрасными картинами, ни оригинальными обычаями... онъ постоянно былъ спокоенъ, и жилъ самъ въ себѣ. Онъ не выносилъ тревожнаго существованія, а потому не любилъ путешествовать.

Съ первыхъ же дней нашего пріѣзда въ Каиръ, я замѣтилъ, что Густавъ скучаетъ; я увидѣлъ, что исполненіе давнишней его мечты уже утомило его. Я даже предложилъ ему вернуться домой, но онъ не согласился: «Разъ я поѣхалъ,—я поѣду до конца; назначай маршрутъ, мнѣ все равно—ѣхать-ли направо, или налѣво».

И дѣйствительно, ничто не занимало его. Храмы ему казались всѣ одинаковы, пейзажи тоже... Смотря на Нилъ, онъ видимо скучалъ по Сенѣ. Въ храмѣ Изиды онъ усѣлся спокойно и читалъ Карла Бернара. Думы о матери влекли его въ Круасетъ; неудача «Искушенія

Digitized by Google

св. Антонія» удручала его. Мы еще не разъ, подъ жаркимъ южнымъ небомъ, на волнахъ Нила, спорили съ нимъ объ этомъ произведеніи. Кромѣ всего этого, еще новый романъ наполнялъ его; въ африканской степи онъ мечталъ о нормандскихъ пейзажахъ; на вершинѣ Джебель-Абукира, когда мы любовались на Нилъ, извивающійся межъ скалъ, онъ вдругъ воскликнулъ: «Эврика, эврика»! нашелъ! Я назову ее Эмма Бовари»! И онъ нѣсколько разъ повторялъ «Бовари, Бовари»!... По странному явленію, воспоминанія этого путешествія вдругъ разомъ всплыли у него въ *Salammbô*. Впрочемъ и Бальзакъ былъ таковъ-же: онъ ни на что не смотрѣлъ и все запоминалъ.

Кончилось тѣмъ, что я получилъ отъ матери Флобера письмо, гдѣ она умоляла меня не ѣздить въ Персію и поскорѣе вернуться домой. Оказалось, что самъ Густавъ научилъ и даже упросилъ ее сдѣлать это. Мнѣ пришлось отказаться отъ своихъ плановъ и ѣхать съ нимъ въ обратный путь.

Мы пробыли въ путешествіи всего шестнадцать мѣсяцевъ. И только разъ между нами произошло столкновеніе, но столкновеніе довольно тяжелое:—мы не говорили другъ съ другомъ цѣлыхъ 48 часовъ. Вотъ какъ было дѣло. Мы очутились въ пустынѣ, не имѣя ни капли воды. Приходилось трое сутокъ ничего не пить. Дулъ южный сухой вѣтеръ. Мы всю ночь не спали, утомились страшно. Губы у насъ запеклись, во рту пересохло. Никто не говорилъ ни слова. Вдругъ Флоберъ обратился ко мнѣ: «Помнишь, какое лимонное мороженое подаютъ у Тортони»? Я утвердительно кивнулъ головой. Онъ продолжалъ: «Отличное мороженое, признайся, что ты былъ-бы не прочь съѣсть его теперь»? Я отвѣтилъ сердито: «Да». Черезъ 5 минутъ онъ опять заговорилъ: «Ахъ, лимонное мороженое»!... Я попросилъ его перемѣнить разговоръ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что лимонное мороженое достойно того, чтобы восхвалять его, и началъ описывать, какъ его берешь на ложку, какъ тихо жуешь языкомъ, какъ оно таетъ «тихо, свѣжо, прелестно».

Я ничего не говорилъ. Я зналъ, что Флобера нельзя остановить, когда онъ былъ въ такомъ настроеніи. Я думалъ, что мое молчаніе заставитъ замолчать его. Но онъ не унимался и началъ кричать: «Лимонное мороженое, лимонное мороженое»!

Я готовъ былъ убить его. Я подъѣхалъ къ нему, схватилъ его за

Digitized by Google

руку и велѣлъ ему ѣхать впереди, а самъ отсталъ шаговъ на двѣсти и все время ѣхалъ сзади.

Только въ три часа на слѣдующій день мы нашли воду и бросились пить. Флоберъ обнялъ меня и сказалъ: «Спасибо, что ты не убилъ меня... На твоемъ мѣстѣ я бы не выдержалъ».

Мы вернулись въ Парижъ въ маѣ 1851 г. и Флоберъ сейчасъ же уѣхалъ въ Круасетъ. Лишь тутъ только оцѣнилъ онъ наше путешествіе. Когда я пріѣхалъ навѣстить его, онъ только и говорилъ о востокѣ, говорилъ со слезами на глазахъ. Тамъ онъ постоянно думалъ о Нормандіи, въ Нормандіи затосковалъ по востокѣ. Онъ не могъ приняться за работу, его мысли витали на берегахъ Нила.

— Ты однако въ продолженіе всего путешествія очень скучалъ, сказалъ я ему.

— Да, отвѣтилъ онъ, но мнѣ хотѣлось бы начать его снова.

И онъ всегда былъ такимъ: прошлое манило его, будущее завлекало, а настоящимъ онъ никогда не пользовался. Буле, слушая жалобы Флобера на судьбу, молчалъ. А самому приходило на умъ, что еслибы ему дать существованіе Флобера, которое тотъ находилъ «невыносимымъ и несправедливымъ»,—онъ былъ бы совершенно счастливъ. «Флоберъ былъ обезпеченъ, стало быть, независимъ; могъ выбирать дѣло по своему вкусу, не заботиться о завтрашнемъ днѣ»... «Что бы заговорилъ онъ, еслибы ему было нужно заработывать себѣ кусокъ хлѣба», не разъ повторялъ мнѣ Буле, который постоянно бѣдствовалъ и долженъ былъ для заработка давать уроки, тогда какъ ему хотѣлось отдаться литературѣ. Его поэма *Meloenis* была уже окончена, но онъ не зналъ, гдѣ ее напечатать. Почти въ то-же время, мы, т. е. Луи де-Корменень, Теофиль Готье, Арсенъ Гуссэ и я, возобновили изданіе прекратившагося «Парижскаго обозрѣнія» и сейчасъ же взялись печатать поэму Буле, посвященную Флоберу. Публика тутъ въ первый разъ узнала имена этихъ двухъ друзей, не разставшихся потомъ всю жизнь. Мнѣ хотѣлось напечатать что нибудь изъ готоваго у Флобера, но это было не такъ легко. «Novembre» ему казался слишкомъ ребяческимъ произведеніемъ; «L'éducation sentimentale» не представляло интереса. Оставалось «La tentation de Saint-Antoine». Но оно было слишкомъ длинно, а печатать отдѣльные эпизоды—не имѣло смысла. Я предложилъ ему описать нашу поѣздку въ Грецію, но онъ находилъ, что описаніе путешествій—низкій сортъ литературы. Его стремленія были выше. Я не настаивалъ;

Digitized by Google

но написалъ ему, что пріѣду въ Круасетъ поговорить съ нимъ, и получилъ отъ него такой отвѣтъ:

«Вторникъ. 21-го октября 1857 г.—Я жду тебя съ нетерпѣніемъ. Мнѣ хочется много и подробно переговорить съ тобой, раньше, чѣмъ рѣшиться на что нибудь. Въ прошлое воскресенье, мы съ Булье прочли нѣсколько отрывковъ изъ «Святаго Антонія». Печатать кусочками неудобно, самъ увидишь. Есть прекрасныя страницы, но! но! но!... онѣ не удовлетворяютъ; и мнѣ кажется, что самые снисходительные, даже самые умные критики назовутъ мое произведеніе «страннымъ». Правда, на моей сторонѣ будутъ добрые люди, которые хоть и ничего не поймутъ, но будутъ восторгаться изъ боязни, что другіе поняли больше, чѣмъ они. Булье противится печатанію главнымъ образомъ потому, что тутъ видны всѣ мои недостатки и только нѣкоторыя изъ моихъ достоинствъ. По его мнѣнію, это ниже меня. Въ будущее воскресенье мы прочтемъ всѣхъ «боговъ»; они, пожалуй, болѣе всего остальнаго представляютъ нѣчто цѣлое. Какъ объ этомъ, такъ и относительно главнаго вопроса, у меня нѣтъ собственнаго мнѣнія. Я не знаю, что мнѣ думать. Я нахожусь въ положеніи осла Буридана. До сихъ поръ меня еще не упрекали въ недостаткѣ индивидуальности, въ томъ, что я не сознаю своего личнаго, маленькаго «я». И вотъ въ вопросѣ, быть можетъ, самомъ важномъ для художника—у меня полное отсутствіе этой индивидуальности. Я исчезаю, я расплываюсь, хотя и дѣлаю все зависящее отъ меня, для того чтобы имѣть хоть какое нибудь мнѣніе. И все напрасно. Возраженія за и противъ—мнѣ кажутся одинаково справедливыми.

«Если я когда нибудь стану печатать, то это случится самымъ глупымъ образомъ. Я напечатаю или оттого, что мнѣ посовѣтовали, или изъ подражанія, или изъ послушанія, но безо всякой иниціативы съ моей стороны. У меня нѣтъ ни потребности, ни желанія печатать. А вѣдь нужно дѣлать только то, къ чему лежитъ сердце. Не правда ли? Трусъ, который, подчиняясь совѣту друзей, принимаетъ вызовъ и находитъ, что дѣлаетъ глупость, поступаетъ гораздо подлѣе, чѣмъ откровенный трусъ: этотъ проглатываетъ оскорбленіе и остается преспокойно дома.

«Меня всего болѣе возмущаетъ то, что мысль о напечатаніи не принадлежитъ мнѣ, что она навѣяна другими. Но ужь если и печатать, то не кое-какъ. Если дѣлать дѣло, то дѣлать его какъ слѣдуетъ. Мнѣ придется прожить зиму въ Парижѣ. По неволѣ станешь походить на всѣхъ людей, будешь жить жизнью страстей и интригъ. Придется дѣлать много такого, чѣмъ я возмущаюсь и что заранѣе возбуждаетъ во

Digitized by Google

мнѣ сожалѣніе. Способенъ-ли я на все это? Ты знаешь, я—человѣкъ увлеченій и слабостей. Ты не можешь себѣ представить, какая невидимая сѣть бездѣйствія опутываетъ мое тѣло и какой туманъ наполняетъ мой мозгъ! Для меня истинное мученіе, когда надо сдѣлать что нибудь; мнѣ нужны неимовѣрныя усилія, чтобы додуматься до какой нибудь ясной мысли. Моя юность пронитала меня на всю жизнь какимъ то дурманомъ тоски. Я ненавижу жизнь. Это вырвалось у меня, пусть и останется. Да, я ненавижу жизнь и все, что мнѣ напоминаетъ о необходимости жить. Ѣсть и одѣваться для меня пытка. Это сознаніе преслѣдовало меня всюду: въ школѣ, въ Руанѣ, въ Парижѣ, на Нилѣ, во время нашего путешествія. Съ твоимъ яснымъ и опредѣленнымъ характеромъ ты часто возмущался моей безпредметной тоской,—я не умѣлъ ее объяснить и ты не разъ осыпалъ меня безпощадными упреками!

«Неужели же ты думаешь, что я прожилъ тридцать лѣтъ той жизнью, которую ты такъ осуждаешь, въ силу одного только упрямства, безо всякихъ размышленій? Отчего у меня не было любовницъ? Отчего я проповѣдывалъ цѣломудріе? Отчего я остался въ этомъ провинціальномъ болотѣ? Неужели ты думаешь, что мнѣ не хотѣлось бы свѣтской жизни? Напротивъ. Но взгляни на меня и скажи, возможно-ли это. Небо также мало назначало меня для роли свѣтскаго человѣка, какъ и танцора. Рѣдкій мужчина зналъ такъ мало женщинъ, какъ я. Это наказаніе за *пластическую красоту*, которой такъ восхищается Тео *) а если я не издамъ своихъ произведеній, то это будетъ возмездіе за всѣ тѣ поэтическіе вѣнки, которые я сплелъ себѣ въ молодости. Развѣ не слѣдуетъ подчиняться наклонностямъ? Если я не люблю движенія, значитъ я не умѣю ходить. Иногда мнѣ кажется, что я совершенно напрасно хлопочу о томъ, чтобы написать разумную вещь; мнѣ нужно бы отдаться лиризму, страсти и всѣмъ философско-фантастическимъ причудамъ, какія только приходятъ мнѣ въ голову. Какъ знать? Можетъ быть, въ одинъ прекрасный день я произвелъ бы на свѣтъ созданіе, которое было бы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ моимъ.

«Положимъ, что я начну печатать. Выдержу-ли я? И сильнѣе меня погибали. Кто знаетъ, что года черезъ четыре я не стану глупцомъ? Искусство уже не будетъ для меня единственной цѣлью. А до сихъ поръ я только въ немъ одномъ и находилъ полное удовлетвореніе. Если

*) Теофиль Готье.

Прим. перев.

Digitized by Google

же я почувствую стремленіе къ чему нибудь другому—значитъ, я падаю; а если это «другое» станетъ доставлять мнѣ удовольствіе — значитъ, я палъ. Но мысль, что во мнѣ говоритъ авторское самолюбіе, удерживаетъ меня отъ рѣшительнаго приговора, что никогда не буду печатать моихъ произведеній. Подобно улиткѣ, которая боится запачкаться о песокъ или погибнуть подъ чьей нибудь ногой — я ухожу въ свою раковину. Я не говорю, что у меня нѣтъ ни къ чему способности, но всякое дѣло для меня должно быть коротко и пріятно. У меня есть силы, но нѣтъ терпѣнія, а терпѣніе—все. Будь я жонглеромъ, я могъ бы отлично подымать громадныя тяжести, но не съумѣлъ бы долго держать ихъ. Мнѣ непонятны требованія свѣтской жизни и я положительно неспособенъ подчиняться имъ. Я надѣлалъ бы массу промаховъ.

«Ты выбросилъ два мѣста изъ твоей послѣдней повѣсти, потому что они показались тебѣ неудобными. Эта постыдная уступка раздражила меня. Я до сихъ поръ сержусь на тебя и, пожалуй, никогда не прощу... Вчера я долго бесѣдовалъ съ матерью. Но и у нея, какъ у меня, нѣтъ собственнаго мнѣнія. Ея послѣднимъ словомъ было: «Если ты написалъ что нибудь хорошее, — печатай». Ну вотъ и изволь тутъ дѣйствовать! Впрочемъ, я даю тебѣ все здѣсь написанное, какъ тему для размышленій. Но только размышляй, разбирая меня всего; хотѣ я и сказалъ въ *Education Sentimentale*, что «въ самыхъ интимныхъ бесѣдахъ все-таки остается кое-что недосказанное», но это не касается даннаго случая. Теперь я сказалъ тебѣ все. Я былъ правдивъ въ отношеніи самого себя, насколько человѣкъ способенъ быть правдивымъ. Я открываю передъ тобою все мое внутреннее *я*. Я тебѣ довѣряюсь и сдѣлаю все, что ты захочешь. Я вручаю тебѣ мою индивидуальность, она измучила меня.

«Когда я началъ письмо, я вовсе не думалъ говорить то, что написалось. Это вышло само собою, пусть такъ и остается. Наши послѣдующія бесѣды будутъ упрощены этимъ. Прощай, отъ души обнимаю тебя».

Я отвѣтилъ Флоберу не менѣе длиннымъ письмомъ, черновую котораго я сохранилъ, для того чтобы прочесть ее Булье, такъ какъ онъ очень интересовался душевнымъ состояніемъ Густава. Письмо мое сводится къ двумъ положеніямъ:—«Ты не ненавидишь жизнь вообще, ты ненавидишь *твою* жизнь, *твой* образъ жизни, что̀ далеко не одно и то же.—Мнѣ невозможно рѣшать за тебя, ибо только ты, одинъ ты, можешь и долженъ знать, чего ты хочешь». Намекая на наше путешествіе,

Digitized by Google

я написалъ ему довольно невеликодушную фразу: «Я не хочу соблазнять тебя; разъ я сдѣлалъ это и—довольно».

Когда я пріѣхалъ въ Круасетъ, Флоберъ еще не принялъ никакого рѣшенія. Мы съ Буйе были поражены его нерѣшительностью. Принимаясь читать «Искушеніе св. Антонія», онъ упивался благозвучіемъ своей прозы и приходилъ въ восторгъ отъ собственнаго произведенія. Сидя у камина, при свѣтѣ лампъ, слушая самого себя, онъ впадалъ въ экстазъ. Онъ клялся напечатать свою книгу и заставить «буржуа» признать ее за образцовое произведеніе. На слѣдующее же утро, онъ говорилъ, что никогда ничего печатать не будетъ. Эти постоянные переходы отъ крайней экзальтаціи къ полному изнеможенію продолжались недѣли двѣ. Мы съ Буйе не рѣшались ничего совѣтовать ему, боясь брать на себя какую либо отвѣтственность. Флоберъ рѣшилъ ѣхать въ Парижъ, чтобы переговорить съ Теофилемъ Готье.

Всѣ эти колебанія кончились тѣмъ, что онъ рѣшилъ спрятать «Святаго Антонія» и принялся за «Madame Bovary».

Въ 1856 году Флоберъ наконецъ переѣхалъ въ Парижъ. Онъ сей. часъ же сталъ любимцемъ нашего литературнаго кружка, гдѣ у каждаго былъ свой конекъ. Флоберъ явился опять съ тѣмъ же: искусство для искусства. Какъ только заходила рѣчь объ этомъ, Густавъ преображался. Онъ начиналъ съ жаромъ доказывать вліяніе художника на человѣчество; говорилъ, что въ литературѣ нѣтъ мѣста личнымъ чувствамъ; романы, гдѣ сквозятъ взгляды самого автора—нужно сожигать;— писатель долженъ подчиняться своимъ героямъ, думать и дѣйствовать, какъ они. Сюжетъ ничего не значитъ, все дѣло въ исполненіи; хорошо нарисовать улитку на кочанѣ капусты или Аполлона и Венеру—одно и тоже. Если кто не соглашался съ этими взглядами, Флоберъ выходилъ изъ себя и бранилъ противника «бюрократомъ».

О пріемахъ писателя у него были также свои постоянныя мнѣнія: нужно избѣгать готовыхъ фразъ, прибѣгать какъ можно чаще къ сравненіямъ, употреблять, по возможности, меньше вспомогательные глаголы, искать образныхъ выраженій. Чтобы достичь извѣстной силы въ описаніи—нужны контрасты; для яркаго разсказа о вкусномъ обѣдѣ, надо испытать чувство голода; для вѣрнаго описанія африканской жары, необходимо самому дрожать отъ стужи. А главное, надо ни минуты не забывать о красивой и изящной формѣ. Тутъ Флоберъ проповѣдывалъ язычество. Когда я рѣшался не соглашаться съ нимъ,—онъ называлъ меня еретикомъ.

Digitized by Google

Густавъ все это время былъ очень возбужденъ. Его другъ Булье пріѣхалъ въ Парижъ ставить свою новую пьесу. Одеонъ принялъ ее, начались репетиціи. Флоберъ проводилъ почти цѣлые дни въ театрѣ. Новизна обстановки заинтересовала его. Онъ шагалъ по сценѣ, заставлялъ повторять цѣлые монологи, указывалъ жесты, давалъ тонъ, переставлялъ актеровъ, говорилъ всѣмъ «ты»: бутафорамъ, артистамъ, суфлеру и машинистамъ. Еслибы онъ ставилъ свою собственную пьесу— онъ не могъ бы хлопотать больше, чѣмъ о пьесѣ Булье; онъ зналъ, что ея успѣхъ—все для ея автора. Въ случаѣ неудачи, Булье долженъ былъ опять возвратиться въ Руанъ, опять жить уроками и вѣчно бѣдствовать. И Флоберъ сдѣлалъ все, что могъ для его успѣха: онъ даже перезнакомился съ вліятельными критиками и подружился съ молодежью, посѣщающей первыя представленія. Нечего говорить, что когда пьеса имѣла громадный успѣхъ—Флоберъ сіялъ отъ радости. Оба друга выступали одновременно на литературномъ поприщѣ. Пока публика привѣтствовала въ Одеонѣ Булье, Флобера она стала читать въ Revue de Paris.

Мы начали тогда печатаніе его романа «Госпожа Бовари», надъ которымъ онъ работалъ цѣлыхъ три года. Ни одна строчка его не прошла безъ контроля Булье. Флоберъ постоянно совѣтовался съ нимъ, и хотя оспаривалъ каждую поправку, но въ концѣ концовъ поступалъ такъ, какъ ему говорилъ Булье. Привычка имѣть дѣло съ дѣтьми помогла Булье въ спорахъ съ Флоберомъ. На его нетерпѣливые крики онъ отвѣчалъ шуткой и стойко продолжалъ свое. Флоберъ многимъ обязанъ ему въ красотѣ и успѣхѣ своихъ произведеній. Недаромъ онъ писалъ, въ іюлѣ 1869 года, послѣ смерти Луи Булье, что онъ потерялъ въ немъ «свое литературное сознаніе, свой компасъ». Когда Флоберъ заблуждался или увлекался, Булье выводилъ его на дорогу. Онъ не прибавилъ ни одного слова къ «Госпожѣ Бовари», но вычеркнулъ очень много лишняго, ненужнаго. Такъ, напримѣръ, одному описанію дѣтской игрушки, которою въ романѣ играетъ сынъ аптекаря Гомэ, Флоберъ посвятилъ десять страницъ. Булье цѣлую недѣлю убѣждалъ его выбросить это описаніе и наконецъ убѣдилъ. «Какъ бы ни былъ красивъ горбъ, говорилъ Булье, но если ты его прилѣпишь къ Венерѣ, Венера выйдетъ горбатая»...

Лишь только началось печатаніе «Госпожи Бовари» въ «*Парижскомъ Обозрѣніи*» — подписчики возстали, заговорили о безнравственности. Намъ въ редакцію писали бранныя письма, обвиняли насъ въ клеветѣ на Францію, въ желаніи очернить ее въ глазахъ иностранцевъ; намъ говорили, что женщинъ, которыя обманываютъ мужей, дѣлаютъ долги,

Digitized by Google

ходятъ на свиданія въ сады и трактиры—нѣтъ во Франціи, а—главное—нѣтъ въ провинціи, гдѣ нравы отличаются своей чистотой. «Да они всѣ съ ума сошли!» только и повторялъ Флоберъ, читая эти письма.

Но, очевидно, манера Флобера была еще нова для публики; у него анализъ шелъ слишкомъ далеко и становился «вскрытіемъ». Только немногіе оцѣнили его, оцѣнили красоту слога и логичность выводовъ; читатели же, неумѣющіе читать (о, ихъ имя—легіонъ!) увидѣли въ романѣ одно неприличіе; они не хотѣли понять, что Флоберъ далъ имъ только правду, но что эта правда отъ силы таланта автора явилась передъ ними какъ бы подъ микроскопомъ, и оттого показалась имъ такой чудовищною.

Какъ бы то ни было, продолженіе печатанія романа становилось немыслимымъ. «Парижскому Обозрѣнію» грозило закрытіе; причиной ставили — оскорбленіе общественной нравственности. Приходилось дѣлать урѣзки и измѣненія въ романѣ Флобера. Онъ возсталъ, не позволялъ трогать ни одного слова. Для него искусство было божествомъ и по отношенію къ нему онъ становился фанатикомъ. Онъ могъ оправдать воровство, убійство, но не подчиненіе искусства «буржуазнымъ» требованіямъ. На подобное преступленіе онъ не согласился бы ни за какія блага.

Мы прямо объявили ему, что журналъ не будетъ печатать «Госпожу Бовари» безъ урѣзокъ, но что онъ можетъ, если желаетъ, въ особой статьѣ, сложить съ себя всякую отвѣтственность за свое «изуродованное» произведеніе.

Флоберъ негодовалъ, возмущался, ссорился; но, въ концѣ концовъ, все-таки согласился на эту уступку.

Такимъ образомъ, все устроилось отлично: и овцы остались цѣлы, и волки стали сыты. Но Флоберъ не могъ успокоиться на этомъ и испортилъ все дѣло. Онъ взялъ «*Парижское Обозрѣніе*», возстановилъ всѣ пропущенныя мѣста и скабрезныя фразы, и отдалъ все это одному журналисту. Тотъ написалъ статью, гдѣ доказывалъ, что мы подрываемъ общественную нравственность. Статью снесли въ Тюльери, оттуда она была отправлена къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ него къ министру юстиціи, и Густавъ Флоберъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ.

Конечно, результатъ процесса вышелъ совсѣмъ не тотъ, какого ждала администрація. Флобера оправдали и, кромѣ того, его роману дали такую извѣстность, какой ему пришлось бы долго добиваться, еслибы не было этого процесса. Флоберъ сразу сталъ знаменитостью. О немъ на-

Digitized by Google

чали говорить, писать, спорить... Его имя вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ. Онъ сейчасъ же былъ провозглашенъ главой школы реалистовъ. Послѣднее было очень непріятно Флоберу. Онъ, до конца своей жизни, думалъ, что понятіе о реализмѣ относится къ самому замыслу романа, а не къ исполненію его, и всегда возставалъ противъ этого, ретиво отказываясь отъ созданія какой-то новой школы.

«Меня обвиняютъ въ реализмѣ, говорилъ онъ послѣ успѣха «Госпожи Бовари», т. е. въ томъ, что я фотографирую съ дѣйствительности и неспособенъ создать что нибудь... хорошо-же! Я разскажу имъ теперь исторію, о которой еще никто ничего не знаетъ».

И Флоберъ принялся за *Salammbô*. Но онъ слишкомъ долго жилъ своими думами о *Madame Bovary* и не могъ сразу отдѣлаться отъ этихъ впечатлѣній, поэтому «Саламбо» стоила ему большаго труда. Онъ уѣхалъ въ Тунисъ, чтобы перемѣнить обстановку и на мѣстѣ описать пейзажи. Здѣсь сознаніе полной свободы сразу охватило его: онъ могъ дать полную волю своему воображенію, никакія узенькія рамки не стѣсняли его, ни относительно содержанія, ни относительно изложенія,—образныя выраженія могли сыпаться безо всякихъ стѣсненій. Поэтому, только «Саламбо» и можетъ дать самое вѣрное отраженіе таланта Флобера. Онъ вложилъ сюда и всѣ свои достоинства, и всѣ недостатки. И это была самая любимая его книга; онъ гордился ею и обижался, когда его называли авторомъ «Бовари».

Появленіе въ свѣтъ «Саламбо» было кульминаціоннымъ пунктомъ въ существованіи Флобера. Его припадки почти не повторялись и онъ уже думалъ, что навсегда избавился отъ своей болѣзни. Онъ бросилъ затворническую жизнь и сталъ бывать въ обществѣ. Его слава, красота и нѣкоторыя странности сразу обезпечили ему успѣхъ въ свѣтѣ. Онъ сталъ заниматься собою и своимъ туалетомъ. Мы подшучивали надъ нимъ, посылали ему разныя притиранія, и онъ отъ души смѣялся надъ этимъ. Мы были счастливы, что свѣтскій успѣхъ хоть сколько нибудь удовлетворяетъ его. Онъ, по крайней мѣрѣ, отвлекался немного отъ своихъ серьезныхъ занятій, отъ постоянныхъ думъ о литературѣ. Онъ сталъ ходить въ театръ, постоянно толкался за кулисами, знакомился съ артистами, съ ихъ жизнью и нравами.

Уже позже у него явилась мысль написать феерію—«Замокъ сердецъ». Онъ хотѣлъ перенести на сцену всѣ свои фантазіи. Конечно, постановка подобной фееріи была немыслима, но Флоберъ все-таки весь отдался ей. Ему одному было не подъ силу справиться со сцени-

Digitized by Google

ческой вещью и онъ призвалъ себѣ на помощь графа Х., писавшаго для театра, и Луи Буле—для куплетовъ. Графъ скоро сбѣжалъ отъ этой работы, а Луи Буле, безусловно подчинявшійся Флоберу,—добросовѣстно сочинялъ куплеты, хотя голова у него была наполнена совсѣмъ другимъ:—онъ задумалъ тогда драму въ стихахъ. Флоберъ въ работѣ становился деспотомъ и относительно себя, и относительно другихъ. Онъ былъ способенъ запереть сотрудника на ключъ и заставлять его работать. Луи Буле покорно подчинялся этому деспотизму; для Флобера онъ готовъ былъ на все и оставался его вѣрнымъ, преданнымъ другомъ до самой смерти.

Онъ умеръ въ 1869 г., и эта смерть снова ввела въ уныніе Густава. Онъ привыкъ дѣлиться съ Буле всякимъ впечатлѣніемъ, быть всегда подъ его вліяніемъ. Для нихъ обоихъ точно не существовало ничего внѣ ихъ: — они постоянно работали вмѣстѣ, прославляли другъ друга и даже оба впадали въ однѣ и тѣ же ошибки. И Флоберъ, и Буле, живя внѣ общей жизни, смотрѣли на все съ точки зрѣнія искусства, и даже не искусства, а литературныхъ формъ. Ко всему, что могло бы заинтересовать ихъ, они обращали вопросъ: «Какое отношеніе это имѣетъ къ литературѣ». Это просто очерствляло ихъ. Они стали совершенно равнодушны къ великимъ вопросамъ человѣчества. Въ древней исторіи, въ среднихъ вѣкахъ, въ эпохѣ возрожденія, въ современной жизни—ихъ увлекала только форма, т. е. внѣшность. Самая сущность, по ихъ словамъ, могла только интересовать «буржуа».

Флоберъ дошелъ до того, что его возмущали всякіе политическіе разговоры, онъ находилъ ихъ «неприличными» для умныхъ людей. «Какое дѣло намъ до Пруссіи или Австріи»? говорилъ онъ во время войны.

«Люди, имѣющіе претензію быть философами, занимаются тѣмъ, кто побилъ лучше—голубые мундиры или бѣлые? Это просто буржуа!! И мнѣ жаль видѣть, какъ Х, У или Z теряютъ время въ спорахъ о присоединеніи, о ректификаціи, о дислокаціи, какъ будто имъ нечего дѣлать, какъ будто нѣтъ стиховъ или звучной прозы для декламированія. Это просто буржуа»!

Я хотѣлъ успокоить его, но онъ снова началъ:

— Мы не французы; мы художники. Наше отечество—искусство. И будь прокляты тѣ, у кого есть отчизна.

Флоберъ и Буле настолько отдались искусству, что скоро остальныя стороны жизни точно перестали существовать для нихъ. Ни тотъ, ни другой ни разу въ жизни не любили; мало того, они избѣгали любви,

Digitized by Google

какъ зла, и убивали любовь въ другихъ. Одна женщина любила Флобера тихой, преданной любовью. Когда, послѣ какой-то жосткой сцены, Теофиль Готье спросилъ у Флобера причину ея, Густавъ отвѣтилъ: «Она могла бы войти въ мой кабинетъ». А онъ туда никого не пускалъ.

Меня часто спрашиваютъ: любилъ-ли когда нибудь Флоберъ? Онъ самъ отвѣчаетъ за меня въ своемъ «Education sentimentale». Тутъ онъ описалъ то подобіе любви, которое испыталъ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Въ 1836 г., онъ съ семьей жилъ въ Трувилѣ и здѣсь увидалъ женщину лѣтъ 28, очень красивую и—главное—очень оригинальную. Онъ не смѣлъ подойти къ ней и изливался въ любви только ея собакѣ. Потомъ онъ познакомился съ ней и продолжалъ молчать, смотрѣть и любоваться. Эта единственная любовь Флобера изображена имъ въ любви Фредерика къ m-me Арну, въ *Education sentimentale*. Онъ хотѣлъ въ этомъ романѣ собрать выводы соціальныхъ и политическихъ наукъ, и назвалъ его тѣмъ-же названіемъ, подъ которымъ онъ намъ читалъ свой юношескій романъ. Въ этой книгѣ Флоберъ умышленно вывелъ множество дѣйствующихъ лицъ, что доставило ему немало труда. И опять, когда романъ былъ оконченъ, начались наши споры. Онъ всегда проповѣдывалъ, что писатель можетъ смѣло не подчиняться правиламъ грамматики и что для него существуютъ единственные законы—законы гармоніи.

Когда я не соглашался съ нимъ и отстаивалъ грамматику, онъ называлъ меня «Ноэль и Шапсаль» и оставался на своемъ. «Грамматика и стиль—повторялъ онъ—двѣ вещи совершенно разныя»...

Рукопись *Education sentimentale* была прочитана очень многимъ. Флоберъ не былъ особенно строгъ въ выборѣ судей, на совѣты которыхъ онъ впрочемъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ и не требовалъ совѣтовъ. Ему просто было нужно заставить прочитать то, что онъ написалъ. Онъ всегда былъ такъ удрученъ своимъ произведеніемъ, что ему казалось облегченіемъ, когда другіе прочтутъ его. Стоило кому нибудь прійти къ нему, чтобы онъ сейчасъ же бралъ послѣднія написанныя имъ страницы, перечеркнутыя и переправленныя по нѣскольку разъ—и принимался читать, давая каждому слову свой смыслъ и выраженіе. Меня всегда поражала эта слабость въ такомъ умномъ человѣкѣ, какимъ былъ Флоберъ.

Education sentimentale не имѣло такого успѣха, какой выпалъ на долю «Г-жи Бовари» и «Саламбо». Флоберъ былъ возмущенъ и, главное, изумленъ. Онъ находилъ это несправедливымъ, потому что видѣлъ въ

Digitized by Google

своемъ романѣ исключительный интересъ. Помимо красоты слога, онъ находилъ въ немъ разрѣшеніе многихъ общественныхъ вопросовъ. Онъ придавалъ такое значеніе этому роману, что когда, въ іюнѣ 1871 года, мы съ нимъ смотрѣли на обгорѣлыя стѣны Тюльери, онъ воскликнулъ: «А еслибы поняли *Education sentimentale*, ничего подобнаго не случилось бы». Онъ думалъ также, что, кромѣ всего этого, онъ далъ здѣсь яркое описаніе любви Фредерика къ г-жѣ Арну. Онъ не замѣчалъ, что выставилъ самого себя со своимъ «головнымъ» увлеченіемъ, со своей нерѣшительностью, а, главное, со своей вѣчной боязнью быть «одураченнымъ» женщиною. Это не любовь, не страсть, это какое-то «ни да, ни нѣтъ», котораго публика никогда не пойметъ. Ей нужны ясныя положенія, яркія краски.

Критика отнеслась къ книгѣ сухо, точно будто отплачивала за похвалы, розданныя «Бовари» и «Саламбо». Флоберъ былъ оскорбленъ и даже рѣшился отвѣчать нѣкоторымъ изъ критиковъ. А одному изъ нихъ—Сильверсту,—онъ хотѣлъ оторвать уши, и мы съ Буле едва уговорили его не дѣлать этого. Успѣхъ «Г-жи Бовари» снова всплылъ наружу. Флоберу было настолько непріятно слыть за «творца Бовари», что онъ наконецъ возненавидѣлъ этотъ романъ. Онъ принимался читать нѣкоторые эпизоды, цѣлые отрывки, считавшіеся лучшими, критиковалъ ихъ и не находилъ никакого достоинства. Онъ положительно страдалъ. Надо было имѣть сильную вѣру въ искусство, чтобы выносить то существованіе, какое онъ устроилъ себѣ. У него не было ни одной мысли, ни одного біенія сердца, не посвященнаго литературѣ. Онъ и день и ночь думалъ о ней. Мысль, что онъ допуститъ какую нибудь неточность въ описаніи, причиняла ему настоящія страданія. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ три или четыре раза ѣздилъ изъ Парижа въ Крель, чтобы убѣдиться, насколько вѣрно передалъ онъ какой-то пейзажъ. Въ этомъ умѣ, гдѣ любовь къ искусству доходила до какой-то хронической болѣзни,—все принимало ненатуральные размѣры. Повтореніе нѣсколькихъ гласныхъ или нѣсколькихъ словъ во фразѣ могло привести его въ отчаяніе и онъ повторялъ: «какое ужасное ремесло»!! Разъ онъ сказалъ мнѣ: «я желалъ бы нажить на биржѣ большое состояніе».—«Зачѣмъ это»?—«Чтобы скупить всѣ экземпляры «Г-жи Бовари» и сжечь ихъ».

Настала франко-прусская война. Пораженіе слѣдовало за пораженіемъ. Мы всѣ пріуныли; одинъ Флоберъ вѣрилъ въ побѣду. Онъ такъ страстно желалъ хорошаго исхода войны, что обманывалъ себя всевозможными иллюзіями и жилъ въ постоянныхъ мечтахъ. Ничто не могло

Digitized by Google

заставить его прозрѣть. Онъ даже каждое отступленіе объяснялъ стратегическими пріемами. Онъ вѣрилъ, что Руанъ не впуститъ къ себѣ непріятеля, вѣрилъ, что Парижъ никогда не сдастся на капитуляцію, вѣрилъ во вмѣшательство Европы, въ слабость пруссаковъ — однимъ словомъ, вѣрилъ во все, и не допускалъ и мысли о пораженіи. Когда уже было заключено перемиріе, подписанъ миръ—онъ все-таки не признавалъ, что мы побѣждены.

Во время войны, меня не было во Франціи. Я переписывался съ Флоберомъ и сохранилъ нѣкоторыя изъ его писемъ. Онъ, передавая мнѣ общее настроеніе, говоритъ, между прочимъ:

«Всякая надежда на миръ потеряна. Самые трусливые люди стали храбрецами; вотъ доказательство. Вчера выступилъ изъ Руана первый батальонъ національной гвардіи; второй выступаетъ завтра. Муниципальный совѣтъ назначилъ мильонъ на ружья и пушки. Крестьяне свирѣпствуютъ. Я отвѣчаю тебѣ, что черезъ двѣ недѣли *вся Франція* поднимется. Одинъ крестьянинъ задушилъ пруссака и разодралъ его собственными зубами. Однимъ словомъ, наступилъ настоящій энтузіазмъ... Гражданской войны не будетъ; буржуа стали искренними республиканцами,— во-первыхъ, изъ боязни, во-вторыхъ, по необходимости.

«Я снова работаю и не грущу болѣе. Среди всего этого были презабавныя сцены; въ такія минуты человѣчество показывается во всей своей наготѣ. Меня только огорчаетъ, что послѣ наступитъ ужасная глупость; всякая «gentillesse», какъ сказалалъ бы Монтэнь, утрачена надолго, начнется новая жизнь, дѣтей станутъ воспитывать въ ненависти къ пруссакамъ. Милитаризмъ и самый гнусный позитивизмъ—вотъ нашъ удѣлъ... Мы расплачиваемся теперь за ту ложь, въ которой мы такъ долго жили; у насъ все было фальшиво: и войско, и политика, и литература, и кредитъ, и даже куртизанки. Говорить правду считалось безнравственнымъ. Еще въ прошлую зиму Персиньи упрекалъ меня въ отсутствіи идеала. Онъ, можетъ быть, говорилъ искренно. Но теперь мы поищемъ этихъ идеаловъ, это можно будетъ описать.

«Мнѣ стыдно, что я одичалъ совсѣмъ: у меня сердце стало камнемъ. Подумай, какое у насъ множество бѣдняковъ! Всѣ фабрики закрыты и рабочіе остались безъ заработка, безъ хлѣба. Что будетъ зимой? И не смотря на все это, *что-то говоритъ мнѣ* о хорошемъ исходѣ... Можетъ быть, я несовсѣмъ въ своемъ умѣ».

Но это «что-то» обмануло Флобера. Пораженіе шло за пораженіемъ; чнулись на Руанъ. Тутъ ужь и Флоберъ потерялъ голову.

Digitized by Google

Онъ не могъ допустить мысли, чтобы непріятельскія войска могли войти къ нему въ Круасетъ, и когда увидалъ въ своемъ саду прусскихъ солдатъ—онъ растерялся. Онъ хваталъ свои бумаги, письма, замѣтки, книги и бросалъ все въ печку. Онъ и самъ не зналъ, что сжегъ въ этомъ отчаяніи. Когда намъ, какъ-то позже, понадобился какой-то документъ и мы не нашли его, Флоберъ сказалъ: «Я навѣрно сжегъ его, я такъ много сжегъ тогда»! Рукописи *Ноября*, *Сантиментальнаго воспитанія* въ его прежнемъ видѣ, двухъ первыхъ попытокъ *Искушенія св. Антонія*, должно быть, погибли тутъ-же.

Пребываніе нѣмецкихъ солдатъ было очень тяжело для Флобера. Къ страданіямъ и стыду пораженія примѣшивалось еще раздраженіе, котораго онъ никакъ не могъ побороть. Для него было губительно всякое принужденіе и тутъ оно отозвалось на немъ тѣмъ, что его нервные припадки, послѣ семилѣтняго перерыва, снова вернулись къ нему. Онъ опять сталъ безпокойнымъ и нетерпѣливымъ. И нашествіе пруссаковъ и болѣзнь какъ-то смѣшались у него въ головѣ, и онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ. Онъ боролся съ этимъ чувствомъ, старался успокоиться и уничтожить впечатлѣніе, недостойное возвышеннаго и справедливаго ума. Однажды, года четыре спустя послѣ войны, онъ въ двадцатый разъ говорилъ мнѣ, какъ онъ возмутился, увидя по дорогѣ въ Круасетъ блестящія каски пруссаковъ. Онъ замѣтилъ на столѣ книжку Гете, схватилъ ее, перелистовалъ и сказалъ мнѣ: «Какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ этого олимпійца! Онъ былъ настоящимъ человѣкомъ; онъ умѣлъ подчинять нервы мозгу. Послушай это: «Національная ненависть—ненависть частная. Она всего сильнѣе, всего ретивѣе въ низшихъ слояхъ; но на извѣстной высотѣ она исчезаетъ; здѣсь человѣкъ—выше національностей и для него счастье или горе сосѣдняго народа также близко, какъ свое собственное. Эта высота была присуща мнѣ, и я задолго до шестидесяти лѣтъ освоился съ ней». Флоберъ отбросилъ книгу и сказалъ: «Должно быть, она не присуща мнѣ, потому что я до сихъ поръ не могу достичь ея. Но, можетъ быть, и достигну когда нибудь»!

Среди всѣхъ терзаній, испытанныхъ Флоберомъ во время войны, литература не переставала стоять для него на первомъ планѣ, и всѣ событія складывались у него въ умѣ въ формѣ романовъ или комедій. Онъ жалѣлъ, что рано окончилъ «L'éducation sentimentale». Война, нашествіе, сдача Седана давали ему прекрасную развязку, послѣднюю картину, какъ говорилъ онъ. «Ты представить себѣ не можешь, повторялъ онъ, какой матеріалъ даютъ нѣкоторыя событія. Напримѣръ, такое: ка-

Digitized by Google

питуляція подписана; войско взято въ плѣнъ въ Седанѣ: императоръ, забившись въ уголъ коляски, пасмурный, съ тусклыми глазами, безстрастный снаружи, но съ цѣлой бурей внутри; около него адъютанты и прусскій генералъ. Всѣ молчатъ, всѣ страдаютъ. На перекресткѣ имъ пересѣкаетъ дорогу колонна плѣнныхъ, подъ конвоемъ уланъ съ шапками на самомъ ухѣ, съ обнаженными саблями. Коляска должна остановиться передъ человѣческой волной, надвигающейся изъ красноватаго облака пыли. Люди проходятъ, едва волоча ноги, сгорбившись. Императоръ смотритъ на эту толпу своимъ неподвижнымъ взглядомъ. Ему чудятся барабаны, знамена, генералы, отдававшіе ему честь, гвардія, кричавшая: «да здраствуетъ императоръ»! Одинъ изъ плѣнныхъ узнаетъ его и кланяется; за нимъ другой, третій. Вдругъ изъ рядовъ выходитъ зуавъ, грозитъ ему кулакомъ и кричитъ: «А, это ты, презрѣнный! Ты сгубилъ насъ»! И десять тысячъ человѣкъ съ руганью, съ кулаками, съ плевками проходятъ, какъ ураганъ проклятій. А онъ, неподвижный и молчаливый, думаетъ про себя: «И это называлось моей преторіанской стражей»! Что ты думаешь насчетъ этой картины? Какимъ-бы превосходнымъ финаломъ была она для моего «Воспитанія». Я не успокоюсь, пока не помѣщу ее въ какой нибудь изъ моихъ романовъ. Я напишу, можетъ быть, романъ изъ временъ имперіи съ изображеніемъ Компьенскихъ вечеровъ, гдѣ сенаторы и послы нагибались чуть не до земли, чтобы поцѣловать руку наслѣднаго принца. Изъ этой эпохи можно бы написать преинтересныя вещи, но кто знаетъ? можетъ быть, и государственный переворотъ съ его послѣдствіями только и будетъ имѣть, во всеобщей гармоніи, тѣ результаты, что доставитъ нѣсколько интересныхъ сценъ какому нибудь писателю». Когда Флоберъ попадалъ на эту тему, онъ становился неистощимымъ.

Позже онъ часто говорилъ мнѣ, что только литературныя соображенія и спасли его отъ отчаянія, въ которое-могли бы привести прусаки, разгуливавшіе по его саду и спавшіе подъ его крышей.

Когда коммуна была подавлена, когда полуразрушенный Парижъ проснулся отъ страшнаго кошмара — многіе стали съѣзжаться изъ-за границы и изъ провинціи, чтобы взглянуть на раны, нанесенныя Парижемъ самому себѣ. Пріѣхалъ и Флоберъ, не столько за тѣмъ, чтобы видѣть развалины, какъ для того, чтобы обнять друзей. Онъ думалъ, что страдалъ во время войны больше чѣмъ кто либо. Я не разувѣрялъ

Digitized by Google

его. Смотря на обгорѣвшія руины, слушая про ужасы коммуны, онъ только и говорилъ: «Какіе звѣри! какіе звѣри!» Онъ не могъ помириться съ видомъ Парижа и сейчасъ же уѣхалъ въ Круассетъ.

Со времени войны, точно все померкло для Флобера. Онъ изнывалъ отъ скуки; работа становилась для него все труднѣе и труднѣе; его уже ничто не удовлетворяло и онъ весь растрачивался на помарки,— онъ самъ говорилъ это. Въ сентябрѣ 1871 года онъ писалъ мнѣ: «Моя работа, помимо того, что трудна сама по себѣ, даетъ мнѣ еще такія страданія, что у меня постоянно какъ-бы рыданія въ горлѣ, не говоря уже о головныхъ боляхъ, не оставляющихъ меня. Я боюсь впасть въ ипохондрію. Я выхожу изъ комнаты только для того, чтобы пообѣдать съ матерью, которая уже ничего не слышитъ и ничѣмъ не интересуется, кромѣ своей болѣзни. Вотъ какъ пріятно живу я»! И правда, его существованіе было не весело, но онъ дѣлалъ его еще несноснѣе своимъ образомъ жизни. Онъ сидѣлъ въ полномъ уединеніи: весь моціонъ заключался въ томъ, чтобы дойти до столовой и вернуться назадъ. Онъ все время проводилъ въ своемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, въ вѣчной борьбѣ съ непокорными существительными, съ повтореніемъ словъ и гласныхъ буквъ. Порой онъ съ яростью бросалъ перо, кидался на диванъ, засыпалъ на полчаса, потомъ вставалъ и снова принимался за неоконченную фразу, приходя въ отчаяніе отъ трудности искусства, которое ему хотѣлось довести до возможнаго совершенства. День, вечеръ и часть ночи проходили въ этомъ постоянномъ раздраженіи; часа въ четыре утра онъ открывалъ окно на Сену, дышалъ немного свѣжимъ воздухомъ и ложился спать, но и во снѣ не могъ отдохнуть: работа и тутъ преслѣдовала его. Онъ диктовалъ, кричалъ и просыпался со страшнымъ сердцебіеніемъ. На слѣдующій день, все шло опять тѣмъ же чередомъ. Онъ убивалъ себя такой работой, и нужна была его необыкновенная энергія, чтобы продолжать это существованіе до конца жизни.

Вскорѣ (6-го апрѣля 1872 г.) у Флобера умерла мать. Онъ обожалъ ее, почти не разставался съ нею, жилъ около нея и для нея. Когда онъ былъ далеко отъ нея, онъ безпокоился все время, былъ просто несчастнымъ. Одинъ только я знаю, сколько принесъ онъ ей жертвъ, въ которыхъ никогда не раскаявался. Этотъ вспыльчивый и настойчивый гигантъ былъ самымъ кроткимъ, почтительнымъ и внимательнымъ сыномъ. Онъ только иногда, въ нашемъ кружкѣ, возмущался своимъ рабствомъ. Когда же этого рабства не стало—онъ не могъ утѣшиться.

Digitized by Google

«Моя жизнь совершенно разбита, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, нужно устраивать себѣ новую, а это трудно въ пятьдесятъ лѣтъ».

Съ этого времени его существованіе поколебалось; у него не стало точки опоры, жизнь его сдѣлалась еще уединеннѣе, еще тоскливѣе. «Ахъ, дорогой другъ, писалъ онъ мнѣ, еслибы ты зналъ, какъ часто въ моемъ уединеніи я думаю о прошломъ, а слѣдовательно и о тебѣ! Океанъ воспоминаній наплываетъ на меня, и я тону въ немъ».

Онъ напечаталъ «Искушеніе св. Антонія» въ третьемъ видѣ: длинный діалогъ, въ одно и то же время и лирическій и ученый. Онъ долженъ, по словамъ Флобера, быть быстрымъ, какъ видѣніе. Кромѣ того, его давнишняя страсть къ театру опять всплыла. Ему хотѣлось прямо говорить съ толпой черезъ посредство актеровъ, онъ желалъ быть свидѣтелемъ чувствъ, вызываемыхъ имъ. Онъ написалъ пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ—*Le candidat*. Я былъ на первомъ представленіи. Имя автора, его талантъ и слава уже подготовили публику. Первый актъ прошелъ съ успѣхомъ; во второмъ уже его не было, а послѣ третьяго—пьеса провалилась. Флоберъ перенесъ на сцену психологическій этюдъ, весь состоящій изъ оттѣнковъ и деталей, тогда какъ для сцены нужны грубыя положенія, написанныя грубыми красками.

Флоберъ стойко перенесъ неудачу, и послѣ четвертаго представленія снялъ пьесу съ репертуара. Эта комедія, въ сущности, была написана имъ какъ бы шутя. Она отвлекала его отъ большой работы, за которую онъ принялся очень ретиво. Еще въ 1843 году онъ говорилъ мнѣ о ней, и только теперь засѣлъ за нее. Онъ задумалъ написать «Энциклопедію людской глупости» въ лицѣ двухъ писцовъ, получившихъ наслѣдство; они уѣзжаютъ въ деревню, скучаютъ отъ праздности, принимаются то за то, то за другое, и наконецъ снова садятся за переписку.

Флоберъ говорилъ, что хочетъ этой книгой возбудить чувство такой тоски и скуки въ читателѣ, что тотъ будетъ увѣренъ въ идіотизмѣ автора. Флоберъ говорилъ это съ искренней гордостью. Но раньше всѣхъ эта тоска и скука охватила самого автора. Ему ужасно надоѣло разсказывать причуды своихъ двухъ дурачковъ, и онъ долженъ былъ на время оставить работу. Чтобы дать исходъ накопившимся порывамъ, отдохнуть и освѣжиться немного, Флоберъ сталъ писать лирическія вещи. Въ это время имъ написаны лучшія произведенія: *Hérodias*, *Saint Julien l'Hospitalier* и *Un coeur simple*. Здѣсь онъ могъ развернуться во всю ширину своего могучаго таланта. *Saint Julien l'Hospitalier*

Digitized by Google

(Легенда о Юліанѣ Милостивомъ) была задумана имъ при видѣ расписнаго окна одной нормандской церкви; толчекъ *Hérodias'y* былъ данъ скульптурными украшеніями входной двери руанскаго собора, а въ *Coeur simple* онъ передалъ разсказъ, отъ кого-то слышанный имъ.

Эти «три сказки» появились въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1877 года и сразу имѣли громадный успѣхъ. Но coup d' état 16-го мая отвлекъ отъ нихъ вниманіе публики. Судьба Франціи, конечно, болѣе интересовала страну, чѣмъ три легенды. Флоберъ не желалъ понять этого, онъ былъ оскорбленъ. «Война 1870 года, писалъ онъ мнѣ, убила «Сантиментальное воспитаніе», теперь 16-ое мая убиваетъ мои «Сказки»; ненависть къ литературѣ зашла уже слишкомъ далеко».

Флоберъ былъ увѣренъ, что политика желаетъ задушить всякое явленіе въ литературѣ, будь это хоть сказка. Онъ съ неподдѣльной яростью говорилъ: «Они придумываютъ все, чтобы мучить насъ, и будутъ счастливы лишь тогда, когда не станетъ ни писателей, ни драматурговъ, ни книгъ, ни театра...» Это показываетъ ясно, насколько Флоберъ былъ «пропитанъ» литературой: внѣ ея онъ ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ.

Излившись своими лирическія чувства въ «Трехъ сказкахъ», Флоберъ снова вернулся къ своимъ писцамъ. Ему предстояло немало хлопотъ съ ними. Онъ задумалъ выставить въ смѣшномъ видѣ не только своихъ дѣйствующихъ лицъ, но и тѣ знанія, которыхъ добиваются они. Для того, чтобы говорить объ этихъ знаніяхъ, нужно было, хоть поверхностно, изучить ихъ. Флоберъ принялся за изученіе всевозможныхъ книгъ о земледѣліи, ботаникѣ, геологіи, политической экономіи, магнетизмѣ, воспитаніи, и собиралъ въ нихъ разсыпанныя мнѣнія, которыя ему казались особенно глупыми. Онъ писалъ: «Пришли мнѣ все, что есть въ твоей библіотекѣ по начальному обученію; укажи мнѣ на какую нибудь дурацкую физіономію... вообще пришли мнѣ идіотскія книги, какія только есть у тебя»... Онъ дѣлалъ выписки и замѣтки и потомъ вставлялъ ихъ въ свою исторію о Буварѣ и Пекюше, гдѣ онъ проводитъ своихъ писарей черезъ самыя нелѣпыя испытанія. Этотъ романъ очень занималъ его: «онъ будетъ моею местью», говорилъ Флоберъ. Местью за что? Онъ не могъ и самъ объяснить этого. Я знаю всю жизнь Флобера, какъ свою собственную, и не могу указать ни на одинъ фактъ, требующій мести. Ему сразу далась слава; онъ всегда былъ общимъ любимцемъ, имѣлъ всю жизнь преданныхъ друзей среди мужчинъ и женщинъ... За

Digitized by Google

что же могъ мстить онъ? Единственно за людскую глупость, оскорблявшую его и доводившую порой до ярости.

Смерть прервала работу Флобера. Онъ такъ и не кончилъ «Бувара и Пекюше». Въ печати появилась только первая часть, вторая не была окончена, хотя еще въ мартѣ 1878 года онъ писалъ мнѣ: «Я началъ восьмую главу; осталось еще двѣ; затѣмъ пойдетъ вторая часть: — она *ужъ очень подвинута*».

Эта вторая часть и была бы «книгой мщенія». Здѣсь Буваръ и Пекюше, садясь за переписку, рѣшаютъ уже работать не какъ машины, а съ толкомъ, «для самихъ себя», для своего образованія. Они составляютъ сборникъ великихъ изреченій, читаютъ современныя книги, научныя, историческія, стихи и прозу, и дѣлаютъ изъ нихъ извлеченія, но, по своей природной глупости, извлекаютъ только самое нелѣпое и слабое. Каждый разъ, какъ Флоберъ натыкался гдѣ нибудь на плохой стихъ, на неловкую фразу, на глупую мысль, онъ сейчасъ же записывалъ, говоря: «это для моихъ писцовъ».

Вторая часть вся была бы составлена изъ готовыхъ фразъ и общихъ мѣстъ, взятыхъ Флоберомъ въ современной литературѣ. Онъ никого не пощадилъ. Всѣ великія имена должны были фигурировать здѣсь. Даже его друзья не подверглись исключенію. «Я взялъ у тебя фразъ пятнадцать, ужасно глупыхъ», говорилъ онъ мнѣ.

Пока онъ писалъ «Приключенія Бувара и Пекюше», съ нимъ случилось обстоятельство, отравившее все его существованіе. Въ августѣ 1878 года я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ писалъ мнѣ: «Какъ я не лопнулъ отъ злобы и горя въ послѣдніе два года? Наконецъ это выше моихъ силъ... И все-таки я здоровъ, какъ дубъ, и работаю, какъ волъ».

Мать Флобера, умирая, оставила ему довольно хорошее состояніе, дававшее ему возможность жить безъ заботы о завтрашнемъ днѣ; кромѣ того, онъ получилъ право жить постоянно въ Круасетскомъ домѣ, завѣщанномъ другому наслѣднику. Флоберъ зналъ, что при его тихой манерѣ работать — разсчитывать на литературный заработокъ не приходилось; зналъ, что матеріальное обезпеченіе ему необходимо, и все-таки довелъ себя до разоренія безразсудной щедростью, которую ни совѣты, ни мольбы не могли остановить. Онъ вдругъ увидалъ приближеніе бѣдности и испугался ея. Приходилось выносить лишенія, къ которымъ Флоберъ не привыкъ и о которыхъ даже и не думалъ никогда.

Друзья его стали хлопотать о какомъ нибудь мѣстѣ для него, и когда

Digitized by Google

открылась вакансія по должности библіотекаря въ библіотекѣ Мазарини, ему предложили занять ее. Онъ отказался. Онъ писалъ, 1-го марта 1879 г., одному изъ своихъ друзей: «Я не хочу такой милостыни; да я и не заслуживаю ея. Меня долженъ кормить тотъ, кто разорилъ меня, а не государство. Я такъ разстроенъ, что жажду лишь одного: русской чумы... Еслибы она явилась и унесла меня»!...

Но черезъ три мѣсяца онъ писалъ тому же лицу: «Конечно, я сдался... Моя гордость долго не допускала меня до этого, но я почти дошелъ до голодной смерти. Я принимаю предложенное мнѣ мѣсто: три тысячи франковъ въ годъ, съ условіемъ не являться на службу. Вы понимаете, что обязательная жизнь въ Парижѣ еще болѣе разорила бы меня»...

Но Флоберу недолго пришлось пользоваться этой пенсіей. Нравственныя страданія и волненія отразились на немъ. Какъ ни работалъ онъ, какъ ни старался заглушить тоску одиночества—года и огорченія взяли свое. Падучка вернулась къ нему съ новой силой. Припадки стали повторяться все чаще и чаще и сопровождались сильными приливами крови. Какъ только ему становилось лучше, онъ принимался за работу; до послѣдняго дня онъ не оставлялъ своего любимаго дѣла. Его романъ былъ еще далеко не оконченъ, но уже былъ весь готовъ у него въ головѣ и больше не безпокоилъ его. Но ему нужны были еще нѣкоторыя справки, и онъ рѣшилъ поѣхать въ Парижъ, поработать немного въ національной библіотекѣ. Уже вещи были уложены; все было готово къ отъѣзду. Въ субботу, 8-го мая 1880 г., утромъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ. Когда онъ пришелъ въ себя, желтое, золотистое видѣніе все таки стояло передъ нимъ. Кровь прилила къ головѣ; онъ ощупью добрался до дивана и легъ на спину. Онъ тяжело дышалъ, пытался говорить, пробормоталъ два раза имя доктора... Вдругъ ротъ конвульсивно сжался, онъ повернулъ голову и умеръ.

Когда по газетамъ стало извѣстно о смерти автора «Г-жи Бовари» и «Саламбо», вся литература заговорила о немъ. При жизни, его критиковали, о немъ спорили, судили его; какъ только онъ умеръ — его сразу возвели въ великіе люди: — всѣ единодушно признали это. Въ немъ увидали выдающагося писателя, необыкновеннаго стилиста, главу школы, учителя...

И въ самомъ дѣлѣ, въ изображеніи человѣческихъ чувствъ онъ далъ новую ноту, звучащую съ необыкновенной силой. Кромѣ того, изъ подъ его пера не вышло ни одной фразы, гдѣ бы онъ не приложилъ всѣхъ усилій, чтобы довести ее до возможнаго совершенства. И чѣмъ старше, тѣмъ

Digitized by Google

требовательнѣе становился онъ. При страшной гордости,—гордости вполнѣ законной,—у него бывали часы отчаянія и сомнѣнія въ собственномъ талантѣ. Относиться добросовѣстнѣе и требовательнѣе къ своимъ произведеніямъ, какъ относился Флоберъ—невозможно. Онъ не дѣлалъ ничего по вдохновенію, не оставлялъ ничего случаю; все, что онъ написалъ—плодъ долгой работы. Существованіе его было исключительное, а талантъ—одинъ изъ самыхъ солидныхъ въ современной литературѣ.

Если Флоберъ и имѣлъ недостатки, то не какъ художникъ, а какъ человѣкъ. Но и эти его недостатки были несущественными, они прямо проистекали отъ его натуры, отъ его исключительнаго темперамента, для котораго всякій трудъ приносилъ необыкновенныя страданія. Его недостатки были, главнымъ образомъ, результатомъ его нервной болѣзни, объясняющей и его привычки, и его характеръ, и даже самый талантъ. Онъ самъ сознавалъ это и говорилъ: «Я жертва физіологіи». Еслибы Флоберу пришлось писать автобіографію, онъ не скрылъ бы этого. Въ болѣзни, отъ которой онъ страдалъ всю жизнь и умеръ—нѣтъ ничего постыднаго, и Флоберъ не отвѣтственъ за нее. Падучка дала ему безчисленныя страданія, онъ поборолъ ихъ во имя любви къ искусству и желанія трудиться. Эта борьба даетъ ему вѣчную славу; его произведенія остались свидѣтелями того, какимъ побѣдителемъ вышелъ онъ изъ нея. Нужно быть дѣйствительно исключительной натурой и необыкновенно сильнымъ нравственно и умственно, чтобы при подобныхъ физическихъ страданіяхъ стать такимъ великимъ писателемъ, какимъ былъ Флоберъ.

Digitized by Google

Два стихотворенія.

I.

На мотивъ изъ Луи Буйе.

Нѣтъ,—не тебя такъ пылко я любилъ!
Ты не причемъ, обязанъ я сознаться:
Въ тебѣ свою мечту я воплотилъ
И ей одной готовъ былъ поклоняться.

Не велика заслуга вся твоя,
Едва-ли можешь ею ты гордиться;
Тотъ идеалъ, который создалъ я
Въ своемъ умѣ,—не могъ въ тебѣ вмѣститься.

Не отъ тебя онъ блескъ свой получалъ,
Не ты его собою оживляла:
Какъ грубая модель на пьедесталъ,
Благодаря ошибкѣ, ты попала.

И если я въ ничтожествѣ искать
Готовъ былъ счастья высшаго идею,—
Могу-ль тебя за это упрекать?—
Я за ошибку самъ свою краснѣю...

Такъ тусклый огонекъ ночной порой
Усталаго невольно привлекаетъ,
Но ближе подойдя, передъ собой
Гнилую щепку путникъ открываетъ.

II.

Поэту.

Въ дни общаго счастья и радостныхъ грёзъ
Пусть съ дивною силой для цѣлаго свѣта

Digitized by Google

Въ порывѣ восторга, безъ горя, безъ слезъ
Звучитъ вдохновенная пѣсня поэта;
Пусть гимны веселья звучатъ на устахъ,
Пусть лира—мечты о любви воспѣваетъ
И грёзы забытаго счастья въ сердцахъ
Могучею силой опять пробуждаетъ.
Сливаясь въ созвучьѣ съ веселой толпой
И чувства ея отражая, какъ эхо,
Пусть пѣсня поэта игривой волной
Несется изъ устъ его, полная смѣха...
Когда же свинцовыя тучи кругомъ
На небѣ повиснутъ тоскливо, угрюмо
И сердце сожмется въ унынье нѣмомъ
И стихнутъ порывы веселаго шума;
Подъ гнетомъ тяжелой, глухой тишины,
Когда на запросы не сыщешь отвѣта,
Пусть съ бо́льшею силой, чѣмъ въ свѣтлые дни,
Гремитъ вдохновенная пѣсня поэта;
Пусть скорбно-суровымъ напѣвомъ своимъ
Энергію въ сердцѣ она укрѣпляетъ
И, мракъ разгоняя глаголомъ живымъ,
Лучъ свѣтлой надежды въ душѣ пробуждаетъ.
Какъ нѣкогда, въ дни тяжкихъ золъ, предъ толпой
Съ могучею силой гремѣли пророки,
Пусть также и нынѣ сатирою злой
Поэтъ обличитъ безпощадно пороки.
Не свѣтлые гимны любви воспѣвать
Онъ долженъ,—другимъ подражая, какъ эхо,—
Незримыя слезы свои заглушать—
Онъ будетъ раскатами горькаго смѣха.

П. Синицкій.

Digitized by Google

НОСИТЬ СЪ ЧЕСТЬЮ.

РОМАНЪ **М. С. Б.**

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

XVII.

Роскошная бальная зала въ замкѣ Гайнъ-Куртъ была ярко освѣщена и изящно убрана тропическими растеніями и цвѣтами. Громадныя пальмы и папоротники оттѣняли еще рѣзче бѣлый мраморъ колоннъ. Зимній садъ освѣщался матовыми лампами; тамъ и сямъ били небольшіе фонтаны и между зеленью виднѣлись уютные уголки для бесѣдъ вдвоемъ.

Джонъ Бардонъ стоялъ посреди залы подлѣ своей жены и принималъ гостей. Не смотря на то, что онъ принималъ почти самое лучшее общество Англіи, мысли его сосредоточивались на одной леди Ирисъ. Она не можетъ не сознаться, что у него здѣсь лучше, чѣмъ въ Чандосскомъ замкѣ. Не промелькнетъ-ли въ ней сожалѣніе, что не она госпожа этого «земнаго рая», какъ выразился Осборнъ,—думалъ онъ. Леди Эвисъ держала возлѣ себя подъ какимъ-то предлогомъ капитана Осборна.

Наконецъ общество изъ Чандосскаго замка появилось въ залѣ. Джонъ Бардонъ не могъ сдержать нервнаго волненія, онъ покраснѣлъ, потомъ смертельно поблѣднѣлъ.

На его жену, повидимому, также не произвела пріятнаго впечатлѣнія чарующая красота леди Ирисъ, такъ какъ на мгновеніе брови ея сдвинулись, затѣмъ послѣдовала улыбка, такая любезная и привѣтливая, что нельзя было бы повѣрить, что ласковая хозяйка охотно растоптала бы эту прелестную молодую леди...

Поздоровавшись съ нею, она обратилась къ другимъ гостямъ, а Джонъ Бардонъ, съ блѣднымъ лицомъ и дрожащимъ отъ вол-

Digitized by Google

ненія голосомъ, представилъ леди Ирисъ своего друга, капитана Осборна.

Оба улыбнулись, когда глаза ихъ встрѣтились, но болѣе ни словомъ, ни знакомъ не выказали, что уже видѣлись прежде. Она что-то сказала. Онъ почтительно поклонился, а въ головѣ его мелькнулъ вопросъ: существовала-ли другая, подобная ей, женщина въ мірѣ?

— Вы оставили мнѣ первый танецъ, леди Ирисъ? спросилъ ее Джонъ Бардонъ, въ душѣ котораго боролись ненависть и любовь.

— Да, мистеръ Бардонъ, кратко отвѣчала леди Ирисъ.

— Позвольте и мнѣ, леди Ирисъ, просить васъ танцовать со мной, проговорилъ капитанъ Осборнъ.

— Можете выбрать тѣ танцы, которые у меня свободны, отвѣчала леди Ирисъ, передавая ему свои таблетки.

Ему досталось три вальса.

Джонъ Бардонъ предложилъ руку леди Ирисъ и они пошли.

— Капитанъ Осборнъ гоститъ у васъ? спросила леди Ирисъ, стараясь говорить равнодушно.

— Да, отвѣчалъ онъ:—и мы очень польщены его пребываніемъ.

Леди Ирисъ съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Обыкновенно онъ не былъ очень щедръ на похвалы своимъ ближнимъ.

— Моя жена никого не находитъ лучше его, продолжалъ онъ,—и я съ нею согласенъ. Это самый умный и благородный человѣкъ, котораго я когда-либо встрѣчалъ.

— Однако, вы приходите въ энтузіазмъ отъ вашего гостя, мистеръ Бардонъ:—я никогда не слышала, чтобы вы о комъ-либо такъ говорили.

— Да, правда, я и самъ не помню такого случая, только дѣло въ томъ, что я искренно люблю этого человѣка.

— Вашъ энтузіазмъ такъ заразителенъ, мистеръ Бардонъ, что я попрошу васъ разсказать мнѣ о вашемъ другѣ. Во-первыхъ, въ какомъ онъ полку?

— Въ уланахъ ея величества, и вы не повѣрите, какъ его уважаютъ товарищи. Говорятъ, что онъ одинъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ въ войскѣ королевы.

Digitized by Google

— Да, и по наружности онъ оправдываетъ эти слова, сказала леди Ирисъ, взглянувъ по направленію молодаго человѣка.

— Это просто совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, горячо говорилъ Джонъ Бардонъ.

— Какъ вы его хвалите! съ улыбкою сказала леди Ирисъ; ей были пріятны его слова.

— Я не могу нахвалиться имъ, и я вовсе не преувеличиваю.

— Осборнъ—говорила она,—это хорошая фамилія; только, кромѣ семьи лорда Гартона, я не знаю Осборновъ. Онъ принадлежитъ къ ихъ дому? или къ дому Осборновъ изъ Скечелея?

Губы его поблѣднѣли, съ минуту онъ колебался.

— Что вы мнѣ сказали, леди Ирисъ? переспросилъ онъ.

— Я васъ спросила, принадлежитъ-ли онъ къ фамиліи Осборновъ изъ Скечелея?

— Да, твердо сказалъ онъ; онъ принадлежитъ къ ихъ дому.

— Я была увѣрена, что онъ настоящій джентльменъ, сказала она.

Сердце его дрогнуло:—«она попалась въ ловушку».

— Онъ только имѣетъ ту странность, что не любитъ, когда ему говорятъ о Скечелеѣ. Про него я слышалъ одну исторію.

— Какая, мистеръ Бардонъ? съ любопытствомъ спросила леди Ирисъ.

— Подробностей не могу вамъ сообщить, говорилъ Джонъ Бардонъ медленно,—я ихъ позабылъ. (Онъ придумывалъ, что сказать).—Дѣло въ томъ, кажется, что онъ долженъ былъ получить титулъ и помѣстье и отказался ото всего, ради своей матери, что-ли. Хорошо не помню.

— Какъ-же это? недоумѣвала леди Ирисъ.

— У меня плохая память относительно этихъ семейныхъ дѣлъ, только я вѣрно знаю, что съ этимъ не связано никакого безчестья, и что, напротивъ, когда я это услышалъ, я удивлялся его самопожертвованію.

Молодую дѣвушку нисколько не удивило, что этотъ человѣкъ отдалъ ради чего-то титулъ и помѣстье; она повѣрила бы всякому благородному поступку и самопожертвованію съ его стороны и не требовала подробныхъ разъясненій.

— Прошу васъ только не говорить ему объ этомъ ни слова, добавилъ Джонъ Бардонъ.—Когда онъ съ вами познакомится

Digitized by Google

ближе, онъ вамъ навѣрно самъ разскажетъ. Намъ танцовать, леди Ирисъ, сказалъ онъ, вытирая на лбу крупныя капли пота.

Черезъ десять минутъ настала очередь капитана Осборна. Окончивъ первый вальсъ, онъ привелъ леди Ирисъ къ двумъ стульямъ, стоявшимъ въ группѣ растеній. Они сѣли. Его смуглое, прекрасное лицо представляло разительный контрастъ съ молочной бѣлизной и нѣжностью ея прелестнаго личика.

— Какъ мнѣ странно встрѣтить васъ здѣсь, сказала она.— Я думала, что больше не увижу васъ.

— Вы сдѣлали мнѣ честь, думая обо мнѣ, сказалъ онъ.

— Да и какъ могла бы я не думать? Вы спасли мнѣ жизнь.

— Я не увѣренъ, леди Ирисъ, чтобъ это было такъ. Этотъ бродяга не могъ васъ убить.

— Однако, я видѣла въ его глазахъ такую жажду золота, что онъ способенъ былъ убить меня. Кстати, что съ нимъ сталось?

— Я его арестовалъ,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—но не смѣлъ обвинить его въ нападеніи на васъ, такъ какъ вы не желали, чтобы это открылось.

— Да, мнѣ было бы это непріятно, и я вамъ очень благодарна за вашу осторожность.

— Вы только въ томъ можете быть увѣрены, что онъ до послѣдняго дня своей жизни будетъ жалѣть, что дерзнулъ поднять свою руку.

Она опустила глаза и быстро проговорила:

— Капитанъ Осборнъ! Вы не должны меня считать неблагодарной. Я вамъ ничего не выразила, но я отъ всей души благодарна вамъ за оказанную мнѣ помощь.

Леди Ирисъ протянула ему руку, которая съ минуту лежала въ его горячей рукѣ. Сердце его сильно билось, онъ готовъ былъ пасть на колѣни передъ этой красавицей, о которой всѣ говорили, что она такъ горда, и которая такъ ласково смотрѣла на него. Но, будучи изъ тѣхъ людей, которые не поддаются силѣ чувства, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сказалъ:

— Я былъ очень радъ услужить вамъ. Не могу выразить, какъ я радъ этому. Я всегда буду считать этотъ день счастливѣйшимъ днемъ моей жизни.

Въ залѣ раздались звуки вальса.

— Вы любите танцовать? спросила леди Ирисъ съ улыбкой.

Digitized by Google

— Не очень, отвѣчалъ онъ искренно.—Я сознаюсь, что чувствую себя лучше на лошади, нежели въ кадрили.

— Такъ посидимте здѣсь во все продолженіе танца.

— Это большая милость, сказалъ онъ,—на которую я не смѣлъ разсчитывать.

Такимъ образомъ, подъ звуки мечтательнаго вальса, окруженные душистыми цвѣтами и растеніями, сидѣли они и разговаривали, пока прекращеніе музыки не напомнило имъ, что пора было разстаться.

— Какъ долго мы тутъ сидѣли, замѣтила леди Ирисъ.

— Мнѣ кажется, что всего нѣсколько минутъ, отвѣчалъ онъ.— Но я вижу столько нахмуренныхъ бровей, что уступаю свое мѣсто. И съ глубокимъ поклономъ онъ отошелъ.

Между тѣмъ, леди Ирисъ нехотя оставила свой хорошенькій уголокъ, чтобъ танцовать и говорить съ другими. Она охотно осталась бы сидѣть одна до слѣдующаго танца съ нимъ.

«Если такіе люди существуютъ въ романахъ и поэмахъ, отчего не быть имъ въ обыденной жизни?» думала она. Въ одномъ изъ антрактовъ между танцами, подошла къ ней леди Эвисъ.

— Вы необыкновенно хороши сегодня, леди Ирисъ, сказала она, и этотъ комплиментъ изъ ея устъ долженъ былъ особенно польстить молодой дѣвушкѣ.

— Это оттого, леди Эвисъ, что мнѣ сегодня у васъ очень весело, отвѣчала она.

— Я рада это слышать, сказала съ странной усмѣшкой леди Эвисъ.—У насъ, дѣйствительно, собралось много очень милыхъ гостей. Былъ-ли вамъ представленъ капитанъ Осборнъ? вдругъ спросила она.

— Да, мистеръ Бардонъ представилъ мнѣ его.

— Вотъ этого я считаю идеальнымъ молодымъ человѣкомъ, замѣтила леди Эвисъ. Молодая дѣвушка покраснѣла. Леди Эвисъ продолжала:

— Онъ прожилъ съ нами только недѣлю, а я отъ него положительно въ восторгѣ. Такіе люди встрѣчаются развѣ въ поэмахъ. При немъ остальные люди какъ-то мельчаютъ, кажутся пошлыми. Въ одно и то же время онъ неустрашимъ и нѣженъ. Я его видѣла при двухъ весьма различныхъ условіяхъ.

Digitized by Google

— При какихъ это? спросила леди Ирисъ, и на ея лицѣ ясно можно было прочесть любопытство.

— Мистеръ Бардонъ купилъ недавно пару лошадей, самыхъ бѣшеныхъ, какихъ я когда-либо видѣла. На дняхъ ихъ объѣзжали и они понесли, грумъ упалъ. Капитанъ Осборнъ случился тамъ, въ одинъ мигъ бросился, схватилъ за узду и остановилъ лошадей. Я гуляла въ это время и очень испугалась за него, думала, что онѣ убьютъ его, но увидала, что онъ, невредимый, сдерживаетъ дрожащихъ и вспѣненныхъ лошадей своею сильною рукою. Я никогда ничего подобнаго не видала.

— А другое условіе, при которомъ вы его видѣли? спросила молодая дѣвушка.

Нѣжная улыбка украсила лицо леди Эвисъ Бардонъ.

— Надо вамъ сказать, что у меня есть слабость къ моему маленькому ребенку. Онъ начинаетъ вставать на ноги и на дняхъ упалъ. Надо было видѣть, съ какою нѣжностью капитанъ Осборнъ поднялъ его, ласкалъ и носилъ на рукахъ.

— Вы очень восхищаетесь капитаномъ Осборномъ.

— Да, я должна признаться, что мнѣ будетъ грустно, когда онъ уѣдетъ, сказала леди Эвисъ.

Облако пронеслось по лицу молодой дѣвушки.

— Развѣ онъ уѣзжаетъ? спросила она.

— Не теперь еще; я надѣюсь, что онъ останется у насъ еще нѣсколько недѣль. Я все говорю мистеру Бардону, что онъ не оставитъ нашего края не обрученный. Ему, кажется, нравится Лора Сеймуръ.

— Лора Сеймуръ? Кто она такая?

— Дочь новаго ректора, прехорошенькая дѣвушка, брюнетка, въ его вкусѣ, какъ я слышала,—небрежно говорила она, но отъ ея наблюдательныхъ глазъ не ускользнуло выраженіе лица молодой дѣвушки.

Вдали возвышалась надъ толпою гостей красивая черноволосая голова молодаго офицера.

— Что за красавецъ! замѣтила леди Эвисъ.—Мой мужъ увѣряетъ, что красивѣе его нѣтъ никого въ полку. Еслибы я была королева, я составила бы изъ подобныхъ людей свою личную гвардію.

Digitized by Google

Леди Ирисъ засмѣялась; ей досаждали излишніе восторги этой дамы и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляли ее.

ГЛАВА XVIII.

Балъ продолжался и становился все оживленнѣе. Леди Ирисъ и капитанъ Осборнъ опять танцовали вмѣстѣ, а послѣ танца гуляли по зимнему саду, напоенному ароматомъ цвѣтовъ.

Намекъ леди Эвисъ на Лору Сеймуръ заставилъ леди Ирисъ нѣсколько призадуматься. Она не считала его способнымъ играть чувствомъ, а потому любовь его, если она была, явилась бы серьезною, беззавѣтною. Какъ бы узнать, правда-ли это? думала она, открывая и закрывая своей вѣеръ.

— Вы давно живете здѣсь? спросила она.

— Недѣлю или двумя днями больше, отвѣчалъ онъ, я, право, забылъ, такъ какъ послѣдніе два дня я ни въ чемъ не давалъ себѣ отчета,—добавилъ онъ, съ восторгомъ любуясь ею.

— Вы здѣсь многихъ знаете въ сосѣдствѣ?

— Нѣтъ, очень мало.

— Новаго ректора вы вѣрно знаете? спросила леди Ирисъ.

— Доктора Сеймура? О, да. Онъ очень ученый человѣкъ и я часто къ нему хожу. Это счастливая семья: ректоръ настоящій джентльменъ, жена его прекрасная женщина и дочь—веселая, умная дѣвушка.

Если онъ такъ легко о ней говоритъ, думала леди Ирисъ, онъ не любитъ ее.

— У мистриссъ Сеймуръ одинъ конекъ, засмѣялся онъ,—она увѣряетъ свою дочь, что высшее призваніе женщины, это быть женою духовнаго лица; такъ что я полагаю, ея дочь выйдетъ непремѣнно за епископа, чтобъ угодить мамашѣ.

Леди Ирисъ засмѣялась. На сердцѣ ея стало необычайно легко и весело. Они пришли къ концу зимняго сада. Леди Ирисъ стояла около какого-то растенія съ золотистыми цвѣтами и такъ эффектна была вся ея фигура на темномъ фонѣ растеній, при неясномъ свѣтѣ лампъ, падающемъ сверху, что молодой воинъ заглядѣлся.

— Сядемте здѣсь. Разскажите мнѣ о себѣ. Послѣ того, какъ

Digitized by Google

вы мнѣ спасли жизнь, я не могу смотрѣть на васъ, какъ на остальныхъ молодыхъ людей, сказала она.

— Вы очень добры, вздохнулъ онъ.

— Мистеръ Бардонъ говорилъ мнѣ о васъ, разсказывалъ подробности вашего перваго свиданія.

— Сказалъ онъ вамъ? быстро спросилъ онъ, не сомнѣвансь, что и о происхожденіи его увѣдомили уже эту столь дорогую для него дѣвушку.—Что-же, это хорошо. Я бы и самъ все сказалъ вамъ. Онъ съ нѣкоторымъ страхомъ смотрѣлъ на нее.

— Вы бы мнѣ сказали? спросила она.—Вы бы мнѣ довѣрились?

— Разумѣется. А теперь,—и онъ поблѣднѣлъ,—послѣ того, какъ вы все знаете, что вы мнѣ скажете?

— Я вамъ скажу, что я—она подняла голову и окинула его яснымъ взглядомъ,—я одобряю васъ.

Какъ средневѣковый рыцарь, онъ упалъ на одно колѣно и поцѣловалъ ея руку.

— Да благословитъ васъ Богъ! Вы благороднѣйшая женщина въ мірѣ! А я-то боялся, сказалъ онъ, вставая,—мнѣ сказали, что вы такъ горды.

— Горда? повторила она.—Причемъ-же тутъ гордость? Думаете-ли вы, что я слишкомъ горда, чтобъ отличить благородство души? Эти слова окончательно убѣдили его въ томъ, что ей все извѣстно.

— Вы меня сдѣлали невыразимо счастливымъ, отвѣчалъ онъ.—Всю мою жизнь я буду помнить вашу доброту.

Губы его дрожали отъ волненія.

— Вы долго пробудете въ Гайнъ-Куртѣ? спросила она.

— Я, право, не знаю; мистеръ Бардонъ и леди Эвисъ просятъ меня остаться.

— Отчего-же не остаться? замѣтила она.

— Вы въ самомъ дѣлѣ... Виноватъ, леди Ирисъ, я, кажется, совершенно потерялъ способность выражаться.—Вы, посовѣтовали-бы мнѣ остаться? спросилъ онъ.

— Здѣсь превосходныя мѣста, и потомъ теперь, лѣтомъ, въ деревнѣ пріятнѣе, отвѣчала она.

— Можетъ быть, я слишкомъ смѣлъ и дерзновененъ, ска-

Digitized by Google

залъ онъ, наклонясь къ ней,—но я васъ прошу сказать мнѣ, совершенно-ли для васъ безразлично: останусь я или уѣду?

— Какъ вы можете это спрашивать у той, жизнь которой вы спасли? возразила она.

— Вы это оставьте, забудьте; я не желаю быть обязаннымъ одной своей услугѣ, я сдѣлалъ-бы то же самое для каждой женщины, и прошу васъ сказать: предпочитаете-ли вы, чтобъ я остался?

— Останьтесь, капитанъ Осборнъ, сказала она тихо.

И прежде чѣмъ онъ могъ что нибудь отвѣчать, разговоръ ихъ прервали.

ГЛАВА XIX.

Передъ концомъ бала, Джонъ Бардонъ подошелъ къ леди Ирисъ.

— Вамъ, кажется, весело сегодня? сказалъ онъ:—моя жена должна гордиться, что ей удалось доставить вамъ удовольствіе.

— Развѣ такъ трудно доставить мнѣ удовольствіе?

— Нѣтъ, но я никогда не видалъ у васъ такого счастливаго выраженія лица, какъ сегодня; вы мнѣ напоминаете солнце съ его блескомъ.

Она улыбнулась комплименту.

— Я бы желалъ, чтобъ вы не забыли этого вечера, продолжалъ онъ.

— Я навѣрно не забуду его. Я давно такъ не веселилась.

— У меня есть причина просить васъ помнить этотъ вечеръ. Придетъ время, когда я его самъ напомню; вы мнѣ доставили столько удовольствій въ Чандосѣ, что я съ удовольствіемъ плачу вамъ тѣмъ-же.

Слова его были такъ загадочны, что леди Ирисъ съ удивленіемъ взглянула на него, но онъ не въ первый разъ выказывалъ себя страннымъ передъ ней.

— Къ сожалѣнію, намъ пора ѣхать. Прощайте.

— Примите отъ меня, въ знакъ памяти о сегодняшнемъ вечерѣ,—сказалъ онъ, пожимая ей руку; и, оставивъ въ ней что-то, удалился.

Леди Ирисъ увидала въ рукѣ своей завядшій цвѣтокъ миндальнаго дерева.

Digitized by Google

Онъ слишкомъ много выпилъ, подумала она, съ презрѣніемъ бросая цвѣтокъ на полъ.

— Вы уже уѣзжаете, леди Ирисъ? спросилъ капитанъ Осборнъ, подходя къ ней.—Я почти васъ не видѣлъ.

— А между тѣмъ мы столько говорили, замѣтила она.

— Позвольте мнѣ довести васъ до экипажа, просилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, леди Ирисъ предложила ему свою руку.

— Еслибъ у меня была волшебница, у которой я могъ-бы что нибудь просить, знаете, чего бы я попросилъ?

— Не угадываю, сказала леди Ирисъ.

— Чтобъ я могъ довезти васъ до вашего дома; это меня наводитъ на мысль, что я давно желалъ видѣть Чандосскій замокъ; у васъ, говорятъ, есть лучшія картины въ Англіи.

— Да, у насъ много картинъ великихъ художниковъ.

— Это очень интересно. Я слышалъ, что у васъ прекрасный портетъ Маріи, королевы шотландской. Я бы желалъ его видѣть.

— И мнѣ было-бы очень пріятно показать вамъ картины и все, что васъ интересуетъ.

— Я буду очень счастливъ представиться лорду Кальдону. Если я пріѣду завтра, приметъ онъ меня?

— Да, ему будетъ пріятно видѣть васъ.

— Могу я отважиться на другой вопросъ, леди Ирисъ?

— Спросите, улыбнулась она.

— Но это отчаянный вопросъ, и я боюсь, что вы нахмуритесь.

— Я вамъ обѣщаю не хмуриться, сказала она.

— Вы были такъ добры сказать мнѣ, что графу будетъ пріятно меня видѣть... Осмѣлюсь-ли спросить, пріятно-ли будетъ кому нибудь другому?

— Я не знаю, капитанъ Осборнъ, кого вы подразумѣваете подъ кѣмъ нибудь другимъ... но вотъ, я вижу, идетъ леди Форэйтъ, и намъ надо ѣхать.

Капитанъ Осборнъ наклонился къ леди Ирисъ.

— Не сердитесь на меня, леди Ирисъ, это былъ счастливѣйшій вечеръ въ моей жизни, какъ будто какое-то райское видѣніе; Богъ знаетъ, буду-ли я еще когда нибудь такъ счастливъ;

Digitized by Google

дайте мнѣ одинъ цвѣтокъ изъ вашего букета, только одинъ, въ память этого вечера.

Леди Ирисъ молча вынула цвѣтокъ изъ букета и подала ему, сама себѣ удивляясь. Какъ не похоже это было на нее!

Лицо его все разцвѣло радостью.

— Вы очень добры, сказалъ онъ:—изъ всѣхъ вашихъ милостей, это самая большая. А теперь довершите ваше благодѣяніе, молилъ онъ. Скажите, что вы будете рады меня видѣть въ Чандосѣ.

— Я буду рада, сказала она съ улыбкой.

— Больше я ничего не прошу, сказалъ онъ, кланяясь.

Въ продолженіе всей дороги домой, въ ушахъ леди Ирисъ раздавались послѣднія слова капитана Осборна, а передъ глазами носился его образъ. Почему-то также вспомнились слова поэмы: «Проклятіе постигло меня»! Если это и не было проклятіе, то, дѣйствительно, что-то неиспытанное, новое постигло ее, въ чемъ она не давала себѣ отчета.

Лордъ Кальдонъ ожидалъ ихъ возвращенія. Каждый разъ когда онъ не сопровождалъ свою дочь, она разсказывала ему по пріѣздѣ домой всѣ свои впечатлѣнія. На этотъ разъ, другіе были оживлены и говорили, между тѣмъ какъ леди Ирисъ одна молчала.

— Тебѣ вѣрно не было весело, Ирисъ? спросилъ графъ.— Ты ничего не говоришь о балѣ.

— Я никогда лучше не проводила времени, папа, сказала она.

Когда отецъ и дочь остались одни, леди Ирисъ подошла къ отцу, стала на колѣни, обняла его и прижала свое лицо къ его груди.

— Папа, начала она нерѣшительно,—тамъ было очень пріятно... Она на мгновеніе остановилась.—Изъ всего графства собралось самое лучшее общество, и у леди Эвисъ гостятъ многіе... (Она не знала, какъ сообщить о капитанѣ Осборнѣ и о его посѣщеніи на завтра).—Между прочими молодыми людьми у нихъ гоститъ одинъ военный. Это—нѣкто капитанъ Осборнъ, сказала она, покраснѣвъ и съ невольною дрожью въ голосѣ:—Онъ очень милъ, папа. Бардоны его очень любятъ и хвалятъ, и онъ желаетъ представиться вамъ.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ, Ирисъ? лукаво усмѣхнулся графъ.—Онъ мнѣ дѣлаетъ эту честь?

— Да вы смѣетесь, папа? вскричала молодая дѣвушка.—Я вамъ никогда не прощу, если вы будете такъ продолжать.

— Но какъ-же мнѣ не смѣяться, Ирисъ, сказалъ графъ,— если ты прячешь отъ меня свое лицо, какъ напалившее дитя. Смотри на меня и разскажи все про своего капитана.

— Какой же онъ мой, папа! Только—знаете—онъ, право, совсѣмъ не похожъ на другихъ людей. Вотъ вы сами увидите.

— Но кто онъ такой, изъ какихъ Осборновъ? Къ какой фамиліи принадлежитъ?

— Къ фамиліи Осборновъ Скечелейскихъ, сказала она.—Я не знаю подробностей, папа, но Бардонъ мнѣ разсказывалъ о какой-то жертвѣ, которую онъ принесъ своей матери, и, право, онъ совершенно похожъ на героя.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, графъ догадывался, что дочь его наконецъ нашла человѣка, котораго готова была полюбить.

«Что-жъ, думалъ онъ,—если онъ достоинъ ея и изъ хорошей фамиліи, я очень радъ».

— Когда пріѣдетъ твой новый знакомый?

— Завтра утромъ, папа, отвѣчала она.

— Онъ желаетъ видѣть картины, говоришь ты? Мы ихъ покажемъ ему, это будетъ пріятно проведенное утро.

— Папа, какую я вамъ странную вещь скажу! Знаете ту картину, которую я такъ люблю,—сэра Ланселю въ библіотекѣ?

— Знаю, и что же? спросилъ графъ.

— Капитанъ Осборнъ до такой степени похожъ на рыцаря Ланселю, какъ-будто служилъ моделью для картины.

— Значитъ, онъ очень хорошъ собой, замѣтилъ графъ.—Я никогда не видалъ лица красивѣе.

— Да, онъ хорошъ, и въ его лицѣ есть что-то такое лучше красоты, есть какое-то благородство.

Графъ улыбнулся. Было очевидно, что его дочь нашла свою судьбу.

— Я очень радъ буду видѣть этого сэра Ланселю, сказалъ онъ.

— Какъ идетъ къ нему это имя! Настоящее же его имя Алланъ.

Digitized by Google

Мистеръ Бардонъ такъ его назвалъ... Но тутъ внезапно вспомнился ей эпизодъ съ завядшимъ цвѣткомъ миндаля, и она больше не упоминала о Бардонѣ.

Разойдясь по своимъ комнатамъ, отецъ и дочь думали объ одномъ и томъ же; графъ былъ вмѣстѣ и доволенъ и чего-то боялся.

«Она будетъ сильно любить, думалъ онъ,—какъ всѣ мы Фэйны. Кто больше меня страдалъ? Но насколько будетъ возможно, я постараюсь избавить ее отъ страданій».

До утра ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, время отъ времени останавливаясь и смотря на изображеніе золотистой головки на портретѣ съ надписью: «Кто умѣетъ молиться—умѣетъ любить».

А леди Ирисъ, со счастливой улыбкой безпечной юности на устахъ, положила на подушку голову, говоря себѣ, что завтра же увидитъ своего рыцаря. Дальше она не заглядывала.

ГЛАВА XX.

Когда леди Ирисъ проснулась на слѣдующее утро, цѣлые потоки солнечныхъ лучей наполняли ея комнату и птицы весело пѣли за окнами. Она отворила окна и съ наслажденіемъ вдыхала утренній воздухъ. Ей казалось, что утро этого счастливаго дня должно быть яснымъ и солнечнымъ!

Послѣ завтрака, она долго гуляла въ саду и возвращалась оттуда по липовой аллеѣ, ведущей въ замокъ. Когда она подходила къ дому, въ концѣ аллеи показался всадникъ... Это былъ капитанъ Осборнъ. Невольно опять вспомнился ей сэръ Лансело на бѣломъ конѣ, и она прочла про себя стихи поэта и улыбнулась.

«До тѣхъ поръ буду звать его сэромъ Лансело, пока не забуду его собственное имя», сказала она себѣ.

Они почти въ одно время взошли на подъѣздъ и въ швейцарскую... Тамъ она обернулась къ нему съ улыбкою, и такъ дивно была она хороша посреди этой величественной комнаты, въ бѣломъ платьѣ, съ своей прелестной золотистой головкой, причудливо освѣщенной сверху, черезъ разноцвѣтныя стекла, что капитанъ Осборнъ остановился въ нѣмомъ восторгѣ.

Digitized by Google

— Добро пожаловать въ Чандосъ, сказала она, протягивая ему руку.

— Благодарю васъ, леди Ирисъ, сказалъ онъ, почтительно кланяясь;—и, при видѣ его окруженнаго со всѣхъ сторонъ древними доспѣхами и знаменами, ей невольно пришла въ голову мысль, что до сихъ поръ никто такъ не подходилъ къ величію этой исторической комнаты, какъ онъ. Леди Ирисъ стояла какъ разъ подъ аркой, надъ которой былъ высѣченъ золотой гербъ и слова девиза: «Носить съ честью».

— Это девизъ вашей фамиліи, не такъ-ли? спросилъ онъ, прочитавъ слова.

— Да, гордо отвѣчала она,—и не правда-ли, что лучше этого девиза не существуетъ ничего?

— Я съ вами согласенъ; значеніе его прекрасно, и еслибъ мнѣ предстоялъ выборъ девиза, я выбралъ бы этотъ.

Онъ опять низко преклонился передъ молодой представительницей славной фамиліи и попросилъ позволенія представиться графу.

— Мы говорили о васъ, сказала она,—и папа будетъ радъ васъ видѣть.

Они вошли въ библіотеку. Довольно было графу посмотрѣть на молодаго воина, чтобы сердце его согрѣлось.

Пока онъ разговаривалъ съ графомъ, леди Ирисъ сличала лица—живое и нарисованное—и нашла, что дѣйствительно сходство съ Лансело было поразительное.

— Если вы любите картины, сказалъ ему графъ, спустя нѣсколько времени,—то мы пойдемъ въ галлерею, а прежде дочь моя покажетъ вамъ тѣ, которыя находятся здѣсь.

Осмотрѣвъ прекрасную Мадонну Рафаэля, головку Грёза, и ангела съ лиліею, работы Фра-Анжелико, они дошли до сэра Лансело.

— Посмотрите внимательно на эту картину, капитанъ Осборнъ, сказала леди Ирисъ.—И если вы знаете свое лицо, то вы скажете мнѣ, не удивительно-ли такое сходство?

Онъ отвелъ глаза отъ картины и посмотрѣлъ на нее съ улыбкой.

— Мнѣ это очень лестно, такъ какъ Лансело былъ доблестный рыцарь. И вотъ какое странное сопоставленіе: — вчера,

Digitized by Google

смотря на васъ, въ вашемъ царственномъ нарядѣ изъ голубаго бархата съ жемчугомъ, я нашелъ, что вы замѣчательно напоминаете портреты королевы Гиневеръ.

Графъ улыбнулся за своей газетой.

«Нехудо! сказалъ онъ себѣ,—если принять въ соображеніе, что это всего второе свиданіе».

— Это прекрасная картина! продолжалъ капитанъ Осборнъ.— Не удивляюсь, если она здѣсь занимаетъ почетное мѣсто. Эти ячменныя поля, посреди которыхъ ѣдетъ рыцарь, какъ золото, блестятъ на солнцѣ и волнуются, какъ будто отъ вѣтра.

— Въ военной службѣ, я полагаю, некогда заниматься поэзіей, замѣтила леди Ирисъ,—но вы, вѣроятно, знаете поэму о сэрѣ Лансело и леди Шалотъ.

— Да, и очень люблю эту поэму, сказалъ онъ.

Къ нимъ подошелъ графъ.

— Моя дочь находитъ, сказалъ онъ,—что вы очень похожи на рыцаря Лансело, и я теперь самъ вижу это сходство. Но пойдемте въ галлерею. Ирисъ, пойдемъ.

Капитанъ Осборнъ улыбнулся, услышавъ это имя.

— У васъ хорошенькое имя, замѣтилъ онъ.

— Немного только странное, кажется.

— Напротивъ, я нахожу, что всѣ хорошенькія женщины должны носить названія цвѣтовъ, сказалъ онъ просто.

— Имя Ирисъ нерѣдко встрѣчается, а есть также имена: Лилія, Віолетъ, Нарцизъ. Недавно я встрѣтила даже имя Азалеа;—это хорошее обыкновеніе давать названія цвѣтовъ.

— Во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ вѣчныя Дженни и Бесси.

— А вы знаете значеніе слова «Ирисъ»? спросила она.

— Я рѣшительно незнакомъ съ языкомъ цвѣтовъ.

— Ирисъ значитъ: «У меня есть порученіе или вѣсть къ тебѣ». Папа часто шутитъ, спрашивая, какую я ему вѣсть принесла.

— Вашъ девизъ можетъ быть вашею вѣстью. Онъ такъ къ вамъ подходитъ.

Она отвѣчала ему такимъ яснымъ взглядомъ, что сердце его сладко забилось въ груди.

Начался обзоръ картинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, по истинѣ,

Digitized by Google

не имѣли цѣны, какъ работы старыхъ художниковъ. Осборнъ, знавшій толкъ въ искусствѣ, приходилъ въ восторгъ.

— У васъ, должно быть, одна изъ лучшихъ коллекцій въ Англіи, милордъ, сказалъ онъ.

— Да, въ Чандосѣ, дѣйствительно, лучшая частная коллекція въ королевствѣ. И накопляется она давно, много поколѣній собирало ее. Всѣ Фэйны любятъ искусство и каждый изъ владѣтелей Чандоса что-нибудь прибавлялъ къ коллекціи. Мои пріобрѣтенія принадлежатъ, бо́льшею частью, къ новѣйшему времени.

Они находились посреди длинной галлереи.

— Вотъ портретъ моей матери, сказала леди Ирисъ.

— Да, сказалъ графъ,—и это одна изъ лучшихъ картинъ въ галлереѣ.

Посмотрѣвъ на портретъ, Алланъ Осборнъ перевелъ глаза на леди Ирисъ.

— Странно, сказалъ онъ,—но вы совсѣмъ не похожи на вашу мать. Она брюнетка, а вы бѣлокуры.

— Не странно, такъ какъ я Фейнъ, а она урожденная Тальботъ. Вы знаете, что существуетъ сказаніе о Фейнахъ, которое ихъ приговариваетъ быть непремѣнно бѣлокурыми. Всѣ члены нашего дома, даже самые доблестные воины, издревле были бѣлокуры. Такъ вы не находите между мною и матерью никакого сходства?

— Нѣтъ, еслибъ я не зналъ, я сказалъ бы даже, что вы не въ родствѣ, сказалъ онъ.

— Мнѣ жаль это, я желала бы во всемъ походить на нее.

— Вы, быть можетъ, охотно взглянули бы на портретъ Маріи, королевы шотландской; это лучшая картина изъ всей коллекціи, замѣтилъ графъ. Они пошли дальше.

— Оставайтесь съ нами ко второму завтраку, сказалъ графъ, когда кончился осмотръ галлереи. Ничто такъ не утомляетъ, какъ осмотръ картинъ, какъ бы хороши онѣ ни были. Послѣ того мы поѣдемъ осматривать Саунгамское аббатство. Это самыя красивыя развалины въ графствѣ, и я охотно покажу вамъ ихъ.

Капитанъ Осборнъ поблагодарилъ за приглашеніе, и графъ извинился, что ему нужно дописать письма.

Digitized by Google

— Я васъ познакомлю съ нашими гостями, замѣтила леди Ирисъ.

— Я пріѣхалъ видѣть васъ и лорда Кальдона, сказалъ онъ,— и нахожусь въ вашемъ распоряженіи, только, признаюсь по правдѣ, я совсѣмъ не тороплюсь къ вашимъ гостямъ.

Леди Ирисъ улыбнулась тому, что онъ не стремится познакомиться съ ихъ вельможными гостями.

— Мнѣ нравится въ васъ это достоинство. Вы рождены, чтобы повелѣвать! сказала она невольно.

— Вы, однако, любите насмѣхаться, сказалъ онъ холодно.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Вы, кажется, обидѣлись моими необдуманными словами? сказала она въ недоумѣніи.

— Простите, леди Ирисъ, я вообразилъ, что вы надо мной смѣетесь. Но вы такъ добры, что неспособны кого бы то ни было обидѣть. Могу я просить васъ показать мнѣ ваши прекрасные сады?

Нѣсколько минутъ спустя, они ходили по аллеямъ. Капитанъ Осборнъ молчалъ. Сердце его было такъ полно, что слова какъ-то не шли на языкъ. Наконецъ онъ овладѣлъ всѣмъ своимъ мужествомъ и прервалъ молчаніе.

— Я думалъ сейчасъ, леди Ирисъ, объ одной строкѣ изъ сказанія о Фейнахъ, которое я слышалъ, а именно: «Всѣ Фейны холодны и горды». Развѣ это правда?

— Да, отвѣчала она, и если вы у меня спросите, какой я сознаю въ себѣ недостатокъ, я скажу вамъ, что это гордость.

— Я бы этого не предположилъ, замѣтилъ онъ.

— Вы меня видѣли при особенныхъ условіяхъ, сказала леди Ирисъ,—а все-таки я чувствую, что ничто не можетъ сломить мою непреклонную гордость, которая глубоко вкоренилась во мнѣ. Чувствую также, что я холодна.

— Вы были такъ добры ко мнѣ, леди Ирисъ, что я не могу этому повѣрить.

— Я холодна ко всѣмъ постороннимъ, но для моихъ близкихъ сердце мое открыто и тепло. А къ вамъ я не могла бы быть холодной:—вы мнѣ спасли жизнь.

Digitized by Google

Онъ внезапно остановился и посмотрѣлъ на нее горячимъ взглядомъ.

— Леди Ирисъ, сказалъ онъ пылко,—могу-ли я надѣяться, что вы меня будете считать другомъ? Обдумайте отвѣтъ:— ошибка можетъ убить меня.

Она взглянула на него яснымъ взглядомъ.

— Какъ-же иначе? Вы мнѣ спасли жизнь и должны быть моимъ лучшимъ другомъ.

— Я горжусь вашей дружбой, я польщенъ ею; но, леди Ирисъ, продлится-ли она?

— Да, конечно.

— Не смотря на разстояніе и разлуку, не смотря на всѣ перемѣны обстоятельствъ?

— Не смотря на все, твердо сказала она.

— Значитъ, я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, такъ какъ не заслужилъ и никогда не мечталъ о счастіи быть вашимъ другомъ.

— Безъ васъ меня-бы убили, и я вамъ обязана жизнью.

— Леди Ирисъ, скажите мнѣ что нибудь другое... Неужели я обязанъ этимъ счастьемъ только моему поступку? молилъ онъ, овладѣвая ея рукою. Она не отвѣчала.

— Леди Ирисъ, скажите мнѣ, неужели вы удостоиваете меня вашей дружбой только ради того, что я вамъ спасъ жизнь?

— Нѣтъ, сказала она, высвободивъ свою руку,—не ради этого только.

— Простите меня, леди Ирисъ, я рѣзокъ, но это для меня слишкомъ важно, чтобы помнить, что я дѣлаю.

— А теперь пора намъ идти въ домъ: скоро прозвонятъ къ завтраку.

— Мой разумъ совершенно помутился, леди Ирисъ, я не буду въ состояніи поддержать разговоръ, позвольте мнѣ лучше вернуться въ Гайнъ-Куртъ.

— Вы будете съ нами завтракать, сказала леди Ирисъ, взявъ его за руку.

— Какъ прикажете, покорно согласился онъ.—Я въ вашихъ рукахъ, какъ воскъ.

Капитанъ Осборнъ былъ правъ, говоря, что неспособенъ

Digitized by Google

быть собесѣдникомъ. За столомъ онъ давалъ графу такіе отвѣты невпопадъ, что тотъ внутренно смѣялся.

Послѣ завтрака, все общество поѣхало въ аббатство. Леди Ирисъ ѣхала съ двумя дамами, въ открытомъ экипажѣ, а капитанъ Осборнъ—верхомъ, съ той стороны, съ которой сидѣла молодая дѣвушка. Пріѣхавъ туда, все общество пошло осматривать развалины, и капитанъ Осборнъ былъ кавалеромъ леди Ирисъ. Эта прогулка надолго осталась въ воспоминаніи обоихъ молодыхъ людей.

По возвращеніи въ замокъ, капитанъ Осборнъ уѣхалъ въ Гайнъ-Куртъ, оставивъ свое сердце въ Чандосскомъ замкѣ. Онъ не спрашивалъ себя, какой будетъ конецъ всему этому. Онъ впервые любилъ и былъ счастливъ неизмѣримо. Она подарила ему дружбу, зная, кто онъ такой, а если еще полюбитъ,—онъ съ ума сойдетъ отъ счастія!

ГЛАВА XXI.

Спустя нѣсколько времени, капитанъ Осборнъ сталъ почти каждый день посѣщать Чандосскій замокъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

Графъ полюбилъ его, и въ сердцѣ своемъ одобрялъ выборъ своей дочери, а капитанъ Осборнъ забывалъ весь міръ въ присутствіи леди Ирисъ; онъ предался своей любви со всей силой беззавѣтной страсти. Иногда приходила ему въ голову мысль, что не безумно-ли было надѣяться, чтобы единственная дочь и наслѣдница графа Кальдона снизошла до брака съ нимъ. И даже, если полюбитъ, способна-ли будетъ она,—которая сама сознаетъ себя гордою,—презрѣть сословные предразсудки и выйти за него замужъ? Не смотря на всѣ эти размышленія, молодой человѣкъ не въ силахъ былъ противиться теченію потока:—его такъ и тянуло въ Чандосскій замокъ.

Эти частыя отлучки вызывали улыбку сочувствія въ его хозяевахъ. Мистеръ Бардонъ отъ души желалъ ему успѣха, безъ малѣйшей ироніи, тономъ самаго теплаго участія.

— Вы просто волшебникъ, говорилъ онъ ему.—Я хорошо знаю гордость леди Ирисъ. Мы съ сестрой бывали часто въ

Digitized by Google

Чандосѣ до моей женитьбы, и леди Ирисъ никогда не удостоивала насъ своей благосклонностью.

— Это просто, быть можетъ, вамъ такъ вообразилось, сказалъ капитанъ Осборнъ:—я замѣтилъ, что она къ вамъ всегда любезна.

— Про то я знаю, любезный другъ, горько замѣтилъ Джонъ Бардонъ.—Къ вамъ-же она такъ добра, какъ ни къ кому, хотя и знаетъ вашу исторію.

— Быть можетъ, сказалъ Алланъ,—она раздѣляетъ мой взглядъ, что благородство познается по жизни человѣка. Однако, Джонъ, увѣрены-ли вы, что все ей сказали?

— Все рѣшительно, было короткимъ отвѣтомъ.

— То-то. Я бы не желалъ являться ей въ ложномъ свѣтѣ. Я, впрочемъ, и самъ поговорю съ ней объ этомъ. Она уже намекала мнѣ, что вы разсказывали ей о нашемъ первомъ свиданіи, и прибавила, что одобряетъ меня.

— Счастливый вы человѣкъ, Алланъ, потому что у леди Ирисъ нѣтъ обыкновенія благоволить къ людямъ, подобно намъ съ вами, вышедшимъ изъ народа.

— Леди Ирисъ благороднѣйшая и лучшая женщина въ мірѣ! съ горячностью воскликнулъ капитанъ,—и я не замедлю ей самъ все сказать.

Тяжелая рука Джона Бардона опустилась на плечо Осборна.

— Не совѣтую вамъ это дѣлать.

— Почему нѣтъ?

— Потому что это будетъ какимъ-то недовѣріемъ къ ней съ вашей стороны. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я-бы ничего не сказалъ, пока она сама не заговоритъ.

ГЛАВА XXII.

Прошло пять недѣль, отпускъ капитана Осборна продолжался. Джонъ Бардонъ и леди Эвисъ не хотѣли его пускать отъ себя, не смотря на его увѣреніе, что ему совѣстно употреблять во зло ихъ гостепріимство. Однажды капитанъ Осборнъ, ѣдучи верхомъ съ графомъ, заговорилъ о своемъ отъѣздѣ.

— Вотъ уже шесть недѣль, какъ я живу въ Гайнъ Куртѣ, и какъ мнѣ здѣсь ни хорошо, я долженъ уѣхать.

Digitized by Google

— Прежде чѣмъ уѣдете, проведите нѣсколько дней въ Чандосскомъ замкѣ, сказалъ графъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, капитанъ Осборнъ не могъ слова проговорить отъ восторга; наконецъ, съ особенной горячностью и несвязно, произнесъ свою благодарность.

— Пріѣзжайте въ среду, у насъ соберутся гости и вы пріятно проведете время, сказалъ графъ.

— Развѣ можетъ быть въ Чандосѣ кому нибудь невесело? отвѣчалъ Осборнъ внѣ себя отъ счастья, при мысли пожить съ *ней* подъ одной кровлей, видѣть ее каждый часъ дня.

«Да благословитъ Богъ графа, думалъ онъ, возвращаясь домой, это лучшій человѣкъ, какого я когда либо встрѣчалъ.—Онъ не можетъ не видѣть, что я люблю, боготворю его дочь, и если приглашаетъ меня къ Чандосъ, то это ясно, что онъ меня не отвергнетъ».

Джонъ Бардонъ усмѣхнулся, услыхавъ объ этомъ приглашеніи, и сказалъ женѣ, что теперь скоро можно ожидать развязки.

— Ирисъ, сказалъ графъ въ тотъ-же день дочери,—распорядись, чтобы приготовили къ средѣ одну изъ лучшихъ комнатъ для гостей.

— Для кого это, папà?

— Я пригласилъ капитана Осборна провести у насъ нѣсколько дней, и онъ пріѣдетъ въ среду.

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. Наконецъ леди Ирисъ проговорила спокойнымъ голосомъ:

— Я рада, что онъ пріѣдетъ, папà; онъ любитъ Чандосъ.

Затѣмъ въ два дня, предшествовавшіе средѣ, леди Ирисъ предалась радостному ожиданію. Жить съ нимъ въ одномъ домѣ! цѣлые дни быть вмѣстѣ! Что бы послѣ того ни послѣдовало, настоящее было слишкомъ хорошо, чтобъ задумываться о будущемъ.

Наступила среда. Капитанъ Осборнъ долженъ былъ явиться вечеромъ къ обѣду. Леди Ирисъ особенно занялась своимъ туалетомъ: на ней было блѣдно-голубое платье, изящно отдѣланное бѣлыми кружевами; въ ея волосахъ, на шеѣ и рукахъ сверкали брилліанты.

Они встрѣтились въ гостинной. Съ минуту ея рука лежала

Digitized by Google

въ его рукѣ. Румянецъ разлился по ея лицу и глаза опустились подъ его горячимъ взглядомъ; потомъ она перешла къ прочимъ гостямъ: но что бы она ни дѣлала, съ кѣмъ-бы ни говорила, она постоянно слѣдила за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ словомъ. Тоже было и съ нимъ, съ той разницей, что онъ завидовалъ каждому, кто подходилъ и говорилъ съ леди Ирисъ.

Послѣ обѣда, все общество раздѣлилось на группы. Ночь была чудная, лунная, всѣ окна были настежъ открыты; цвѣты отъ ночной свѣжести приподнялись на своихъ стебелькахъ и наполняли воздухъ такимъ благоуханіемъ, что оно проникало черезъ открытыя окна въ гостинную. Одна изъ дѣвицъ, Лора Сэймуръ, пѣла чистымъ контральто какой-то печальный романсъ, въ которомъ говорилось о любви. Капитанъ Осборнъ стоялъ возлѣ леди Ирисъ.

— Отчего это, сказала она задумчиво,—всѣ любовные романсы такъ печальны?

— Вѣроятно, оттого, отвѣчалъ онъ, — что любовь нерѣдко бываетъ несчастлива и одинъ любитъ другаго безъ надежды на взаимность.

Въ памяти леди Ирисъ мгновенно возстало лицо Джона Бардона, искаженное страстью и горемъ; она вспомнила свои жосткія слова и поняла, сколько онъ долженъ былъ вытерпѣть.

— Я никогда не думала, чтобы любовь могла причинить страданіе, задумчиво проговорила она.

— И однако вамъ болѣе, чѣмъ кому либо, пришлось причинять его, замѣтилъ капитанъ Осборнъ;—столько людей любили васъ безнадежно.

— Я это дѣлала, сама того не желая, кротко сказала она, припоминая слезы Джона Бардона,—и мнѣ ихъ всѣхъ очень жаль.

ГЛАВА XXIII.

Какъ скоро летѣли дни для Аллана и леди Ирисъ, и что это были за счастливые дни! Все общество полюбило капитана Осборна и находило удовольствіе въ его бесѣдахъ. Онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ, прекрасно воспитанъ, талантливъ, уменъ, всегда веселъ и любезенъ.

По мѣрѣ того, какъ возростала любовь въ его сердцѣ, возросталъ

Digitized by Google

и страхъ передъ исходомъ чувства. Прежде того, видаясь урывками съ леди Ирисъ, онъ не задумывался о различіи ихъ общественныхъ положеній; между тѣмъ какъ теперь, живя въ ея домѣ, гдѣ окружало его величіе знатнаго происхожденія и почти царская роскошь, онъ падалъ духомъ. Никогда прежде не придавалъ онъ никакого значенія рожденію и не понималъ родовой гордости. Теперь же гордость леди Ирисъ объяснялась ему при видѣ попадавшихся на каждомъ шагу знаковъ древней славы ея рода. Передъ глазами его возвышались сѣрыя, старыя стѣны крѣпости и башенъ съ ихъ бойницами, теперь живописно обвитыя плющемъ, а когда-то осыпаемыя пушечными выстрѣлами. Тутъ видѣлъ онъ старыя знамена, отнятыя у непріятеля на полѣ битвы; тамъ оружіе и доспѣхи рыцарей крестовыхъ походовъ— и вездѣ бросались ему въ глаза гербы: левъ и лилія съ девизомъ «Носить съ честью».

Для него вся слава и величіе рода леди Ирисъ олицетворялись въ ней, и съ ней соединялъ онъ все высокое и прекрасное. Онъ падалъ подъ гнетомъ своего чувства, и неизвѣстность терзала его. Онъ рѣшилъ услышать свой приговоръ изъ ея устъ и въ случаѣ неудачи,—не падая духомъ, какъ ребенокъ,—уйти туда, гдѣ понадобятся его мечъ и энергія.

Случай все не представлялся; леди Ирисъ прочитала, вѣроятно, въ его глазахъ отчаянную рѣшимость и стала невольно избѣгать его. Въ первый разъ она боялась объясненій въ любви, тогда какъ прежде безстрастно и равнодушно выслушивала ихъ отъ безчисленныхъ своихъ поклонниковъ.

Въ душѣ она давно сознала, что полюбила беззавѣтно, и что, какъ ни борись, судьба ея была рѣшена; внутренно она жаждала отъ него словъ любви и нѣжности; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она ихъ опасалась и такъ окружала себя въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что ему не было возможности сказать съ ней двухъ словъ.

Однажды все общество было на террасѣ, собираясь ѣхать верхомъ. Улучивъ минуту, когда леди Ирисъ стояла одна, капитанъ Осборнъ быстро подошелъ къ ней.

— Леди Ирисъ, сказалъ онъ,—что я такое сдѣлалъ, что вы избѣгаете меня? Отчего вы не хотите говорить со мною?

— Я васъ не избѣгаю, быстро отвѣчала она.

Digitized by Google

— Однако, вотъ уже столько дней, что я не видѣлъ цвѣта вашихъ глазъ; вы и не смотрите на меня.

Леди Ирисъ подняла на него свои великолѣпные глаза, но внезапная краска залила все ея лицо, и она отвернулась. Въ это время подвели ей лошадь, и во все время прогулки онъ не могъ ей сказать ничего, а также и тогда, когда они возвратились и леди Ирисъ сѣла за чайный столъ, а онъ стоялъ подлѣ, передавая чашки и оказывая ей разныя маленькія услуги. Леди Ирисъ, подъ какимъ-то предлогомъ, ни на минуту не отпускала отъ себя Лору Сеймуръ и вела безпечно-свѣтскій разговоръ.

Вспомнивъ значеніе цвѣтка ирисъ: «я несу вѣсть», капитанъ Осборнъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и передалъ ей. Леди Ирисъ приняла цвѣтокъ, но все-таки не дала ему случая говорить съ собой. Къ обѣду она вышла въ богатомъ бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ прибором изъ великолѣпныхъ опаловъ. Къ корсажу у ней былъ приколотъ цвѣтокъ ирисъ.

«Что мнѣ думать? недоумѣвалъ онъ: — еслибъ она любила меня, она бы поспѣшила услышать вѣсть, которую я хочу ей сообщить? Если же не любитъ, зачѣмъ носитъ мой цвѣтокъ?»

Леди Ирисъ тотчасъ замѣтила облако на его челѣ. Онъ сидѣлъ, наклонившись надъ какимъ-то альбомомъ, но не переворачивалъ страницу. Она подошла къ нему. Онъ почувствовалъ ея присутствіе, поднялъ глаза и невольно вздохнулъ. Она была такъ дивно хороша въ своемъ изящномъ нарядѣ.

— Капитанъ Осборнъ, сказала она, я имѣю къ вамъ просьбу.

— Прикажите,—всталъ онъ съ мѣста.

— Мнѣ говорила леди Эвисъ, что у васъ очень хорошій теноръ, правда это?

— Такъ говорятъ, отвѣчалъ Осборнъ.

— Отчего вы мнѣ этого никогда не сказали? спросила она.

— Я не люблю пѣть, да и не подумалъ объ этомъ.

— Прошу васъ спѣть для меня, капитанъ Осборнъ, сказала она.

— Я спою для васъ, значительно сказалъ онъ и пошелъ къ роялю.

Всѣ смолкли.

Осборнъ запѣлъ балладу «Прощай, милая, прощай». У него оказался великолѣпный, обработанный теноръ. Голосъ его про-

Digitized by Google

никалъ въ душу. При словахъ: «Не желалъ бы покинуть тебя!» глаза его встрѣтились съ глазами леди Ирисъ и сердце ея замерло. А что если, дѣйствительно, онъ уѣдетъ? Но вѣдь тогда вся прелесть жизни для нея утратится. «Прощай!» раздавалось среди общей тишины, и лицо ея становилось блѣдиѣй и печальнѣе.

Когда онъ кончилъ, леди Ирисъ сдѣлала надъ собой усиліе и подошла къ нему.

— Это было просто жестоко скрывать отъ насъ вашъ прекрасный голосъ, капитанъ Осборнъ, заговорила она сколько возможно равнодушнѣе.—За наказаніе, вы должны пѣть еще и еще.

— Я къ вашимъ услугамъ, леди Ирисъ, каждый разъ, какъ вы пожелаете меня слушать. Только можно васъ просить отплатить мнѣ одною милостью?

— Вы такъ корыстолюбивы? пошутила она.

— Милость, которую я прошу, для васъ очень нетрудна. Удѣлите мнѣ только пять минутъ вашего времени. Обѣщаете вы мнѣ?

Молодая дѣвушка молчала, она боялась выдать свое волненіе.

— Леди Ирисъ, я просто начинаю теряться... Я нахожусь, какъ въ раю, но прихожу въ отчаяніе. Неужели вы находите удовольствіе меня терзать?

— Такого храбраго воина можетъ-ли терзать женщина! стараясь улыбнуться, сказала леди Ирисъ.

— Вы все-таки не отвѣтили на мою просьбу, дадите вы мнѣ пять минутъ? спросилъ онъ.

— Первый разъ, какъ я буду свободна, я вамъ дамъ требуемыя вами пять минутъ, сказала леди Ирисъ и отошла.

Капитанъ Осборнъ сталъ ждать случая, который представился только поздно вечеромъ.

Ночь была тихая, душистая. Леди Ирисъ ходила по саду съ Лорой Сеймуръ, которую вскорѣ куда-то отозвали. Луна медленно выплывала изъ-за вершины деревьевъ и озаряла своимъ серебристымъ свѣтомъ бѣлое платье молодой дѣвушки и ея лучезарное, плѣнительное лицо.

— Наконецъ-то, произнесъ голосъ капитана Осборна около леди Ирисъ, и вывелъ ее изъ глубокой задумчивости.—Я все

Digitized by Google

время слѣдилъ за вами, ожидая, что вы останетесь однѣ. Вы мнѣ обѣщали дать пять минутъ. Будьте же до конца милостивы: пойдемте къ озеру и выслушайте меня съ терпѣніемъ. Я рѣшился рискнуть на послѣднюю ставку, и если проиграю, то мнѣ не для чего больше жить.

Сила, слышавшаяся въ его словахъ, заставила ее повиноваться и идти, куда онъ велъ ее. Ночной вѣтерокъ тихо шелестилъ листвой надъ ихъ головами, озеро недвижно стояло, отражая въ себѣ луну и звѣзды. Изъ открытыхъ оконъ замка доносились звуки музыки и пѣнія. На самомъ берегу озера бѣлѣлась мраморная статуя—Фавнъ, наливающій воду изъ урны. Около статуи стояла скамья.

— Садитесь здѣсь, сказалъ онъ.

Леди Ирисъ сѣла. И вотъ наступила минута, которую она смутно ждала съ какою-то смѣсью страха и счастія. Онъ былъ у ея ногъ и въ страстныхъ, горячихъ выраженіяхъ говорилъ ей о своей любви, о готовности умереть за нее. По мѣрѣ того, какъ рѣчь его дѣлалась краснорѣчивѣе, страхъ и нерѣшимость оставляли ее, давая мѣсто чувству одной неизмѣримой любви. Она потеряла способность противиться напору своихъ чувствъ. Она видѣла въ этомъ обширномъ божьемъ мірѣ только одного его, стоящаго передъ ней на колѣнях и обращающаго къ ней свой молитвенный взоръ.

— Согласны-ли вы быть моей женой? шепталъ онъ.

И она, гордая красавица, леди Ирисъ Фэйнъ, сказала:

— Да,—и спрятала свое лицо на его груди.

ГЛАВА XXIV.

Не замѣчали они, сидя у серебристаго озера, какъ проходило время. По нѣскольку разъ повторялъ капитанъ Осборнъ, какъ съ перваго взгляда полюбилъ ее; разсказывалъ о своихъ опасеніяхъ, что она не найдетъ его достойнымъ быть ея мужемъ.

— Кажется, ужь поздно; посмотрите, капитанъ Осборнъ, куда перешла луна. Я что-то не слышу больше музыки.

— А вотъ доносится смѣхъ и говоръ, но не называйте меня «капитаномъ Осборномъ»...

— *Аллан*ъ, тихо и краснѣя, сказала она,—пойдемте домой.

Digitized by Google

— Сейчасъ, только скажите мнѣ еще, что вы меня любите.

Онъ сложилъ руки и съ благоговѣніемъ, какъ на божество, смотрѣлъ на прекрасную молодую дѣвушку, озаренную матовымъ свѣтомъ луны.

— Я люблю васъ, Алланъ, всей моей душой, сказала она, смотря ему въ глаза и положивъ на его плечо свою руку.

— И буду вашей женой, и обѣщаю любить васъ всю жизнь,— продолжалъ онъ торжественно, и она повторила за нимъ эти слова.

— А теперь прошу скрѣпить ваши слова однимъ поцѣлуемъ.

— До самой смерти, Алланъ, прошептала она, цѣлуя его:—до самой моей смерти! И оба молча пошли домой.

Въ продолженіе остальнаго вечера, на лицѣ леди Ирисъ выражалось такое счастіе, что графъ не могъ не догадаться, что они объяснились.

«Рано или поздно исходъ долженъ быть одинъ, говорилъ онъ себѣ,—и слава Богу, что выборъ ея палъ на одного изъ лучшихъ молодыхъ людей Англіи».

Оставшись наединѣ съ дочерью, графъ замѣтилъ:

— Ты мнѣ кажешься сегодня особенно счастливою, Ирисъ.

— Да, папа, я счастливѣйшее существо въ мірѣ! Завтра онъ самъ все скажетъ! добавила она, крѣпко и нѣжно поцѣловала отца и удалилась въ свою комнату. Тамъ она отпустила свою горничную и, склонившись на колѣни, со слезами благодарила Бога за счастье, выпавшее на ея долю.

Положивъ свою голову на подушку, она съ улыбкой поцѣловала ту изъ своихъ рукъ, которую цѣловалъ Алланъ, и лучи луны, заглянувшіе въ ту ночь въ окно ея комнаты, освѣтили чуть-ли не счастливѣйшую дѣвушку на всемъ земномъ шарѣ.

На слѣдующее утро, капитанъ Осборнъ былъ въ библіотекѣ графа и открывался ему въ своей любви къ его дочери.

— Я не скрываю, милордъ, что стою во многомъ ниже вашей дочери, но мое чувство къ ней такъ сильно, что оно уравновѣситъ наше положеніе.

— Меня не удивляетъ ваше признаніе, сказалъ графъ:—я давно замѣтилъ, что вы другъ друга любите, и только прибавлю, что одобряю ея выборъ и охотно принимаю васъ въ мою семью,— и онъ пожалъ руку молодаго человѣка.—Не будемъ теперь вда-

Digitized by Google

ваться въ подробности, продолжалъ онъ:—вы знаете, моя дочь—единственная отрасль фамиліи Фэйновъ-Кальдонскихъ, и съ ея замужствомъ сопряжены нѣкоторыя формальности; предоставляю вамъ нѣсколько дней быть счастливыми безъ помѣхи; затѣмъ разъѣдутся гости и мы займемся дѣлами.

Скоро слухъ о предстоящей свадьбѣ наслѣдницы Чандоса распространился въ окрестности. Общество немного удивилось; но, принявъ въ соображеніе всѣ личныя достоинства молодаго человѣка, оно наружно высказало довольство и усердно поздравляло леди Ирисъ.

Первыми пріѣхали Джонъ Бардонъ и леди Эвисъ, чтобъ поздравить жениха и невѣсту.

— Ваше лицо доказываетъ, что вы счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, говорилъ Джонъ Бардонъ своему другу.—Вамъ принадлежитъ любовь, за которую другой отдалъ бы свою жизнь.

— Да! я, дѣйствительно, очень счастливъ, Джонъ, и этимъ отчасти обязанъ вамъ, такъ какъ, не пригласите вы меня къ себѣ, я никогда не узналъ бы леди Ирисъ. Я никогда не забуду этого, повѣрьте,—добавилъ онъ, крѣпко пожимая его руку.

Джонъ Бардонъ содрогнулся отъ волненія.

На восточной сторонѣ террасы, прогуливалась леди Ирисъ; завидя подходящаго къ ней Джона Бардона, она сдѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу; онъ смертельно поблѣднѣлъ, пожимая руку, протянутую ему со счастливой улыбкой.

— Поздравляю васъ, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Бардонъ; я знала, что вы будете рады, какъ другъ капитана Осборна.

Эти слова, какъ ножомъ, пронзили его сердце.

— Я всегда буду помнить, продолжала она,—что я обязана вамъ тѣмъ, что встрѣтилась съ нимъ. Я, право, жалѣю, что когда-то невольно оскорбила васъ: только тогда поймешь любовь, когда сама испытаешь это чувство.

Онъ отвѣчалъ ей какимъ-то стономъ.

— Я теперь стала другая... Простите-ли вы меня? и она протянула ему руку.

Съ необычайнымъ усиліемъ поборолъ онъ въ себѣ волненіе и тихо отвѣчалъ:

Digitized by Google

Мнѣ нечего прощать, леди Ирисъ... А что,—внезапно спросилъ онъ,—говорилъ вамъ капитанъ свою исторію?

— Нѣтъ еще, отвѣчала она.

— Попросите его разсказать вамъ и тогда вспомните, что, услыхавъ ее, я свелъ васъ съ нимъ изъ угожденія вашему вкусу.

— Буду помнить, сказала она съ ясной улыбкой.

ГЛАВА XXV.

Леди Ирисъ и Джонъ Бардонъ продолжали гулять по террасѣ. Она не могла не замѣтить въ немъ чего-то особеннаго.

— Вы какъ будто нездоровы сегодня, мистеръ Бардонъ.

— Я здоровъ, сказалъ онъ, избѣгая ея взгляда,—я слишкомъ здоровъ, и боюсь, что буду еще жить, когда не станетъ людей гораздо счастливѣе меня.

— Вы хандрите, сказала она,—можетъ-ли человѣкъ, пользующійся всѣми благами жизни, говорить такъ. Одной улыбки вашего сына довольно, чтобъ отогнать отъ васъ всякую заботу.

— Вы правы; имѣя такого ребенка, я не долженъ былъ-бы знать горя. Прощайте, леди Ирисъ,—откланялся онъ и, пожимая ей руку, снова оставилъ въ ней цвѣтокъ миндальнаго дерева.

На этотъ разъ леди Ирисъ вздрогнула, взглянувъ на увядшій цвѣтокъ. Что хотѣлъ онъ этимъ сказать? недоумѣвала она. Она помнила, что сидѣла подъ миндальнымъ деревомъ въ ту ночь, когда такъ жестоко отвергла его; но вѣдь онъ былъ женатъ, имѣлъ сына; такъ неужели онъ еще не забылъ... А она еще сейчасъ просила у него прощенія, побужденная къ этому полнотой своего счастія. Она также мало подозрѣвала въ немъ жажду мести, какъ въ его маленькомъ сынѣ, и отбросила цвѣтокъ, рѣшительно не зная, что и подумать.

Джонъ Бардонъ спросилъ ее, не знаетъ-ли она исторію Аллана. Она не думала еще его разспрашивать, ей было такъ хорошо въ настоящемъ, что она не хотѣла говорить ни о будущемъ, ни о прошедшемъ. Но, конечно, она рѣшила рано или поздно просить его—разсказать ей все подробно, тѣмъ болѣе, что ей пріятно будетъ слышать о его благородномъ поступкѣ.

Разъ, гуляя по парку, Алланъ и леди Ирисъ подошли къ зо-

Digitized by Google

лотистому жнивью и любовались на прекрасное мѣстоположеніе, опершись на рѣшетку парка.

— Какъ я люблю эти мѣста, сказалъ онъ. Тяжело-бы мнѣ было оставить ихъ.

— Вы и не оставите, мой другъ, нѣжно сказала леди Ирисъ,— ваше мѣсто въ Чандосѣ и куда-бы вы ни поѣхали, вы меня должны взять съ собой.

— Я такъ отуманенъ моимъ счастіемъ, что ничего не могу сообразить. Я даже не заглядываю въ будущее.

— А какъ хорошо это будущее, Алланъ: я въ немъ облачка не вижу. Лишь бы только я всегда была съ вами.

— Не странно-ли это слышать отъ надменной леди Ирисъ?

— Для васъ я никогда не была надменною, вы покорили меня и я теперь ваша покорная, любящая Ирисъ.

— Такъ вы теперь никогда-бы не могли со мною быть гордой? спросилъ онъ.

— Я не могу придумать условія, при которомъ могла-бы быть такою съ вами. Вы составляете часть меня самой. И, наконецъ, развѣ можно соединить вмѣстѣ любовь и гордость?

Алланъ Осборнъ вынулъ изъ маленькаго футляра хорошенькое кольцо, осыпанное брилліантами и рубинами.

— Позвольте мнѣ надѣть на вашъ палецъ это кольцо, и пусть оно насъ также свяжетъ, какъ вѣнчальное кольцо.

Леди Ирисъ протянула руку и онъ надѣлъ ей на палецъ кольцо.

— Оно вамъ какъ разъ въ пору; это хорошій знакъ, Ирисъ. Обѣщайте мнѣ носить его всю вашу жизнь.

— Я обѣщаю больше того, Алланъ: оно будетъ погребено со мною.

Онъ нѣжно обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, пока вы будете носить это кольцо, я буду знать, что вы меня любите, и еслибы насъ что нибудь разлучило и я, по возвращеніи, не нашелъ-бы этого кольца на вашемъ пальцѣ, то это будетъ знакомъ, что вы меня разлюбили.

— Сохрани Боже, чтобы насъ что нибудь разлучило, сказала она,—но еслибы это случилось, то вы, конечно, найдете это

Digitized by Google

кольцо на моей рукѣ въ доказательство, что я вамъ осталась вѣрна.

— Я такъ счастливъ, говорилъ онъ,—что даже не вѣрю своему счастью.

— А я часто думаю, Алланъ, что жизнь гораздо короче любви. Еслибъ я жила сто лѣтъ, то каждый день давалъ бы новую разнообразную пищу для моей любви. Не думаю, чтобы кто нибудь могъ быть такъ счастливъ, какъ мы.

— По той простой причинѣ, что никто не можетъ такъ сильно любить, какъ мы,—было ей отвѣтомъ.

И такимъ образомъ шла бесѣда влюбленныхъ каждый разъ, когда они оставались вдвоемъ.

ГЛАВА XXVI.

Однажды утромъ, леди Ирисъ сидѣла за чтеніемъ писемъ; она уже кончила послѣднее поздравительное письмо, когда къ ней подошелъ Алланъ Осборнъ.

— Ирисъ, сегодня особенно хорошій день, пойдемте къ рѣкѣ. Вы кончили читать письма; погуляемъ немного.

— Пойдемъ къ рѣкѣ Рилль, сказала она очень охотно. Изъ всѣхъ здѣшнихъ мѣстъ я особенно люблю рѣку Рилль. Кстати, Алланъ, у меня есть къ вамъ порученіе отъ папа. Послѣ завтрака онъ васъ проситъ прійти къ нему въ кабинетъ.

— Очень радъ, моя дорогая, такъ какъ разговоръ вѣрно будетъ о васъ, и я, кажется, отважусь спросить: когда назначится день для нѣкоего счастливаго событія...

— Да, васъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ храбрости.

Они пошли. Долго потомъ вспоминалъ Алланъ разныя подробности этой прогулки. Они зачѣмъ-то остановились въ знаменитой швейцарской, и, любуясь фигурой леди Ирисъ, стоящей подъ аркой съ гербомъ и девизомъ, Алланъ почему-то подумалъ, что эта дѣвушка способна была скорѣй разстаться съ жизнью, нежели запятнать свою честь

— Вы любите вашихъ льва и лилію? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала она,—и я сейчасъ думала о томъ, какъ хорошо, что существуетъ левъ для охраны лиліи.

Они пошли къ рѣкѣ и, сѣвъ на берегу, опять заговорили о

Digitized by Google

своемъ счастіи, настоящемъ и будущемъ. Леди Ирисъ составляла букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и краснаго маку. Вдругъ она пріостановила работу.

— Алланъ, сказала она,—я давно хотѣла васъ просить разсказать мнѣ одинъ эпизодъ изъ вашей жизни, и все какъ-то не приходилось. Разскажите мнѣ.

— Ничего особеннаго въ моей жизни не было, отвѣчалъ онъ.

— Джонъ Бардонъ сказалъ мнѣ, что было, и вы должны признаться, какъ бы скромны ни были.

— Но, моя дорогая, я не понимаю, о чемъ вы говорите?

— Джонъ Бардонъ сказалъ мнѣ, что вы самымъ рыцарскимъ образомъ отказались отъ титула и помѣстья. Я хорошо не поняла его; но, кажется, вы это сдѣлали, чтобы спасти вашу мать отъ чего-то.

— Клянусь вамъ, что я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, что вы говорите.

— Джонъ Бардонъ сказалъ мнѣ, что вы принадлежите къ фамиліи Осборновъ Скечелейскихъ.

Страшная догадка заледенила кровь въ его жилахъ.

— Ничего не понимаю, слабо сказалъ онъ,—такъ онъ вамъ сказалъ о моемъ происхожденіи?

— Онъ сказалъ мнѣ только то, что я вамъ говорю.

— И больше ничего? сказалъ онъ.—Такъ мы оба были обмануты.

— Что такое, Алланъ? сказала она, и тотъ же ужасъ овладѣлъ ею. Цвѣты упали на землю. Сердце ея окаменѣло въ груди.

— Ирисъ, спросилъ онъ ее:—вы, значитъ, все это время считали меня равнымъ по рожденію?

— Конечно, а что? сказала она съ побѣлѣвшими губами.

— И вы-бы не любили меня, еслибъ это было не такъ? съ усиліемъ проговорилъ онъ.

— Алланъ, что вы говорите? это ужасная шутка!

— Это не шутка, сказалъ онъ, стоя передъ нею, блѣдный, съ замирающимъ сердцемъ.—Мнѣ сказали, что вамъ извѣстно мое происхожденіе, и я думалъ, что вы полюбили меня, не смотря ни на что! А теперь, Боже помоги мнѣ! я въ первый разъ въ жизни чувствую страхъ.

Digitized by Google

Леди Ирисъ встала.

— Алланъ! слабо говорила она,—Алланъ, что такое? Говорите скорѣй.

— Ирисъ, клянусь истиннымъ Богомъ, что я васъ не обманывалъ! Я теряюсь, не понимаю мотивовъ Джона Бардона обмануть насъ! Но, клянусь, я повѣрилъ, что онъ разсказалъ вамъ все обо мнѣ; иначе я самъ тотчасъ сказалъ бы вамъ.

— Но что, Алланъ, что сказали-бы?

— До сихъ поръ я никогда не боялся говорить о моемъ происхожденіи. Ирисъ, я не дворянинъ; отецъ мой торговалъ, и я принадлежу къ среднему сословію по рожденію, но по роду службы—джентльменъ. Никогда не стыдился я и не буду стыдиться его происхожденія.

Молнія, упавшая внезапно у самыхъ ногъ леди Ирисъ, не могла бы поразить ее такъ, какъ поразило это открытіе.

— Довольно! простонала она,—ваши слова меня терзаютъ. Она пошатнулась, онъ удержалъ ее.

— Я точно въ туманѣ, говорила она,—я послѣ пойму все, а пока одно могу понять—это то, что не вы меня обманули.

— Да благословитъ васъ Богъ, сказалъ онъ,—я все-бы вынесъ, только не это.

— Начинаю понимать, медленно говорила она:—я когда-то оскорбила Джона Бардона, я презрительно отнеслась къ нему, и вотъ его мщеніе.

— Но вѣдь онъ назывался моимъ другомъ! воскликнулъ Алланъ.

— Да, и онъ предалъ васъ. Да поможетъ намъ Богъ!

ГЛАВА XXVII.

Молчаніе длилось долго, нарушаясь лишь плескомъ воды и пѣніемъ птицъ. Леди Ирисъ стояла блѣдная, судорожно сжавъ руки и наклонивъ голову, Алланъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ на нее. Какъ внезапно солнечный свѣтъ смѣнился для нихъ непроглядной тьмой!

— Ирисъ, началъ онъ,—вы сейчасъ только говорили, что ничто не можетъ разлучить насъ.

Digitized by Google

Не въ его характерѣ было просить пощады; тѣмъ не менѣе, онъ способенъ былъ молить ее горячо, отчаянно.

— Скажите что нибудь, Ирисъ, мнѣ очень горько; я отдалъ бы жизнь, чтобы этого не случилось; но я ничего не подозрѣвалъ; я былъ такъ счастливъ, такъ безконечно счастливъ! сказалъ онъ и въ его голосѣ слышалось рыданіе.—Должны вы разлюбить меня теперь?

Она все молчала. Какъ будто сила удара лишила ее языка. Онъ протянулъ руку, она машинально положила въ нее свою.

— Потому-ли я менѣе заслуживаю вашу любовь, что мой отецъ пріобрѣлъ деньги своими трудами, а не наслѣдовалъ ихъ отъ отцовъ?

— Нѣтъ, сказала она едва внятнымъ голосомъ,—вы тутъ не причемъ, я васъ не порицаю. Еслибъ я не такъ обошлась съ Джономъ Бардономъ, онъ бы не сдѣлалъ этого.

— Забудьте Джона Бардона, не дайте ему насладиться побѣдой; пусть онъ видитъ, что вмѣсто того, чтобы сдѣлать зло, онъ намъ помогъ соединиться.

— Я... я не могу измѣнить убѣжденіямъ всей моей жизни. Не говорите со мной! вскричала она съ отчаяніемъ.—Мнѣ больше жаль васъ, чѣмъ себя.

Алланъ нѣжно обвилъ рукой ея дрожащій станъ, она безпомощно прислонилась къ нему.

— Голубка моя. Я понимаю, что это для васъ должно быть тяжкимъ ударомъ, но вѣдь то, что вы узнали, не дѣлаетъ изъ меня дурнаго, безчестнаго человѣка. То, что вы уважали во мнѣ, вѣдь и теперь осталось со мною. Что касается до моего отца, я почитаю его, горжусь имъ. Онъ былъ благородный, великодушный человѣкъ; рука его всегда была открыта для помощи вдовамъ и сиротамъ. Никогда не помню, чтобы кто либо напрасно просилъ его о пособіи. Ему случалось цѣлыя семьи спасать отъ разоренія, и даже въ эту унизительную для меня минуту, я скажу, что горжусь быть его сыномъ.

— И я не уважала бы васъ, еслибъ это было иначе.

Онъ нѣжно гладилъ ея блѣдныя, холодныя руки, которыя, какъ безжизненныя, лежали въ его рукахъ.

— Подумайте, ангелъ мой, что значитъ рожденіе и эти подраздѣленія людей на касты? Лучшая жизнь есть та, которую

Digitized by Google

ведешь съ пользой, а кто больше имѣетъ случаевъ вести такую жизнь, какъ не бѣдные или низкорожденные?

Выраженіе ея лица стало холодно.

— Наше общество имѣетъ свои законы, которые нельзя измѣнить, сказала она.

Онъ тяжело вздохнулъ. Онъ готовъ былъ закричать съ отчаянія, но пересилилъ себя.

— Ирисъ, твердо сказалъ онъ,—еслибъ на вашемъ мѣстѣ была другая женщина, я бы простился съ нею и ушелъ, не оглянувшись на нее; но васъ я такъ сильно люблю, что не могу не попытаться поколебать ваши предразсудки. Предположимъ, что мы обмѣнялись ролями: вы—знатная леди, дочь графа, и вдругъ, напримѣръ, открывается какая нибудь тайна, по которой вы оказываетесь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ думаете быть. И развѣ я отказался-бы отъ васъ? Нѣтъ, Ирисъ, еслибъ цѣлый свѣтъ оттолкнулъ васъ, я съ бо̀льшей нѣжностью прижалъ бы васъ къ своему сердцу. Будь вы самая бѣдная, бездомная скиталица, я любилъ-бы васъ все также. Это потому, Ирисъ, что я васъ люблю истинной любовью.

— Я этому вѣрю, Алланъ, сказала она, но лицо ея оставалось безжизненнымъ.

— Такъ почему-же мое происхожденіе можетъ произвести разницу?

— Вы не понимаете, Алланъ, какъ глубоко вкоренились во мнѣ инстинкты долга и чести, привитые мнѣ съ дѣтства.

— Нетрудно понять, горько сказалъ онъ:—вамъ съ дѣтства прививаютъ понятія, что люди, принадлежащіе къ другому сословію, не могутъ примкнуть къ вашему міру и вы должны смотрѣть на нихъ съ высоты вашего величія.

— Вы можете считать это глупостью, Алланъ, но таковъ результатъ моего воспитанія, что я никогда не могла допустить мысли—сдѣлать своимъ другомъ человѣка ниже себя.

— Тѣмъ менѣе полюбить, замѣтилъ онъ.

— Полюбить тѣмъ менѣе, грустно сказала она.

— А такъ недавно еще вы давали мнѣ торжественную клятву. Что, если я потребую васъ къ себѣ по праву даннаго вами слова?

Она взглянула на него.

Digitized by Google

— А захотите-ли вы меня взять, если я сама не пожелаю прійти? спросила она.

— Нѣтъ, не захочу, сказалъ онъ, подавивъ въ груди рыданія и закрывъ лицо руками.

Леди Ирисъ плакала. Никогда не видала она его въ такомъ состояніи. Неудержимымъ порывомъ обвила она его шею и судорожно рыдала.

— Алланъ, зачѣмъ это такъ... невнятно, прерывисто говорила она,—когда я васъ все также сильно, также страстно люблю?

— Забудемъ все, голубка моя, успокоительнымъ голосомъ говорилъ онъ.—Вѣдь это не разлучитъ насъ, не правда ли? Это убило-бы меня.

Она еще сильнѣе прижалась къ нему.

— А я-то была такъ счастлива, рыдала она.

— И будете счастливы. Такъ или иначе, мы не разстанемся.

— Увы! Я послѣдняя изъ Фейновъ и держу всю честь моего рода въ своихъ рукахъ, сказала она.

Лицо ея омрачилось, брови сдвинулись.

— Ирисъ, сказалъ онъ,—слушайте. Я признаю, что происхожденіемъ стою ниже васъ, но больше я ничего не признаю. Есть границы, которыхъ даже и вамъ нельзя переходить. Если вы говорите, что, выходя за меня, вы приносите безчестье вашему роду—вы свободны. Я постараюсь перенести мою скорбь, какъ прилично мужчинѣ, и не буду хныкать. Теперь участь моя въ вашихъ рукахъ.

— Да поможетъ мнѣ Богъ! простонала она.

— Если ваша гордость пересиливаетъ любовь, отошлите меня; но вѣдь вы любите меня, Ирисъ? заглянулъ онъ ей въ лицо. Глаза его горѣли пламенемъ чистосердечной страсти.

— Мое сердце разорвалось. Оставьте меня, Алланъ, оставьте меня пока, молила она:—когда я рѣшу—я васъ позову.

Алланъ призвалъ на помощь всю свою силу воли, взглянулъ еще разъ на дорогое лицо и ушелъ, не сказавъ ни слова.

ГЛАВА XXVIII.

Къ удивленію всего дома, леди Ирисъ не появилась къ обѣду и весь день не выходила изъ своей комнаты, подъ предлогомъ

Digitized by Google

сильнѣйшей головной боли, которая не позволяла ей ни смотрѣть на свѣтъ, ни говорить. Она должна была, по ея увѣренію, лежать въ темной комнатѣ и малѣйшій звукъ причинялъ ей нестерпимое страданіе.

Графъ, вошедшій къ ней тотчасъ послѣ того, какъ узналъ о ея болѣзни, былъ пораженъ ея блѣдностью и болѣзненнымъ видомъ.

— Милая моя, нѣжно сказалъ онъ,—ты больна, позволь послать за докторомъ.

— Не надо, папа, сказала она съ безнадежнымъ видомъ,— мнѣ нуженъ покой. У меня глаза горятъ отъ головной боли. Малѣйшій шумъ меня терзаетъ. Завтра я выздоровѣю, сегодня какъ нибудь обойдитесь безъ меня.

— Это трудно, мой другъ; безъ тебя мнѣ труднѣе обходиться, нежели безъ кого-либо другаго. Не желаешь-ли чего нибудь?

— Ничего, папа, только прикажите, чтобы никого ко мнѣ не впускать. Мнѣ, больше всего, покой принесетъ пользу.

Ей, дѣйствительно, нужно было собраться съ мыслями. Ударъ былъ жестокій. Она любила Аллана всѣми силами души, она не могла вообразить себѣ жизнь безъ него, а между тѣмъ не могла быть его женой.

Самый девизъ ея рода запрещалъ это. Могла-ли она, нося съ честью свое имя, отдать его сыну купца? Могла-ли она быть достойной представительницей своей фамиліи, еслибы, чрезъ неравный бракъ, забыла свой долгъ относительно длиннаго ряда своихъ славныхъ предковъ?

Въ исторіи ихъ фамиліи никогда ничего подобнаго не было! Всѣ Фэйны, напротивъ, соединялись бракомъ съ лучшими фамиліями Англіи. И она скорѣе умретъ отъ горя, нежели наложитъ пятно на свое имя. Вспомнилось ей, какъ она сочла святотатствомъ предложеніе Джона Бардона, а теперь...

— «Носить съ честью», машинально повторила она,—да, и я проношу съ честью мое имя до самой смерти и никому его не отдамъ, такъ какъ, любя его до могилы, я, конечно, замужъ не выйду.

Цѣлый день и ночь лежала она въ состояніи полной неподвижности. Какой-то холодъ сковывалъ ея члены; она чувство-

Digitized by Google

вала, какъ будто все въ мірѣ для нея кончилось; тѣмъ не менѣе, ни одной минуты не остановилась она на мысли уступить.

— Авось, я скоро умру, думала она,—и это будетъ для меня счастіемъ.

Особенно тяжело ей было думать о горѣ этого идеально-хорошаго человѣка... Она пыталась утѣшить себя мыслью, что онъ со временемъ полюбитъ—женится. Но въ душѣ она чувствовала, что это невозможно.

«И зачѣмъ это,—думала она,—такой человѣкъ, какъ Алланъ, обладающій всѣми качествами, которыя украшаютъ человѣка, стоитъ на соціальной лѣстницѣ ниже какого нибудь слабоумнаго графа или герцога! Кто основалъ эти законы, въ которыхъ случайное рожденіе даетъ такое сильное преимущество одному передъ другимъ?»

На слѣдующій день она объявила отцу, что еще должна полежать день. Домъ, не смотря на весь свой блескъ и роскошь, потерялъ безъ нея всю свою прелесть. Гости видимо скучали. Алланъ получилъ слѣдующую записку:

«Дорогой Алланъ, я все время не переставала думать о васъ, приходите въ пять часовъ къ рѣкѣ, туда, гдѣ мы сидѣли вчера. Я вамъ скажу мое рѣшеніе.

Любящая васъ Ирисъ».

«Надѣяться мнѣ или отчаяваться? спрашивалъ онъ себя.— Что бы она ни рѣшила, Богъ да благословитъ ее! А только я точно готовлюсь предстать предъ судомъ и теперь понимаю, что чувствуютъ люди передъ чтеніемъ приговора».

Въ назначенный часъ онъ пошелъ къ рѣкѣ. Когда онъ увидѣлъ ее издали, сердце его замерло, губы и руки задрожали.

«Неужели она оттолкнетъ меня? Но вѣдь она любитъ меня».

Она подходила все ближе и ближе. Ему уже ясно видѣлось ея голубое платье и шляпа съ васильками. Она подошла. Прекрасное лицо ея было бѣлѣе мрамора, но въ глазахъ свѣтилось выраженіе непреклонной рѣшимости и во всей фигурѣ виднѣлось что-то торжественное.

— Вы ужь здѣсь, сказала она, и ея блѣдныя губы силились улыбнуться.—Я надѣюсь, вы недолго ждали?

— Не знаю, сказалъ онъ,—я могъ бы цѣлыми часами простаивать, лишь бы увидѣть васъ одну минуту.

Digitized by Google

Она не улыбнулась, какъ бывало прежде, а только нѣжно дотронулась до его руки.

— Бѣдный Алланъ, прошептала она, и сердце его замерло. Онъ сталъ на колѣни, поднялъ къ ней взоръ и въ ея глазахъ прочелъ свою участь.

— Итакъ, гордость побѣдила любовь, сказалъ онъ кротко.

— Пусть это будетъ гордость, Алланъ. Я васъ люблю, но не могу измѣнить традиціямъ моей фамиліи. Я сильно люблю васъ, но выйти за васъ не могу никогда!

Онъ опустилъ голову.

— И это послѣднее слово? спросилъ онъ глухо.—Ни мольбы, ни слезы не измѣнятъ вашего рѣшенія?

— Нѣтъ, они только усилятъ мои страданія.

— Я готовъ жизнь отдать за васъ, а не причинять вамъ страданія. Значитъ, мнѣ только остается возвратить вамъ вашу свободу?

— Что дѣлать, Алланъ, я много думала и все-таки не могу выйти за васъ. На имени Фэйновъ никогда не было ни малѣйшей тѣни. Его всегда носили съ честью и впередъ такъ должно остаться.

— Вы, значитъ, не думаете, чтобъ я его могъ «носить съ честью», Ирисъ?

— Оставимъ это, Алланъ. Вы благороднѣйшій, лучшій человѣкъ въ мірѣ. Вопросъ касается только до вашего происхожденія. Я не могу отдать въ руки человѣка изъ торговаго сословія всю славу моей фамиліи!

— Достаточно, леди Ирисъ, сказалъ онъ гордо.—Я покоряюсь своей участи. Надѣюсь, настанетъ день, въ который вы на меня иначе посмотрите. Глаза его заблистали.—Этотъ самый сынъ купца, которому вы не довѣряете своего имени, пріобрѣтетъ себѣ имя, передъ которымъ, быть можетъ, преклонится вся Англія—всѣ, кромѣ васъ.

Къ удивленію его, руки ея внезапно обвились кругомъ его шеи и покрытое слезами лицо прижалось къ его груди.

— Алланъ, милый, не будемъ ссориться! говорила она,—мнѣ кажется, какъ будто мы оба умираемъ, и это наше послѣднее свиданіе. Я вѣдь, все равно, что умру. Не станетъ больше

Digitized by Google

вашей блестящей, счастливой Ирисъ. На землѣ останется мой призракъ.

Онъ нѣжно склонился къ ней, какъ къ ребенку.

— Голубка моя, говорилъ онъ,—если это такъ васъ огорчаетъ, то зачѣмъ же это дѣлать?

— Я должна, Алланъ; мы одинаково страдаемъ, я люблю васъ, но не могу быть вашей женою, чтобы не измѣнять принципамъ всей моей жизни. Не искушайте меня, другъ мой... Еслибы я даже рѣшилась выйти за васъ, я бы всегда мучилась.

— Вѣрю, сказалъ онъ,—пусть будетъ по вашему желанію.

Она прижалась къ нему въ припадкѣ неудержимаго горя.

— Мы должны разстаться, вы должны уѣхать. Видѣть васъ и сознавать, что мы больше ничѣмъ не можемъ быть другъ для друга, для меня ужасно!

— Развѣ легко разстаться, Ирисъ?

— Алланъ, другъ мой, не думайте, что мнѣ легче, чѣмъ вамъ! мое горе больше, чѣмъ въ состояніи вынести человѣкъ. Я вѣдь никогда никого не любила и не буду любить. Я умру послѣдней изъ Фэйновъ Чандосскихъ. Знайте, что я больше не свѣтская женщина и люблю и буду любить всегда одного васъ.

— Но, другъ мой, для чего же вы себя дѣлаете несчастной, и какъ велика должна быть ваша гордость, если она пересиливаетъ любовь?

— Это не гордость, Алланъ, это правило всей моей жизни, которому я не могу измѣнить... А теперь, Алланъ, разстанемся.

Онъ припалъ къ ея рукамъ безмолвнымъ, жаркимъ поцѣлуемъ, и горячія слезы закапали на нихъ. Никогда не любилъ онъ ея такъ, какъ въ эту роковую минуту разставанья.

— Это точно смерть, Алланъ, говорила она: — еслибъ вы лежали въ гробу, я точно также прощалась бы съ вами, цѣловала бы глаза, которые я такъ любила, губы, руки, лобъ, и потомъ благоговѣйно закрыла бы лицо моего дорогаго покойника.—При этихъ словахъ, она въ изнеможеніи опустилась на траву, и рыданія неудержимой скорби вырвались изъ груди несчастной дѣвушки.

Алланъ самъ страдалъ не менѣе ея, онъ опустился на колѣни.

Digitized by Google

— Ирисъ, кротко сказалъ онъ,—не безуміе-ли отталкивать меня, когда мы такъ любимъ другъ друга; вы убьете себя.

— Лучше смерть, чѣмъ униженіе достоинства Фейновъ! Идите, Алланъ, мой дорогой другъ.

— Дайте мнѣ еще одинъ поцѣлуй, Ирисъ, въ залогъ моей къ вамъ вѣрности. Хотя вы и не будете моей женой, но я клянусь вѣчно любить васъ.

Онъ всталъ, поднялъ ее и, обнявъ дорогое для него созданіе, цѣловалъ ея лицо со всею страстью и силою своего неизмѣримаго отчаянія. Собравъ всю силу своей воли, онъ ушелъ.

Долго-ли онъ бродилъ потомъ, гдѣ былъ, онъ не сознавалъ; въ жизни ему ничего не оставалось,—ни радости, ни надежды. Онъ зналъ, что ничто не можетъ поколебать ея рѣшенія, хотя бы это стоило ей жизни. Онъ безъ цѣли странствовалъ по лѣсамъ и полямъ, и когда наступила темная ночь, она застала его одного съ своимъ неотвязнымъ горемъ.

ГЛАВА XXIX.

Графъ Кальдонъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и съ безпокойствомъ думалъ о своей дочери, которая все еще не выходила изъ комнаты. Вдругъ дверь отворилась и она вошла.

Наружность ея поразила отца. Вся беззаботная юность и свѣжесть, казалось, оставили ее. Глаза ея отяжелѣли отъ слезъ, кругомъ нихъ были темные круги, губы и лицо—мертвенно блѣдны.

Онъ съ испугомъ всталъ ей на встрѣчу.

— Папа, начала она,—мнѣ нужно вамъ кое-что сказать.

— Ирисъ, милая, какой у тебя видъ! Я пошлю въ Лондонъ за докторомъ.

— Не поможетъ мнѣ, папа, никакой докторъ; у меня душа, а не тѣло болитъ. Я вамъ скажу, папа... Она опустилась на колѣни передъ отцомъ и положила ему на грудь голову.

— Папа, я не выхожу за Аллана... Мы разстались... я ему отказала, и мы никогда больше не увидимся.

— Ирисъ, вскричалъ графъ,—зачѣмъ ты это сдѣлала?

— Не его вина и не моя, папа. Я его такъ люблю, что

Digitized by Google

жизнь безъ него равняется смерти, только жестокая судьба насъ разлучила.

— Разскажи мнѣ все, Ирисъ.

— Онъ благороднѣйшій, честнѣйшій человѣкъ, но по происхожденію—не джентльменъ. Онъ сынъ купца, и я за него не могу выйти.

Наступило молчаніе, графъ опустилъ голову и руки его судорожно сжались.

— Я бы не желала быть первою Фэйнъ, вступившею въ неравный бракъ... Я не хочу набросить тѣнь на древнюю славу нашего дома. Имя наше надо носить съ честью, говорила она.

— Согласенъ, Ирисъ, наконецъ проговорилъ графъ;—но развѣ Алланъ не можетъ его носить съ честью? Ты свободна въ выборѣ, я тебѣ нѣсколько разъ говорилъ, что кого бы ты ни полюбила, я не буду препятствовать. Алланъ же лучше всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ, и ты напрасно сдѣлала, что отказала ему только потому, что онъ низкаго происхожденія. Теперь большинство уже совсѣмъ не признаетъ неравенства сословій.

— Тѣмъ больше должно поддерживать наше меньшинство, сказала она.

— Я въ этомъ не увѣренъ. Предразсудки и кастовыя различія начинаютъ быстро исчезать.

— Папа, сказала она,—вы меня любите, вы гордитесь древней славой нашего дома... Были бы вы довольны, еслибъ я вышла за сына суконщика?

— Если этотъ сынъ суконщика—Алланъ Осборнъ, я былъ бы доволенъ, отвѣчалъ графъ.

— А я думала, что вы мнѣ поможете въ моей отчаянной борьбѣ, такъ какъ она, дѣйствительно, отчаянная... Бываютъ минуты, въ которыя я бываю способна вернуть его... А выйти за него я все-таки не могу, такъ какъ я послѣдняя отрасль фамиліи Фейновъ, и всегда моею завѣтной мечтой было—упрочить честь нашего дома.

— Моя бѣдная Ирисъ, вздохнулъ графъ.

— Да, папа, именно бѣдная, потому что я потеряла все, что у меня было лучшаго въ мірѣ; а все-таки умру скорѣе, чѣмъ выйду за него.

Digitized by Google

Сердце отца наполнилось невыразимой жалостью къ ней.

— Въ такомъ случаѣ нечего и говорить, сказалъ онъ.

— Папа,—и она прижалась къ отцу,—будьте добры ко мнѣ, я очень страдаю, сердце мое рвется на части. Увезите меня отсюда, я даже не могу видѣть этотъ домъ и мѣста, гдѣ онъ былъ. Увезите меня въ Фонтонъ-Удъ, гдѣ ничто не будетъ напоминать мнѣ о немъ.

— Я все сдѣлаю, что ты желаешь, нѣжно сказалъ онъ.—Завтра же я объявлю моимъ гостямъ, что важныя извѣстія, которыя я получилъ, заставляютъ меня ѣхать въ Фэнтонъ-Удъ. Мы уѣдемъ послѣ завтра.

— Это будетъ самое лучшее, папа. Но какъ жизнь тяжела, и какъ я проживу до смерти? Я, которая не знала ни малѣйшаго горя во всю мою жизнь!

— Помни, Ирисъ, что ты сама этого захотѣла и что по одному твоему слову онъ вернется.

— Да, и принесетъ съ собой любовь и счастіе, продолжала она,—а я все-таки скорѣй умру, чѣмъ верну его.

— Въ такомъ случаѣ, мой другъ, ты должна терпѣть.

— Да, я должна терпѣть... Какъ вы думаете, папа, горе убиваетъ когда нибудь?

— Нѣтъ, грустно отвѣчалъ онъ,—а то я бы давно умеръ.

— Вы, папа, похоронили ее. Это мнѣ кажется легче, нежели такъ потерять, какъ я. Ахъ, милый папа! Неужели я еще долго проживу, и неужели мнѣ всегда будетъ такъ тяжело?

— Время залѣчиваетъ раны. Не хочешь-ли ѣхать куда нибудь за границу, въ Швейцарію, Италію? прибавилъ графъ.

— Ни за что! содрогнулась она.—Видѣть опять толпу и общество? нѣтъ, я хочу быть одна, совершенно одна.

— Какъ хочешь, поѣдемъ въ Фэнтонъ-Удъ. Ты знаешь, что сегодня Алланъ уѣхалъ и прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ объявляетъ, что оставилъ замокъ и что ты мнѣ сама объяснишь причину. Я что-то подозрѣвалъ, но никакъ не думалъ, что это навсегда, и мнѣ жаль его отъ души... Я полюбилъ его.

— Не отягчайте моего горя; вы думаете, я мало чувствую мою утрату. Его лицо всегда передо мной. И кто бы подумалъ, что такое несчастіе постигнетъ именно меня!

— Однако, Ирисъ, я еще не спросилъ тебя, какъ произошло

Digitized by Google

такое недоразумѣніе. Ты говорила, что онъ принадлежитъ къ фамиліи Осборновъ Скечелейскихъ.

Она нѣсколько времени колебалась, открыть-ли коварство Джона Бардона. Лучше было умолчать.

— Это была странная ошибка, сказала она:—Джонъ Бардонъ ошибся, кажется...

— Ему бы слѣдовало быть рачительнѣе, замѣтилъ графъ, нахмуривъ брови.—Не понимаю, что за небрежность дѣлать подобныя ошибки! Тебѣ это дорого станетъ, Ирисъ.

— Дорого! вздрогнула она и безпомощно опустила голову.

— Тебѣ нуженъ отдыхъ, милая, иди; завтра прикажи уложить все и послѣ завтра уѣдемъ.

ГЛАВА XXX.

Вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда графа съ дочерью изъ Чандоса, Джонъ Бардонъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ; жена его съ сыномъ гостила у кого-то изъ родныхъ.

Онъ сидѣлъ одинъ въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія. Утромъ онъ узналъ двѣ вещи: первую, что Осборнъ оставилъ Чандосскій замокъ, вторую,—что леди Ирисъ заболѣла. Катастрофа, значитъ, свершилась.

Но онъ далеко не чувствовалъ той радости, на которую разсчитывалъ, мечтая о своемъ мщеніи. Болѣзнь леди Ирисъ застала его врасплохъ, онъ на нее не разсчитывалъ. Онъ думалъ унизить нѣсколько ея непреклонную гордость, но такого сильнаго чувства съ ея стороны, которое могло бы вызвать такія страданія, не ожидалъ вовсе.

Становилось темно. Густыя тѣни наполняли углы комнаты; думы его были мучительны. Онъ былъ недоволенъ собою. Онъ потерялъ къ себѣ всякое уваженіе. Онъ презиралъ себя.

Вдругъ въ дверяхъ появилась какая-то темная фигура. Къ нему направлялась женщина, одѣтая въ черномъ. Сердце его сильно забилось; онъ вскочилъ съ мѣста.

Она подняла вуаль. Передъ нимъ стояла леди Ирисъ, но не цвѣтущая красавица: глазамъ его представилось истощенное страданіемъ блѣдное лицо, съ печатью великой скорби.

Онъ не могъ проговорить ни слова.

Digitized by Google

— Я не приказала докладывать о себѣ, чтобъ вы не спрятались отъ меня, сказала она.—Я хочу говорить съ вами, и вы должны меня выслушать.

Она смотрѣла на него холодно и сурово, онъ былъ смертельно блѣденъ. Ему было бы легче стать лицомъ къ лицу со смертью, чѣмъ съ этой женщиной, которую онъ обманулъ. Онъ машинально подвинулъ ей стулъ.

— Я не сяду подъ вашей кровлей, сказала она гордо,—и скажу какъ можно короче то, что имѣю вамъ сказать. Вы когда-то просили моей руки, и я, движимая мотивами, которыхъ вамъ не понять, отвергла васъ и, съ дѣтской необузданностью, была съ вами жестока, несправедлива. Послѣ я стыдилась словъ, вырвавшихся у меня тогда. Вы же поклялись отомстить мнѣ, чего я и не подозрѣвала: доказательствомъ этого приведу фактъ, что я просила у васъ прощенія.

— Этого нельзя было простить, съ усиліемъ проговорилъ онъ.

— Допускаю; вы и выказались предателемъ и обманщикомъ. Я никогда не думала, чтобы вы способны были предать вашего друга. Но не въ томъ дѣло. Я пришла сказать, что вашъ планъ удался и все произошло, какъ вы того желали. Мы встрѣтились съ капитаномъ Осборномъ, полюбили другъ друга и должны были обвѣнчаться. Вы насъ обоихъ обманули: меня, сказавъ, что онъ по рожденію джентльменъ; его — что я знаю о его происхожденіи. Я никогда не увижу его; но вся любовь моего сердца принадлежитъ ему навсегда. Человѣкъ, котораго вы называли своимъ другомъ, уѣхалъ съ разбитымъ сердцемъ. Жизнь его разбита, и это сдѣлали вы съ человѣкомъ, который любилъ васъ ради васъ самихъ.

— Ваши слова терзаютъ меня! простоналъ онъ, закрывая лицо руками.

— Это пока половина вашей мести, продолжала леди Ирисъ, другая отразилась на мнѣ Я была надменна и горда, но гордость моя унижена; вы были ко мнѣ безжалостны, но вы помогли мнѣ сдѣлаться лучше. И теперь, продолжала она,—вамъ можетъ быть, будетъ пріятно узнать, сколько вы причинили мнѣ горя. Такъ знайте же, что мнѣ жизнь опостылѣла, что у меня единственное желаніе—умереть!

Digitized by Google

— Вы можете выйти за него замужъ, съ глухимъ рыданіемъ проговорилъ человѣкъ, причинившій все это.

Она безстрастно взглянула на него.

— Вы очень хорошо знаете, что я этого не сдѣлаю; еслибы вы этого не знали, вы бы насъ не свели. Цѣль ваша была, чтобы я полюбила его; и вы знали, что когда я услышу объ его происхожденіи, я разорву съ нимъ; онъ же ничѣмъ не былъ виноватъ, и съ нимъ вы низко поступили!

— Я раскаиваюсь, леди Ирисъ, я отдалъ бы жизнь мою, чтобы этого не было! вскричалъ онъ.

— Честь лучше жизни, сказала она, и вы потеряли ее.

Онъ весь дрожалъ отъ волненія.

— Клянусь вамъ, что я все это время не имѣлъ ни минуты покоя.

— Значитъ, Богъ справедливъ, замѣтила она холодно.—Однако я еще не все сказала. Ваша месть блистательно удалась: вы хотѣли заставить меня страдать, и я такъ несчастна, какъ врядъ ли кто можетъ быть несчастливъ. Я никогда не узнаю радостей семейной жизни, такъ какъ замужъ не выйду. Пока живъ мой отецъ, у меня будетъ другъ, а послѣ него, я останусь одна, и когда придетъ моя очередь умереть, имя моего славнаго рода умретъ со мной. Я буду жить жизнью отшельницы и вы можете смѣло объявить свѣту, что это вы меня приговорили къ заточенію. И вы не торжествуете?

— Нѣтъ, это отравитъ мнѣ всю жизнь!

— У васъ даже на преступленіе не хватаетъ мужества, замѣтила она презрительно и пошла къ дверп.

Онъ бросился, чтобъ загородить ей дорогу.

— Я сказала все и свиданіе наше кончено, гордо сказала она, и онъ невольно, молча, посторонился. Леди Ирисъ ушла.

ГЛАВА XXXI.

За часъ до отъѣзда, леди Ирисъ получила письмо, въ которомъ Алланъ писалъ, что переходитъ въ полкъ, идущій въ Индію, такъ какъ между нѣкоторыми пограничными племенами Индіи вспыхнуло возстаніе, могущее имѣть важныя послѣдствія.

«Если Богъ будетъ милосердъ, прибавлялъ онъ,—я надѣюсь

Digitized by Google

умереть тамъ. Жизнь послѣ разлуки съ вами въ тысячу разъ ужаснѣе самой смерти, и если вы увидите мое имя въ спискѣ убитыхъ, скажите, что Богъ призвалъ къ себѣ самаго несчастнаго изъ людей».

Это было единственное письмо, полученное ею отъ любимаго человѣка, и она берегла его, какъ драгоцѣнность.

Графъ былъ тронутъ также.

— Ты оттолкнула благородное сердце, сказалъ онъ.

Путешествіе ихъ было печально, а подъѣзжая къ замку Фэнтонъ-Удъ, графъ сталъ особенно грустенъ, не смотря на то, что ихъ встрѣтили радостнымъ колокольнымъ звономъ, и на дворѣ замка собрались всѣ поселяне и фермеры, чтобы привѣтствовать графа съ дочерью.

— Какая красавица, говорили они себѣ:—только отчего она такъ блѣдна и печальна?

Когда они сѣли за столъ, старый дворецкій, по приказанію графа, началъ докладывать ему о всемъ случившемся въ его отсутствіе. Леди Ирисъ слушала съ интересомъ, хотя никого почти не знала изъ тѣхъ, о которыхъ говорили.

— Ваше сіятельство помните старую Эсѳирь Раусонъ, которой вы даете пенсію? спросилъ дворецкій.

— Да, а что? быстро сказалъ графъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Она стала въ родѣ помѣшанной, доложилъ дворецкій.

Странное выраженіе мелькнуло на лицѣ графа; леди Ирисъ удивилась, увидѣвъ что-то въ родѣ облегченія въ такомъ великодушномъ, сострадательномъ человѣкѣ, какъ ея отецъ. Она думала, что это ей такъ показалось.

— Жаль ее, Стоксъ, замѣтилъ графъ;—какъ-же она живетъ?

— Съ ней живетъ ея внучка и очень заботится о ней; онѣ живутъ въ томъ-же котэджѣ, сказалъ дворецкій.

— Я навѣщу ее, папа; я люблю старыхъ слугъ, сказала леди Ирисъ, по уходѣ дворецкаго.

— Это, дѣйствительно, преданная мнѣ женщина, но ты не ходи къ ней.

— Почему?

— Будь такъ добра, повинуйся моему желанію, не разспрашивая причинъ.

Digitized by Google

— Хорошо, папа, только мнѣ странно, что я могу посѣщать всѣ котэджи, кромѣ ея.

— Ты слышала, она помѣшана, слѣдовательно ей все равно, посѣщаютъ ее или нѣтъ.

На слѣдующее утро, графъ съ дочерью пошли гулять по живописнымъ окрестностямъ, окружающимъ замокъ. Пройдя въ лѣсъ, они подошли къ маленькой церкви, почти скрытой въ зелени. На каменномъ портикѣ были высѣчены слова: «Кто умѣетъ молиться—умѣетъ любить». При видѣ этой церкви и надписи, лицо графа совершенно преобразилось, оно выразило сильнѣйшую скорбь. Леди Ирисъ стала подъ портикомъ, и солнечный лучъ скользнулъ по ея золотистымъ волосамъ и блѣдному печальному лицу.

— Ирисъ! вскричалъ графъ голосомъ, который она потомъ долго не могла забыть,—отойди скорѣй, ты похожа на призракъ, когда такъ стоишь. Леди Ирисъ была поражена, но, желая его успокоить, она старалась обратить это въ шутку.

— Какъ, на призракъ, папа! Да развѣ видали призраки въ модныхъ костюмахъ? сказала она, и пыгалась развлечь его разговоромъ. Уходя, она задумчиво посмотрѣла на надпись: «Кто умѣетъ молиться—умѣетъ любить». Гдѣ я видѣла эти слова! и зачѣмъ они начертаны здѣсь? спросила она.

— Въ прежнія времена было въ обычаѣ писать разные девизы и легенды на зданіяхъ, отвѣчалъ графъ.

Леди Ирисъ мало-по-малу начинала поправляться физически. Ей именно было нужно полное уединеніе, безъ шума и блеска. Ей нравилось это уединеніе посреди необозримыхъ лѣсовъ.

— Я навсегда останусь здѣсь, говорила она отцу,—я покончила со свѣтомъ и проживу въ Фентонъ-Удѣ, пока не умру.

— Какъ хочешь, мой другъ, говорилъ графъ.—Тѣмъ не менѣе, онъ въ душѣ не одобрялъ, что его прекрасная дочь въ такихъ молодыхъ лѣтахъ отказывалась отъ свѣта. Уважая ея сильный характеръ и ея родовую гордость, онъ все-таки находилъ, что она пожертвовала всей своей жизнью—химерѣ.

За первыми порывами отчаянія послѣдовала тихая покорность судьбѣ. Свѣжій лѣсной воздухъ, раннія прогулки благотворно дѣйствовали на здоровье леди Ирисъ, и графъ съ удо-

Digitized by Google

вольствіемъ видѣлъ, что она опять становится такою-же прекрасной, какъ была.

ГЛАВА XXXII.

Леди Ирисъ буквально исполняла желанія отца: она ни разу не посѣтила Эсэири Раусонъ, хотя часто навѣщала другіе котэджи, гдѣ ей радовались, какъ ясному солнечному лучу. Исключительно предавшись благотворительности, она вездѣ приносила утѣшеніе, какъ матеріальное, такъ и нравственное, щедро раздавая нуждающимся все необходимое. Скоро всѣ окрестные поселяне, начиная со стариковъ и кончая дѣтьми, полюбили и благословляли ее.

Котэджъ Эсэири Раусонъ находился въ прекрасной долинѣ, черезъ которую протекала небольшая рѣка. Старый развѣсистый дубъ возвышался надъ котэджемъ; небольшой, но хорошенькій садъ окружалъ его.

Однажды утромъ, когда леди Ирисъ, возвращаясь отъ своихъ protegés, подходила къ котэджу Раусонъ, ее застигла гроза. Обдумавъ, что ея отецъ не можетъ разсердиться, если она переждетъ грозу въ домѣ ихъ старой слуги, она рѣшилась войти. Она отворила калитку и, пройдя маленькій садъ, постучалась. Дверь отворила маленькая дѣвочка, которая, узнавъ леди Ирисъ, смутилась.

— Не могу-ли я здѣсь переждать дождь?

— Сдѣлайте одолженіе, миледи, отвѣчала дѣвочка и повела ее въ комнату, окно которой выходило на долину съ сѣрою церковью вдали; полъ былъ изъ краснаго кирпича; вся незатѣйливая меблировка блестѣла чистотой; къ огню было пододвинуто кресло.

— Какъ здоровье Эсэири? спросила леди Ирисъ.

Не успѣла она сказать этихъ словъ, какъ дверь отворилась и вошла старушка пріятной наружности, одѣтая очень чисто. Она посмотрѣла на леди Ирисъ и подошла къ ней.

— А, наконецъ-то возвратилась Изабелла Гайдъ! радостно вскричала она.

— Вы ошибаетесь, сказала молодая дѣвушка, ласково взявъ за руки старушку:—я леди Ирисъ Фэйнъ.

Старушка покачала головой.

Digitized by Google

— Что бы вы тамъ ни говорили, вы Изабелла Гайдъ; но какъ вы хорошо одѣты; я вѣдь говорила вамъ, что будетъ хорошо; я знаю моего господина.

Дѣвочка выступила съ поклономъ:

— Прошу васъ, миледи, простить бабушку; она сама не знаетъ, что говоритъ, и всегда вспоминаетъ какую-то Изабеллу Гайдъ.

— Бѣдная Эсѳирь, прошептала леди Ирисъ,—ея мысли, вѣроятно, блуждаютъ въ прошедшемъ.

Старушка долго смотрѣла на леди Ирисъ.

— Да возвратилась таки Изабелла Гайдъ. Я вѣдь сказала, что она не умерла! И ему я говорила: «милордъ, она не умерла», а онъ лежалъ и проклялъ Бога убить его на мѣстѣ. Это было безразсудно съ его стороны.

— И часто она такъ говоритъ? спросила леди Ирисъ у дѣвочки.

— Да, иногда по цѣлымъ днямъ, только никто не обращаетъ вниманія. Она все смѣшиваетъ.

— И понять трудно, замѣтила леди Ирисъ.

— У васъ голосъ измѣнился, Изабелла Гайдъ, продолжала старушка,—но я все забываю, что должна васъ звать миледи. Неправда-ли?

— Конечно, отвѣчала леди Ирисъ.

— Говорятъ, продолжала Эсѳирь,—что я старая помѣшанная, и что я ничего не помню, а вотъ я хорошо помню, когда вы умерли, какъ я одѣла васъ и положила въ гробъ.

— Не пугаетъ-ли она васъ, сказала дѣвочка,—если да, то я уведу ее отсюда.

— Нѣтъ! бѣдная старушка, она меня не пугаетъ, отвѣчала леди Ирисъ.

— Я сама положила васъ въ гробъ, а теперь вы пришли ко мнѣ, такая же красивая, какъ прежде, только гордая, такая гордая.

— Изъ чего вы видите, что я гордая, сказала леди Ирисъ и, вспомнивъ, что она пожертвовала своею любовью гордости, невольно покраснѣла.

— Вотъ теперь вы стали, какъ роза, говорила старуха,—а тогда вы были блѣдны, какъ снѣгъ, и глаза у васъ были

Digitized by Google

закрыты. Кто-же разбудилъ васъ, моя дорогая?.. Онъ говорилъ, что вы никогда не проснетесь.

Утомившись разговоромъ, Эсѳирь сѣла. На дворѣ потоками лилъ дождь, раздавались тяжелые раскаты грома и молнія безпрестанно освѣщала комнату. Леди Ирисъ задумчиво смотрѣла въ окно... вдругъ она почувствовала, что ее трогаютъ за платье. Она обернулась.

— Какое у васъ дорогое платье теперь, а я вамъ надѣла бѣлое, сказала старуха,—я причесала назадъ ваши волосы, я сложила ваши руки. Онъ вложилъ въ нихъ цвѣты. Куда вы ихъ дѣвали?

Этотъ разговоръ начиналъ дѣйствовать на нервы леди Ирисъ, и чтобъ не слышать его больше, она попросила старушку спѣть что нибудь, такъ какъ слышала, что она всегда поетъ, когда сидитъ одна.

Наконецъ небо очистилось, и можно было идти домой. Уходя, леди Ирисъ положила деньги въ руку старушки.

— Нѣтъ, мнѣ онѣ не нужны, сказала она, смотря на нихъ,— спрячьте ихъ, Изабелла Гайдъ; вы вѣдь нерѣдко нуждались въ нихъ прежде. А что бебе? здоровъ?

— Здоровъ, бабушка, отвѣтила быстро дѣвочка.

— Ни о чемъ такъ долго она не говоритъ, какъ о бебе, сказала она вполголоса, обратившись къ леди Ирисъ.

— Вы вѣдь сказали, что вернетесь за нимъ, продолжала старуха:—давно не видѣла я мою прелестную золотокудрую дѣвочку.

— Она здорова, сказала леди Ирисъ.—Прощайте, Эсѳирь, я опять къ вамъ приду.

— Прощайте, моя красавица, Изабелла Гайдъ!

По дорогѣ и дома, леди Ирисъ все думала объ Эсѳири Раусонъ, и за обѣдомъ, вспомнивъ опять о ней, она внезапно спросила:

— Не слышали-ли вы, папа, о женщинѣ, носящей имя Изабеллы Гайдъ.

Черты графа исказились выраженіемъ неописаннаго ужаса, онъ смертельно поблѣднѣлъ; изъ рукъ его выпали вилка и ножикъ, изъ груди вырвался глухой крикъ.

— О, папа, что съ вами! вскричала леди Ирисъ съ испугомъ.

Digitized by Google

— Это спазмы, пробормоталъ онъ:—что-то въ сердце ударило; это пройдетъ.—Но румянецъ не возвращался и дыханіе его было тяжело.

— Я никогда васъ такимъ не видала, папа! испуганно сказала она.

— Отвори окна, Стоксъ; дайте пить! сказалъ графъ и рука его такъ дрожала, что не могла держать стакана. Долго лежалъ онъ въ глубокомъ креслѣ у отвореннаго окна, глаза его были закрыты. Леди Ирисъ отказалась продолжать обѣдъ и съ безпокойствомъ смотрѣла на него, а когда онъ пришелъ въ себя и началъ говорить, то она стала убѣждать его въ необходимости посовѣтоваться съ докторомъ и лѣчиться, такъ какъ болѣзнью сердца шутить нельзя.

— Папа, сказала она позже:—въ этотъ-же день за обѣдомъ, когда вы заболѣли, я спросила у васъ: знали-ли вы какую нибудь Изабеллу Гайдъ?

Онъ опять поблѣднѣлъ; но такъ какъ онъ былъ боленъ, то леди Ирисъ не удивилась этому.

— Да, я знаю, кто она была, силился выговорить онъ.

— Разскажите мнѣ про нее, папа; умерла она? Кажется, ее любилъ какой-то лордъ.

Онъ съ ужасомъ взглянулъ на нее.

— Зачѣмъ ты это спрашиваешь, Ирисъ? что ты слышала?

Она разсказала ему свое приключеніе, онъ еще больше поблѣднѣлъ.

— Но вѣдь я говорилъ тебѣ, Ирисъ, не ходить туда, сказалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Нельзя было иначе, папа, я могла промокнуть на дождѣ.

— Что она сказала тебѣ? спросилъ графъ нехотя.

— Она странно приняла меня, но чувствовалось что-то патетическое въ ея разговорѣ... Какъ только она увидала меня, она тотчасъ сказала: Изабелла Гайдъ вернулась! не умерла!

Графъ издалъ глухой стонъ, который леди Ирисъ приняла за выраженіе удивленія.

— Самое странное, папа, было то, что она увѣряла, что видѣла меня мертвою, положила меня въ гробъ, надѣла бѣлое платье, расчесала волосы, а какой-то лордъ положилъ въ мои руки цвѣты. Это меня тронуло и разстроило нервы.

Digitized by Google

Графъ пытался улыбнуться, но его губы были холодны и безжизненны.

— Это фантазія, проговорилъ онъ съ усиліемъ.

— Всего не запомню, продолжала леди Ирисъ,—она еще спрашивала о какомъ-то ребенкѣ съ золотистыми кудрями? Вѣрно бѣдная женщина испытала большое горе. Но, папа, вы все-таки не сказали мнѣ, кто была Изабелла Гайдъ?

— Она жила здѣсь въ Фэнтонъ-Удѣ, слабо сказалъ онъ.

— Эсѳирь возбудила мое любопытство, и я должна о ней разспросить у кого нибудь.

— Ты этого не сдѣлаешь! почти закричалъ графъ, и леди Ирисъ съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Не сдѣлаю? повторила она.

— Ты заставила меня противъ моего желанія пріѣхать сюда; ты противъ моего желанія увидѣлась съ Эсѳирью и теперь повинуйся мнѣ, если я тебя прошу не разспрашивать объ Изабеллѣ Гайдъ ни у кого.

Въ минуту, леди Ирисъ сообразила, что если существовала тайна между ея отцомъ и Изабеллой Гайдъ, то эта тайна касалась ея.

Поговоривъ о посторонникъ предметахъ, графъ удалился въ свою спальню и оставилъ леди Ирисъ въ глубокой задумчивости.

Припомнила она нежеланіе отца вести ее въ Фэнтонъ-Удъ, потомъ его запрещеніе навѣщать Эсѳирь Раусонъ. Его болѣзненный припадокъ сталъ ей теперь понятнымъ; она спросила объ Изабеллѣ Гайдъ и этотъ-то вопросъ причинилъ ему боль; но что же это могло быть? Въ роду Фэйновъ могли-ли быть тайны, о которыхъ знаетъ служанка Эсѳирь Раусонъ?

Графъ задумчиво ходилъ по комнатѣ, онъ былъ очень взволнованъ.

— Трудно подумать, что она съ равнодушной улыбкой могла меня спросить, кто была Изабелла Гайдъ! думалъ онъ.

Онъ долго разсматривалъ портретъ бѣлокурой молодой женщины; глаза ея, казалось, съ упрекомъ глядѣли на него.

«Правъ-ли я былъ, или нѣтъ, думалъ онъ,—скрывая отъ дочери мою тайну. Мало-ли я дѣлалъ, чтобъ она не могла ее узнать и вотъ промыселъ Божій устроилъ, чтобы она случайно

Digitized by Google

попала именно въ тотъ домъ, гдѣ могла услышать объ Изабеллѣ Гайдъ; а кто знаетъ, сколько можетъ представиться случаевъ, когда она услышитъ отъ другихъ то, что я скрываю отъ нея. Не лучше-ли было бы самому открыть ей тайну ея рожденія?

ГЛАВА XXXIII.

— Ирисъ, сказалъ ей графъ на слѣдующее утро за завтракомъ,—приходи въ библіотеку, мнѣ надо поговорить съ тобой.

Молодая дѣвушка тяжело вздохнула; все для нея усложнялось въ это послѣднее время. Кончилась ея счастливая беззаботная жизнь! Даже въ жизни отца она открывала тайну, тогда какъ прежде думала, что знаетъ каждую его мысль.

День былъ сумрачный, все небо покрылось тучами. Графъ былъ блѣденъ и какъ будто постарѣлъ за одну ночь... Онъ нѣжно обнялъ ее.

— Какой печальный день сегодня, Ирисъ, и какъ тяжело на сердцѣ.

— Отчего, папа? спросила леди Ирисъ.

— Хочешь знать, отчего другъ мой? сказалъ онъ прижимая ее къ себѣ.—Оттого, что я хранилъ отъ тебя тайну; а теперь вижу, что Богу угодно, чтобы я раскрылъ тебѣ все, и сознаю, что напрасно я этого не сдѣлалъ прежде.

Онъ опустился въ кресло, она сѣла у его ногъ.

— Не думала я, чтобы у васъ могла быть тайна, папа!

— Есть, мой другъ, и я хранилъ ее отъ всего свѣта, ради тебя. По мѣрѣ того, какъ я узналъ твой характеръ, я видѣлъ, что для тебя будетъ ударомъ узнать то, что теперь я тебѣ скажу. Если не отъ меня, то случайно ты могла-бы услышать эту тайну...

Она внимательно посмотрѣла на отца.

— Неужели что нибудь, касающееся до Эсѳири и Изабеллы Гайдъ, касается меня?

— И очень, моя бѣдная Ирисъ. Но слушай. Не удивляла развѣ тебя моя необыкновенная снисходительность въ вопросѣ о твоемъ замужствѣ?

— Вы были всегда добры, папа, сказала она.

— Не отъ того, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,—но

Digitized by Google

надо начать... Ты помнишь портретъ прекрасной женщины въ Чандосской галлереѣ?

— Портретъ моей матери, графини Кальдонской? спросила она.

— Джиневра не была твоей матерью, она умерла раньше твоего рожденія, сказалъ графъ.

Леди Ирисъ поблѣднѣла. Онъ положилъ ей въ руки портретъ. Она была не въ состояніи проговорить слова.

— Смотри на это лицо и выслушай меня, сказалъ графъ.

— Если графиня не моя мать, то кто-же я? побѣлѣвшими губами съ усиліемъ выговорила леди Ирисъ.

— Вотъ твоя мать, сказалъ графъ, указывая на прелестное лицо, изображенное на портретѣ. А теперь слушай, я разскажу все. Ты знаешь изъ моихъ разсказовъ, что я женился на Джиневрѣ Тальботъ не по любви, но мы жили мирно, то въ Чандосѣ, то въ Лондонѣ. Послѣ четырехъ лѣтъ, она стала слаба здоровьемъ, и мы уѣхали за границу. Она лѣчилась въ Ниццѣ, и тамъ случилось со мной одно приключеніе, повліявшее на всю мою жизнь. Разъ утромъ, когда я сидѣлъ въ какомъ-то саду, мимо меня ироходила молодая дѣвушка замѣчательной красоты и уронила случайно кошелекъ, изъ котораго посыпались деньги. Я всталъ, подобралъ всѣ монеты и подалъ ей. Такимъ образомъ завязалось наше знакомство. Я тебѣ сказалъ, что никогда не былъ влюбленъ въ мою жену; тѣмъ не менѣе, я и въ мысляхъ не имѣлъ быть ей невѣрнымъ. Когда-же я увидалъ это прелестное созданіе, встрѣтилъ чарующій взглядъ ея синихъ глазъ, я почувствовалъ, что сердце мое такъ и рванулось къ ней. Я просилъ ее сказать мнѣ свое имя, и узналъ, что ее зовутъ Изабелла Гайдъ и что она совершенно одинока на свѣтѣ. Отецъ ея былъ художникомъ, но не имѣлъ, вѣроятно, успѣха, потому что ей и матери ея часто приходилось терпѣть голодъ. Такъ и умеръ онъ непризнаннымъ талантомъ и оставилъ жену и дочь въ нищетѣ. Жена его своими трудами воспитала дочь, и когда та кончила курсъ наукъ, то мать ея умерла.

Леди Ирисъ слушала, низко опустивъ голову, и по временамъ только вздрагивала какъ-бы отъ холода.

— «По смерти матери, продолжалъ графъ,—бѣдная дѣвушка, по счастію, получила мѣсто гувернантки у мистрисъ Тредегаръ,

Digitized by Google

гдѣ и жила, когда я ее встрѣтилъ... Разсказавъ мнѣ все это съ трогательною искренностью и поблагодаривъ меня еще разъ, она ушла, оставивъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько дней, я прочелъ въ газетѣ объ отъѣздѣ семьи Тредегаръ, а спустя мѣсяцъ умерла моя жена; мнѣ было жаль ее, она была мнѣ доброй женой... Четыре мѣсяца спустя, я пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣтилъ въ первое же утро моего пріѣзда, въ Тюльери, Изабеллу Гайдъ. Я былъ безумно счастливъ опять увидѣть ее; цѣлыхъ десять дней мы видались каждый день, она опять стала одинокою, такъ какъ мистрисъ Тредегаръ, у которой она жила, скончалась, и это обстоятельство побудило меня скорѣй просить ее быть моей женой и не откладывать нашу свадьбу. Она горячо любила меня; но, тѣмъ не менѣе, сперва говорила: «Какъ можетъ знатный лордъ жениться на простой гувернанткѣ»? Я убѣдилъ ее и мы рѣшили обвѣнчаться тайно, чтобъ не возбудить нареканій по поводу моего втораго брака, раньше окончанія годоваго траура.

«Во всемъ этомъ, самымъ страннымъ мнѣ кажется то, что я пріѣхалъ жениться сюда въ Фэнтонъ-Удъ. Здѣсь жила Эсѳирь Раусонъ, женщина мнѣ преданная и вѣрная, у нея помѣстилъ я Изабеллу, уговорилъ держать въ тайнѣ ея пребываніе въ коттэджѣ, а самъ упросилъ священника совершить обрядъ вѣнчанія, объяснивъ ему, что не желаю разглашать о моей женитьбѣ, раньше окончанія траура.

«Послѣ обряда мы тотчасъ же оставили Фэнтонъ-Удъ. Ты помнишь ту церковь, гдѣ написаны слова: «Кто умѣетъ молиться—умѣетъ любить»? Тамъ мы вѣнчались съ твоею матерью. Графъ поникъ головой.

«Мнѣ тяжело продолжать, Ирисъ; я ее такъ любилъ, что и сегодня горе мое также сильно, какъ въ первый день послѣ ея смерти. Я не могу выразить, какъ мы были счастливы въ продолженіе этого одного года. Мы жили на Рейнѣ, въ Шонгеймѣ, и тамъ погребена моя голубка. Ты родилась за три дня до ея смерти и ровно черезъ годъ послѣ нашей свадьбы. Скорбь моя была ужасна, я уже не жилъ потомъ и сердце мое какъ бы окаменѣло. Когда я привезъ тебя въ Англію, никто ничего не слыхалъ о моемъ второмъ бракѣ, не подозрѣвалъ, чтобы ты могла быть не дочерью Джиневры. Священникъ умеръ и тайна наша оста-

Digitized by Google

лась въ рукахъ одной Эсѳири, которая хранила ее вѣрно, пока не помѣшалась. Она была съ нами за границей и на ея рукахъ умерла твоя мать. Еслибъ я самъ вдругъ разгласилъ исторію моего втораго брака, мнѣ бы едва повѣрили, но я не могъ разсказывать объ этомъ поэтическомъ эпизодѣ моей жизни людямъ равнодушнымъ. Развѣ кто понялъ бы все величіе моей любви! Свѣтъ смѣялся бы только, что я унизился, женившись на бѣдной гувернанткѣ. Моя жена послѣ смерти стала для меня такъ свята, что я бы не вынесъ слышать, что о ней отзываются небрежно, что профанируютъ ея имя недостойныя уста! Вотъ причина, почему я такъ тщательно хранилъ мою тайну.

ГЛАВА XXXIV.

Во все время разсказа, леди Ирисъ сидѣла неподвижно въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Этотъ ударъ ея гордости былъ такъ неожиданъ, такъ ужасенъ, что она едва могла собрать свои мысли, сообразить, что случилось! Взоръ ея, машинально прикованный къ прелестному лицу на портретѣ, сначала безсознательно скользилъ по немъ; но потомъ, по мѣрѣ того, какъ она вникала въ трогательное выраженіе чудныхъ синихъ глазъ, въ которыхъ виднѣлся цѣлый міръ любви, сердце ея наполнялось нѣжностью и рвалось къ умершей матери.

— О, папа! съ упрекомъ вскричала она,—отчего вы мнѣ этого прежде не сказали, отчего допустили все время любить ту, другую женщину. О, мать моя! мать моя! со слезами говорила она.—Я бы любила тебя, еслибы знала. Я точно чувствовала, что меня ничто не связываетъ съ той прекрасной леди. Папа, обратилась она къ отцу:—отчего вы не дали моей матери ея мѣста по праву?

— Она желала только имѣть мѣсто въ моемъ сердцѣ, отвѣчалъ графъ. Еслибъ она такъ скоро не умерла, я собирался привезти ее въ Англію и торжественно провозгласить ее своей женой, ибо всегда гордился ею и находилъ, что она ни въ чемъ не отличалась отъ урожденной герцогини.

Молодая дѣвушка опять опустила голову.

— Однако, Ирисъ, какъ же ты говоришь противъ своихъ убѣжденій, что, не смотря на то, что Изабелла была изъ низ-

Digitized by Google

шаго сословія, я долженъ былъ бы предоставить ей подобающее мѣсто?

— Папа, можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы этого говорить, только будь я на вашемъ мѣстѣ, я скорѣй бы умерла, нежели вступила въ неравный бракъ. Тѣмъ не менѣе, разъ только она стала вашею женою, не надо было этого скрывать.

— Ты пойми, Ирисъ, что если я хранилъ тайну, то не ради сословнаго предразсудка. Причины были чисто случайныя. Надо было спѣшить свадьбой, потому что она осталась одна и безъ покровителя. Мой трауръ не былъ оконченъ и мы рѣшили до его окончанія пожить для себя, вдали отъ свѣта, прежде чѣмъ возвратиться въ общество. Потомъ—она умерла, а послѣ того я не могъ уже говорить о ней и тѣмъ болѣе выносить, чтобы другіе говорили.

Графъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ, потомъ внезапно остановился передъ дочерью, которая все смотрѣла на портретъ.

— Ирисъ, сказалъ онъ. Что же ты скажешь? Твоя мать была чиста, какъ ангелъ, благородна, хорошо воспитана. Неужели я, женившись на ней, унизилъ свою фамилію?

— Какъ можетъ разрѣшить этотъ вопросъ ея родная дочь? сказала она тихо.

— Ты можешь мнѣ все сказать, Ирисъ.

— Если вы спросите у меня, какъ у ея дочери, я вамъ скажу, что вы поступили хорошо. Если же вы у меня спросите, какъ у Фэйнъ изъ Чандоса, я вамъ скажу опять таки, что будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы въ себѣ задушила любовь, хотя бы это стоило мнѣ жизни, такъ какъ наше имя надо «носить съ честью», папа.

— Обезчестилъ я его, женясь на лучшей женщинѣ въ мірѣ?

— Нѣтъ, но вы и не прибавили ничего къ его славѣ. Вы вашу жену возвели до себя. Но, папа милый, мы вѣдь никогда не сходились на этомъ вопросѣ, лучше оставимъ его, добавила леди Ирисъ.

Послѣдовало молчаніе.

— А теперь, Ирисъ, проговорилъ графъ,—когда ты все знаешь, будешь-ли ты любить меня по прежнему?

— Я буду любить васъ больше прежняго, такъ какъ вы лю-

Digitized by Google

били мрю мать и такъ много выстрадали: Она помолчала.— Только не скрою отъ васъ, что все, что я услыхала, было для меня тяжкимъ ударомъ. Я много гордилась своимъ происхожденіемъ и своими предками. Мнѣ необычайно тяжело сознаться, что моя мать была ни болѣе, ни менѣе, какъ дочь бѣднаго художника, что она была гувернанткой,—профессія, которую я всегда уважала, но считала тѣхъ, которыя ею занимаются, женщинами инаго міра.

Графъ нѣжно поцѣловалъ дочь.

— Я понимаю, это большой для тебя ударъ.

— Еслибъ я это знала, папа, я не держала бы себя такъ недоступно гордо, я не отказала бы Аллану...

— Значитъ, я хорошо сдѣлалъ, что открылъ тебѣ это.

— Да, это лучше, чѣмъ жить въ ложномъ свѣтѣ, папа, но скажите: правда-ли, что я похожа на мою мать?

— До такой степени похожа, что я не удивляюсь, если Эсэирь приняла тебя за Изабеллу.

— Я рада, что на нее похожа, и теперь, папа, знайте, я напишу къ Аллану, не скрывая ничего. Онъ меня слишкомъ любитъ, чтобы посмѣяться надъ моей оскорбленной гордостью. Онъ только удивится, между тѣмъ какъ Джонъ Бардонъ обрадовался бы моему паденію.

— Какое-же тутъ паденіе, Ирисъ? сказалъ графъ.

Вся гордость ея пробудилась въ ней съ новой силой.

— Да, это паденіе, папа. Еслибъ вы мнѣ сказали, что потеряли все состояніе, я на половину бы такъ не огорчилась. Я люблю память моей матери, но мнѣ страшно тяжело слышать, что она была не знатною, какою я ее считала, а дѣвушкой не нашего круга и бѣдной гувернанткой.—Она съ рыданіемъ судорожно сжала свои руки.—Я очень наказана за мою гордость, папа, проговорила она и болѣзненно простонала. Всѣ мускулы лица ея исказились на мигъ подъ ощущеніемъ невыносимой боли и она упала безъ чувствъ.

— Бѣдняжка, простоналъ графъ,—такъ молода, а сколько ей пришлось уже выстрадать!

Въ этотъ самый вечеръ она написала Аллану Осборну исторію своего отца, но адресовала въ Лондонъ, между тѣмъ какъ онъ былъ уже подъ знойнымъ солнцемъ Индіи.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXV.

Со времени открытія своей тайны, графъ не узнавалъ дочери. Она совершенно переродилась.

Признаніе отца показало ей, что то, чѣмъ она жертвовала своему счастію, былъ миѳъ. Урокъ былъ строгъ, но онъ принесъ ей пользу. Даже любимыя ею слова девиза «носить съ честью» пріобрѣли въ ея глазахъ новый смыслъ. Честь стала она понимать не въ соединеніи своей фамиліи съ другимъ, не менѣе знатнымъ родомъ, а въ честномъ исполненіи обязанностей, выпадающихъ на долю представителей этой фамиліи. Честную бѣдность, честный трудъ леди Ирисъ стала возводить на уровень тѣхъ добродѣтелей, которыя она связывала, бывало, съ представленіемъ о знатности.

Отца своего она убѣдила не скрывать свой второй бракъ. Онъ скоро велѣлъ приписать въ родословной книгѣ: «женатъ во второмъ бракѣ на Изабеллѣ Гайдъ, дочери Рональда Гайдъ, эсквайра, скончавшейся 29-го іюня 18... Наслѣдница,—единственная дочь Ирисъ, леди Фэйнъ.

Съ прежняго портрета былъ заказанъ лучшему художнику большой портретъ леди Изабеллы Фэйнъ и повѣшенъ въ Чандосской галлереѣ.

Лэди Ирисъ тщетно ждала отвѣта на свое письмо къ Аллану. Она не знала, что онъ, задолго до того времени, какъ письмо это прибыло въ Лондонъ, отплылъ въ Индію. Въ концѣ письма она говорила: «Еслибъ я знала это тогда, когда вы меня просили быть вашей женой, я бы иначе отвѣчала вамъ». И ее больше всего удивляло то, что на подобныя слова онъ не отвѣчалъ ей. «Вѣроятно, думала она, онъ былъ слишкомъ оскорбленъ мною и до сихъ поръ чувствуетъ свою обиду».

Они все еще жили въ Фэнтонъ-Удѣ. Однажды леди Ирисъ получила отъ леди Клифордъ слѣдующее письмо:

«Когда возвратитесь вы въ Чандосъ, милая леди Ирисъ? У меня въ семьѣ новость, которая васъ удивитъ. Мой сынъ Фулькъ полюбилъ Мери Бардонъ; вы, конечно, ее помните, такъ какъ любили ее всегда. Она этотъ годъ все жила въ Гайнъ-Куртѣ, у своей невѣстки, леди Эвисъ, которая очень полюбила ее, и тамъ часто видѣлась съ Фулькомъ; онъ сдѣлалъ ей предложеніе и у

Digitized by Google

насъ скоро будетъ свадьба. Теперь онъ совсѣмъ измѣнился, Мери окончательно исправила его отъ всѣхъ маленькихъ недостатковъ, и мы очень счастливы. Пріѣзжайте, моя дорогая, этимъ вы доставите намъ всѣмъ огромное удовольствіе».

— Хочешь ѣхать на свадьбу? спросилъ графъ, когда леди Ирисъ прочла ему вслухъ письмо.

— Папа, у меня къ вамъ просьба, печально сказала она.

— Я все сдѣлаю, что ты хочешь, отвѣчалъ графъ.

— Позвольте мнѣ навсегда остаться здѣсь, не зовите никуда, ни въ Чандосъ, ни въ Лондонъ.

— Какъ хочешь, мой другъ, сказалъ графъ со вздохомъ.

ГЛАВА XXXVI.

— Какъ замѣтно въ цѣломъ графствѣ, когда Чандосскій замокъ пустъ! говорилъ Ричардъ Бардонъ своему сыну, когда, погостивъ у своей невѣстки въ Гайнъ-Куртѣ три дня, онъ не могъ не почувствовать отсутствія гостепріимнаго владѣтеля Чандосскаго замка и его прекрасной дочери.

— Отчего они не возвращаются? спросилъ онъ.

Джонъ Бардонъ не зналъ, что отвѣчать.

— Леди Ирисъ была больна, поспѣшила на выручку мужа леди Эвисъ,—и ей совѣтовали лѣсной воздухъ.

Желаніе милліонера исполнилось; его сынъ и дочь сдѣлали прекрасныя партіи и породнились съ лучшими фамиліями Англіи.

— Теперь я умру спокойно, говорилъ онъ своей женѣ. Мери будетъ леди Клифордъ, и съ тѣмъ состояніемъ, которое я далъ ей, она сдѣлается одною изъ первыхъ леди въ Англіи.

— А самое лучшее, это то, сказала жена,—что она любитъ давно сэра Фулька, и я все время это знала, только не думала, что онъ на ней женится.

— Почему? спросилъ милліонеръ, довѣряя проницательности своей жены въ подобныхъ вещахъ.

— Потому что онъ былъ влюбленъ въ леди Ирисъ Фэйнъ, какъ и сынъ нашъ Джонъ, сказала мистриссъ Бардонъ.

— И хорошо сдѣлала, что она не вышла за Джона, замѣтилъ мистеръ Бардонъ.—Мы никогда бы не справились съ ея гордостью, между тѣмъ какъ лучшей невѣстки я бы не желалъ,

Digitized by Google

какъ наша леди Эвисъ. Нельзя быть любезнѣе съ нами, какъ она всегда бываетъ, и даже втораго сына назвала, въ честь меня, Ричардомъ. Я счастливъ, что у Джона два сына:—вѣрнѣе какъ-то для нашего рода...

Черезъ нѣсколько дней, праздновали свадьбу сэра Фулька и Мери, которая была совершенно счастлива. Она наконецъ пріобрѣла любовь, на которую прежде и не разсчитывала,—въ ту пору, когда сэръ Фулькъ былъ такъ сильно занятъ леди Ирисъ. Теперь же онъ совершенно предался своей кроткой, милой невѣстѣ.

Почти въ то же время Ричардъ Бардонъ получилъ баронетское достоинство отъ правительства и считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

ГЛАВА XXXVII.

Между тѣмъ великія событія происходили въ Индіи; тамъ шла кровопролитная война и газеты были наполнены описаніями сраженій. Между прочимъ, описывался геройскій подвигъ капитана Аллана Осборна, который скоро сталъ темой для разговоровъ и удивленія всей страны.

Вотъ какъ произошло дѣло.

Въ сѣверной Индіи, въ долинѣ Суратской, было нѣсколько англійскихъ поселеній. Кругомъ были расположены войска для охраны отъ нападеній горцевъ. Уже въ продолженіе нѣкотораго времени не нарушали они спокойствія колоній, какъ вдругъ дошли слухи, что готовится нападеніе. Начальство Сурата собрало совѣтъ, относительно мѣръ для защиты жителей. На этомъ совѣтѣ Алланъ Осборнъ подалъ мысль вывести женщинъ, дѣтей и стариковъ, не могущихъ защищаться, въ фортъ Георгія,—очень хорошо укрѣпленную и почти недоступную крѣпость, находящуюся на день разстоянія отъ Сурата. Онъ просилъ поручить ему сопровождать ихъ и устроить въ крѣпости.

— Я или самъ умру, говорилъ онъ,—или не допущу этихъ несчастныхъ попасть въ руки враговъ.

Мужество его было настолько извѣстно, что тотчасъ же рѣшили дать ему отрядъ солдатъ и поручить подъ охрану всю колонію, кромѣ тѣхъ мужчинъ, которые могли бы сами защищать ее.

Digitized by Google

Они выступили на зарѣ. Трогательно было видѣть, какъ вся эта масса женщинъ, дѣтей, старцевъ и больныхъ отдалась подъ защиту молодаго человѣка и нѣсколькихъ вооруженныхъ людей. Женщины умоляли лучше убить ихъ, нежели отдать живыми въ руки враговъ.

Въ полдень на долинѣ сдѣлали привалъ, но не успѣли они размѣститься, какъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что непріятель близко. Первою заботою Осборна было не пугать женщинъ этимъ извѣстіемъ, а сгруппировать ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, окруживъ повозками, какъ баррикадой. Единственная надежда на спасеніе могла состоять въ томъ только, если подоспѣетъ помощь изъ форта Георгія, но для этого надо было послать туда нарочнаго, который могъ навѣрное разсчитывать, что его убьютъ на дорогѣ.

— Я самъ поѣду, сказалъ Осборнъ. Хоть это и будетъ нарушеніемъ военнаго устава, тѣмъ не менѣе, я задался цѣлью спасти ихъ и отдамъ за нихъ охотно жизнь! Если васъ атакуютъ, держитесь, пока я не приду съ помощью, добавилъ онъ своимъ солдатамъ.

— Но васъ могутъ убить прежде того, замѣтилъ одинъ старый солдатъ, любившій его и преданный болѣе другихъ.

— Я вѣрую въ Бога, благоговѣйно сказалъ Осборнъ.—Господь покровительствуетъ тѣмъ, которые защищаютъ слабыхъ. Сержантъ Адамсъ! обратился онъ къ своему помощнику,—командуйте отрядомъ въ мое отсутствіе. Я скоро приведу помощь. Прощайте, товарищи, заключилъ Алланъ Осборнъ и поскакалъ.

Въѣхавъ на голый холмъ, онъ еще скорѣе погналъ лошадь, не смотря на нестерпимый зной, припекавшій его голову. Крупныя капли пота катились по его лицу, но онъ, казалось, ничего не замѣчалъ. Его подкрѣпляла мысль о спасеніи тѣхъ несчастныхъ, которые отдались подъ его защиту. Онъ проскакалъ гораздо больше, чѣмъ полпути; крѣпость была уже недалеко, какъ вдругъ раздался страшный крикъ и со всѣхъ сторонъ показались индѣйцы. Онъ долженъ былъ проникнуть въ фортъ или умереть; а смерть стояла спереди, сзади и по бокамъ. Алланъ произнесъ краткую молитву, чье-то милое имя, и ринулся впередъ. Раздался крикъ сотни голосовъ и лошадь его, какъ бѣшеная, влетѣла въ самую середину непріятеля.

Digitized by Google

Отбросивъ однимъ ударомъ тѣхъ, которые бросились къ нему, Алланъ, какъ молнія, пронесся изъ толпы и продолжалъ свою неистовую скачку. Фортъ былъ уже въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія.

Индѣйцы преслѣдовали его, бросая камни, ножи и что попало. Брошенный такимъ образомъ, большой ножъ попалъ въ бокъ его лошади и раненое животное вдругъ умѣрило шагъ. Тогда съ удвоенными криками бросились враги за Алланомъ и одинъ настолько опередилъ другихъ, что нанесъ ему рану въ лицо, послѣ чего они бросились бѣжать обратно, такъ какъ были уже подъ самыми стѣнами крѣпости. Алланъ, не смотря на рану, далъ шпоры своей лошади и она послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ, шатаясь, ввезла его въ открытыя ворота форта, и тутъ же пала мертвая. Почти весь гарнизонъ встрѣтилъ тамъ Осборна, который, падая и истекая кровью, едва могъ проговорить:

— Скорѣй пошлите помощь въ Суратскую долину, тамъ женщины, дѣти... затѣмъ онъ лишился чувствъ.

Съ благоговѣніемъ смотрѣли на этого доблестнаго молодаго человѣка, который подвергся опасности смерти, чтобы спасти людей. Немедленно подоспѣвшій въ долину, отрядъ изъ форта безпрепятственно привелъ всю партію; и тогда надо было видѣть отчаяніе и слезы всей колоніи при видѣ ужаснаго состоянія ихъ избавителя, лежащаго съ раскроеннымъ лицомъ.

Прочитавъ въ газетахъ подробное описаніе этого подвига, лордъ Кальдонъ долго не рѣшался показать газету дочери, и только тогда далъ ей прочесть этотъ номеръ, когда узналъ, что есть надежда на выздоровленіе Аллана Осборна. Леди Ирисъ не удивилъ геройскій поступокъ любимаго человѣка, она благоговѣйно сложила руки и низко опустила голову.

Въ продолженіе мѣсяца или двухъ, Алланъ находился между жизнью и смертью. Наконецъ онъ сталъ поправляться, и когда могъ уже вынести длинный путь, уѣхалъ въ Англію. Тамъ его привѣтствовали неожиданными овиціями. Не успѣлъ онъ вступить на родную почву, какъ, стоя на палубѣ парохода, увидѣлъ многочисленную толпу, привѣтствовавшую его радостными криками. Это удивило его, такъ какъ онъ не подозрѣвалъ, что слава о его подвигѣ предшествовала ему и онъ сталъ изъ вѣ-

Digitized by Google

стенъ. Чуть не на рукахъ донесли его до гостинницы, гдѣ поразилъ его пріятный сюрпризъ. Тамъ ожидали его всѣ товарищи прежняго полка. Тѣ самые люди, которые прежде пренебрегали имъ, встрѣтили его восторженными криками; превозносили его и увѣряли, что гордятся тѣмъ, что имѣли когда-то въ своемъ полку подобнаго героя.

Со всѣхъ сторонъ восхваляли Аллана Осборна; онъ былъ награжденъ орденомъ Викторіи и чиномъ майора. Разъ пошелъ онъ въ театръ, и тамъ публика также сдѣлала ему грандіозную овацію. Съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣли всѣ на этого прекраснаго молодаго человѣка съ краснымъ рубцомъ, прорѣзывающимъ все лицо. А у него была одна только мысль,—о ней, о леди Ирисъ. Онъ жаждалъ хотя издали взглянуть на Чандосскій замокъ, гдѣ былъ такъ невыразимо счастливъ. Изъ газетъ узналъ онъ однажды, что графъ съ дочерью живутъ въ Фэнтонъ-Удѣ, и—странная случайность!—въ этотъ же день получилъ то письмо леди Ирисъ, которое гдѣ-то странствовало все время и наконецъ дошло до него.

Онъ прочиталъ ея исторію, онъ прочиталъ слова: «Еслибъ я знала объ этомъ тогда, то не отказала бы вамъ». Сердце его забилось такъ, какъ не билось оно посреди индѣйскихъ горцевъ.

И такому-то письму суждено было запоздать! думалъ онъ. Что подумала она, не получая отвѣта! О, еслибъ я могъ полетѣть къ ней.

Онъ навелъ справки. Стонеръ была ближайшая станція отъ Фэнтонъ-Уда. Поѣздъ туда отходилъ рано утромъ. Алланъ не спалъ цѣлую ночь, и когда онъ сидѣлъ въ вагонѣ, ему казалось, что паровозъ совсѣмъ не дѣйствовалъ, и поѣздъ едва двигался.

ГЛАВА XXXVIII.

Овацiи, сдѣланныя майору Осборну въ Лондонѣ, были также описаны въ газетахъ и лордъ Кальдонъ прочелъ о нихъ своей дочери.

— Мнѣ кажется, Ирисъ, какъ будто возвращаются времена рыцарства, и это мнѣ пріятно... Я былъ бы радъ ложать ему руку! сказалъ онъ.

— Дайте мнѣ газету, папа, я сама прочту, сказала леди Ирисъ

Digitized by Google

и ушла изъ комнаты съ газетой въ рукахъ; ей хотѣлось одной, безъ помѣхи, читать и думать о немъ.

Былъ конецъ осени; но солнце еще пригрѣвало, и кое-гдѣ виднѣлись запоздалые цвѣты.

Леди Ирисъ медленно шла по лѣсу, направляясь къ рѣкѣ, которая напоминала ей Чандосскую рѣку Рилль. Опустившись на траву, на берегу рѣки, леди Ирисъ сняла шляпку и углубилась въ газету, читая и перечитывая то мѣсто, гдѣ говорилось о любимомъ ею героѣ. Частыя слезы закапали на бумагу. Этого человѣка она отвергла только потому, что онъ не былъ такого же знатнаго происхожденія, какъ она!

— О, какая непростительная гордость со стороны той, чья мать работала изъ-за куска хлѣба! говорила она себѣ.

Между тѣмъ къ замку подъѣхалъ экипажъ, и графъ съ сердечной радостью принялъ Аллана Осборна.

— Я похожъ на бабочку, которая возвращается къ огню, рискуя обжечь свои крылья, сказалъ молодой человѣкъ. Могу я видѣть леди Ирисъ?

Графъ съ радостной готовностью указалъ ему, гдѣ найти дочь, и Алланъ Осборнъ съ сердечнымъ волненіемъ направился по указанной дорогѣ къ лѣсу. Пройдя нѣкоторое разстояніе вдоль рѣки, онъ увидѣлъ наконецъ молодую дѣвушку, печально склонившую голову надъ газетой. Сердце его забилось, онъ не въ состояніи былъ владѣть собою и въ минуту очутился у ея ногъ, взялъ ее за руки и приникъ къ нимъ лицомъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ и она все еще не могла проговорить ни слова, наконецъ отняла свои руки, нѣжно приподняла его лицо, и когда глаза ихъ встрѣтились, онъ увидѣлъ, что ему больше нечего было бояться.

— Ирисъ, дорогая моя, несвязно говорилъ онъ, я ужъ не надѣялся васъ видѣть на этомъ свѣтѣ.

— Вы не получили моего письма?

— Я его получилъ только вчера, оно слѣдовало за мной и я еще удивляюсь, что оно до меня дошло. Голубка моя, что вы мнѣ скажете?

— Добро пожаловать домой, Алланъ, прошептала она.

— Благодарю васъ за эти отрадныя слова, Ирисъ, но позвольте

Digitized by Google

снять вашу перчатку. Она съ улыбкою подала ему руку, и, бережно снявъ перчатку, онъ увидѣлъ на пальцѣ свое кольцо.

— Вы мнѣ говорили, Ирисъ, что если послѣ долгой разлуки я увижу на вашемъ пальцѣ мое кольцо, это будетъ значить, что вы меня любите,—правда, Ирисъ?

— Правда, Алланъ, я любила и люблю одного васъ и жестоко была наказана за свою гордость!

— Чѣмъ же, Ирисъ? Если вашъ отецъ могъ любить такъ сильно вашу мать, слѣдовательно она была достойна того.

— Не то, Алланъ:—ударъ этотъ пошатнулъ мои лучшія вѣрованья. Но оставимъ это, сказала она.

— Ирисъ, я много выстрадалъ за это время. Рискуя своей жизнью, я ни на минуту не забывалъ, что долженъ заслужить ваше одобреніе. Скажите мнѣ, что теперь будете моей женою.

— Буду, мой дорогой Алланъ,—сказала она, прижимаясь къ его груди,—но я недостойна такой великой любви.

— Мнѣ это лучше знать, сказалъ Алланъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. Вы будете моей королевой, а я вашимъ преданнымъ рабомъ.

Нѣсколько недѣль спустя, въ прекрасной церкви, принадлежащей къ Чандосскому замку, происходилъ обрядъ вѣнчанія майора Осборна съ леди Ирисъ Фэйнъ. Всѣ сосѣди присутствовали на свадьбѣ, кромѣ Джона Бардона.

Наканунѣ свадьбы, леди Ирисъ и ея женихъ долго стояли передъ портретомъ сэра Лансело.

— Я какъ будто чувствовала, сказала она,—что полюблю кого нибудь, схожаго съ этой картиной, я всегда съ дѣтства предпочитала ее всѣмъ другимъ.

— И я буду любить ее отнынѣ, сказалъ Алланъ.

— Я надѣюсь, Ирисъ, говорилъ графъ,—что мы нашли человѣка, который будетъ «носить съ честью» наше имя. Онъ еще возвыситъ его славу.

Вмѣсто отвѣта, леди Ирисъ нѣжно обняла своего любящаго благороднаго отца.

Конецъ.

Digitized by Google

Памяти И. С. Тургенева.

Россія въ трауре! Ея могучій геній
Угасъ вдали, умолкъ навѣкъ поэтъ,—
Краса и гордость цѣлыхъ поколѣній,
Отчизны вѣрный сынъ, отчизны лучшій цвѣтъ!

Отъ царственныхъ палатъ и до убогой хаты
Сразила эта вѣсть всѣ русскія сердца;
Мы всѣ сравнялися предъ горестью утраты—
За честь и правду смѣлаго борца.

Ты къ намъ вернешься трупомъ бездыханнымъ,
Чтобы навѣкъ почить въ землѣ родной,
Гдѣ былъ ты гостемъ рѣдкимъ, но желаннымъ,
Куда въ твой смертный часъ ты рвался всей душой.

Въ борьбѣ съ недугомъ злымъ, въ борьбѣ съ твоимъ
страданьемъ
Мечталъ ты объ одномъ: Россію увидать.
Россія ждетъ тебя съ тоскою и рыданьемъ,
Чтобъ твой безцѣнный прахъ родной землѣ предать.

Твой ясный взоръ, твой обликъ величавый
Отчизна, какъ святыню, будетъ чтить.
Пусть нѣтъ тебя, но въ ореолѣ славы,
Въ лучахъ безсмертія ты вѣчно будешь жить!

Александра Линдегренъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Труды коммиссіи по пересмотру мѣстнаго управленія.—Организація уѣзднаго и губернскаго управленія; различіе между тѣмъ и другимъ.—Значеніе мѣстнаго управленія въ государственной жизни.—Десятилѣтіе петербургскаго городскаго управленія, какъ характерный примѣръ недостатковъ въ его организаціи.—Желѣзнодорожный вопросъ и приключенія съ вопросомъ объ устройствѣ порта въ Анапѣ и Новороссійскѣ.—Эпизодъ о бековской желѣзнодорожной вѣтви.—Кому и какъ завѣдывать и управлять путями сообщенія?—Еврейскій вопросъ.—Значеніе погромовъ и средства къ устраненію ихъ.—Гражданскій путь къ разрѣшенію еврейскаго вопроса.—Кончина И. С. Тургенева.

Прошло уже болѣе двухъ лѣтъ со времени учрежденія коммиссіи по пересмотру мѣстныхъ учрежденій. Срокъ—весьма почтенный, но велика также и задача, возложенная на коммиссію. Нѣтъ другаго вопроса внутренней нашей государственной жизни, который бы такъ глубоко интересовалъ всѣ слои общества, какъ вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Тотъ фактъ, что вопросъ этотъ сталъ на очередь самъ собою, силою вещей,—достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что это—вопросъ слишкомъ назрѣвшій и что всякое промедленіе въ разрѣшеніи его крайне ощутительно для общества. Съ радостью, можно даже сказать съ восторгомъ, привѣтствовало общество, путемъ печати, фактъ учрежденія коммиссіи по пересмотру мѣстныхъ учрежденій, и затѣмъ—терпѣливо ждало окончанія работъ коммиссіи. Въ настоящее время, какъ извѣстно уже читающей публикѣ, коммиссія вполнѣ закончила выработку положеній по переустройству мѣстнаго управленія.

Когда коммисіею не былъ еще опубликованъ планъ работъ, въ нашемъ журналѣ былъ подведенъ итогъ земскимъ проэктамъ по переустройству мѣстнаго управленія *). Въ этихъ проэктахъ указывалось на необходимость полной реорганизаціи всего мѣст-

*) См. № 4 «Наблюдателя», 1882 г., «Наши внутреннія дѣла».

Digitized by Google

наго управленія, начиная съ сельской общины и кончая губерніею. Реорганизація эта, по мысли земскихъ проэктовъ, должна быть основана на коллегіальности и всесословности мѣстныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи, выработанный кохановскою коммиссіею проэктъ переустройства мѣстныхъ учрежденій довольно близко совпадаетъ съ земскими проэктами. Онъ обнимаетъ всѣ безъ исключенія инстанціи мѣстнаго управленія, какъ собственно административныя, такъ и общественныя. Вмѣсто кастоваго крестьянскаго управленія проэктируется всесословное, притомъ на началахъ подчиненности сельскаго управленія вѣдѣнію земства, что̀ опять-таки совпадаетъ съ земскими проэктами. Сословно-крестьянская земельная община сохраняется лишь въ земельномъ отношеніи; въ административномъ же—сельское общество, какъ юридическая единица, должно быть всесословнымъ учрежденіемъ: по дѣламъ полиціи исполнительной, въ составъ сельской общины, кромѣ земель крестьянскихъ, должны войти также и земли отдѣльныхъ владѣльцевъ, желающихъ приписаться къ сельской общинѣ. Еще болѣе опредѣленно выраженъ всесословный характеръ въ отношеніи волости. По проэкту коммиссіи, въ составъ волости обязательно входятъ всѣ земли, находящіяся въ ея предѣлахъ. Волостью управляетъ лицо, избранное земствомъ — *волостель*. Во главѣ управленія уѣздомъ также проэктируется лицо, избираемое земствомъ. Обязанности начальника уѣзда состоятъ: въ «наблюденіи за ходомъ всѣхъ дѣлъ управленія въ уѣздѣ», въ «разсмотрѣніи важнѣйшихъ дѣлъ по всѣмъ отраслямъ, съ правомъ разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ обязательствомъ представленія другихъ на разрѣшеніе высшей губернской инстанціи». Всѣ дѣйствующія нынѣ въ уѣздѣ учрежденія, какъ чисто административныя, такъ и общественныя, проэктируется замѣнить однимъ коллегіальнымъ управленіемъ, объединяющимъ въ себѣ всѣ функціи уѣздной администраціи.

Такимъ образомъ, во всѣхъ инстанціяхъ уѣзднаго управленія руководящую роль проэктируется предоставить земству. Словомъ, въ отношеніи всей уѣздной администраціи, направленіе работъ кахановской коммиссіи, въ общемъ, вполнѣ совпадаетъ съ характеромъ земскихъ проэктовъ. Направленіе это заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшей симпатіи и пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду проэктируемаго коммиссіею расширенія полномочій и правъ земства. Такъ, напримѣръ, предполагается уменьшить количество дѣлъ, по которымъ постановленія земскихъ собраній подлежатъ одобренію и утвержденію правительственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проэктируется предоставить земству право заявленій и ходатайствъ объ установленіи, измѣненіи или разъясненіи законовъ, касающихся мѣстныхъ потребностей. На зем-

Digitized by Google

скія учрежденія предполагается возложить непосредственное завѣдываніе начальнымъ образованіемъ, т. е. иначе, всѣ тѣ функціи, которыя выполнялись до сихъ поръ училищными совѣтами. Въ самомъ составѣ земства проэктируются также довольно существенныя измѣненія. Предполагается общее измѣненіе избирательнаго ценза, главнымъ образомъ, въ пользу образованія и личныхъ заслугъ, что̀ должно вдохнуть въ земство «душу живу» и кореннымъ образомъ измѣнить къ лучшему личный его составъ. Съ другой стороны, проэктъ коммиссіи положительно отвергаетъ предсѣдательствованіе въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства и вообще лицъ по назначенію отъ правительства. Предсѣдательствованіе въ губернскомъ земскомъ собраніи возлагается на лицо, избранное земствомъ и утвержденное губернаторомъ на три года. Затѣмъ, существеннымъ образомъ долженъ измѣниться и характеръ земской работы, такъ какъ коммиссіею проэктируется установленіе спеціальныхъ съѣздовъ представителей уѣздныхъ земствъ одной губерніи или нѣсколькихъ смежныхъ губерній, для установленія и выполненія общихъ мѣръ, сообразно съ мѣстными условіями и нуждами. Наконецъ, предполагается измѣнить и самое дѣленіе земскихъ расходовъ на «обязательные» и «необязательные», замѣнивъ ихъ «собственно-земскими» и «обще-государственными», удовлетворяемыми, на основаніи закона, изъ мѣстныхъ средствъ.

Указанныя измѣненія въ положеніи и правахъ земства, въ связи съ основнымъ переустройствомъ всего уѣзднаго управленія, главнымъ образомъ на *земскомъ началѣ*, представляютъ, въ общей сложности, весьма существенную государственную мѣру. При этомъ условіи, земство, какъ учрежденіе хозяйственное, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и административнымъ учрежденіемъ,—какъ это непремѣнно и быть должно,—т. е. органомъ и факторомъ одной и той же правительственной власти. Оно перестаетъ стоять только *подлѣ* механизма государственнаго управленія,—какъ стояло до сихъ поръ,—и кореннымъ образомъ входитъ въ этотъ механизмъ, какъ одна изъ самыхъ существеннѣйшихъ и основныхъ его частей, поставленная притомъ въ роль прямаго завѣдыванія всѣми мѣстными потребностями и удовлетворенія нуждъ всѣхъ безъ исключенія слоевъ и классовъ мѣстнаго населенія. Все, что такъ или иначе причастно къ землѣ и существуетъ около нея,—все это захватывается земствомъ, какъ естественная его составная часть, и объединяется мѣстнымъ управленіемъ, начиная съ сельскаго и кончая уѣзднымъ, которое, въ общемъ своемъ видѣ, представляетъ довольно цѣльную и стройную систему. Черезъ все управленіе, какъ сказано, проходитъ всесословное земское начало. Дворянству не предоставляется болѣе того исключительнаго вліянія въ мѣст.

Digitized by Google

номъ управленіи, какимъ оно пользуется теперь. Правда, со всесословнымъ характеромъ мѣстнаго управленія не гармонируетъ сохраненіе сословной дворянской обособленности; но, по проэкту коммиссіи, обособленность эта не наноситъ никакого ущерба интересамъ мѣстнаго управленія и ограничивается только почетными обязанностями, какъ-то: завѣдываніемъ дѣлами дворянскаго сословія и попечительствомъ надъ народными школами, лѣчебницами, благотворительными учрежденіями, тюрьмами и т. п. Права попечительства ограничиваются простымъ наблюденіемъ, т. е. посѣщеніемъ и заявленіемъ о замѣченномъ надлежащимъ властямъ.

Отнятіе у сельскаго управленія замкнутаго, кастоваго крестьянскаго характера—мѣра въ высшей степени важная и симпатичная. Замкнутое, изолированное положеніе сельскаго управленія, поставленнаго, вдобавокъ, какъ специфически-крестьянское управленіе, было допущено правительствомъ въ видѣ мѣры временной, пока не окрѣпнетъ крестьянская реформа, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что крестьянство должно быть включено со временемъ въ ряды управленія на общихъ основаніяхъ, наравнѣ со всѣми другими сословіями, т. е., говоря иначе, должна быть уничтожена всякая сословная обособленность путемъ управленія. Если крестьянство не вполнѣ еще подготовлено къ слитію въ дѣлѣ управленія, то это доказываетъ только полнѣйшую непригодность кастоваго крестьянскаго управленія и настоятельнѣйшую необходимость организаціи сельскаго управленія на основаніяхъ всесословности. Коммиссія весьма благоразумно и осмотрительно приняла во вниманіе относительную неподготовленность крестьянскаго сословія къ слитію съ прочими слоями населенія въ дѣлѣ управленія—и проэктируетъ учрежденіе мировыхъ посредниковъ, на которыхъ долженъ быть возложенъ *«ближайшій надзоръ и попеченіе надъ крестьянскими обществами»*. Это не только не противорѣчитъ всесословности сельскаго управленія, но должно придать ему наибольшую устойчивость, представляя нѣкоторую гарантію въ томъ, что крестьянство, какъ слой населенія наименѣе развитый въ политическомъ отношеніи, не будетъ загнано и затерто другими сословіями, болѣе развитыми и опытными въ дѣлѣ управленія. Какъ ни хорошъ самъ по себѣ принципъ—«думай и заботься каждый самъ о себѣ», но примѣнять его въ такой голой формѣ и въ такомъ серьезномъ государственномъ дѣлѣ, какъ положеніе и судьба сельскаго рабочаго населенія, составляющаго около 80 проц. всего государственнаго населенія,—было-бы, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно. Учрежденіе мировыхъ посредниковъ, какъ спеціальныхъ радѣтелей о нуждахъ крестьянства, обязанныхъ отстаивать ихъ интересы, разъяснять имъ ихъ права и

Digitized by Google

обязанности,—мѣра въ высшей степени благоразумная и симпатичная, и она можетъ принести большую пользу, если эти мировые посредники напомнятъ собою посредниковъ «перваго призыва» при освобожденіи крестьянъ.

Наконецъ, чтобы заключить рѣчь объ организаціи уѣзднаго управленія, необходимо еще замѣтить, что въ проэктѣ коммиссіи весьма опредѣленно указывается на необходимость снятія съ полиціи всѣхъ несвойственныхъ ей обязанностей, т. е. иначе—на необходимость полнаго разграниченія полиціи благосостоянія, отъ полиціи безопасности. Такъ какъ во главѣ уѣзднаго управленія должно стоять выбранное земствомъ лицо, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и начальникомъ всей уѣздной полиціи. Такимъ образомъ, обязанности и подчиненность полиціи, а также отношеніе ея къ остальнымъ органамъ мѣстнаго управленія, кореннымъ образомъ измѣняются, притомъ—безусловно къ лучшему.

Съ принципіальной точки зрѣнія, въ организаціи управленія возможно держаться одного изъ двухъ направленій: или общественное управленіе подъ контролемъ правительства, или правительственное управленіе подъ контролемъ общества. Проэктируемое коммиссіею переустройство уѣзднаго управленія довольно близко подходитъ къ первой формулѣ. Нельзя того же сказать объ организаціи губернскаго управленія, къ которому мы и обратимся теперь.

По проэкту коммиссіи, всѣ существующія нынѣ губернскія учрежденія подлежатъ замѣнѣ однимъ общимъ смѣшаннымъ присутствіемъ, «*снабженнымъ достаточными полномочіями и средствами*» и подчиненнымъ правительствующему сенату. Въ составъ этого присутствія входятъ: начальникъ губерніи, какъ предсѣдатель присутствія, вице-губернаторъ, предсѣдатель губернской земской управы, одинъ непремѣнный членъ по избранію губернскаго земства, прокуроръ окружнаго суда, губернскій предводитель дворянства, начальникъ финансоваго управленія въ губерніи и, наконецъ, другія должностныя лица, участвующія при обсужденіи дѣлъ ввѣренныхъ имъ частей. Но не всѣ дѣла подлежатъ вѣдѣнію смѣшаннаго коллегіальнаго присутствія: значительная часть дѣлъ, притомъ весьма существенныхъ, остается въ единоличномъ вѣдѣніи губернатора. Такимъ образомъ, по смѣшанному характеру губернскаго управленія, оно не подходитъ, съ точки зрѣнія принципа, ни подъ одну изъ указанныхъ нами формулъ управленія, выработанныхъ и установленныхъ вѣками, тяжкимъ опытомъ человѣческой жизни и усиліями науки. Кромѣ того, власти губернатора данъ значительный перевѣсъ надъ всѣмъ коллегіальнымъ присутствіемъ. Впрочемъ, надо также принять во вниманіе и то, что коммиссія не имѣла права ка-

Digitized by Google

саться вопроса о центральномъ управленіи; оставляя же эту отрасль государственнаго управленія во всей ея неприкосновенности,—коммиссія не могла придать губернскому управленію иной формулы, кромѣ той, какая выработана ею.

Подводя итогъ проэктируемому коммиссіею переустройству мѣстнаго управленія, можно сказать, что коммиссія сдѣлала въ этомъ отношеніи и *много*, и *мало*. «Много»—если цѣнить проэкты коммиссіи примѣнительно къ тому, что имѣется теперь; *мало*—если имѣть въ виду нѣкоторую недоконченность и невыдержанность принципа въ переустройствѣ мѣстныхъ учрежденій и согласованіи началъ уѣзднаго управленія съ губернскимъ. Такъ, напримѣръ, одно устраненіе бумажнаго дѣлопроизводства и бездушнаго формализма въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, вслѣдствіе объединенія всѣхъ учрежденій въ два коллегіальныя присутствія—губернское и уѣздное,—представляетъ такое существенное нововведеніе, котораго нельзя не привѣтствовать. Но нельзя при этомъ упускать изъ виду, что *объединеніемъ* только тогда достигается *органическое единство*, если черезъ всѣ части объединяемаго проходитъ одно руководящее начало. При всемъ искреннемъ стремленіи коммиссіи объединить все мѣстное управленіе, цѣль эта однако осталась невполнѣ достигнутою. Введеніе въ губернское управленіе смѣшаннаго начала, съ преобладаніемъ губернаторской власти, привело къ тому, что коммиссія не въ состояніи была ясно формулировать функціи каждаго изъ мѣстныхъ учрежденій, точно установить порядокъ подчиненности и взаимнаго отношенія между собою всѣхъ органовъ мѣстнаго управленія. При условіи проэктируемой коммиссіею организаціи уѣзднаго и губернскаго управленія, устраняется тотъ ужасный антагонизмъ между общественнымъ и административнымъ управленіемъ, съ которымъ мы прожили уже около 19-ти лѣтъ. Но, съ другой стороны, открывается полный просторъ административному давленію на все уѣздное общественное управленіе. Къ сожалѣнію, въ проэктѣ коммиссіи мы не видимъ никакихъ почти гарантій, что уѣздное общественное управленіе не можетъ быть обезличено, до такой даже мѣры, какъ обезличено было, напримѣръ, крестьянское общественное управленіе. Все зависитъ прежде всего отъ губернатора, и затѣмъ отъ личнаго состава губернскаго присутствія, въ которомъ огромное большинство членовъ стоитъ внѣ общественнаго избранія. Между тѣмъ, порядокъ контроля надъ дѣятельностью губернскаго присутствія и губернатора въ частности—остается открытымъ вопросомъ.

Въ настоящее время, работы кахановской коммиссіи вступили въ новый фазисъ. Выработанныя коммиссіею предположенія сообщены начальникамъ губерній для доставленія по нимъ сво-

Digitized by Google

ихъ соображеній къ 1-му января наступающаго года. Трудно сказать, насколько компетентны начальники губерній въ рѣшеніи такого обширнаго и капитальнаго государственнаго вопроса, какъ вопросъ о мѣстномъ управленіи, надъ разработкою котораго трудились спеціалисты дѣла болѣе двухъ лѣтъ. Но дѣло не въ этомъ. Провѣрка трудовъ коммиссіи не только желательна, но и въ высшей степени необходима. Но провѣрять эти работы, точнѣе—оцѣнивать ихъ значеніе, въ примѣненіи къ практической жизни, путемъ отбиранія отдѣльныхъ мнѣній у губернаторовъ или земствъ,—весьма неудовлетворительный пріемъ. Здѣсь необходимо сообща обсудить дѣло,—привести въ соприкосновеніе различныя мнѣнія,—и тогда только выяснится истина въ должной мѣрѣ. Проэкты кахановской коммиссіи касаются не однихъ только административныхъ, но и общественныхъ учрежденій; значитъ, въ видахъ пользы дѣла, необходимо выслушать мнѣнія и городовъ и земствъ,—выслушать, опять-таки, не въ одиночку, а давъ имъ возможность высказаться и обсудить дѣло сообща. Въ этомъ отношеніи, крайне желателенъ и полезенъ былъ-бы съѣздъ общественныхъ представителей, съ участіемъ также и членовъ мѣстной администраціи, для совмѣстнаго обсужденія выработанныхъ коммиссіею проэктовъ. Это значительно облегчило-бы труды государственнаго совѣта, на окончательное рѣшеніе котораго долженъ, въ скоромъ времени, поступить вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія. Мы высоко цѣнимъ труды кахановской коммиссіи. Коммиссія, въ предѣлахъ предоставленныхъ ей правъ и рамокъ дѣятельности, честно выполнила свою задачу. Недостатки проэктовъ, выработанныхъ коммиссіею, обусловливаются причинами, лежащими внѣ ея. Но, тѣмъ не менѣе, проэкты коммиссіи—отвлеченная кабинетная работа. Поэтому, въ видахъ справедливаго и осмотрительнаго рѣшенія вопроса, необходимо дополнить эти проэкты мнѣніями людей, стоящихъ непосредственно у практической жизни, притомъ не однихъ только администраторовъ, но и общественныхъ представителей, которые стоятъ къ народной жизни ближе администраторовъ и болѣе глубоко знакомы съ мѣстными нуждами.

Между тѣмъ, урегулировать должнымъ образомъ мѣстное управленіе, согласовать его дѣятельность съ дѣятельностью центральнаго управленія, поставить два эти фактора государственнаго управленія въ такія отношенія, чтобы они взаимно помогали другъ другу и дѣятельность одного не парализовалась-бы дѣятельностью другаго,—это значитъ, иначе, урегулировать всю народную жизнь, въ сферѣ матеріальной и нравственной, въ чемъ чувствуется нынѣ такая настоятельнѣйшая необходимость. Возьмемъ, для примѣра, исторію вопроса о подоходномъ налогѣ. Прошло болѣе 20-ти лѣтъ уже, какъ правительствомъ признана

Digitized by Google

необходимость отмѣнить подушную подать. Какъ извѣстно, вопросъ о замѣнѣ подушной подати инымъ родомъ налога вызвалъ замѣчательно единодушное рѣшеніе земствъ въ пользу подоходнаго налога, какъ наиболѣе выгоднаго для государства по размѣрамъ сбора, наиболѣе справедливаго въ нравственномъ отношеніи и, потому, наименѣе обременительнаго для населенія. Но заключенія земствъ въ пользу подоходнаго налога не имѣли послѣдствіемъ практическаго примѣненія этой мѣры. Причина вполнѣ понятна. Для того, чтобы подоходный налогъ былъ, дѣйствительно, мѣрою вполнѣ справедливою въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, а не величайшимъ насиліемъ для каждаго и всѣхъ,—онъ можетъ быть введенъ не иначе, какъ на основаніяхъ *самообложенія* населенія; а для этого необходимы соотвѣтствующіе органы мѣстнаго управленія, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ не имѣется, и которыхъ русское общество съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ отъ переустройства мѣстнаго управленія. Но жизнь рѣшительно не мирится съ личной подушной податью, и правительство вынуждено было приступить къ постепенной отмѣнѣ этого рода налога, доставлявшаго казнѣ 65.000,000 рублей въ годъ. Нужно, значитъ, во что бы то ни стало, найти источникъ дохода для покрытія этой суммы и, сверхъ того, бюджетныхъ дефицитовъ, составляющихъ довольно обычное явленіе. Естественный и даже единственно возможный для государства источникъ—подоходный налогъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, особая, состоявшая при министерствѣ финансовъ коммиссія выработала полный проэктъ подоходнаго налога, со всѣхъ родовъ имущества, кромѣ недвижимаго. По проэкту финансовой коммиссіи, подоходный налогъ, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими второстепенными налогами, которые также предполагалось установить, съ избыткомъ возмѣщалъ-бы сумму, взимаемую отъ личной подушной подати. Не смотря на нѣкоторые недостатки проэкта финансовой коммиссіи, легко, впрочемъ, устранимые,—недостатки, обусловливаемые теоретичностью и замкнутостью кабинетной работы,—проэктъ подоходнаго налога остался безъ всякаго движенія, просто-на-просто положенъ былъ подъ сукно два года тому назадъ. Причина, разумѣется, все та же: нельзя сколько-нибудь справедливо примѣнить на дѣлѣ подоходный налогъ, не заручившись такими органами управленія, при помощи которыхъ налогъ этотъ былъ-бы введенъ на основаніяхъ самообложенія,—какъ это обязательно должно быть, какъ это практикуется рѣшительно всюду, гдѣ только подоходный налогъ имѣетъ примѣненіе. Безъ предоставленія же населенію правъ самообложенія, подоходный налогъ — эта благодѣтельнѣйшая для государства и населенія мѣра въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ—неминуемо долженъ обратиться въ

Digitized by Google

самое мучительнѣйшее бремя для всѣхъ слоевъ и классовъ государственнаго населенія, въ орудіе самыхъ жестокихъ насилій и злоупотребленій. Но жизнь не ждетъ. Приступивъ къ отмѣнѣ личной подушной подати, необходимо, въ то же время, изыскивать матеріальныя средства, чтобы покрыть недочеты въ государственныхъ сборахъ. Въ виду этого, министерствомъ финансовъ недавно опубликованъ «Проэктъ правилъ о процентномъ сборѣ съ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій». Говоря иначе, министерство финансовъ проэктируетъ подоходный налогъ, но только не въ видѣ общей мѣры, а какъ мѣру частную, какъ подспорье иной системы обложенія, — что вдвойнѣ несимпатично и нераціонально. Во-первыхъ, подоходный налогъ можетъ имѣть значеніе мѣры справедливой, только какъ мѣра общегосударственная, охватывающая всѣ роды доходности. Во-вторыхъ, если безъ предоставленія самообложенія населенію рѣшительно невозможно осуществить подоходный налогъ, какъ мѣру общую, то тѣмъ болѣе невозможно примѣнить его, какъ мѣру частную, въ отношеніи лишь къ однимъ «значительнымъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ». Да это понимаютъ и сами составители «проэкта правилъ», такъ что весь проэктъ, можно сказать, отъ начала до конца проникнутъ опасеніями, чтобы предупредить ошибки и неизбѣжные съ ними убытки для казны; въ каждой строчкѣ проэкта сквозитъ боязнь, какъ-бы, въ погонѣ за новымъ сборомъ, не упустить стараго. И ошибки непремѣнно будутъ, — будутъ убытки для казны и, въ то же время, обременительныя для массы бѣднѣйшихъ плательщиковъ несправедливости въ установленіи «процентнаго (т. е. подоходнаго) сбора». Не спасутъ отъ этихъ ошибокъ, несправедливостей и убытковъ для казны ни земство, въ пользу котораго проэктируется нѣкоторая доля сбора, ни тѣмъ болѣе предполагаемое учрежденіе при казенныхъ палатахъ новаго органа—окладнаго присутствія.

Словомъ, исторія вопроса о подоходномъ налогѣ въ высшей степени назидательна. Здѣсь, во всей осязательности, мы видимъ подтвержденіе старой и вѣчно свѣжей истины, что никакое сколько-нибудь существенное улучшеніе въ сферѣ административной и финансовой рѣшительно невозможно безъ кореннаго улучшенія системы управленія, тѣмъ болѣе же—безъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій. Одно изъ существеннѣйшихъ условій этого преобразованія состоитъ въ томъ, что организація мѣстнаго управленія должна охватить собою всѣ слои и классы населенія, сблизить и объединить ихъ, притомъ такъ, чтобы интересы всѣхъ слоевъ населенія были равномѣрно представлены, чтобы каждый и всѣ находили въ мѣстномъ управленіи справедливую защиту и помощь. Тогда подоходный налогъ осуществится

Digitized by Google

самъ собою, естественнымъ путемъ, какъ мѣра общегосударственная,—осуществится на самыхъ раціональныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, въ чемъ такъ существенно заинтересованы и правительственная власть, и населеніе. Тягота общегосударственныхъ и мѣстныхъ повинностей спадетъ съ усталыхъ плечъ рабочаго класса и равномѣрно распредѣлится между всѣми слоями населенія, сообразно достатку. Благодѣтельныя послѣдствія этой мѣры чрезвычайно велики.

Съ принципіальной точки зрѣнія, нельзя не придавать особеннаго значенія тому факту, что такое компетентное учрежденіе, какъ коммиссія по пересмотру мѣстныхъ учрежденій, отвела самое видное мѣсто земскому всесословному началу въ своемъ проэктѣ организаціи уѣзднаго управленія. Разумѣется, коммиссія должна была имѣть для этого слишкомъ вѣскія основанія,—и основанія эти общеизвѣстны. Какъ ни велики органическіе недостатки нашихъ общественныхъ учрежденій, но, тѣмъ не менѣе, веденіе мѣстнаго хозяйства, за время дѣятельности общественныхъ учрежденій, представляетъ, въ общей сложности, прогрессъ, а не регрессъ. Вся бѣда лишь въ томъ, что этотъ прогрессъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ практической жизни,—и общественныя учрежденія оказываются недостаточно авторитетными въ глазахъ населенія, не удовлетворяютъ условіямъ и потребностямъ современной жизни. Признавая фактъ, что эти учрежденія, въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, рѣшительно непригодны для жизни, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, какъ живой, положительный фактъ, что преимущество общественнаго веденія мѣстнаго хозяйства вписано уже на страницахъ нашей исторіи вовѣки неизгладимыми штрихами. Въ ряду дѣйствующихъ нынѣ общественныхъ учрежденій, земство, какъ учрежденіе, наиболѣе приближающееся къ принципу всесословности, занимаетъ самое видное мѣсто по степени производительности своей общественной дѣятельности. Самое низшее мѣсто занимаетъ кастовое крестьянское quasi-общественное управленіе, настолько общеизвѣстное своею безличностью, безправностью и уклоненіями отъ закона, что о немъ излишне даже и распространяться въ данномъ случаѣ. Къ крестьянскому управленію чрезвычайно близко подходитъ и городское, именно потому, что въ сущности оно поражено тѣмъ же недугомъ кастоваго характера, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Здѣсь всѣмъ орудуетъ и заправляетъ торгово-кулацкій элементъ, которому, говоря вообще, также чужды общественные интересы, какъ и сельскимъ Колупаевымъ, окончательно убившимъ недужное отъ природы крестьянское управленіе. Этотъ первородный грѣхъ городскаго управленія имѣетъ настолько общій характеръ, что онъ съ поразительною ясностью обрисовывается даже и въ дѣятельности сто-

Digitized by Google

личныхъ городскихъ думъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, напримѣръ, изъ недавно выпущеннаго въ свѣтъ петербургскою думою «Очерка десятилѣтней дѣятельности столичнаго городскаго общественнаго управленія», за промежутокъ времени съ 1873 по 1883 годъ. Недуги, одолѣвающіе городское управленіе, имѣютъ внѣшній и внутренній характеръ. Обрисуемъ ихъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, руководствуясь исключительно названнымъ оффиціальнымъ трудомъ петербургской городской думы.

По «Городовому положенію» 1870 года, городское управленіе представляетъ собою лишь самый незначительный процентъ жителей, сравнительно со всею массою городскаго населенія. Такъ напримѣръ, въ 1873 году въ Петербургѣ, изъ 660,000 населенія, только 18,590 человѣкъ пользовались правомъ избранія, но и изъ нихъ *приняли участіе въ выборахъ лишь 1,411 человѣкъ*! Въ 1881 году, когда населеніе столицы возросло до 860,000 человѣкъ, количество лицъ, имѣющихъ право избранія, упало до 17,741 человѣка, и изъ этого числа *приняли участіе въ выборахъ только 2,730 человѣкъ*! По точному же смыслу закона (ст. 54 «Город. положенія»), «городская дума представляетъ собою *все* городское общество» и, сверхъ того, «дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ требуетъ общественнаго постановленія или приговора». Между тѣмъ,—какъ видно изъ только что приведенныхъ цифръ за минувшее десятилѣтіе петербургскаго городскаго управленія,—*лишь около 2%* столичнаго населенія пользовались правомъ избирать и быть избираемыми; да и изъ этого незначительнаго количества едва *одна десятая* часть воспользовалась этимъ правомъ въ дѣйствительности! Эти цифры вполнѣ доказательно говорятъ о томъ, что та среда, на долю которой выпало преимущественное, почти даже исключительное право избранія, далеко ниже пониманія предоставленныхъ ей общественныхъ правъ и связанныхъ съ ними обязанностей передъ государствомъ и обществомъ. Чтобы еще рельефнѣе показать это,—обратимся къ слѣдующимъ фактамъ. Въ первый періодъ дѣятельности столичнаго городскаго общественнаго управленія (1873—1876 г.) не состоялось 12 засѣданій думы, по неприбытію гласныхъ въ узаконенномъ числѣ (т. е. 51 изъ 252 гласныхъ); среднее же число гласныхъ, посѣщавшихъ засѣданія думы, доходившее въ 1873 году до 110 лицъ, упало въ 1876 году до 88 человѣкъ. Во второй періодъ (1877—1880 г.) не состоялось 9 засѣданій за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ. Въ этотъ періодъ только 20 гласныхъ присутствовали на 200 засѣданіяхъ, а на 63—отсутствовали; 123 гласныхъ присутствовали отъ 100 до 200 разъ и отъ 100 до 183 отсутствовали; 109 гласныхъ присутствовали отъ 1 до 100 разъ и отсутствовали отъ 163 до 262 разъ (всѣхъ

Digitized by Google

же засѣданій въ этотъ періодъ было 263). Въ 1880 году, *30* гласныхъ *ни разу не явились на засѣданіе*. Наконецъ, 4 гласныхъ *вовсе* не явились на засѣданія, — ни *одного раза* за всѣ 4 года.

Комментаріи къ этому излишни. Гласные уклоняются отъ исполненія добровольно принятыхъ ими на себя обязанностей, манкируютъ засѣданіями думы, а между тѣмъ, на основаніи 67 ст. «Городоваго положенія», разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ городскаго управленія требуетъ присутствія половины гласныхъ и двухъ-третей большинства голосовъ при баллотировкѣ. Вотъ почему важнѣйшія дѣла городскаго хозяйства и управленія повторяются нерѣдко на повѣсткахъ гласнымъ до *22-хъ разъ*. Не удивительно, поэтому, что нѣкоторыя дѣла, возбужденныя еще при старой, такъ-называемой «общей думѣ», переходятъ *неразрѣшенными* во *второе* десятилѣтіе новой думы, на началахъ «Городоваго положенія» 1870 года. Сюда относится, напримѣръ, чрезвычайно важное дѣло—«о переложеніи натуральной повинности по содержанію въ столицѣ мостовыхъ въ денежную». Дѣло это возбуждено *12* лѣтъ тому назадъ!!.. Само собою разумѣется, что непосѣщеніе гласными засѣданій думы, пассивное отношеніе ихъ къ ходу дѣлъ городскаго управленія—очень часто (если даже не въ большинствѣ случаевъ) обращаютъ засѣданія думы въ безпорядочную, а иногда и прямо позорную, *говорильню*. Такъ, напримѣръ, въ первый періодъ думской дѣятельности (1873—1876 г.), были гласные, которые говорили отъ 224 до 256 разъ въ годъ, тогда какъ всѣхъ засѣданій, въ теченіе 4 лѣтъ, было 288; а бывали и такія засѣданія, когда одинъ гласный въ одно засѣданіе говорилъ по одному и тому же вопросу, до *10-ти разъ*!.. Гдѣ найти другую такую же праздную «говорильню»? О какомъ порядкѣ разрѣшенія дѣлъ можетъ быть рѣчь при такомъ *необуздантомъ словоизверженіи*?..

Наконецъ, чтобы ясно представить себѣ безпорядочность думскаго веденія дѣлъ, нужно принять во вниманіе отсутствіе какого бы то ни было разграниченія между думою, какъ учрежденіемъ распорядительнымъ, и управою, какъ органомъ исполнительнымъ, причемъ городской голова предсѣдательствуетъ и въ управѣ и въ думѣ,—т. е. въ качествѣ предсѣдателя думы контролируетъ самого же себя, какъ предсѣдателя управы. Это означаетъ иначе, что даже столичною думою, въ теченіе 10-ти лѣтъ, не выработаны и не установлены основныя начала управленія, безъ чего механизмъ веденія городскаго хозяйства не можетъ работать мало-мальски удовлетворительно. Прямымъ слѣдствіемъ этого является безчисленное множество всевозможныхъ коммиссій, гдѣ дѣла затягиваются, залеживаются по 10-ти и болѣе лѣтъ или рѣшаются и переиначиваются самымъ нелѣпымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе 10-ти лѣтъ практики но-

Digitized by Google

вой городской думы, со сцены не сходилъ вопросъ объ улучшеніи состава думы, о болѣе нормальномъ и справедливомъ представительствѣ интересовъ населенія въ городскомъ управленіи, такъ чтобы оно могло имѣть хотя нѣкоторое право на названіе *общественнаго учрежденія*, а не учрежденія преимущественно для торгово-мацлаческаго слоя, т. е. иначе — низшаго слоя городскаго населенія. Печальная участь роковымъ образомъ постигала этотъ важнѣйшій вопросъ городскаго управленія: онъ обыкновенно передавался въ коммиссіи—и тамъ неизбѣжно погибалъ до новаго возбужденія его въ думѣ только затѣмъ, чтобы вновь похоронить въ нѣдрахъ коммиссій. И понятно. Низшій слой городскаго населенія, совершенно неожиданно для самого себя, получилъ исключительное вліяніе на дѣла городскаго хозяйства и управленія. Невозможно ожидать, чтобы безъ энергическаго вмѣшательства правительства этотъ кулаческій слой добровольно поступился такими важными правами и преимуществами въ пользу остальныхъ слоевъ городскаго населенія, — хотя это такъ необходимо въ интересахъ городскаго хозяйства и управленія, хотя каждый фактъ изъ дѣятельности городскихъ думъ самымъ осязательнѣйшимъ образомъ доказываетъ всю безотложность коренного измѣненія порядковъ городскаго представительства, въ интересахъ всѣхъ слоевъ городскаго населенія.

Вотъ главнѣйшіе изъ внутреннихъ органическихъ пороковъ городскаго управленія. Затѣмъ, еще остаются недуги внѣшняго свойства.—По мысли законодателя, «попеченіе и распоряженіе по городскому хозяйству и благоустройству предоставляется городскому общественному управленію»; на администрацію же возлагается «надзоръ за законнымъ сего исполненіемъ», притомъ— «на точномъ основаніи правилъ», установленныхъ «Городовымъ положеніемъ» (ст. 1). «Городское общественное управленіе,— говорится далѣе, въ ст. 5 «Положенія»,—въ предѣлахъ предоставленной ему власти, дѣйствуетъ *самостоятельно*». Статья 103 «Положенія» даетъ право городской думѣ издавать, согласно закону, «обязательныя для городскихъ жителей постановленія», относящіяся къ городскому благоустройству; что же касается «полицейскихъ чиновъ», то, по ст. 107-й «Положенія», они «обязаны наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленій», изданныхъ думою, «и принимать возложенныя на нихъ въ этомъ отношеніи мѣры». Словомъ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія закона,—можетъ казаться, что веденіе городскаго хозяйства не должно вызывать никакихъ недоразумѣній и столкновеній съ администраціею. Но не такъ происходитъ въ дѣйствительности. Въ законѣ не разграничены, съ должною точностью и опредѣлительностью, права и обязанности городскаго управ-

Digitized by Google

ленія и администраціи въ отношеніи городскаго хозяйства. Десятилѣтняя же давность городскаго управленія не только не подвинула дѣла впередъ, но еще болѣе запутала и осложнила его, такъ что, въ настоящее время, нѣтъ рѣшительно ни одной области городскаго хозяйства, въ отношеніи которой можно было бы ясно опредѣлить, гдѣ кончаются права администраціи и начинаются полномочія городскаго управленія. Обращаясь къ названному выше очерку дѣятельности петербургскаго городскаго общественнаго управленія за минувшее десятилѣтіе, мы находимъ во всѣхъ отрасляхъ городскаго хозяйства массу заявленій и ходатайствъ, которыя или оставлялись административными учрежденіями безъ всякаго отвѣта, или не направлялись по назначенію, или отвергались безъ всякихъ мотивовъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, не можетъ не тормозить ходъ дѣлъ городскаго хозяйства и управленія, не можетъ не наносить имъ болѣе пли менѣе существеннаго ущерба. Не смотря на такія неблагопріятныя условія, въ городскомъ хозяйствѣ все же замѣтно движеніе впередъ. Городскіе доходы возросли съ 3.652,374 руб. на 5.207,448 рублей. Во всѣхъ отрасляхъ городскаго хозяйства, начиная съ народнаго образованія, медицинской части, благотворительности и продовольствія столицы и кончая благоустройствомъ города, есть очевидный прогрессъ. Это доказываетъ только живучесть и благотворность принципа общественнаго управленія. Горсть, незначительное меньшинство интеллигентныхъ людей, попадающихъ какъ-бы случайно въ составъ городскаго управленія, все-таки можетъ, не смотря на разнообразнѣйшія препятствія, толкать понемногу впередъ городское хозяйство. Но эти успѣхи въ городскомъ хозяйствѣ не соотвѣтствуютъ росту жизни,—и оно, въ общей сложности, отстаетъ отъ безостановочнаго наростанія потребностей и осложненія ихъ вслѣдствіе неудовлетворенности. Отсюда естественно является недовольство городскимъ управленіемъ и его представителями, которые по недоразумѣнію называются «общественными», — недовѣріе къ нимъ. На частномъ примѣрѣ недостатковъ и неудовлетворительности организаціи городскаго управленія вполнѣ обрисовываются всѣ тѣ стороны, которыя обязательно должны быть устранены при ожидаемомъ преобразованіи мѣстнаго управленія, для того чтобы создать сильное по своей правоспособности, а потому и авторитетное въ глазахъ населенія, мѣстное управленіе.

Задача этого управленія чрезвычайно обширна, можно даже сказать — *всеобъемлюща*. Нѣтъ такого уголка практической жизни и народной дѣятельности, гдѣ не требовалось бы кореннаго преобразованія всего мѣстнаго управленія. Вотъ, напримѣръ, желѣзнодорожное наше дѣло. Это — не только боль-

Digitized by Google

ное мѣсто, но просто — недугъ въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, — недугъ рѣшительно неисцѣлимый при нынѣшнемъ строѣ мѣстнаго управленія. Каковы симптомы этого недуга и какой вредъ причиняетъ онъ всему государственному организму, — это, полагаемъ, достаточно ясно нашимъ читателямъ изъ тѣхъ статей, которыя помѣщены въ нашемъ журналѣ въ прошломъ и нынѣшнемъ году по желѣзнодорожному вопросу. Не можетъ быть спора, что желѣзнодорожное хозяйство должно быть изъято изъ частныхъ рукъ и передано въ вѣдѣніе правительства. Но вотъ вопросъ: какимъ именно органамъ поручить завѣдываніе желѣзнодорожнымъ дѣломъ? Легко сказать — «поручить завѣдываніе желѣзными дорогами чиновникамъ». Но кто будетъ назначать этихъ чиновниковъ и какъ они будутъ контролироваться?—Вопросы очень серьезные. Мы извѣдали уже въ прошломъ всю сладость чиновничьяго хозяйничанья на желѣзныхъ дорогахъ, которое и заставило правительство обратиться къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частнымъ путемъ,—этому несправедливѣйшему способу, обусловленному, однако, именно чиновничьими злоупотребленіями и безконтрольностью по постройкамъ и завѣдыванію казенными желѣзными дорогами. Да, наконецъ, развѣ частныя желѣзнодорожныя общества и управленія могли бы довести желѣзнодорожное хозяйство до такого вопіющаго безпорядка, еслибы имъ не помогалъ дѣятельнѣйшимъ образомъ чиновно-канцелярскій міръ? Считая излишнимъ останавливаться здѣсь на общеизвѣстныхъ фактахъ чиновничьихъ злоупотребленій по желѣзнодорожному управленію, приведемъ маленькій эпизодъ объ Анапѣ и Новороссійскѣ, какъ портовыхъ городахъ, — насколько успѣлъ этотъ эпизодъ разъясниться въ печати.

Въ 1881 году, министерство путей сообщенія проэктировало устройство порта въ Анапѣ. Но государственный совѣтъ нашелъ невозможнымъ ассигновать необходимую на устройство порта сумму въ размѣрѣ 2.500,000 рублей, «по случаю затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ», какъ объ этомъ и было сообщено жителямъ Анапы, нетерпѣливо ожидавшимъ разрѣшенія устройства порта. Въ это же самое время, бывшій начальникъ кубанской области, генералъ Кармалинъ, «по иниціативѣ извѣстнаго аферіста, американца Тведля,—какъ увѣряетъ одна изъ большихъ московскихъ газетъ, — возбудилъ вопросъ о сооруженіи вѣтви отъ линіи владикавказской желѣзной дороги до Новороссійска (въ 40-верстномъ разстояніи отъ Анапы) и объ устройствѣ въ Новороссійскѣ порта». Газета прибавляетъ при этомъ, что «въ Новороссійскѣ г. Тведль основалъ свою резиденцію въ сообществѣ камергера Бодиско». Какъ бы то ни было, но въ началѣ прошлаго года, когда населеніе Анапы окон-

Digitized by Google

чательно разочаровалось на счетъ возможности имѣть въ своемъ городѣ портъ, требуемый условіями торговли и естественнымъ положеніемъ города, «на новороссійскихъ болотахъ начаты были изысканія для сооруженія порта». Нужно замѣтить, что для Анапы требовалось 2.500,000 р. на *два* сооруженія—на устройство порта и соединительнаго канала съ Кубанью. Результатомъ же изысканій на новороссійскихъ болотахъ явилась смѣта на сооруженіе *одного* только порта въ Новороссійскѣ, по которой расходъ на-этотъ предметъ опредѣлялся въ 1.500,000 рублей. Смѣта эта была представлена впослѣдствіи Дондуковымъ-Корсаковымъ министру путей сообщенія. Несмотря на «затруднительность финансовыхъ обстоятельствъ»,—о чемъ сообщалось жителямъ Анапы, — устройство порта въ Новороссійскѣ показалось почему-то центральнымъ петербургскимъ учрежденіямъ, въ томъ числѣ и министерству финансовъ, очень соблазнительнымъ. Назначена была особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ г. Соболевскаго, съ участіемъ въ ней членовъ отъ министерствъ — внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и военнаго, для провѣрки смѣты сооруженія новороссійскаго порта. И что же?—На повѣрку оказалось, что устройство порта въ Новороссійскѣ должно обойтись не въ 1.500,000 рублей, а, по меньшей мѣрѣ, въ 4.500,000 рублей, да и то «только въ томъ случаѣ, если потребный для его постройки цементъ будетъ пріобрѣтенъ не у мѣстныхъ заводчиковъ Ливена и генерала Адамовича, у которыхъ этотъ матеріалъ на 25 коп. съ пуда дороже цемента, выписываемаго изъ-за границы». Но и это еще не все. Соединеніе Анапы каналомъ съ рѣкою Кубанью въ высшей степени важно въ видахъ оживленія торговли богатѣйшаго сѣвера Кавказа, для котораго устройство порта въ Анапѣ—одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ. Но это крайне нежелательно для общества ростово-владикавказской желѣзной дороги, которое разсчитываетъ принять на себя сооруженіе рельсовой вѣтви къ морю. Поэтому г. Тведль и комп. имѣетъ энергическаго союзника въ лицѣ общества ростово-владикавказской желѣзной дороги, которое «принимаетъ въ Петербургѣ всѣ мѣры противъ анапскаго порта». Между тѣмъ сооруженіе желѣзнодорожной вѣтви сопряжено съ бо́льшими расходами и бо́льшимъ рискомъ для правительства, чѣмъ прорытіе канала къ рѣкѣ Кубани. Съ другой стороны, доставка грузовъ водянымъ путемъ несравненно дешевле транспортированія ихъ по желѣзнымъ дорогамъ, особенно же при нашихъ хищническихъ желѣзнодорожныхъ порядкахъ.

Мы воспроизвели лишь фактическую сторону характернаго эпизода объ устройствѣ порта въ Анапѣ и Новороссійскѣ, но не беремся категорически рѣшать изъ кабинетнаго далека, который изъ городовъ болѣе правъ—Анапа или Новороссійскъ,—хотя извѣст-

Digitized by Google

ныя намъ данныя и говорятъ въ пользу перваго города. Полагаемъ также, что не менѣе трудно рѣшить эти вопросы и въ кабинетной тиши департаментовъ и министерствъ,—для этого необходимо до тонкости знать всѣ условія мѣстной жизни. На этомъ эпизодѣ объ устройствѣ порта въ Анапѣ или Новороссійскѣ вполнѣ рельефно обрисовывается вопросъ о порядкѣ завѣдыванія, вообще, путями сообщенія. Желѣзныя дороги и всѣ остальные пути сообщенія, а также телеграфныя и телефонныя сношенія должны быть въ полномъ вѣдѣніи правительства; но агентомъ въ завѣдываніи и управленіи этими важными и въ высшей степени щекотливыми отраслями государственнаго хозяйства должно и можетъ быть только мѣстное управленіе, прочно и стройно организованное, доступное контролю мѣстнаго общества во всей своей дѣятельности. Тогда чиновникъ, какъ довѣренное лицо мѣстнаго управленія, контролирующаго каждый шагъ его дѣятельности, будетъ заслуживать полнаго довѣрія по завѣдыванію всевозможными путями сообщенія и сношеній. Тогда, съ другой стороны, невозможны будутъ эпизоды, въ родѣ анапско-новороссійскаго; а такихъ эпизодовъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много.

Отказываясь рѣшать окончательно вопросъ объ устройствѣ порта въ пользу Анапы или Новороссійска, мы, тѣмъ не менѣе, должны констатировать, что устройство порта составляетъ для Анапы настоятельную потребность (хотя, съ другой стороны, есть нѣкоторые болѣе слабые доводы и въ пользу Новороссійска), что между населеніемъ Анапы довольно настойчиво бродитъ въ послѣднее время мысль объ устройствѣ порта на собственныя средства. Но, какъ извѣстно, вопросъ не всегда заключается въ подобныхъ случаяхъ только въ средствахъ:—иногда получить требуемое разрѣшеніе несравненно труднѣе, чѣмъ добыть средства на то или другое предпріятіе. Весьма поучительный, въ этомъ отношеніи, фактъ сообщаетъ «Новое Время» о бековской желѣзнодорожной вѣтви, соединяющей богатое имѣніе Бековo, принадлежащее г. Устинову, со станціей Сосновкой, саратовско-тамбовской линіи. Желѣзнодорожная линія прошла въ 14-ти верстахъ отъ Бекова, и оно сильно упало въ торгово-промышленномъ отношеніи. Г. Устиновъ, набравъ рабочихъ, заготовилъ матеріалъ, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о разрѣшеніи выстроить желѣзнодорожную вѣтвь отъ Бекова до Сосновки. Вотъ какъ разсказываетъ корреспондентъ «Новаго Времени» результаты этой поѣздки:

«— Дозвольте, ваше сіятельство,—обращается г. Устиновъ къ графу Бобринскому, бывшему министру путей сообщенія,—дозвольте на моей землѣ и на мои собственныя деньги выстроить желѣзную дорогу...

Digitized by Google

«— Прекрасно, отвѣчаетъ министръ,—какъ вы хотите строить ее: на концессіонерскомъ, акціонерномъ или личномъ правѣ?

«Г. Устиновъ не ожидалъ вопроса и попросилъ дать ему время обдумать предложеніе. Обдумавъ, рѣшилъ и снова идетъ къ министру.

«— Увы! встрѣчаетъ его графъ:—не могу дозволить вамъ постройку дороги: у насъ еще нѣтъ закона, предусматривающаго возведеніе рельсоваго пути *на свои деньги и на своей землѣ* (?!)

«Долго хлопоталъ г. Устиновъ, стараясь обойти столь неожиданное препятствіе, но вездѣ получалъ одинъ отвѣтъ: погодите, вотъ канцеляріи заготовятъ законопроэктъ, департаменты разсмотрятъ его, министры утвердятъ, государственный совѣтъ подпишетъ, сенатъ опубликуетъ, и тогда вамъ навѣрно разрѣшатъ»!

Но экономическая жизнь не ждала «составленія», «разсмотрѣнія» и «утвержденія» *проэкта*: село Бековo быстро шло подъ гору и г. Устинову грозила печальная перспектива. Счастливая случайность надоумила его строить дорогу *безъ разрѣшенія*.

«Быстро повелъ дѣло г. Устиновъ,—говоритъ корреспондентъ «Новаго Времени»:—насыпи, выемки, мосточки, полотно и рельсы были готовы черезъ годъ; всего на сажень не посмѣли они коснуться главнаго пути—тамбово-саратовскаго, какъ незаконное дѣтище своего отца. Опять ѣдетъ храбрый помѣщикъ въ Петербургъ и опять является къ графу. Графъ вспомнилъ его и нахмурился:

«— Знаю, знаю... еще рано, еще проэктъ не готовъ... погодите...

«— Дорога готова, ваше сіятельство, я уже выстроилъ ее, отвѣчаетъ невозмутимо г. Устиновъ.

«Графу чуть дурно не сдѣлалось: онъ очень, очень вспылилъ, а г. Устиновъ предлагаетъ:

«— Не горячитесь, ваше сіятельство; дорога эта стоитъ мнѣ почти полмилліона рублей, но прикажете сломать ее и я сломаю...

«Канцелярія, департаментъ просто устали, ища надлежащаго выхода изъ столь затруднительнаго и запутаннаго дѣла, и наконецъ нашли: *дали г. Устинову разрѣшеніе построить построенную дорогу*. Сегодня дали такое разрѣшеніе, а завтра открыли дорогу, такъ что *по оффиціальнымъ даннымъ дорога выстроена въ одни сутки*, что, очевидно, можетъ ввести въ крупное заблужденіе будущаго историка нашей эпохи».

Въ самомъ дѣлѣ, что если анапцы повторятъ съ устройствомъ канала и порта исторію бековской желѣзнодорожной вѣтви? Разумѣется, нехорошо рѣшать такія серьезныя дѣла *устиновскимъ* пріемомъ; но еще болѣе нехорошо, что въ судьбѣ даже такихъ капитальныхъ мѣстныхъ вопросовъ, какъ разрѣшеніе или неразрѣшеніе устройства порта и прорытія канала, дѣло въ сущности сводится къ тому, кто *лучше умѣетъ* «хлопотать въ Петербургѣ». А между тѣмъ значительная часть самыхъ крупныхъ мѣстныхъ вопросовъ, имѣющихъ первостепенное вліяніе на эконо-

Digitized by Google

мическую жизнь населенія, разрѣшается, главнымъ образомъ, съ помощію пріема «хлопотать». Но когда мѣстное управленіе будетъ организовано гармонично, въ стройной системѣ, съ яснымъ обозначеніемъ предметовъ вѣдомства, своихъ правъ и власти,—тогда не нужно будетъ изощряться по части «хлопотъ въ Петербургѣ»: тогда вопросы мѣстнаго хозяйства, мѣстныхъ пользъ и нуждъ должны разрѣшаться естественнымъ своимъ ходомъ на мѣстѣ, безъ всякихъ спеціальныхъ «хлопотъ» и заботъ.—Это огромное облегченіе и для столицы и для провинціи,—облегченіе притомъ такого качества, что съ нимъ неразрывно связанъ подъемъ, въ лазахъ населенія, авторитета какъ мѣстнаго, такъ и центральнаго управленія, и упроченіе чувства законности. Насколько важно это обстоятельство вообще, — лучшимъ доказательствомъ ому служитъ такъ-называемый еврейскій вопросъ и болѣе чѣмъ вухлѣтнія попытки разрѣшить его путемъ «погромовъ».

«Евреи на цѣломъ земномъ шарѣ—говоритъ «Times», по поводу послѣдняго анти-еврейскаго движенія въ Екатеринославѣ—поступятъ благоразумно, если прямо признаютъ фактъ, что *должна же быть какая нибудь глубокая причина непопулярности*, отъ которой страдаютъ ихъ братья въ Россіи. Нельзя предполагать, что русскіе государственные люди рѣшились во что бы то ни стало преслѣдовать евреевъ, такъ какъ нѣтъ никакого общаго довода государственной политики, который могъ бы оправдать ихъ дѣйствія въ этомъ случаѣ. Но, съ другой стороны, министры должны принимать въ разсчетъ общераспространенную антипатію противъ евреевъ, возбужденную тѣмъ, что они *наложили свою руку на страну въ качествѣ ростовщиковъ и спекуляторовъ во всѣхъ наименѣе достойныхъ промыслахъ*. Многія сельскія общины въ долгу у евреевъ; отдѣльные крестьяне точно также,—и это почти общее правило; многіе землевладѣльцы обнищали, продавая свою жатву, за нѣсколько лѣтъ впередъ, по безмысленно низкой цѣнѣ, ростовщикамъ въ родѣ Шейлока. Евреи могутъ возразить, что они *сдѣлали не болѣе*, какъ *хорошій гешефтъ*, когда обстоятельства имъ благопріятствовали; но *неблагоразумно пользоваться подлымъ средствомъ и выжимать соки изъ своихъ жертвъ, когда онѣ въ крайней нуждѣ*. Занимаясь повсюду *продажей водки*, евреи обвиняются въ томъ, что *продаютъ скверную водку,—продаютъ ее дорого и отпускаютъ водки въ долгъ ровно настолько, насколько нужно, чтобъ забрать въ лапы неосторожнаго посѣтителя еврейскаго кабака* и т. д. Многое изъ того, что случилось и что еще можетъ приключиться не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, гдѣ евреи поселились въ значительномъ количествѣ, *было бы совершенно необъяснимо, если на евреевъ смотрѣть только какъ на мучениковъ за вѣру*».

Этотъ безпристрастный голосъ «міровой» газеты заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что во все время еврейскихъ погромовъ она была самою ревностною защитницею евреевъ,—выставляла ихъ именно «мучениками» и безпощадно клеймила Россію. Но, наконецъ, правда взяла свое. Что касается «рус-

Digitized by Google

скихъ государственныхъ людей», то они не только никогда не «рѣшались во что бы то ни стало преслѣдовать евреевъ» (какъ это недавно доказывалъ «Times»), а напротивъ—не скупились на суровыя мѣры (быть можетъ, даже слишкомъ суровыя) во время всѣхъ погромовъ, начиная съ кіевскаго (въ 1881 году) и кончая нѣжинскимъ, ростовскимъ (на Дону) и екатеринославскимъ. Но что же дѣлать, если евреи (точнѣе—жидовствующая часть еврейскаго населенія, составляющая огромное его большинство) слишкомъ много употребили труда, чтобы воспитать въ русскомъ населеніи чувство глубочайшей ненависти,—такъ что и крутыя мѣры, принимаемыя правительственною властью, вовсе не достигаютъ умиротворенія разбушевавшейся народной вражды противъ евреевъ. Съ другой же стороны, еврейское населеніе слишкомъ далеко отъ рекомендуемаго «Times'омъ» *благоразумія*—«признать фактъ, что должна же быть какая нибудь глубокая причина ихъ непопулярности». Напротивъ,—они выставляютъ себя именно «мучениками за вѣру» и требуютъ «свободнаго и безпрепятственнаго разселенія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы они ни пожелали жить». Дѣйствительно, слѣдовало бы разрѣдить еврейское населеніе, разселить евреевъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они слишкомъ неумѣренно скучены, къ страшному вреду для коренного населенія, какъ, напримѣръ, въ Царствѣ Польскомъ, Новороссіи, сѣверо и юго-западномъ краю. Но гдѣ и какъ разселить ихъ? На какихъ основаніяхъ?

Допустить, чтобы 5.000,000 еврейскаго населенія жили *исключительно посредничествомъ* между производителями и потребителями, уклоняясь отъ производительнаго труда, и въ этомъ видѣ разселить евреевъ по всему лицу земли русской—было-бы положительнымъ бѣдствіемъ для Россіи. Мыслимое-ли дѣло, чтобы милліоны рукъ занимались только «посредничествомъ» — да притомъ еще въ наиболѣе гнусной его формѣ—и непроизводительнымъ трудомъ; чтобы онѣ только повсюду отнимали кусокъ хлѣба у голоднаго крестьянскаго рта? Это значило-бы увеличить опасность и дать премію за паразитство. Само-собою разумѣется, что разрѣшать такимъ образомъ еврейскій вопросъ—значило-бы только подготовлять новые ужасы еврейскихъ погромовъ съ ихъ пагубнымъ, деморализующимъ вліяніемъ на страну. Глубокая причина еврейской непопулярности, въ сущности, чрезвычайно проста и ясна. Вездѣ (и у насъ въ Россіи, и за границей) не разгромляютъ евреевъ если онѣ существуютъ честнымъ, производительнымъ трудомъ. Такъ напримѣръ, не разгромляютъ ни караимовъ, ни горныхъ кавказскихъ евреевъ, ни тѣхъ немногихъ рабочихъ изъ евреевъ, коорые занимаются земледѣльческимъ трудомъ; къ нимъ коренное населеніе относится спокойно, мирно, потому что они, наравнѣ съ другими, живутъ

Digitized by Google

честнымъ трудомъ, не высасываютъ изъ населенія жизненныхъ соковъ, не вносятъ въ мѣстную жизнь развращающаго вліянія. То же самое мы видимъ и за границею. Въ Баваріи, напримѣръ, недалеко отъ Вюрцбурга, есть чисто еврейское мѣстечко, занимающееся исключительно земледѣльческимъ трудомъ,—и окружающее его нѣмецкое населеніе относится къ нему вполнѣ дружелюбно. Напротивъ,—какъ только еврейство занимается продолженіемъ гнуснаго дѣла Шейлока, является въ роли опасныхъ и вредныхъ паразитовъ въ народной жизни и дѣятельности,—коренное населеніе относится къ нему съ непримиримою и неукротимою ненавистью вездѣ, гдѣ только мало-мальски ощутителенъ процентъ еврейскаго племени въ отношеніи къ коренному населенію. Какъ бы ни разрѣжали евреевъ, какъ бы ни разселяли ихъ по русской землѣ, но если они останутся въ роли спекулянтовъ «во всѣхъ наименѣе достойныхъ промыслахъ», то разселеніе евреевъ будетъ лишь разселеніемъ ненависти и вражды до самыхъ отдаленнѣйшихъ частей Россіи, которыя до сихъ поръ судьба хранила еще отъ гнета еврейской руки. Доказательствомъ этому служатъ Туркестанскій край, Сибирь и Амуръ, гдѣ еврейское населеніе очень рѣдко, разбросанно, почти незамѣтно среди кореннаго населенія,—и, тѣмъ не менѣе, евреевъ ненавидятъ во всѣхъ указанныхъ мѣстностяхъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, Новороссіи, сѣверо—и юго-западномъ краю, гдѣ они слишкомъ неумѣренно скучены.

Повторяемъ, разселеніе евреевъ—дѣло возможное и полезное, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы еврейство разъ навсегда отказалось отъ роли непрошеннаго, излишняго и положительно вреднаго для населенія факторства между производителемъ и потребителемъ, отъ занятія безусловно гнусными и позорными промыслами, — и обратилось бы къ честному, производительному труду, ничѣмъ не выдѣляясь, въ этомъ отношеніи, отъ кореннаго населенія. Подъ этимъ условіемъ, евреямъ можетъ и должно быть предоставлено право жить повсемѣстно въ Россіи, но *только* подъ этимъ условіемъ. Если евреи желаютъ обратиться къ *честному земледѣльческому труду* (а не къ такому, какимъ *номинально* занимаются они въ еврейскихъ, якобы «земледѣльческихъ», колоніяхъ, о чемъ говоритъ подробно въ этой же книжкѣ нашего журнала г. Неручевъ); если они желаютъ нести государственное тягло наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ, пусть покажутъ это *на дѣлѣ*:—пусть не отлынываютъ подлымъ образомъ отъ воинской повинности, заставляя другихъ идти въ рекруты за бѣглыхъ евреевъ; пусть образуютъ настоящія земледѣльческія колоніи, не похожія на тѣ, которыя существуютъ подъ этимъ именемъ въ Херсонской губерніи. Тогда ни правительство, ни общество не

Digitized by Google

откажутъ евреямъ въ безусловномъ уравненіи ихъ гражданскихъ и общественныхъ правъ съ кореннымъ населеніемъ:—уравненіе это совершится само собою, какъ совершилось оно въ отношеніи грековъ, нѣмцевъ и прочихъ колонистовъ, всегда находившихъ радушный пріемъ въ обширной русской землѣ. Но, при условіи традиціоннаго промысла безчестными родами занятій, чѣмъ искони вѣковъ занимается жидовствующая часть еврейства—евреи безспорно вредны въ жизни государства: они являются конгломератомъ, нарушающимъ экономическое равновѣсіе въ населеніи, обостряющимъ это экономическое неравенство до крайней степени. Между тѣмъ, до сихъ поръ практиковалось такъ, что куда бы ни затесались евреи (въ Сибирь, Туркестанскій край, на Амуръ),—они выступали исключительно въ роли безчестныхъ факторовъ между производителемъ и потребителемъ, въ роли насадителей самыхъ гнусныхъ «родовъ занятій». Въ наиболѣе богатыхъ мѣстностяхъ Сибири и Амура, куда успѣли пробраться евреи и гдѣ такое раздолье для земледѣльческой работы и честной торгово-промышленной дѣятельности,—евреи даже и не подумали обратиться къ этого рода производительнымъ занятіямъ, а «съ лихорадочною энергіею—какъ говоритъ одна изъ сибирскихъ газетъ—обратились къ позорнѣйшему маклачеству и ростовщичеству, что̀, до прибытія евреевъ сюда, почти вовсе неизвѣстно было сибирякамъ,—неизвѣстно было, по крайней мѣрѣ, въ той глубоко-безнравственной и возмутительной формѣ, въ какой насаждается теперь евреями». Газета дѣлаетъ далѣе сопоставленіе евреевъ съ поляками, «заслужившими глубокое уваженіе въ Сибири», какъ элементъ высоко-культурный, много сдѣлавшій для Сибири «на разнообразныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, начиная съ народнаго образованія и кончая развитіемъ и улучшеніемъ торгово-промышленной дѣятельности». Между тѣмъ евреи,—къ которымъ «относились на первыхъ порахъ въ Сибири, чрезвычайно богатой разноплеменностью и инородствомъ, безъ всякаго предубѣжденія»,—въ концѣ концовъ, заслужили «ненависть и презрѣніе за ихъ гнусную погоню за наживою, за безчестные пути къ наживѣ». Они являются для Сибири—по словамъ цитируемой нами газеты—элементомъ «*даже болѣе вреднымъ, чѣмъ элементъ ссыльно-каторжный*»!!

Въ высшей степени замѣчательно явленіе, что, не смотря на болѣе чѣмъ двухлѣтніе погромы, изъ среды еврейства не раздалось ни одного призывнаго голоса, чтобы обратить еврейское населеніе на поприще земледѣльческаго труда и вообще честной трудовой дѣятельности, чтобы всячески отвратить евреевъ отъ маклаческихъ занятій. Собственно-еврейская и юдофильская пресса (надѣвающая на себя мнимо-либеральную маску) вздыхала и вздыхаетъ о мученичествѣ «евреевъ, будто бы, за вѣру» и взы-

Digitized by Google

ваетъ по этому поводу къ гуманнымъ и возвышеннымъ чувствамъ. Разъ навсегда, нужно бросить этотъ глубоко-нечестный и чрезвычайно вредный пріемъ,—вредный и въ отношеніи евреевъ, которыхъ разгромляютъ. и въ отношеніи кореннаго населенія, которое разгромляетъ. Нужно оставить также и неразумныя разглагольствованія о томъ, что «въ основаніи антиеврейскаго движенія лежитъ ненависть къ капитализму, воплощеніемъ котораго принимается еврейство». Да, есть ненависть, глубокая, непримиримая, но *не* «къ капитализму» *вообще*, (до этой ненависти намъ еще очень далеко, ибо и капиталовъ-то у насъ не Богъ знаетъ сколько!) а именно къ *еврейскому* «капитализму», потому что онъ добытъ безчестными, безнравственными путями, потому что онъ выросъ непосредственно на жизненныхъ сокахъ русской земли и русскаго населенія, потому что капиталъ въ рукахъ именно евреевъ является средствомъ для преслѣдованія гнуснѣйшихъ и злокачественнѣйшихъ цѣлей. Мы не будемъ говорить объ общеизвѣстныхъ примѣрахъ еврейской эксплуатаціи и укажемъ на богатѣйшій когда-то Прибайкальскій край, который—по свидѣтельству мѣстныхъ людей, близко знающихъ дѣло—«*положительно разоренъ* уже въ настоящее время евреями и угрожаетъ обратиться, въ самомъ непродолжительномъ времени, въ *мерзость запустѣнія*». Наивнымъ и даже невполнѣ опрятнымъ представляется вопросъ, предлагаемый неумѣлыми, недальновидными защитниками евреевъ. «Почему—спрашиваютъ эти защитники—95-ти милліонное коренное населеніе Россіи не даетъ отпора еврейской эксплуатаціи?» — Дѣло простое и ясное. Успѣхъ еврейской эксплуатаціи какъ нельзя хуже говоритъ не въ пользу евреевъ. Такъ сложилась, къ несчастію, человѣческая жизнь, что идущій безчестными путями всегда оказывался до сихъ поръ въ выигрышѣ. Успѣхъ евреевъ обусловливается, во-первыхъ, этими именно путями; во-вторыхъ, эксплуатированіемъ людской бѣды и всѣхъ низменныхъ инстинктовъ человѣческой души. Отъ этого и зависитъ специфическій характеръ той «печати», которою отмѣчено еврейское населеніе. Люди образованные изъ евреевъ,—въ истинномъ смыслѣ *образованія*,—уходятъ изъ еврейской среды, совершенно порываютъ всякія связи съ нею и сливаются съ интеллигенціею кореннаго населенія, ничѣмъ не отличаясь отъ нея. Въ еврейской же средѣ имъ положительно нѣтъ мѣста, какъ въ средѣ безчестной по пріемамъ наживы и заскорузло-фанатической по своимъ міровоззрѣніямъ.

Всемогущимъ орудіемъ въ рукахъ евреевъ былъ всегда подкупъ и этимъ путемъ они всегда преблагополучно обходили законъ. Стоитъ только придать мѣстному управленію такую организацію, чтобы каждый и всѣ могли находить въ немъ справед-

Digitized by Google

ливую защиту и помощь,—еврейство будетъ обезоружено въ обхожденіи закона путемъ подкупа и взятки. Подкупъ и взятки возможны лишь до тѣхъ поръ, пока приходится имѣть дѣло съ отдѣльными личностями и отъ нихъ получать рѣшающее «да» или «нѣтъ». Но когда приходится считаться со всѣми слоями населенія данной мѣстности,—подкупъ и взятки невозможны. Жить съ погромами, разрѣшать еврейскій вопросъ путемъ уничтоженія еврейскаго имущества—крайне опасно для государства, въ смыслѣ деморализаціи населенія. Но, съ другой стороны, едва ли возможно уничтожить погромы раньше организаціи мѣстнаго управленія на такихъ началахъ, чтобы каждый и всѣ могли находить въ немъ справедливую защиту и помощь, чтобы оно было во всеоружіи власти, разрѣшающей на мѣстѣ и распорядительно-исполнительной. Тогда погромы сами собою станутъ невозможными. Еврейство, самою силою вещей, будетъ ограничено въ своей позорно-эксплуататорской дѣятельности. Сдѣлается невозможнымъ обходить законъ,—и еврейство, волей-неволей, должно будетъ обратиться къ *производительной* трудовой дѣятельности. Только при этомъ условіи станетъ возможно разселеніе евреевъ, потому что въ каждой мѣстности будетъ надежный контроль, что еврейство не распространяетъ среди кореннаго населенія ни пьянства, ни разврата, ни проституціи, ни ростовщичества и прочихъ злокачественныхъ пороковъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ богатѣетъ теперь еврейское населеніе. При разселеніи же евреевъ,—непремѣнно подъ условіемъ обращенія ихъ къ честной и трудовой дѣятельности,—естественно ослабѣетъ и замкнутый характеръ еврейства, отъ котораго теперь такъ горько бѣдствуетъ и страдаетъ все, что̀ есть честнаго, трудящагося и способнаго къ труду въ еврейскомъ населеніи. Этотъ симпатичный, хотя и небольшой по количеству, слой еврейскаго населенія разгромляется теперь заурядъ съ евреями-паразитами, вызвавшими народное негодованіе своими жестокими пріемами эксплуатаціи, потому что пейсы, ермолка и лапсердакъ сливаютъ этотъ трудящійся слой евреевъ съ евреями-паразитами, противъ которыхъ такъ сильно накипѣла народная злоба.

Вотъ единственно-возможный и вполнѣ раціональный путь къ разрѣшенію еврейскаго вопроса. Горькій опытъ погромовъ, одинаково пагубныхъ какъ для еврейскаго, такъ и для кореннаго населенія, долженъ наконецъ образумить евреевъ и вызвать въ ихъ средѣ усиленнѣйшую пропаганду, въ смыслѣ обращенія еврейскаго населенія къ производительному земледѣльческому труду. Мы вовсе не желали бы пропагандировать изгнанія евреевъ изъ Россіи. Но евреи неизбѣжно останутся племенемъ гонимымъ и презираемымъ до тѣхъ поръ, пока не обратятся къ производительному труду, пока добровольно не раздѣлятъ съ кореннымъ на-

Digitized by Google

селеніемъ ношу государственной тяготы и не впрягутся въ это тяжелое, но честное и почетное ярмо. Никакія, даже самыя крутыя правительственныя мѣры — какъ показалъ это слишкомъ двухлѣтній опытъ — не въ состояніи подотвратить погромовъ, пока евреи не перестанутъ быть злокачественнѣйшими паразитами въ государственномъ организмѣ. Бороться противъ погромовъ необходимо,—необходимо дѣятельно и энергически протестовать противъ этого глубокаго и опаснаго государственнаго зла путемъ печати. Но самая видная роль въ борьбѣ съ погромами должна принадлежать, главнымъ образомъ, самому же еврейскому населенію—въ смыслѣ открытой, гласной и дѣятельнѣйшей пропаганды въ пользу немедленнаго и рѣшительнаго обращенія евреевъ къ честной трудовой дѣятельности, въ пользу яснаго для всѣхъ разрыва съ позорнымъ прошлымъ еврейскаго «гешефтмахерства». На этотъ призывъ еврейства охотно откликнется все, что̀ есть мыслящаго въ Россіи и любящаго свою родину, а тѣмъ болѣе—правительственная власть. Это—гражданскій путь разрѣшенія еврейскаго вопроса, на который радушно вступитъ коренное населеніе Россіи и отъ котораго не должны, не имѣютъ права уклоняться евреи, если они дѣйствительно хотятъ навсегда покончить дѣло съ погромами, — жить мирно и безопасно, какъ живутъ всевозможные колонисты въ Россіи, до китайцевъ, корейцевъ и японцевъ включительно,—колонисты, честно трудящіеся и снискавшіе себѣ доброе, дружественное чувство въ коренномъ населеніи.

Русская литература и журналистика понесли, въ очень короткій срокъ, крайне тяжкія и трудно-вознаградимыя потери. Не успѣли еще мы примириться съ утратою В. Ѳ. Корша—одного изъ самыхъ честныхъ, образованныхъ и убѣжденныхъ работниковъ журальнаго дѣла—какъ проворная рука смерти отнимаетъ у насъ, отнимаетъ у всей Россіи великаго художника-гражданина, стяжавшаго себѣ славное имя не только въ предѣлахъ своего отечества, но и «во всѣхъ пяти частяхъ свѣта»,—по выраженію одной иностранной газеты.

Въ ночь на 23-е августа скончался въ Буживалѣ (въ окрестностяхъ Парижа) *Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ*.

Всѣ русскія газеты и нѣкоторые ежемѣсячные журналы, вышедшіе 1-го сентября, успѣли уже сообщить читающей публикѣ обстоятельства, предшествовавшія его кончинѣ, и дали о немъ краткіе некрологи. Мы не станемъ повторять здѣсь общеизвѣстныхъ данныхъ изъ жизни знаменитаго писателя, ни пускаться въ критическую оцѣнку его произведеній, давно прочтенныхъ и по справедливости оцѣненныхъ большинствомъ образо-

Digitized by Google

ваннаго общества:—подъ первымъ впечатлѣніемъ національнаго горя, мы можемъ только скорбѣть и плакать объ утратѣ *истиннаго вождя русской интеллигенціи*, истиннаго духовнаго ея представителя, умѣвшаго своимъ зоркимъ поэтическимъ окомъ проникать во всѣ тайники нашего умственнаго и общественнаго движенія, угадывать его трудно-уловимые и часто сбивчивые пути... Такого вождя намъ, покуда, замѣнить некѣмъ: это сознаётъ съ тяжелымъ чувствомъ вся мыслящая Россія, привыкшая видѣть въ романахъ Тургенева вѣрное отраженіе своей духовной жизни, своихъ внутреннихъ бореній, смутныхъ надеждъ и болевыхъ процессовъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:—
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать!

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Современная колоніальная политика Франціи и причины ея.—Тонкинскій вопросъ, тонкинская провинція и исторія сношеній французовъ съ англичанами. Послѣднія экспедиціи и черные флаги.—Новый договоръ и затруднительное положеніе французовъ.—Франція—не колоніальная держава.

Исторической фразой покойнаго князя Горчакова «la Russie se recueille» какъ нельзя болѣе метко охарактеризована была та эпоха саморазвитія и здоровой внутренней работы, которая наступила у насъ послѣ крымской войны, пробудившей народное сознаніе. Рядъ великихъ реформъ минувшаго царствованія и возстановленіе, въ концѣ концовъ, прежняго положенія Россіи въ международной семьѣ явились прямымъ результатомъ этой благотворной политики. Та же политика de recueillement могла и должна была утвердиться и во Франціи послѣ погрома 1870—71 года. Залѣчиваніе ужасныхъ ранъ, нанесенныхъ непріятелемъ, возстановленіе народнаго благосостоянія, потрясеннаго войной, общимъ истощеніемъ силъ и уплатой страшной контрибуціи, а въ особенности уходъ за молодой республикой, народившейся изъ развалинъ имперіи,—все это требовало исключительныхъ, всепоглощающихъ заботъ и попеченій. До внѣшняго-ли величія было Франціи, когда ей приходилось спасать себя отъ внутренняго разброда, на каждомъ шагу охранять республику отъ ударовъ тогда еще многочисленныхъ и сильныхъ враговъ ея? По неволѣ нужно было уйти въ себя, se recueillir. Такъ оно и случилось на са-

Digitized by Google

момъ дѣлѣ; но, къ сожалѣнію, политика самовоздержанія долго не продержалась. Франція—не Россія, и живой, впечатлительный французскій народъ мало походитъ на русскій, съ его всевыносящимъ терпѣніемъ и покорностью судьбѣ. Къ тому-же, французамъ, при ихъ высокомъ политическомъ и гражданскомъ развитіи, привыкшимъ принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ своего отечества, несравненно труднѣе было выжидать, чѣмъ русскому народу, издавна пріученному хладнокровно «сидѣть у моря», а потому безучастно относящемуся къ судьбамъ своей родины.

Достоинство народа, честь государства, имѣющія такое глубокое значеніе для француза, для громаднаго большинства изъ насъ—слова непонятныя. Не мудрено послѣ этого, если французы не могли долго, съ покорностью судьбѣ, сносить униженіе Франціи, низведенной чуть-ли не на степень второстепенной державы, не могли выносить сознанія потери прежняго престижа, потери права именоваться grande nation. Надо признаться, что и правители послѣдняго времени подвергали слишкомъ непосильному испытанію живой темпераментъ французскаго народа: они очевидно придавали черезчуръ узкое значеніе понятію о recueillement, придерживаясь не политики самовоздержанія отъ внѣшнихъ дѣлъ, а политики самоотреченія. Нѣсколько странныя и, во всякомъ случаѣ, оскорбительныя для народнаго самолюбія дѣйствія ихъ по египетскому вопросу, предавшія Нильскую землю, издавна тѣсно связанную съ интересами Франціи, въ руки англичанъ,—явились послѣднею каплей, переполнившей чашу долготерпѣнія французовъ.

Бездѣйствіе во внѣшней политикѣ стало для нихъ невыносимымъ. Надо было, во что бы то ни стало, снова высоко поднять французское знамя и снова заставить міръ заговорить о великой націи. Но въ Европѣ руки у нея были связаны. Возстановлять прежнее величіе прямымъ путемъ, путемъ возмездія, было немыслимо, не вызывая общихъ международныхъ замѣшательствъ, изъ которыхъ благопріятный исходъ для Франціи былъ бы дѣломъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Оставалось пуститься въ далекія, внѣевропейскія предпріятія, приняться за подъемъ престижа французскаго имени хотя-бы на дальнихъ океанскихъ берегахъ Азіи и Африки. Случайно возникшій тунисскій вопросъ пришелся какъ разъ кстати. За него горячо ухватились, раздули его до невозможности, благо открылся клапанъ, въ который могла излиться накопившаяся потребность къ дѣятельности и могли покрыться славой французскія знамена,—и устроили тунисскій походъ, окончившійся про-

Digitized by Google

тектораторомъ Франціи надъ Тунисомъ. Затѣмъ подняли мадагаскарскій вопросъ, изъ-за котораго чуть не вызвали столкновенія съ англійскими интересами; мимоходомъ затѣяли изъ-за пріобрѣтеній на западно-африканской рѣкѣ Конго научно-политическія пререканія съ Англіей, въ лицѣ путешественниковъ Брацца и Стенли, и наконецъ предприняли тонкинскую экспедицію. Но такъ какъ всѣ эти, болѣе или менѣе рискованныя предпріятія не вызывались насущной потребностью, не обусловливались традиціонно-установленной колоніальной политикой,—какъ у англичанъ, напримѣръ,—то въ веденіи ихъ не замѣчалось никакого опредѣленнаго направленія. Все дѣлалось, какъ бы очертя голову, на спѣхъ; брались сгоряча, потомъ, при первомъ затрудненіи, у правительства не хватало рѣшимости продолжать дѣло, и оно бросалось; деньги и труды пропадали даромъ. Такое отсутствіе системы и выдержки, отчасти проистекающее отъ постоянной смѣны правительствъ, изъ которыхъ каждое приносило свое воззрѣніе на дѣло, вело только отъ одной ошибки къ другой. Великимъ новымъ предпріятіемъ желали загладить неудачи прежнихъ, и, въ концѣ концовъ, всѣ эти мелкія и крупныя экспедиціи окончательно запутали Францію, напрасно поглощая ея силы и средства и не обѣщая ей притомъ никакихъ существенныхъ благъ въ будущемъ. Отступиться же отъ нихъ не позволяетъ задѣтое чувство самолюбія и до боли ноющая тоска по утраченномъ престижѣ. «Мы сдѣлали,—пишетъ извѣстный французскій писатель Леруа Больё,—одну громадную, непоправимую ошибку: мы сами сгубили свой престижъ на востокѣ злополучнымъ отреченіемъ отъ Египта. Можно почти сказать, что въ этихъ отдаленныхъ странахъ нашъ отказъ сопутствовать Англіи въ Нильскую долину сильнѣе повредилъ нашему достоинству и нашему вліянію, чѣмъ даже наши бѣдствія 1870 и 1871 года. Въ ту ужасную годину мы, по крайней мѣрѣ, боролись. Но въ Египтѣ мы отреклись безпрекословно, безъ малѣйшаго сопротивленія, въ минуту какой-то непростительной слабости, отъ положенія, которымъ пользовались въ теченіе цѣлыхъ 8 вѣковъ и которое готово было вполнѣ упрочиться въ послѣднее десятилѣтіе. И притомъ, та резолюція палаты депутатовъ, которая заставила насъ отказаться отъ Египта, была произнесена при подавляющемъ большинствѣ,—шестью-седьмыхъ голосовъ! Весь свѣтъ вправѣ былъ заключить, что Франція—какая-то дряхлѣющая нація, едва доживающая свой вѣкъ, разбитая и нравственнымъ, и физическимъ параличемъ. Еслибы мы выказали болѣе твердости въ Египтѣ, то, конечно, избѣгнули-бы и всѣхъ настоящихъ затрудненій, и туниссскихъ, и мадагаскар-

Digitized by Google

скихъ, и тонкинскихъ». Послѣднее—несомнѣнно, потому что, еслибы французы сохранили свое вліяніе въ Египтѣ, едва-ли могла бы возникнуть у нихъ потребность вдаваться въ подобнаго рода, намѣренно навязанныя на себя затрудненія. Теперь-же по неволѣ приходится съ ними считаться. Къ счастью, туниссія дѣла болѣе или менѣе улажены; мадагаскарскій вопросъ пока еще не грозитъ никакими серьезными замѣшательствами. Остается Тонкинъ. Но тамъ дѣла зашли настолько далеко, настолько сильно затронуты честь и достоинство французскаго имени, что само благоразуміе требуетъ теперь безотлагательнаго и категорическаго рѣшенія вопроса,—рѣшенія, во что бы то ни стало, какихъ бы жертвъ и усилій оно ни потребовало.

Надо и то сказать, что колоніальная горячка, охватившая французовъ, явилась нѣсколько несвоевременно. Она опоздала на цѣлое столѣтіе. Въ тѣ блаженныя времена, когда шли еще трансъ-океанскія открытія, когда вслѣдъ за Колумбомъ, Васко-де-Гамой, Магелланомъ, смѣлые мореплаватели и еще болѣе смѣлые авантюристы цивилизованныхъ странъ безпрепятственно рыскали по невѣдомымъ морямъ въ погонѣ за добычей и славой,—въ тѣ времена пріобрѣтать колоніи было несравненно легче, чѣмъ теперь. Тогда почти всѣ внѣевропейскія земли не имѣли хозяевъ, — о правѣ «дикихъ», разумѣется, не могло быть и рѣчи, а потому, кто первый захватывалъ какой либо островъ или никому не принадлежащее побережье, тотъ былъ и правъ. Jus primo occupandi царило въ полной силѣ.—Но теперь ужь не то. Теперь уже поздно мечтать о заокеанскихъ пріобрѣтеніяхъ тѣмъ изъ народовъ, которые во-время не успѣли запастить колоніями или, по какимъ-бы то ни было причинамъ, утратили ихъ. Нынѣ невѣдомыхъ морей и странъ почти что не существуетъ. Желѣзныя дороги, пароходы и телефоны страшно съузили когда-то безконечныя пространства, и захватывать болѣе нечего, не рискуя войти въ столкновенія съ соискателями. Мало того, даже за дикими стали признавать,—съ одной формальной стороны, разумѣется,—право на обладаніе обитаемой ими землею. Нынѣ ихъ уже не избиваютъ и не грабятъ попросту, какъ это дѣлалось въ доброе старое время, а предварительно заключаютъ съ ними по всѣмъ правиламъ договоръ, словно съ равноправной державой. Одни только англичане позволяютъ еще себѣ анахронизмъ,—дѣйствовать въ колоніальной политикѣ по старымъ обычаямъ. Но вѣдь, извѣстно, англичане—народъ консервативный до мозга костей. Если до сихъ поръ еще они украшаютъ париками головы своихъ адвокатовъ и судей, если все еще крѣпко держатся

Digitized by Google

своей средневѣковой орѳографіи, дорожатъ допотопной системой мѣръ и вѣсовъ, то почему-бы имъ было не сохранить и старинныхъ колоніальныхъ пріемовъ?..

Иное дѣло—французы. Это народъ передовой, ведущій за собой по пути къ прогрессу всѣ остальные народы, а потому ему первому и надлежитъ подчиняться требованіямъ времени. Къ тому-же Франція, по характеру своего населенія и его стремленіямъ, никогда не была колоніальной державой, въ строгомъ значеніи этого слова. Въ ней не хватало на это ни необходимыхъ данныхъ, ни способности ассимилировать себѣ покоренные въ далекихъ странахъ народы, ни жестокосердно истреблять ихъ, какъ это дѣлали другія, болѣе одаренныя въ колоніальномъ смыслѣ, государства. У нея не хватало того свирѣпаго, всепоглощающаго эгоизма, какимъ отличались, напримѣръ, въ старину испанцы, а нынѣ англичане. Слѣдуетъ помнить, что она первая провозгласила «права человѣка»! Однако, въ одно время и у Франціи были обширныя заокеанскія владѣнія. Въ этомъ отношеніи, она ни въ чемъ не уступала ни Испаніи, ни Португаліи, ни Великобританіи, ни Нидерландамъ. Но въ періодъ времени между 1763 и 1815 годами Франція лишилась громаднаго большинства своихъ колоній, которыя всѣ цѣликомъ перешли въ руки англичанъ. Благодаря этому, Англія стала теперь первенствующей и почти исключительно колоніальной державой и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы какой-нибудь кусочекъ съ ея обильной трапезы ненарокомъ не попалъ на чужое блюдо. Нынѣ за Франціей остается лишь самое незначительное количество колоній, разсѣянныхъ, правда, по всему земному шару. Въ Южной Америкѣ—часть Гвіаны и нѣсколько островковъ Антильскаго архипелага, въ Африкѣ—Алжиръ, Сенегамбія и еще нѣкоторые незначительные пункты по африканскому побережью; затѣмъ, въ Азіи—Пондишери и Камбоджа съ частью Кохинхины и, наконецъ, нѣсколько небольшихъ острововъ въ Индійскомъ океанѣ и въ Австралійскомъ архипелагѣ. Изъ числа этихъ заокеанскихъ владѣній, Гвіана и Новая Каледонія имѣютъ, пожалуй, значеніе пенитенціарныхъ колоній или, вѣрнѣе, мѣста ссылки на вѣрную смерть французскихъ преступниковъ. Со всѣми остальными у Франціи связей мало, а выгодъ отъ нихъ она получаетъ и того менѣе. Они служатъ скорѣе на пользу англійской торговли, чѣмъ французской. Исключеніе составляетъ одинъ только Алжиръ. Но Алжиръ, въ сущности, не колонія, а непосредственная часть Франціи, такой-же департаментъ, какъ Корсика, напримѣръ.

Вотъ, при такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ, при полной не-

Digitized by Google

способности пользоваться колоніями, да сверхъ того, на каждомъ шагу наталкиваясь на англійскіе интересы, Франція пустилась нынѣ въ далекія предпріятія, надѣясь усиленіемъ своего престижа за морями вознаградить себя за утраченное въ Европѣ и Египтѣ. Изъ всѣхъ этихъ предпріятій, дѣйствительное значеніе, какъ для самой Франціи, такъ и для остальныхъ европейскихъ государствъ, — а косвенно, пожалуй, и для насъ,—имѣетъ одна тонкинская экспедиція, тѣмъ болѣе, что она поглощаетъ собой все вниманіе французскаго общества и на время заслонила всѣ остальные вопросы дня.

Въ чемъ-же суть тонкинской экспедиціи, испортившей столько крови англичанамъ? И что такое Тонкинъ вообще, изъ-за котораго переломлено столько копій на европейской газетной аренѣ?

Тонкинъ лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу Задней Индіи и омывается Тонкинскимъ заливомъ, составляющихъ часть Китайскаго моря. Къ сѣверу онъ примыкаетъ прямо къ Небесной Имперіи, къ ея южнымъ провинціямъ: Куангъ-Тонгъ, Куангъ-Су и Юнъ-Нанъ; къ западу граничитъ съ полунезависимыми государствами Лаоса, платящими дань сіамскому королю; его продолженіемъ къ югу служитъ Кохинхина, самая южная окраина которой, у дельты рѣки Меконга, давно уже принадлежитъ французамъ. Тонкинъ и Кохинхина, вмѣстѣ взятые, образуютъ Аннамскую имперію, съ главнымъ городомъ Гюэ на берегу Китайскаго моря. Китайскій императоръ считаетъ себя сюзереномъ аннамскаго, хотя вассальныя отношенія послѣдняго чисто фиктивнаго свойства. Собственно тонкинская территорія, сравнительно, еще мало изслѣдована, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ сосѣдняя съ нею кохинхинская. Извѣстно только, что это страна низменная въ своей юго-восточной части и гористая въ сѣверной и западной, что природныя ея богатства очень значительны и что она довольно густо населена. Тонкинъ орошается многими рѣками, въ большинствѣ случаевъ судоходными, по крайней мѣрѣ, въ нижнемъ ихъ теченіи. Главная артерія — Красная рѣка, которая представляетъ отличный и естественный водный путь въ китайскую провинцію Юнъ-Нанъ, славящуюся минеральными богатствами. Встрѣчающіеся въ верхнемъ теченіи рѣки пороги, по отзывамъ французскихъ путешественниковъ, не представляютъ непреоборимыхъ препятствій для судоходства и могутъ быть легко исправлены.

Пространство, занимаемое Тонкиномъ, исчисляется приблизительно въ 150,000 кв. километровъ, что составитъ болѣе четвертой части Франціи. Климатъ въ немъ гораздо лучше, чѣмъ во французской Кохинхинѣ,—умѣ-

Digitized by Google

ренный и вообще довольно здоровый. Жителей насчитывается до 10 милліоновъ, но они распредѣлены неравномѣрно по странѣ. Наиболѣе густое населеніе—въ низменной части, гдѣ находятся и наиболѣе значительные города, какъ Ганой, Намъ-Динъ, Гай-Дцуонъ и др.; въ гористой же части, прилегающей къ Китаю и Лаосу, населеніе очень рѣдкое. Разумѣется, французскіе путешественники и спекуляторы, разсчитывая разжечь воображеніе своихъ соотечественниковъ и привлечь ихъ капиталы въ будущую колонію Франціи, описываютъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ неистощимыя и многообразныя богатства края, рисуя Тонкинъ чуть-ли не раемъ земнымъ. «Горы сѣверной и западной части Тонкина, разсказываетъ, напр., путешественникъ Миллье, покрыты роскошными лѣсами и очень удобны для всяческой культуры. Страна обильно орошается рѣками, которыя весьма пригодны для земледѣлія и горнозаводской эксплуатаціи, и своими разливами отлично удобряютъ и безъ того тучную почву. Дельта Красной рѣки производитъ рисъ въ изобиліи, давая два урожая въ годъ; притомъ, производство риса можетъ быть легко и значительно увеличено, и послужитъ, такимъ образомъ, важнымъ предметомъ экспорта. Сахарный тростникъ воздѣлывается повсемѣстно въ Тонкинѣ; положимъ, способы обработки пока еще очень примитивны, но, съ улучшеніемъ культуры, сахарной промышленности открывается широкое будущее. Вообще, обширныя пространства, лежащія цѣлыя столѣтія безъ всякой обработки, ожидаютъ только людей дѣятельныхъ, трудолюбивыхъ и образованныхъ, чтобъ сдѣлаться вѣрнымъ и неистощимымъ источникомъ богатства; а широкія и многоводныя рѣки дадутъ дешевую двигательную силу фабрикамъ и заводамъ и послужатъ удобнѣйшими путями сообщенія для торговли. Окружающія долину Красной рѣки возвышенности могутъ быть засажены кофейными деревьями. Французскіе миссіонеры уже пробовали въ небольшихъ размѣрахъ культуру этого растенія, и она дала хорошіе результаты. Хлопчатникъ также хорошо растетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тонкина, и хлопокъ служитъ даже и теперь предметомъ вывоза. Далѣе, отлично культивируются чай, табакъ, корица, индиго, клещевина, виноградъ» и пр., и пр. Сверхъ всего, Миллье упоминаетъ о богатыхъ золотоносныхъ розсыпяхъ, которыя не разработываются и драгоцѣнное содержимое которыхъ напрасно уносится рѣками въ море; а также о разработываемыхъ, хотя и очень дурно, рудахъ серебра, мѣди, олова, цинка, ртути, висмута, желѣза. Но главное, на что онъ указываетъ,—это богатыя и легко доступныя каменноугольныя залежи по берегамъ моря и Красной рѣки; такое удобное по-

Digitized by Google

ложеніе ихъ, конечно, крайне выгодно для эксплуатаціи. Хотя всѣ эти описанія нѣсколько смахиваютъ на рекламу, но нѣтъ сомнѣнія, что край дѣйствительно богатый, и если ему суждено перейти въ руки Франціи, то Тонкинъ будетъ самой лучшей и прибыльной ея колоніей. Разумѣется, все будетъ зависить отъ того, какъ воспользуются французы своимъ положеніемъ въ новой колоніи, а главное, какъ скоро удастся, и удастся-ли сломить упорство китайскаго правительства и завести торговыя сношенія съ Китаемъ не моремъ, а прямымъ путемъ, по Красной рѣкѣ, и тѣмъ вовлечь провинцію Юнъ-Нанъ, на которую уже давно мѣтятъ англичане, въ сферу французскихъ интересовъ.

Нынѣ снаряженная французами экспедиція въ Тонкинъ—далеко не первая, и вообще Франція уже давно познакомилась съ юго-восточнымъ побережьемъ Китайскаго моря и вошла въ близкія сношенія съ туземными государствами. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1780 году, случайно забрелъ въ Аннамъ смѣлый французскій миссіонеръ или, вѣрнѣе, авантюристъ, потому что болѣе занимался политическими интригами, чѣмъ религіей,—Пиньо-де-Бегенъ (Pigneau-de-Béhaine), жизнь котораго, полная опасныхъ приключеній, представляетъ чистый романъ въ духѣ Эмара или Майнъ-Рида. Онъ попалъ туда какъ разъ въ тотъ моментъ, когда разныя, тогда еще другъ отъ друга независимыя государства, Аннамъ, Камбоджа, Кохинхина, Тонкинъ, только что отпавъ отъ Китайской имперіи, вели между собою безконечныя войны. Такое смутное состояніе въ краѣ пришлось на руку авантюристу. Онъ, разумѣется, не преминулъ вмѣшаться въ распри, взялъ сторону одного изъ претендентовъ и, въ концѣ концовъ, съѣздилъ во Францію искать содѣйствія у правительства. Перспектива легкаго пріобрѣтенія новой колоніи показалась тогдашнему французскому королю Людовику XVI весьма заманчивой и онъ далъ возможность Бегену вернуться въ Аннамъ съ цѣлой эскадрой, съ войскомъ и значительной суммой денегъ. При помощи французскихъ войскъ, претенденту, выставленному Бегеномъ, удалось одолѣть остальныхъ конкурентовъ и соединить подъ своею властью всѣ разрозненныя государства въ одну Аннамскую имперію. Труднѣе всего дался Тонкинъ, и тонкинцы до сихъ поръ враждебно относятся къ другимъ аннамцамъ. Въ награду за услугу, Франція заставила возведеннаго ею на престолъ императора заключить съ нею договоръ и уступить ей Туронъ,—гавань, лежащую къ югу отъ Гюэ.

Еслибъ на мѣстѣ французовъ были англичане, то они давно съумѣли бы воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами, и у Велико-

Digitized by Google

британіи оказалось-бы одною колоніей больше. Но французы упустили добычу изъ рукъ, еще разъ во-очію обнаруживъ свою малую способность въ дѣлѣ колоніальной политики. Пока живъ былъ возведенный Бегеномъ на престолъ императоръ, французы кое-какъ еще удерживали свое вліяніе въ Аннамѣ, хотя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряли почву подъ собой. Аннамцамъ было крайне не по душѣ хозяйничаніе иноземцевъ, въ особенности миссіонеровъ, и они, чтобы отдѣлаться отъ несносной имъ опеки, снова начали заискивать у китайскаго правительства. Къ тому-же, и французамъ было тогда не до Аннама. Могли-ли они, въ тяжелую годину революціи и наполеоновскихъ воинъ, отвлекаться побочными интересами къ какой-то чуждой и далекой странѣ? Тѣмъ временемъ, первый аннамскій императоръ умеръ, сынъ-же его совершенно пересталъ церемониться съ французами. Онъ отказался принять ихъ посольство и окончательно перешелъ на сторону китайцевъ, по прежнему признавъ себя вассаломъ богдыхана. Французовъ стали всячески тѣснить. Раздоры съ тонкинцами,—которые, по старинной ненависти къ аннамцамъ, держали руку миссіонеровъ,—послужили поводомъ къ формальнымъ гоненіямъ на христіанъ. Ихъ массами ввергали въ темницы, предавали чисто звѣрскимъ истязаніямъ, душили, рѣзали, совершали надъ ними самыя утонченныя казни. Эти ужасы длились почти цѣлыхъ два десятилѣтія подъ рядъ. Но во Франціи, не смотря на страшныя вѣсти, приходившія изъ Аннама, ничего или почти ничего не предприняли, ни для облегченія участи несчастныхъ миссіонеровъ на далекомъ Востокѣ, ни для поддержанія чести французскаго имени и продолженія разъ начатаго дѣла. Сначала умы отвлечены были іюльской революціей, а затѣмъ настала архи-буржуазная пора правленія Людовика-Филиппа, какъ извѣстно, неособенно цѣнившаго дорого стоющія и ничего, кромѣ славы, не приносящія предпріятія. Правда, для очистки совѣсти, время отъ времени снаряжались экспедиціи въ Аннамъ, но всѣ онѣ приводили къ печальнымъ результатамъ. Обыкновенно посланныя суда бомбардировали съ успѣхомъ кое-какіе прибрежные аннамскіе города, затѣмъ высаживались войска, города брались приступомъ или просто сдавались, жители смирялись и—войска снова садились на суда, а экспедиція, ничего существеннаго не добившись, возвращалась обратно въ Европу. Съ воцареніемъ Наполеона II, политика измѣнилась. Для поддержанія своего собственнаго престижа, ему необходимы были эффектныя предпріятія, которыя дѣйствовали бы на воспріимчивое воображеніе французовъ и отвлекали ихъ отъ

Digitized by Google

домашнихъ дѣлъ. Поэтому онъ и не преминулъ снова поднять аннамскій вопросъ. Вскорѣ по окончаніи крымской войны, снаряжается экспедиція подъ командой адмирала Риго-де-Женульи. Экспедиція, какъ водится, благополучно достигаетъ береговъ Аннама. Адмиралъ высаживаетъ на берегъ десантъ и беретъ штурмомъ городъ Туронъ; но вскорѣ затѣмъ, по примѣру прежнихъ экспедицій, опять переводитъ войска на суда и отплываетъ. Нездоровый климатъ окрестностей Турона чуть не сгубилъ весь его отрядъ. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій, онъ цѣлый годъ плаваетъ вдоль Тонкинскихъ и Кохинхинскихъ береговъ. Но инструкцій ему не шлютъ,—о немъ забыли: въ это время Наполеонъ былъ занятъ итальянской компаніей. Тогда адмиралъ на свой страхъ высаживается въ Камбоджѣ и беретъ приступомъ Сайгунъ при устьяхъ р. Меконга. Хотя адмиралъ и былъ затѣмъ отозванъ, а на мѣсто его назначенъ новый начальникъ экспедиціи, но дальнѣйшихъ подвиговъ не оказалось. Наполеону пришлось удовольствоваться сдѣланнымъ пріобрѣтеніемъ. Воспользовавшись новой распрей аннамцевъ съ тонкинцами, ему удалось заставить тогдашняго аннамскаго императора Тудука подписать договоръ (5 іюня 1862 г.), въ силу котораго Сайгунъ съ частью Кохинхины уступленъ былъ Франціи. Это былъ первый, не эфемерный результатъ, достигнутый французами за всѣ 82 года ихъ сношеній съ Аннамомъ.

На этомъ, пожалуй, дѣло и остановилось-бы, и французы остались-бы при обладаніи кусочкомъ земли, не приносящимъ имъ ничего, кромѣ заботъ, еслибъ на выручку снова не явился авантюристъ, но на этотъ разъ не миссіонеръ, а купецъ и аферистъ Дюпюи, похожденія котораго также богаты приключеніями, какъ и Пиньо-де-Бегена. Дюпюи былъ однимъ изъ подрядчиковъ при работахъ по прорытію Суэзскаго канала. Когда, вслѣдствіе итальянской компаніи, работы тамъ были временно пріостановлены, то онъ остался безъ заработковъ, а потому рѣшилъ искать счастія въ другихъ странахъ. Закупивъ кое-какіе европейскіе товары, онъ на удачу отправился въ Китай, гдѣ распродалъ ихъ очень выгодно для себя. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ его въ Ханкоу, гдѣ онъ пустилъ уже довольно прочные корни и сталъ во главѣ разныхъ обширныхъ торговыхъ предпріятій. Благодаря своей пронырливости и, въ то же время, своему уживчивому и выносливому характеру, добродушному обхожденію съ простымъ народомъ и умѣнью ладить съ начальствомъ, онъ поставилъ себя въ такое исключительно-выгодное положеніе, какимъ не пользовался ни одинъ европеецъ въ Китаѣ. Положительно, всѣ слои населенія

Digitized by Google

относились къ нему съ симпатіей, что̀ дало ему возможность заручиться весьма солидными связями. Не въ примѣръ прочимъ европейцамъ, ему даже было дано китайскимъ правительствомъ разрѣшеніе имѣть склады оружія для поставки мандаринамъ южныхъ провинцій, а также вассально-подчиненной Китаю Аннамской имперіи. Однако, вести съ послѣдней торговыя операціи было крайне затруднительно, за отсутствіемъ путей сообщенія. И вотъ Дюпюи приходитъ въ голову блестящая мысль: нельзя-ли воспользоваться Красной рѣкой, которая, беря начало въ китайской провинціи Юнъ-Нанъ, образуетъ въ то же время главную артерію сѣверной Аннамской области, а именно Тонкина. Мысль свою онъ сообщаетъ китайскому правительству, которое не только одобряетъ ее, но даже даетъ необходимыя средства на изслѣдованія. Изслѣдованія эти увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Всѣ предположенія Дюпюи оказались какъ нельзя болѣе вѣрными: судоходство по Красной рѣкѣ было не только возможно, но и крайне выгодно для торговли. Однако, какъ мстый патріотъ, онъ съ добытыми результатами является не къ китайскимъ властямъ, а въ Сайгунъ, къ французскому представителю, и предлагаетъ изслѣдованную имъ область въ распоряженіе Франціи и свои услуги для окончательнаго ея покоренія. Это было въ 1872 г. Франція въ то время переживала тяжелую борьбу за существованіе только что народженной республики и ей, понятно, снова было не до пріобрѣтенія далекихъ колоній. Тѣмъ не менѣе, тогдашній морской министръ, адмиралъ Потюо, принялъ предложеніе Дюпюи очень сочувственно. Хотя, въ виду обстоятельствъ, онъ и отказалъ въ оффиціальной поддержкѣ, но обѣщалъ содѣйствіе «нравственное» и, снабдивъ Дюпюи кое-какими средствами,—что̀ было важнѣе пустаго нравственнаго содѣйствія,—посовѣтовалъ ему дѣйствовать на свой страхъ. Тогда Дюпюи возвращается въ Гонъ-Конгъ, на собственныя деньги покупаетъ тамъ двѣ канонирки, одинъ пароходикъ и китайскую лодку и съ этой флотиліей направляется къ Красной рѣкѣ. Достигнувъ Ганоя, главнаго города Тонкина, онъ оставляетъ тамъ бо̀льшую часть своего экипажа, и съ небольшимъ эскортомъ продолжаетъ далѣе экспедицію вверхъ по рѣкѣ, счастливо проходитъ среди враждебныхъ, полуразбойничьихъ племенъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «черныхъ флаговъ», и преблагополучно достигаетъ цѣли путешествія, Юнъ-Нана, возбудивъ живѣйшій восторгъ среди тамошняго населенія.

Благодаря энергіи смѣлаго изслѣдователя, добыча, казалось, сама давалась въ руки французамъ. Дюпюи, вернувшись въ Ганой, сейчасъ

Digitized by Google

же отрядилъ часть своей флотиліи, съ своимъ помощникомъ Милльо во главѣ, въ Сайгунъ—требовать снаряженія оффиціальной экспедиціи. Но французское правительство все еще не рѣшалось выходить изъ сферы «нравственнаго» содѣйствія. Вообще, за этотъ періодъ, нагляднѣе всего обнаружилась вся неспособность французовъ въ дѣлѣ колоніальной политики: отсутствіе выдержки и послѣдовательности; вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій постоянныя полумѣры; эффектно, но необдуманно начинаемыя предпріятія, никогда не доводимыя до конца; неразсчетливо предъявляемыя требованія и еще болѣе неразсчетливо дѣлаемыя уступки,—все это, поглощая массу денегъ и не принося ни малѣйшей пользы, только содѣйствовало паденію престижа французскаго имени на дальнемъ востокѣ. А тѣмъ временемъ аннамскіе мандарины не дремлятъ. Изстари враждебно расположенные къ французамъ и въ высшей степени ожесточенные противъ дерзкихъ пришельцевъ, задумавшихъ въ чужой странѣ распоряжаться, какъ у себя дома, они открываютъ противъ Дюпюи формальную войну. Туземцамъ запрещается доставлять съѣстные припасы европейцамъ; пытаются отравить воду; для уничтоженія флотиліи пускаются въ ходъ плоты съ горючими веществами; спутникамъ Дюпюи всюду устраиваются засады, а несчастныхъ тонкинцевъ, за ихъ склонность къ французамъ, подвергаютъ всевозможнымъ истязаніямъ. Но Дюпюи—отличный знатокъ востока. Онъ хорошо зналъ, что тамъ цѣнятся только смѣлость и физическая сила, что уважаютъ только того, кого боятся; а потому, избѣгая уступокъ, которыя повели бы его къ неминуемой гибели, онъ не прощалъ ни малѣйшаго оскорбленія, мстилъ чѣмъ могъ на каждомъ шагу мандаринамъ, и даже нанесъ имъ чувствительное пораженіе, разбивъ съ кучкой своихъ людей въ пухъ и прахъ цѣлую аннамскую армію.

Наконецъ является на выручку оффиціальная экспедиція, которую рѣшилось таки отправить французское правительство, подъ начальствомъ смѣлаго и рѣшительнаго офицера, Гарнье. Въ одинъ мѣсяцъ были заняты всѣ важнѣйшіе пункты страны и Тонкинъ оказался во власти французскихъ солдатъ, а вслѣдъ затѣмъ явилось въ Ганой и посольство изъ Гюэ отъ аннамскаго императора съ предложеніемъ мирныхъ условій (декабрь, 1873 г.). Но въ то время, какъ велись переговоры, Гарнье измѣннически завлекаютъ въ засаду и умерщвляютъ. Назначенный ему на смѣну начальникомъ экспедиціи, Филастръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на справедливое чувство негодованія, охватившее французское войско, миссіонеровъ и ихъ союзниковъ - тонкинцевъ, и на

Digitized by Google

всеобщее требованіе немедленнаго и примѣрнаго наказанія аннамцевъ за ихъ предательское умерщвленіе Гарнье,—преспокойно продолжаетъ вести начатые послѣднимъ переговоры и, наконецъ, заключаетъ договоръ съ Тудукомъ (январь, 1874 г.). Въ силу него, французамъ открываются 3 гавани на тонкинскомъ побережьѣ и предоставляется право держать тамъ незначительные гарнизоны и имѣть консула; съ своей стороны французы обязались очистить всѣ занятые пункты и оставить страну. Послѣднія условія были немедленно и пунктуально исполнены Филастромъ: къ неописанному ужасу несчастныхъ тонкинцевъ, черезъ два дня по заключеніи договора, французы постыднымъ образомъ продефилировали передъ торжествующими аннамцами. Внѣ себя отъ негодованія, Дюпюи спѣшитъ во Францію искать суда и защиты у своего правительства, но тщетно,—въ то время французы усердно культивировали систему recueillement. Теперь Дюпюи, нѣкогда милліонеръ, подарившій богатую колонію Франціи,—которой она, однако, не съумѣла воспользоваться,—разоренъ совершенно. Что касается аннамцевъ, то они по-свойски расправились съ беззащитнымъ тонкинскимъ населеніемъ за его содѣйствіе французамъ: всѣ селенія были сожжены, дѣти перебиты и около 10,000 тонкинцевъ обезглавлено.

Снова въ колоніальной политикѣ Франціи наступилъ періодъ затишья. Цѣлыхъ 9 лѣтъ, съ 1874—1882 г., Тонкинъ словно пересталъ и существовать для французовъ. А между тѣмъ, за все это продолжительное время, несчастная страна не выходила изъ-подъ террора. Аннамцы напустили на нее такъ называемыхъ «черныхъ флаговъ», которые безпрепятственно грабили жителей, творили всякія безчинства, забирали женщинъ и дѣтей, а потомъ торговали ими по китайскимъ берегамъ, словомъ, распоряжались полными хозяевами въ краѣ. Объ этихъ пресловутыхъ черныхъ флагахъ имѣется въ Европѣ весьма смутное представленіе. Одни считаютъ ихъ какимъ-то отдѣльнымъ воинственнымъ племенемъ, живущимъ въ тонкинскихъ горахъ, прилегающихъ къ Лаосу и Китаю; другіе—ставятъ ихъ въ соотношеніе съ тѣми, нѣкогда страшными морскими пиратами, которые еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія наводили ужасъ своими разбойничьими подвигами въ южныхъ водахъ китайскаго моря. Послѣднее, однако, совсѣмъ неправдоподобно. Морское разбойничество въ этихъ водахъ давно уже прекратилось; благодаря французскимъ и англійскимъ крейсерамъ, на прославленныхъ разбойничьихъ островахъ никакихъ пиратовъ болѣе не имѣется, а въ Тонкинскомъ заливѣ уже давно не видали ни единой разбойничьей

Digitized by Google

лодки. Вѣрнѣе всего, что черные флаги,—сбродъ авантюристовъ не только изъ мѣстныхъ туземцевъ и китайцевъ, но и изъ разныхъ европейцевъ, искателей приключеній и всяческой наживы; однако основное зерно такого сброда образуютъ участники послѣдняго (тайпингскаго) возстанія въ Китаѣ, бѣжавшіе послѣ ихъ разгрома въ предѣлы Аннамской имперіи. Главное ихъ занятіе—контрабанда опіумомъ, порохомъ и оружіемъ; но если разбой является дѣломъ болѣе прибыльнымъ и менѣе опаснымъ, то не брезгаютъ и разбоемъ. Въ числѣ этихъ разбойниковъ попадаются даже французы, въ особенности изъ дезертировавшихъ солдатъ. «Я зналъ,—разсказываетъ одинъ изъ французскихъ офицеровъ, хорошо знакомый съ краемъ,—нѣсколькихъ офицеровъ и моряковъ, которые пополнили собою ряды черныхъ флаговъ. Приманкою для всѣхъ служитъ быстрота наживы путемъ контрабанды. Въ какія-нибудь двѣ—три экскурсіи по Красной рѣкѣ, съ грузомъ пороха или опіума, можно нажить цѣлое состояніе, разумѣется, если не будешь убитъ. Эти разбойники имѣютъ сообщниковъ не только среди мелкихъ туземныхъ чиновниковъ, но и аннамскихъ и китайскихъ мандариновъ, и даже среди крупныхъ негоціантовъ изъ европейцевъ, проживающихъ въ Шанхаѣ, Сайгунѣ и другихъ городахъ. Благодаря своимъ связямъ, они всегда могутъ заранѣе узнавать о предпринимаемыхъ противъ нихъ мѣрахъ. Я зналъ въ Сайгунѣ отставнаго французскаго офицера, который въ теченіе многихъ лѣтъ, и почти на глазахъ у военныхъ и гражданскихъ властей, служилъ укрывателемъ и тайнымъ агентомъ черныхъ флаговъ. Наживъ себѣ прекрасное состояніе, онъ преспокойно удалился отъ дѣлъ и переселился въ Нью-Іоркъ, гдѣ и проживаетъ теперь зажиточнымъ рантьеромъ». Черные флаги—смѣлый и рѣшительный народъ, вооружены ружьями новѣйшихъ системъ и по сію пору доставляютъ французамъ немало серьезныхъ затрудненій.

Вотъ этими-то разбойниками и пользовались аннамскіе мандарины, чтобы душить и тѣснить несчастныхъ тонкинцевъ, пока вновь колоніальная горячка не обуяла французское правительство и оно, въ поискахъ за пошатнувшейся въ Европѣ славой, не вспомнило о Тонкинѣ. Въ мартѣ 1882 г. рѣшаются, наконецъ, послать новую экспедицію и начальникомъ ея назначаютъ энергическаго и храбраго офицера, Ривьера. Къ сожалѣнію, по примѣру прежнихъ экспедицій, отправляютъ слишкомъ недостаточное количество войскъ, да и самую экспедицію снаряжаютъ на-скоро, кое-какъ. На этотъ разъ тонкинцы, хотя и обрадовались появленію французовъ, какъ избавителей отъ ига аннамцевъ, но отка-

Digitized by Google

зались отъ всякаго дѣятельнаго содѣйствія, еще до сихъ поръ ощущая на себѣ тяжелыя послѣдствія поддержки, оказанной ими экспедиціи Гарнье, 9 лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ, дѣла Ривьера пошли очень хорошо. Съ трусливыми аннамцами справиться было нетрудно: онъ снова занимаетъ Ганой и, выждавъ подкрѣпленій, готовится идти на Намъ-Дингъ. Но тутъ опять выступаютъ на сцену черные флаги, и съ Ривьеромъ буквально повторяется то же, что и съ Гарнье: онъ попадаетъ въ засаду и съ частью своего отряда гибнетъ отъ руки смѣлыхъ разбойниковъ. Смерть Ривьера вызвала страшную сенсацію во Франціи, гдѣ рѣшились во что-бы то ни стало покончить съ наболѣвшимъ тонкинскимъ вопросомъ. Но прошло немалое время, пока удалось устроить новую экспедицію и, переждавъ дождливое время года, приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Только въ августѣ нынѣшняго года нанесено было, наконецъ, рѣшительное пораженіе аннамцамъ. Какъ водится, вся исторія закончилась заключеніемъ договора, въ силу котораго назначается французскій протекторатъ надъ Аннамомъ и, кромѣ разныхъ преимуществъ, выговоренныхъ себѣ Франціей, къ ея владѣніямъ въ Кохинхинѣ присоединяется еще одна сосѣдняя кохинхинская-же провинція.

Итакъ, судя по результатамъ, дѣло слѣдовало-бы теперь считать покончennымъ: Аннамъ побѣжденъ, пріобрѣтена новая территорія и престижъ возстановленъ; но въ сущности тутъ только и начинаются затрудненія. Первымъ дѣломъ, грозитъ столкновеніе съ Китаемъ, который считаетъ Аннамъ своимъ вассальнымъ владѣніемъ и, разумѣется, не захочетъ признать заключенный помимо согласія богдыхана новый договоръ. Война съ Китаемъ является въ предѣлахъ возможнаго. Положимъ, Китай самъ по себѣ не особенно страшенъ: войскъ у него хотя и много, но они едва-ли годны для дѣйствій противъ европейской арміи; къ тому-же, плохо вооружены, недостаточно дисциплинированы и лишены образованныхъ офицеровъ. Но за Китаемъ—цѣлая Европа. Война съ Небесной Имперіей, а въ особенности блокада ея портовъ, можетъ поставить Францію въ затруднительное, если не безвыходное положеніе относительно другихъ европейскихъ державъ и на первомъ планѣ—Англіи.

Уже при самыхъ первыхъ извѣстіяхъ о рѣшительныхъ видахъ французскаго правительства на Аннамскую имперію, англичанами овладѣла сильнѣйшая тревога, которая росла по мѣрѣ того, какъ осложнялись дѣла и приближалась опасность франко-китайскаго столкновенія. И въ самомъ дѣлѣ, послѣднее грозило-бы страшными бѣдствіями англійскимъ

Digitized by Google

торгово-экономическимъ интересамъ. По послѣднимъ даннымъ, ежегодный оборотъ Китая по внѣшней торговлѣ опредѣляется въ 1,200 мил. Въ этомъ оборотѣ Великобританія участвуетъ на 800 мил., изъ которыхъ 350 мил. приходится на вывозъ изъ Китая чая, шелка, сахара и пр.; 200 мил.—на ввозъ непосредственно изъ Англіи хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ матерій, металлическихъ издѣлій и всякихъ иныхъ фабричныхъ произведеній, да 250 милл.—на ввозъ опіума изъ одной только Остъ-Индіи; иными словами, на долю Англіи причитается 75% всей китайской внѣшней торговли. Сравнительно съ нею, ежегодный оборотъ франко-китайской торговли незначителенъ,—онъ едва достигаетъ 180 милл. Не мудрено послѣ этого, если Англія такъ страшится войны Китая съ Франціей и всячески старается умѣрить колонизаціонные порывы послѣдней. Но наибольшая опасность для положенія французовъ на побережьѣ Китайскаго моря можетъ грозить отъ нихъ-же самихъ. Въ самомъ дѣлѣ, легко можетъ случиться, что не сегодня—завтра колоніальный капризъ у французовъ пройдетъ, и они возстановивъ блестящей экспедиціей свой престижъ, успокоятся на лаврахъ и бросятъ дѣло на полдорогѣ, чтобы черезъ нѣкоторое время начать его съизнова? Все это въ натурѣ французскаго народа, и его колоніальная политика всегда страдала отсутствіемъ выдержки и какого-бы то ни было подобія системы. Французы сами это понимаютъ. Потому-то ихъ публицисты-патріоты такъ и стараются убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости радикальнаго рѣшенія тонкинскаго вопроса, почти умоляютъ ихъ быть настойчивѣе и послѣдовательнѣе въ разъ принятомъ направленіи. «Франція обязана, говорятъ они, докончить въ Тонкинѣ дѣло, начатое занятіемъ Кохинхины и установленіемъ протектората надъ Камбоджей, т. е. довершить учрежденіе колоніальнаго государства въ Индо-Китаѣ,—этого требуютъ ея высшіе интересы. Но необходимо, чтобъ чувство народное сопутствовало нашимъ солдатамъ, чтобы наша торговля и промышленность шли, какъ арьергардъ, вслѣдъ за ними, оказывая имъ поддержку и послѣдовательно занимая пріобрѣтаемыя позиціи: только при такихъ условіяхъ созидаются и процвѣтаютъ дѣйствительно національныя колоніи. Мы пошли въ Тонкинъ не покорять его, а чтобы пробить пути для нашей торговли и обезпечить ея свободу и безопасность».

Теоретически все это очень основательно, но, въ сущности, мало убѣдительно. Дѣло, которое дѣйствительно лежитъ въ интересахъ народа, не нуждается въ подобнаго рода рекламахъ и подстрекательствахъ. Разумѣется, разъ запутавшись въ Индо-Китаѣ, необходимо такъ

иначе разсѣчь узелъ и развязать себѣ съ честью руки, какихъ-бы силъ и средствъ это ни потребовало; но незачѣмъ обманывать себя насчетъ будущихъ благъ и разсчитывать на эксплуатацію богатыхъ колоній. Ничего такого не будетъ и быть не можетъ. Франція — вовсе не колоніальная держава и никакихъ колоній ей не нужно, а потому всякая политика, направленная къ пріобрѣтенію послѣднихъ, является затѣей пустой и убыточной, а подчасъ и опасной. И съ имѣющимися уже у нея немногими колоніями она не знаетъ, что дѣлать, такъ какъ онѣ если и приносятъ выгоды, то не ей самой, а другимъ. Всѣ же увѣренія въ необходимости новыхъ путей для французской торговли въ данномъ направленіи—оказываются пустыми фразами, несостоятельность которыхъ нетрудно доказать фактами.

Въ большинствѣ, если не во всѣхъ колоніяхъ Франціи, ввозъ французскихъ товаровъ играетъ далеко не первенствующую роль. Такъ, въ колоніи, сравнительно недавно пріобрѣтенной и, какъ утверждаютъ, имѣющей большую будущность, а именно въ Габонѣ, въ верхней Гвинеѣ, главнѣйшіе торговые дома — англійскій и нѣмецкій; въ Кохинхинѣ французы не въ силахъ противодѣйствовать конкуренціи англичанъ, нѣмцевъ и американцевъ; въ Сайгунскомъ портѣ наибольшее число приходящихъ судовъ падаетъ далеко не на долю Франціи. Назидательнѣе же всего, что именно въ Тонкинѣ ея торговыя дѣла и находятся въ наихудшемъ положеніи, какъ это видно изъ таможенныхъ данныхъ въ Хай-Фонгѣ, единственномъ портѣ долины Красной рѣки, имѣющемъ довольно значительное торговое движеніе. Хай-Фонгъ открытъ былъ Франціей для европейской торговли, въ силу договора, заключеннаго въ 1874 году съ Аннамомъ, послѣ уже извѣстныхъ экспедицій Дюпюи и Гарнье. Съ этого времени тамъ имѣется французскій консулъ и постоянный французскій гарнизонъ въ 100 чел. И что же оказывается? Въ ежегодномъ 20-милліонномъ торговомъ оборотѣ Хай-Фонга, Франція участвуетъ въ наименьшей долѣ. Изъ 100 судовъ, приходящихъ въ эту гавань, считается 35 англійскихъ, 23 китайскихъ, 20 американскихъ, 10 нѣмецкихъ, 6 голландскихъ и только 5 французскихъ. Вотъ въ какомъ положеніи находится въ этомъ краѣ французская торговля, ради эфемернаго процвѣтанія которой, уже нѣсколько десятковъ лѣтъ подъ рядъ, льется французская кровь и тратятся народныя средства. Уже теперь поговариваютъ въ административныхъ сферахъ о необходимости значительно усилить систему протекціонизма во французскихъ колоніяхъ: обложить высокими пошлинами ввозимые не французскіе продукты, оказать покро-

вительство какимъ либо торговымъ предпріятіямъ, дать привилегію французскимъ торговымъ обществамъ и т. п. Такими искусственными мѣрами можно только разорить колоніи, но не придать французской торговлѣ и промышленности то направленіе, котораго онѣ не имѣютъ, а въ данное время, вѣроятно, находятъ для себя и невыгоднымъ.

Итакъ, Франція въ интересахъ торговли пока не нуждается въ колоніяхъ; не нуждается она въ нихъ и ради отлива избытка населенія. Дѣло въ томъ, что такого избытка въ ней вовсе не ощущается, а сама она настолько богата, что можетъ прекрасно прокормить свое, хотя и значительное, но далеко не чрезмѣрно густое населеніе. Какъ извѣстно, ежегодный приростъ населенія во Франціи крайне незначительный; онъ, во всякомъ случаѣ, несравненно меньше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ Европы. Мало того, приростъ этотъ съ каждымъ годомъ становится все слабѣе и слабѣе, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ замѣчается даже убыль населенія. Здѣсь не мѣсто и не время входить въ объясненія такого страннаго и, безспорно, ненормальнаго явленія, порождаемаго, главнымъ образомъ, узко-буржуазной системой воздержанія отъ браковъ и въ бракахъ; но очевидно, пока неблагопріятныя условія не измѣнятся, пока во Франціи не будетъ ощущаться избытокъ въ населеніи, до тѣхъ поръ эмиграція послѣдняго въ колоніи будетъ немыслимой.

При такихъ обстоятельствахъ, погоня за колоніями, неразсчетливое саморазбрасываніе по ненужнымъ и рискованнымъ предпріятіямъ,—являются напрасной тратой силъ, которыя нужны Франціи для нея самой, а нынѣ нужны болѣе, чѣмъ когда либо, въ виду нарушеннаго германской гегемоніей равновѣсія въ Европѣ. Недаромъ, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ одни только нѣмцы, въ разсчетѣ на ослабленіе Франціи, какъ европейской державы, всячески одобряютъ и поддерживаютъ охватившую французовъ колоніальную горячку.

Digitized by Google

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Изслѣдованіе глубинъ океана.—Подробности объ ученой экспедиціи на бригѣ «*Travailleur*».—Жизнь на днѣ моря.—Новыя животныя формы.—Особенности ихъ организаціи.—Цвѣтъ ихъ наружныхъ покрововъ.—Отсутствіе растеній.—Температура морскаго дна.—Недостатокъ знакомства съ морскою фауною.—

Въ одной изъ предыдущихъ хроникъ, заговоривъ о фосфоресцирующихъ животныхъ, мы вскользь упомянули объ ученой экспедиціи, отправлявшейся на бригѣ «*Travailleur*» для изслѣдованія глубинъ океана. Экспедиція эта представляетъ такой животрепещущій интересъ, что мы считаемъ долгомъ подробнѣе ознакомить съ нею нашихъ читателей, пользуясь докладомъ, читаннымъ въ публичномъ засѣданіи парижской академіи наукъ однимъ изъ участниковъ ея, Альфонсомъ Мильнъ-Эдвардсомъ.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, знаменитый англійскій натуралистъ, Томасъ Белль, заканчивая свой трудъ о ракообразныхъ Великобританіи, льстилъ себя надеждою, что онъ вполнѣ исчерпалъ предметъ и что дальнѣйшія изслѣдованія могутъ прибавить очень немногое къ добытымъ имъ результатамъ. «Моря западной Европы,—говорилъ онъ,—изучены въ настоящее время настолько хорошо, что нужно отказаться отъ мечты найти въ нихъ еще какихъ нибудь неизвѣстныхъ животныхъ, которыя-бы ускользнули отъ нашего вниманія»... Какъ-бы удивился онъ тогда, еслибы ему сказали, что не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ изслѣдователи откроютъ въ нѣдрахъ морскихъ цѣлый міръ новыхъ, неизвѣстныхъ существъ, и что даже вблизи своихъ береговъ океанъ представляетъ неисчерпаемый источникъ всевозможныхъ живыхъ формъ, о существованіи которыхъ наука и не подозрѣваетъ!.. Говоря такъ категорически о невѣроятности дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ изученія морской фауны, Белль выражалъ только общепринятое тогда мнѣніе, что жизнь на значительныхъ водныхъ глубинахъ невозможна и что глубины эти обречены на постоянный мракъ, мертвую тишину и неподвижность. На сторонѣ этого мнѣнія, въ то время, стояли лучшіе научные автори-

Digitized by Google

теты, утверждавшіе, что условія среды на днѣ океана исключаютъ даже и мысль о существованіи тамъ какихъ-бы то ни было живыхъ организованныхъ формъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могутъ жить организмы подъ чудовищно-громаднымъ давленіемъ слоя воды въ нѣсколько тысячъ метровъ, при полномъ отсутствіи свѣта, при медленности обновленія воды, наконецъ, при недостаткѣ водорослей и вообще какихъ-бы то ни было растительныхъ веществъ?.. Такъ говорили ученые, ссылавшіеся, между прочимъ, на результаты изслѣдованій знаменитаго эдинбургскаго профессора, Эдуарда Форбса, который, на основаніи цѣлаго ряда изысканій въ Эгейскомъ морѣ, пришелъ къ тому заключенію, что животныя, очень многочисленныя близъ поверхности воды, становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, по мѣрѣ увеличенія глубины, и что ниже 450 метровъ не встрѣчается уже ни одного живаго существа. Такой взглядъ на распредѣленіе жизни въ морѣ настолько прочно укоренился въ умахъ, что его долго не могли поколебать и многочисленные факты, которые весьма недвусмысленно свидѣтельствовали объ его ошибочности, но которые, тѣмъ не менѣе, продолжали истолковываться въ смыслѣ господствовавшаго ученія. Такъ, когда капитанъ Россъ, а позже Велличъ, при морскихъ промѣрахъ, извлекли на канатахъ своихъ измѣрительныхъ приборовъ различныхъ животныхъ съ глубины болѣе 1,000 метровъ и когда фактъ этотъ получилъ извѣстность, то для объясненія его прибѣгли къ слѣдующимъ предположеніямъ: упомянутыя животныя могли, дескать, пристать къ зонду въ моментъ прохода этого послѣдняго въ поверхностныхъ водныхъ слояхъ, или-же зондъ извлекъ со дна трупы животныхъ, опустившихся туда послѣ своей смерти. Подобнымъ-же образомъ объяснялись и истолковывались всѣ другіе факты того-же рода... Но такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то наступилъ конецъ и упорству отрицанія въ интересующемъ насъ вопросѣ. Какъ разъ около этого времени началось сооруженіе морскихъ телеграфныхъ кабелей, для прокладки которыхъ потребовалось тщательное изученіе конфигураціи морскаго дна и свойствъ его, а также точное измѣреніе глубины моря, на которой должны были залегать подводные телеграфные проводы. Біологическая наука не замедлила воспользоваться этимъ счастливымъ обстоятельствомъ. Въ 1860 году оборвался кабель, проложенный между Сардиніею и Алжиромъ. Инженерамъ телеграфной компаніи стоило немалаго труда разыскать и выловить концы его со дна морской долины, глубиною болѣе 2,500 метровъ. Такъ какъ исправленіе и возстановленіе поврежденнаго кабеля требуетъ много времени и труда, и обходится

тому-же очень дорого, то, въ видахъ предупрежденія новой порчи, представлялось существенно важнымъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, почему кабель оборвался. Защитительная гуттаперчевая оболочка на извлеченныхъ съ морскаго дна концахъ кабеля оказалась покрытою множествомъ животныхъ, и вотъ естественно явилось предположеніе,—не эти-ли именно животныя и способствовали его разрушенію?.. Предположеніе это представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, что между низшими животными формами есть немало и такихъ, которыя, не смотря на свою видимую слабость и безобидность, способны просверливать даже самыя твердыя горныя породы. Тѣмъ легче могли онѣ источить и разрушить гуттаперчу!.. Для выясненія вопроса, кусокъ кабеля, облѣпленный животными колоніями, былъ доставленъ для изслѣдованія, между прочимъ, и А. Мильнъ-Эдвардсу, который былъ пораженъ представившимся ему при этомъ богатствомъ и разнообразіемъ живыхъ существъ, несомнѣнно развивавшихся и существовавшихъ на глубинѣ болѣе двухъ съ половиною верстъ... Такъ, между прочимъ, на кускѣ этомъ оказались цѣлыя семейства полиповъ, составленныя изъ индивидуумовъ всѣхъ возрастовъ и, въ своемъ основаніи, представлявшіе точный слѣпокъ поверхности кабеля... Какъ ни интересенъ былъ самъ по себѣ этотъ неожиданный фактъ, но онъ оказался еще интереснѣе, благодаря особенному характеру найденныхъ на кабельномъ отрѣзкѣ животныхъ. Одни изъ нихъ не представляли ни малѣйшаго сходства съ береговыми видами средиземно-морскаго бассейна и оказались совершенно неизвѣстными до того времени формами; образчики другихъ относились къ прежнимъ геологическимъ эпохамъ и были находимы, напр., въ пластахъ третичной формаціи въ Италіи и Сициліи, но ни разу еще не встрѣчались въ нынѣшнихъ моряхъ; третьи, наконецъ, хотя и были извѣстны зоологамъ, но считались величайшею рѣдкостью на прибрежьѣ Средиземнаго моря. «Такая масса драгоцѣнныхъ находокъ,—замѣчаетъ по этому поводу А. Мильнъ-Эдвардсъ въ своемъ докладѣ,—стоила телеграфнаго кабеля, и натуралистамъ нельзя, въ глубинѣ души, не пожелать, чтобы такія счастливыя для нихъ несчастія случались почаще»...

Хотя всѣ эти, въ высокой степени интересные факты и были въ свое время немедленно-же сообщены академіи наукъ; но, тѣмъ не менѣе, прошло цѣлыхъ двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ началось систематическое изученіе морскаго дна. Причины такого замедленія заключались главнымъ образомъ въ недостаткѣ средствъ для такого изученія у представителей

Digitized by Google

науки и въ безучастіи къ этому дѣлу государства, которое одно только и могло доставить эти средства, снарядивъ спеціальный корабль, снабженный всѣми необходимыми орудіями и приборами. Первыми выступили на этотъ путь правительства Швеціи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, а въ 1880 г. примѣру ихъ послѣдовало и французское правительство,—по предложенію министра народнаго просвѣщенія, снарядившее въ портѣ Рошфоръ бригъ «*Travailleur*» и предоставившее его въ распоряженіе ученой коммиссіи для изслѣдованія глубинъ океана. Въ составъ экспедиціи, плававшей на этомъ бригѣ, входили: А. Мильнъ-Эдвардсъ, Фоленъ, Вальянъ, Маріонъ, Перрье, Фишеръ, Сабатье и нѣсколько другихъ натуралистовъ.

Въ первый годъ, «*Travailleur*» ограничился изысканіями въ одномъ только Гасконскомъ заливѣ, причемъ успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія: съ первыхъ-же дней плаванія зонды, черпаки и другіе аппараты дѣйствовали какъ нельзя лучше и въ изобиліи доставляли изслѣдователямъ неизвѣстныхъ животныхъ съ глубины 3,000 метровъ (около трехъ верстъ). На слѣдующій годъ, поле изслѣдованія было расширено:—«*Travailleur*» крейсировалъ уже по всему западному бассейну Средиземнаго моря. Послѣдовательно были посѣщены берега Иберійскаго полуострова, Прованса, Корсики, Алжира и Марокко, причемъ одни драгоцѣнныя находки и пріобрѣтенія слѣдовали за другими. Наконецъ, въ теченіе минувшаго лѣта бригъ добрался уже до Канарскихъ острововъ, собравъ на пути еще болѣе богатую жатву, чѣмъ въ два предшествовавшіе года. Въ продолженіе этихъ трехъ компаній онъ, въ общей сложности, исколесилъ по морю болѣе 6,000 лье около (24,000 верстъ)...

Здѣсь было-бы неумѣстно пускаться въ подробное перечисленіе и детальное описаніе всѣхъ аппаратовъ и приборовъ, употреблявшихся экспедиціею въ дѣло. Замѣтимъ только, что наиболѣе существенными и вѣрными изъ снарядовъ были: аппараты для точнаго измѣренія глубины и изслѣдованія свойствъ морскаго дна, различной формы и величины черпаки и сѣти, которые при медленномъ влеченіи должны были собирать разсѣянныхъ по дну животныхъ; далѣе, термометры для опредѣленія температуры различныхъ водныхъ слоевъ и, наконецъ, особенные пріемники, устроенные такимъ образомъ, что могли закрываться въ извѣстный данный моментъ, и предназначенные для извлеченія образчиковъ воды съ различныхъ глубинъ. Такъ какъ вѣсъ всѣхъ этихъ снастей, съ цѣпями и канатами, на которыхъ онѣ погружались въ море, былъ слишкомъ великъ для ручной работы экипажа, то пришлось обратиться къ

Digitized by Google

помощи паровой машины, спеціально для этого поставленной на бригѣ. За три года плаванія, черезъ паровой воротъ прошло болѣе 1.200,000 метровъ (до 1,200 верстъ) каната!.. Глубина-же, до которой достигали черпаки и сѣти, превышала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—какъ напр. въ Гасконскомъ заливѣ,—5,000 метровъ... Скажемъ здѣсь кстати, что даже и съ этой страшной глубины изслѣдователямъ удавалось извлекать живыхъ животныхъ...

Операція погруженія и извлеченія снастей представляла немалыя трудности и могла съ успѣхомъ выполняться только при совершенно спокойномъ морѣ. Поэтому на «*Travailleur*'ѣ» тщательно слѣдили за состояніемъ неба, за направленіемъ и силою вѣтра, за колебаніями ртутнаго столба въ барометрѣ. Отъ этихъ наблюденій всецѣло зависѣлъ успѣшный ходъ работъ... Иногда опущенные снаряды зацѣплялись за что нибудь на днѣ, и тогда требовалось много ловкости, настойчивости и деликатныхъ маневровъ для освобожденія ихъ; при этомъ, малѣйшій порывъ вѣтра, малѣйшій подъемъ кормы судна волною могъ оборвать и безъ того уже черезчуръ натянутые канаты и, такимъ образомъ, причинить невознаградимую потерю. Съ какими предосторожностями выполнялись работы, это, между прочимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: драгированіе морскаго дна на глубинѣ 5,100 метровъ длилось не менѣе тринадцати часовъ!.. Начатое около полудня, оно было окончено не ранѣе трехъ часовъ утра слѣдующаго дня... Случалось иногда, что масса затраченнаго труда пропадала совершенно даромъ: то внезапно налетѣвшій шквалъ опрокидывалъ или даже и обрывалъ нагруженныя богатою добычею сѣти, когда онѣ были уже у самаго борта судна, то снасти выходили изъ моря совершенно пустыми, потому-ли, что не было достигнуто дно, потому-ли, что это послѣднее въ данномъ мѣстѣ было необитаемо... Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ результатъ поисковъ въ глубокихъ морскихъ долинахъ щедро вознаграждалъ изслѣдователей за всѣ ихъ усилія и изрѣдка выносимыя ими разочарованія.

Въ долинахъ этихъ, такъ долго ускользавшихъ отъ изслѣдованія, жизнь кишитъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Населяющія ихъ животныя не имѣютъ ничего общаго съ представителями видовъ, обитающихъ у береговъ или въ поверхностныхъ водныхъ слояхъ; — тамъ живутъ совсѣмъ другіе виды, странными формами своими немало поражающіе натуралистовъ. Въ океанѣ существуютъ, такъ сказать, два этажа, населенія которыхъ совершенно не смѣшиваются между собою: жильцы верхняго этажа не опускаются въ нижній и, наоборотъ, изъ

Digitized by Google

нижняго не поднимаются въ верхній, ибо такое перемѣщеніе невозможно по свойствамъ организаціи тѣхъ и другихъ, — организаціи, точно приспособленной къ условіямъ жизни на различныхъ глубинахъ. Сотни новыхъ, неизвѣстныхъ до того животныхъ формъ, извлеченныхъ со дна морскаго, пополнили пробѣлы между органическими типами, считавшимися совершенно различными, и тѣсно связали изъ между собою... И нужно замѣтить, что обитатели морскихъ глубинъ принадлежатъ далеко не къ какимъ нибудь зачаточнымъ, несовершеннымъ видамъ; нѣтъ,—между ними попадается много высокоорганизованныхъ представителей животнаго царства, каковы напр. рыбы. Такъ, у береговъ Португаліи, близъ устья рѣки Таго, «*Travailleur*» извлекъ съ глубины 1,500 метровъ двадцать акулъ, которыя по величинѣ своей относятся совсѣмъ къ другому виду, чѣмъ акулы, живущія у поверхности моря, никогда не покидаютъ своего глубокаго убѣжища и не встрѣчаются, поэтому, въ верхнихъ водныхъ слояхъ. — Ракообразные, молюски, зоофиты находятся тамъ въ большомъ изобиліи, причемъ нѣкоторые изъ нихъ отличаются по истинѣ колоссальными размѣрами, по сравненію съ представителями тѣхъ-же зоологическихъ группъ, живущихъ у прибрежья.

«Природа, — говоритъ А. Мильнъ-Эдвардсъ, — кажется, забыла въ глубинахъ моря нѣкоторыхъ животныхъ, которыя жили въ геологическія эпохи и которыя въ настоящее время являются послѣдними представителями былой фауны»... Въ самомъ дѣлѣ, по формамъ, найденнымъ на днѣ океана, можно очень далеко прослѣдить генеалогію нѣкоторыхъ видовъ. Въ виду множества чрезвычайно драгоцѣнныхъ для зоологіи океаническихъ находокъ, у натуралистовъ мелькнула было надежда на то, что въ океанѣ, можетъ быть, и до сихъ поръ еще живутъ существа, остатки которыхъ сохранились въ ископаемомъ видѣ въ первичной и вторичной формаціяхъ, и что тщательные поиски приведутъ, можетъ быть, къ открытію въ нѣдрахъ водъ живыхъ белемнитовъ, аммонитовъ и даже трилобитовъ... Правда, эта надежда не оправдалась на дѣлѣ; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не поразиться тѣмъ полнѣйшимъ сходствомъ, которое существуетъ, напр., между теперешними организмами, скрывающимися въ бездонныхъ морскихъ долинахъ, и тѣми, которыми характеризуется, такъ называемый, мѣловой періодъ. Микроскопическія животныя, извѣстныя подъ именемъ «дырочниковъ» (foraminiferae), залегаютъ на морскомъ днѣ въ такомъ громадномъ количествѣ, что образуютъ собою цѣлые пласты, совершенно подобные

Digitized by Google

мѣловымъ наслоеніямъ, напр., парижскаго бассейна. Черпаки «*Travailleur'a*» сплошь и рядомъ выносили на свѣтъ божій милліарды этихъ существъ; такъ, одинъ кубическій сантиметръ морскаго ила, извлеченный въ Гасконскомъ заливѣ, у береговъ Испаніи, съ глубины 1,100 метровъ, содержалъ въ себѣ болѣе 100,000 индивидуумовъ. Они тамъ живутъ, размножаются, умираютъ и своими мѣловыми скорлупками образуютъ мощныя залежи, въ которыхъ погребаются морскія звѣзды, губки и другіе обитатели глубинъ моря, въ далекомъ будущемъ имѣющія явиться въ формѣ ископаемыхъ.

Солнечный свѣтъ, какъ извѣстно, съ большимъ трудомъ проникаетъ черезъ толстые слои даже и вполнѣ прозрачной воды. Немудрено, поэтому, что уже на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, въ морѣ царствуетъ абсолютный мракъ. Спрашивается, какимъ-же образомъ находятъ себѣ дорогу и двигаются всѣ живущія тамъ, столь разнообразныя существа!.. Изслѣдованіе показало, что нѣкоторыя изъ нихъ совершенно лишены органа зрѣнія, двигаются ощупью и руководятся при своихъ передвиженіяхъ исключительно только осязательными, обонятельными и слуховыми впечатлѣніями, достигающими зато, благодаря необычайному развитію соотвѣтствующихъ органовъ, замѣчательной тонкости; такъ, щупальцы многихъ слѣпыхъ ракообразныхъ имѣютъ громадную длину, представляя собою нѣчто подобное посоху слѣпца. Другія-же животныя, напротивъ, снабжены чрезвычайно большими, ярко фосфоресцирующими глазами, играющими такимъ образомъ роль фонарей. Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что фосфоресцирующею способностью обладаютъ часто не одни только глаза, но и вся поверхность тѣла животнаго: — таковы напр. морскія звѣзды, вѣтвистые полипы и многіе другіе виды, свѣтящіеся въ темнотѣ. Какой силы и эффектности достигаетъ иногда эта фосфоресценція, объ этомъ мы уже имѣли случай упомянуть въ одной изъ предъидущихъ хроникъ.

Въ виду извѣстныхъ опытовъ ослѣпленія животныхъ, производившихся съ цѣлью наблюденія происходящихъ при этомъ измѣненій въ окраскѣ тѣла, въ наукѣ установилось мнѣніе, что существа, лишенныя зрѣнія, отличаются обыкновенно темнымъ цвѣтомъ покрововъ. Изслѣдованіе фауны морскаго дна доказало полную несостоятельность этого мнѣнія. Оказывается, что животныя, населяющія самыя мрачныя глубины океана, сплошь и рядомъ имѣютъ очень яркую, блестящую окраску; цвѣта: красный, розовый, фіолетовый и голубой представляютъ у нихъ весьма обыкновенное явленіе. Бо́льшая часть мелкихъ морскихъ раковъ,

Digitized by Google

кишащихъ въ водной глубинѣ, отличается роскошнымъ карминовымъ цвѣтомъ тѣла; громадныя голотуріи сверкаютъ, какъ аметисты чистой воды, а большая морская звѣзда, изяществомъ своей формы далеко превосходящая свою прибрежную родственницу, по своей великолѣпной оранжевой окраскѣ должна быть отнесена къ числу прекраснѣйшихъ перловъ природы.

Если животныя встрѣчаются на большихъ глубинахъ въ изобиліи, зато растенія тамъ совершенно отсутствуютъ; водоросли, со своею зеленою, красною или фіолетовою листвою, столь обыкновенныя у прибрежья, не могутъ жить при полномъ отсутствіи свѣта и потому никогда не опускаются на глубину, бо́льшую 250 метровъ. Такъ какъ животныя, обитающія на морскомъ днѣ, не могутъ сами вырабатывать себѣ пищу изъ однихъ неорганическихъ элементовъ, то возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ они тамъ питаются... Отвѣтъ простъ: пища животнаго и растительнаго происхожденія, мало-по-малу, доставляется туда изъ поверхностныхъ водныхъ слоевъ. Это единственное предположеніе, которое можетъ быть построено въ данномъ случаѣ,

Что касается температуры въ глубокихъ нѣдрахъ моря, то она постепенно понижается по мѣрѣ удаленія отъ поверхности. Такъ какъ по дну океана, въ направленіи отъ полюсовъ къ экватору, проходятъ холодныя полярныя теченія, то температура тамъ опускается почти до нуля. Вблизи Канарскихъ острововъ, термометры, опущенные съ «*Travailleur'a*» на глубину 4,000 метровъ, показывали всего только +2° Ц. (1, 6° Р.), въ то время какъ температура поверхностнаго слоя воды равнялась 25° Ц. Отсюда слѣдуетъ, что климатическія или, точнѣе, термометрическія условія существованія, столь разнообразныя и измѣнчивыя на берегахъ, становятся, на извѣстномъ разстояніи отъ водной поверхности, совершенно одинаковыми для всѣхъ географическихъ широтъ, и что одни и тѣ-же животныя могутъ обитать тамъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, какъ вблизи полюсовъ, такъ и у экватора, лишь бы только они не выходили изъ соотвѣтствующихъ имъ по температурѣ слоевъ воды. Не удивительно поэтому, что натуралисты, плававшіе на «*Travailleur*'ѣ», находили въ Гасконскомъ заливѣ или у береговъ Иберійскаго полуострова, рядомъ съ животными формами, свойственными, какъ думали прежде, одной только арктической фаунѣ, и представителей видовъ, характерныхъ для Антильскаго моря.

На этомъ мы и покончимъ рѣчь объ естественно-научной экспедиціи «*Travailleur*'а», которая обогатила науку массою новыхъ и въ высо-

Digitized by Google

кой степени важныхъ открытій и за которою, конечно, не замедлитъ послѣдовать, по проторенному ею пути, цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій.

По богатству и разнообразію видовъ, морская фауна не только не уступаетъ фаунѣ земной, но даже значительно превосходитъ ее; а между тѣмъ она изучена далеко еще не достаточно даже и у береговъ, не говоря уже о тѣхъ малодоступныхъ глубинахъ, о которыхъ мы только что вели рѣчь. Объясняется это сравнительною трудностью изученія морскихъ животныхъ. Лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, натуралисту стоило немалаго труда и немалыхъ денегъ добыть тотъ или другой морской животный видъ, необходимый для рѣшенія какой нибудь біологической задачи. Тогда ученый въ большинствѣ случаевъ вынужденъ былъ отправляться на берегъ моря, гдѣ требуемый видъ встрѣчается, нанимать тамъ судно, лодки, рыбаковъ, помѣщаться въ неудобномъ отелѣ, терять время въ безплодныхъ иногда поискахъ, останавливаться въ работѣ изъ-за неимѣнія подъ руками библіотеки или отсутствія нужныхъ аппаратовъ и реактивовъ, и сплошь да рядомъ возвращаться назадъ, такъ сказать, съ пустыми руками, не достигнувъ предположенной цѣли. Къ тому-же, подобныя экспедиціи обходились такъ дорого, что были совсѣмъ не по карману несостоятельнымъ людямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ громадное большинство представителей и жрецовъ науки. Въ настоящее время, положеніе значительно измѣнилось къ лучшему. Во многихъ пунктахъ на морскихъ берегахъ, а именно тамъ, гдѣ фауна всего обильнѣе и разнообразнѣе, устроены теперь постоянныя станціи, снабженныя всевозможными приборами и инструментами для изслѣдованія, микроскопами, реактивами, акваріями, спеціальными библіотеками,—однимъ словомъ, всѣмъ, что необходимо для біологическихъ занятій. Благодаря существованію такихъ станцій, научныя работы на морскомъ берегу стали теперь доступными большинству ученыхъ, которые могутъ смѣло отправляться на ту или другую станцію, зная наперед, что найдутъ тамъ и нужный матеріалъ, и всѣ необходимыя пособія. Какъ велики услуги, оказываемыя такими учрежденіями наукѣ, объ этомъ можно судить по богатству и разнообразію содержанія научныхъ изданій, выходящихъ изъ нихъ; стоитъ только пересмотрѣть, напр., *Archives de zoologie expérimentale*, Лаказа-Дютье, знаменитаго основателя и руководителя зоологической станціи въ Росковѣ (Roscoff, Франція, департаментъ Финистеръ), или *Mittheilungen*

Digitized by Google

профессора Дорна, создавшаго станцію въ Неаполѣ, чтобы наглядно убѣдиться въ той громадной роли, которую упомянутыя станціи играютъ въ современномъ научномъ движеніи.

Число морскихъ зоологическихъ станцій растетъ съ каждымъ годомъ. Въ настоящее время, станціи имѣются: въ *Неаполѣ*, на одномъ изъ *Балеарскихъ острововъ* (обѣ устроены Германіею, совмѣстно съ Италіей), въ *Вимерё* (Франція, Сѣверное море), *Росковѣ* (Франція, Бретань), *Конкарно* (Франція, близъ Ванна), въ *Виллефраншѣ* (близъ Ниццы), на одномъ изъ *Гіерскихъ острововъ* (близъ Тулона), въ *Марсели*, *Сетѣ*, *Баніюль-сюръ-Мерѣ* (департаментъ Восточныхъ Пиренеевъ), *Аркашонѣ* (близъ Бордо), *Тріестѣ* (Австрія) и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, что̀ такое представляетъ собою морская зоологическая станція, мы опишемъ въ слѣдующей нашей хроникѣ самую обширную и самую богатую изъ нихъ, а именно неаполитанскую станцію, основанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитымъ натуралистомъ, профессоромъ Дорномъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Императорскаго Московскаго Университета.

Въ октябрѣ 1879 года, русская наука понесла великую утрату въ лицѣ заслуженнаго профессора московскаго университета, автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ среды самого университета, такъ и со стороны многочисленныхъ почитателей покойнаго, разсыпанныхъ по всей Россіи, не прекращались заявленія о необходимости выразить уваженіе къ его многолѣтней и плодотворной дѣятельности наиболѣе соотвѣтствующимъ ея характеру способомъ. Заявленія о томъ поступали не только отъ ученыхъ учрежденій и обществъ, изъ которыхъ во многихъ покойный Соловьевъ былъ почтеннымъ членомъ, но и отъ людей, посвятившихъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности. Память покойнаго, какъ ученаго, такъ много и съ такою славою трудившагося для науки и Россіи; его заслуги, какъ писателя, всѣми признанныя и высоко цѣнимыя; его благородный образъ мыслей и дѣйствій и его просвѣщенный взглядъ на современные вопросы русской жизни; его благотворное участіе въ воспитаніи многихъ поколѣній (съ 1845 по 1879 г.) русскихъ студентовъ; высокій примѣръ самоотверженной преданности и безграничной любви къ наукѣ и отечественному просвѣщенію— все это побуждало людей, питавшихъ уваженіе къ памяти покойнаго, ходатайствовать объ учрежденіи при московскомъ университетѣ, какъ мѣстѣ его постояннаго служенія, стипендіи и преміи за лучшія историческія сочиненія, имѣющихъ раздаваться отъ его имени.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора добровольныхъ пожертвованій на составленіе капитала для учрежденія при московскомъ университетѣ стипендіи и преміи имени С. М. Соловьева.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, московскій университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей покойнаго доставлять свои пожертвованія въ правленіе университета съ обозначеніемъ: назначаются-ли предлагаемыя ими пожертвованія на стипендію и премію вмѣстѣ, или только на которую нибудь изъ нихъ. Такъ какъ дѣятельность покойнаго обращена была на пользу русскихъ людей многихъ поколѣній и не останется безъ благотворнаго вліянія на людей поколѣній будущихъ, то московскій университетъ съ равною признательностью приметъ и посильное приношеніе отъ учащихся, и пожертвованіе отъ людей, какъ воспитавшихся на сочиненіяхъ С. М. Соловьева, такъ и бывшихъ свидѣтелями первыхъ успѣховъ его на литературномъ и педагогическомъ поприщѣ.

Digitized by Google

Отъ Редакціи

„НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ отъ 2-го изданія, экземпляры журнала за прошлый годъ редакція высылаетъ по уменьшенной цѣнѣ, *т. е. за 10 р.* (вмѣсто 14 р.) съ перес.

Въ журналѣ помѣщены, въ теченіе года, слѣдующіе оригинальные романы и повѣсти: **П. Лѣтнева**—Современный недугъ; **Д. И. Стахѣева:** Торжество правосудія; **В. Л. Маркова:** Однодворцы; **Е. Ближнева:** Къ одному концу; **Ю. Г. Зависѣцкаго:** Фетишъ; **О. Правдина:** Владычный обзоръ; **А. Лякидэ:** Хересъ, а не мадера. Переводные романы и повѣсти: **Э. Гонкура**—Фостэнъ; **Ж. Валлеса:** Баккалавръ; **Вернера:** Эгоистъ; **І. Крашевскаго:** Братья Рамулты; **І. фонъ-Деваля:** Дипломатія и любовь.—Научно-литературныя статьи: **В. И. Сергѣевича**—Опыты изслѣдованія обычнаго права; **А. Ѳ. Кистяковскаго:** О преступленіяхъ противъ вѣры; **Е. П. Карновича, В. О. Михневича, П. И. Бларамберга, П. Д. Боборыкина, В. Я. Стоюнина, Г. Градовскаго, Л. К. Попова, М. Л. Песковскаго, С. С. Шашкова, Барона Корфа, Ѳ. И. Леонтовича, Е. Е. Карцева, И. Е. Андреевскаго, Р. И. Сементковскаго** и проч.—Фельетоны: **И. Ф. Василевскаго,** (*Буквы*). Стихотворенія: **Немировича-Данченко, Пальмина, Минскаго, Быкова, Круглова, Трефолева, Мизантропова, Ф. Андреева, Омулевскаго** и проч. и пр.

Журналъ «Наблюдатель» издается въ 1883 г. на прежнихъ основаніяхъ. Годов. цѣна 14 руб. съ перес. Главная контора: Спб., Поварской переул., № 5.

Въ главной конторѣ Редакціи продается новая книга:

Сборникъ иностранныхъ романовъ,

Изд. Ред. «Наблюдателя», ц. 2 руб., перес. за 2 ф.; для подписчиковъ «Наблюдателя»—1 р. 50 к. съ перес.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

		Стр.
I.	Избранникъ сердца. Романъ. Д. И. Стахѣева.	3
II.	Еврейская колонизація на югѣ Россіи и ея результаты. М. В. Неручева.	65
III.	Крикетъ. Романъ Л. Галеви. (Окончаніе)	84
IV.	Апостолы. Стихотвореніе. Л. Пальмина	124
V.	Кошмаръ. Романъ Ю. Г. Зависѣцкаго.	125
VI.	Флоберъ по воспоминаніямъ Максима Дюкана. (Окончаніе).	166
VII.	Два стихотворенія. П. Синицкаго	195
VIII.	Носить съ честью. Романъ М. С. Б. (Окончаніе).	197
IX.	Памяти И. С. Тургенева. Стих. А. Линдегренъ.	264

Современное обозрѣніе.

X.	Наши внутреннія дѣла	1
XI.	Политическая хроника	26
XII.	Научная хроника.	44

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ ШКОЛА

Въ 1883 ГОДУ.

(пятнадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярiи по учрежденiямъ Императрицы Марiи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя и учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ, и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» издается въ 1883-мъ году на прежнихъ основанiяхъ, при участiи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованiю.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторiя народнаго образованiя.** IV) **Критика и библiографiя.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнiю» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцiй—систематическiй обзоръ (подъ названiемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленiй въ области народнаго образованiя въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованiя въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«разныхъ извѣстiй»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнiя по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенiя** къ журналу, куда входятъ: а) политическiя извѣстiя для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событiяхъ за границею; б) чтенiя для народа по всѣмъ предметамъ знанiя и пр.

Въ прошломъ году, въ «НАРОДНОЙ ШКОЛѢ» принимали участiе своими трудами: *гг. Акатовъ, д-ръ А. С. Виренiусъ, В. П. Воленсъ, Т. В. Докучаевъ, В. Э. Иверсенъ, д-ръ Ивинъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, П. Мочульскiй, Я. Т. Михайловскiй, П. Новицкiй, С. Нурминскiй, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, И. С. Ремезовъ, Н. Смирновъ, И. О. Фесенко* и друг.

Въ распоряженiи редакцiи имѣется много новыхъ матерiаловъ, которые частiю вошли въ первыя девять книжекъ (январь—сентябрь).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» выходитъ въ 1883 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками, отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложенiями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», Поварской переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета. Редакцiя отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтенiе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакцiя предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13½ р. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1883 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

Редакторъ-издатель **А. Пятковскiй**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо сообщать *старую печатную бандероль* или же нумеръ билета, и при каждомъ заявленіи прилагать 3 семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и посылками*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. 7) Для личныхъ объясненій съ редакторомъ, просятъ обращаться по воскреснымъ днямъ отъ 1 до 2 ч. дня въ Главную Контору (Поварской, № 5). 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5** *и* **20 числа.** *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google